

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Т. Г.
ШЕВЧЕНКО

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

*Соборная
Библиотека*

¶

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 4

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

СТИХОТВОРЕНИЯ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Вступительная статья

М. Полякова

Подготовка текста

А. Прокофьева и Н. Брауна

Примечания И. Айзенштока

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

1

«История моей жизни, — говорится в автобиографии Шевченко, — составляет часть истории моей родины». И действительно, Шевченко — поэт, художник, революционер, мыслитель — это символ народной Украины. Из сорока семи лет своей жизни Шевченко на свободе провел только тринадцать. Тем более удивительны огромная творческая сила, энергия и настойчивость, которые проявил поэт в невиданно тяжелых условиях жизни крепостного и сланного в солдаты политического преступника, чтобы заложить фундамент украинской освободительной мысли и реалистической литературы.

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта (н. с.) 1814 года, в селе Моринцы Киевской губернии, в семье крепостного. Родители Шевченко, крепостные помещика П. Энгельгардта, жили в безысходной бедности. Когда Тарасу было три года, они переселились в соседнее село Кирилловку. Мать поэта умерла тридцати пяти лет. А вскоре умер и отец. Двенадцати лет Шевченко остался круглым сиротой.

Жадность к знаниям, рано пробудившийся интерес к песне и живописи, пытливость, независимость и самостоятельность характера отличали Шевченко с малых лет. Оставшись сиротой, Шевченко приютился в школе, у приходского дьячка. Здесь, прислуживая пьяному дьячку, он выучил букварь, научился читать псалтырь. Позднее он попал к другому учителю — горькому пьянице и самодуру дьячку Петру Богорскому. От него перешел к дьякону, затем к иконописцу-маляру. Но Шевченко не пришлось и здесь пройти «науку». Управляющий зачислил пятнадцатилетнего подростка в дворовую челядь.

В 1831 году Шевченко вместе со своим баринном П. Энгельгардтом попал в Петербург. Энгельгардт отдал своего крепостного живописных дел мастеру Ширияеву «в аренду» на четыре года. Четыре года служения у Ширияева прошли не без пользы для восемнадцатилетнего Шевченко. Артель Ширияева выполняла довольно сложные живописно-декоративные работы, и Шевченко очень скоро занял в ней выдающееся место. В те годы Петербург был центром передовой русской литературы, искусства и науки. Памятники русского искусства и истории, кипучая идейная и художественная жизнь прогрессивных кругов демократической интеллигенции необычайно расширили кругозор юного крепостного маляра. По воспоминаниям И. К. Зайцева, на вечерах у Ширияева Шевченко слушал чтение произведений Пушкина и Жуковского. Здесь, в Петербурге, в Летнем саду, Шевченко встретился с украинским художником Сошенко, который принял горячее участие в судьбе одаренного юноши.

Новые друзья крепостного художника решили помочь ему поступить учиться в Академию художеств. Для этого нужно было прежде всего освободить Шевченко от крепостной зависимости. Но крепостник и самодур П. Энгельгардт, которого К. Брюллов назвал «самой крупной свиньей в торжковских туфлях», не хотел расставаться с талантливым крепостным, сулившим большие доходы. Помещик назначил непомерно большую по тем временам цену за Т. Шевченко — 2500 рублей. Брюллов написал портрет Жуковского, который был разыгран в лотерее. Деньги пошли на освобождение Тараса Григорьевича. 22 апреля 1838 года Энгельгардт подписал отпускную крепостному художнику.

Шевченко стал студентом Академии художеств по классу Брюллова. Вскоре он сделался одним из его самых близких учеников и товарищей. Двадцатичетырехлетний художник вошел в круг литературных, художественных и научных интересов. Особенно сильное влияние оказали на него А. Г. Венецианов и К. П. Брюллов, энергично и резко ведущий борьбу с академической рутинной, штамповой и казенщиной. Создатель «Гибели Помпеи» и патриотической «Осады Пскова», К. П. Брюллов был человеком передовых общественных и эстетических взглядов. Крепостное право К. П. Брюллов клеймил как варварство. В эти годы Шевченко познакомился с классическим наследием мировой и русской литературы: произведениями Шекспира, Пушкина, Шиллера, Вальтера Скотта и многих других. Он вошел в мастерскую «Великого Карла», как называли К. П. Брюллова, крепостным маляром, а вышел художником-реалистом с необычайно широким кругозором и значительной образованностью. Здесь, у Брюллова, он стал с веком наравне. «Не было книжки живой и живо-

творящей, которая, попав ему в руки, лежала бы непрочитанной, — вспоминает современник. — Пушкина он знал на память, а Шекспира возил с собою куда бы ни поехал». Современники дивились его развитию и разнообразию его знаний. В автобиографической повести «Художник» Шевченко называет десятки выдающихся творений мировой литературы и вспоминает о прослушанных лекциях по химии, физике и физиологии известных профессоров того времени.

Годы напряженного учения в Академии художеств подошли к концу. Шевченко уже получил за свои работы три серебряные медали. Но уже в эту пору он ясно сознавал, что его призвание — литература, поэзия.

«Странное, однакож, это всемогущее призвание, — отмечал он впоследствии. — Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того... я сочинял стихи...»

Завязываются и крепнут его связи с украинскими писателями, и в особенности с Е. П. Гребенкой и отцом украинской прозы Квиткою-Основьяненко. В 1840 году выходит «Кобзарь», следом за ним появляются стихи в альманахах и журналах, печатается отдельным изданием поэма «Гайдамаки».

1843 год стал знаменательной датой в биографии поэта. После длительного перерыва Шевченко приехал на короткий срок на Украину. В сентябре этого года он побывал в родной Кирилловке, пожил у брата Никиты — попрежнему крепостного крестьянина — и повидал горемычных своих земляков, родных и близких.

«Был я на Украине, — писал он своему приятелю украинскому писателю Кухаренко, — везде был, и везде плакал». Во многих его зарисовках и рисунках и особенно в стихах этого времени запечатлена темная, горькая жизнь закрепощенной Украины. В начале 1844 года Шевченко вернулся в Петербург обуреваемый ненавистью и горем. Он задумывает издание художественной энциклопедии народной жизни и поэзии — «Живописная Украина», выпускает второе издание «Кобзаря» под названием «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки» (1844).

22 марта 1845 года, окончив курс в Академии художеств, Шевченко был удостоен «звания некласного художника» с правом «пользоваться с потомством его вечною и совершенною свободою и вольностью». Весной того же года Шевченко вновь едет на Украину для «художественных занятий». Здесь он остается до 5 апреля 1847 года.

Годы петербургской жизни явились временем идейного и творческого самоопределения Шевченко. Молодой писатель уже первой книгой заставил украинскую литературу повернуться лицом к народу,

к реальной жизни, к неисчерпаемым сокровищам народной поэзии. «Кобзарь» был ярким проявлением мощи, красоты, галантности народа, могучих сил, таящихся в его глубине и сдавленных обручем крепостного права. Неутомимая, самоотверженная борьба украинского и русского народа с угнетателями, воспоминания о героическом прошлом и осознание ужасов крепостного строя помогли Шевченко уже на первых порах его поэтической деятельности сказать новое слово в литературе. В его творчестве нашли яркое воплощение настроения и чаяния широких масс крестьянства. Он стал могучим поэтическим голосом подъяремного трудового люда.

Вольнолюбивые настроения поэта складывались под влиянием окружающей его феодально-крепостнической действительности и передовой русской культуры. Он видел не только страшный разгул «панской неправды» — гнета и насилия, но и зреющий народный гнев, яростную ненависть «холопов» к своему помещику.

В сороковые годы XIX века необычайно возрастает эксплуатация крестьянского труда, идет процесс обезземеливания крепостных. Разорение, обнищание, непосильный труд, жестокие наказания вызывают резкий протест все более широких масс крепостных крестьян на Украине и в России. В родном селе Шевченко Кирилловке две трети крестьян не имели земельных наделов и были безлошадными. Крестьянские побегі, массовое переселенческое движение, убийства помещиков и поджоги имений, бунты целых селений — таковы разнообразные формы антикрепостнической борьбы крестьянства. Доведенные до отчаяния крестьяне мстили своим вековым угнетателям. Не заметить этого роста освободительных настроений было невозможно. По официальным данным, в годы детства и отрочества Шевченко (с 1814 по 1826 год) в России было более 200 крестьянских восстаний, а в период с 1826 по 1854 год в России насчитывалось 712 крестьянских восстаний. Особенно грозным было крестьянское движение на Волыни и в родных местах Шевченко — на Киевщине. Недаром впоследствии внимание Шевченко привлекла фигура Устима Кармелюка, под руководством которого украинские крестьяне боролись с 1812 по 1835 год.

Подъем крестьянского движения приводил к обострению политической и литературной борьбы передовой демократической России с Россией реакционной.

Тридцатые годы XIX века, когда начал свою поэтическую деятельность Шевченко, были эпохой мучительных и героических исканий новой революционной теории. Разгром декабристского движения с неопровержимой очевидностью раскрыл ограниченность дворянской революционности. «Не оставалось никаких иллюзий, — писал впо-

следствии Герцен, — народ остался равнодушным зрителем 14 декабря. Всякий добросовестно мыслящий видел ужасное последствие полного разрыва народной России с Россией европеизованной. Между двумя лагерями порвалась всякая связь, — необходимо было ее восстановить, но как, каким образом?»¹

Величайшие русские писатели, гениальные реалисты поняли историческую потребность времени. В произведениях Пушкина, Гоголя, а позднее Лермонтова появилось изображение народа, изображение народных движений. В их произведениях выступает ясное сознание великой роли народной массы в истории нации, в создании духовной культуры. Они пытались перешагнуть через пропасть, отделяющую дворянского писателя от народа. Тем самым великие русские реалисты объективно помогали всем представителям передовой общественной мысли преодолеть разрыв с народом, раз и навсегда решить тот мучительный «великий вопрос», о котором говорил Герцен. Великие писатели раскрыли духовный мир того трудового люда, от которого так трагически далеки были декабристы. На этой-то основе и были сделаны вождем и зачинателем революционно-демократической идеологии Белинским решительные политические выводы.

В этот значительный исторический момент в жизни всей России, когда только формировалась революционно-демократическая идеология, появились произведения Шевченко, в которых сам мужик заговорил о себе, о своих страданиях и чаяниях. «Я по плоти и духу, — писал незадолго до смерти поэт, — сын и родной брат нашего несчастного народа...» Неоценимым счастьем для Шевченко было то, что именно в годы рождения нового общественного движения он находился в Петербурге, в центре русской культуры. Знакомство с произведениями Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, Белинского, связь с Брюлловым и Щепкиным помогли Шевченко стать зачинателем революционно-демократического течения и основоположником художественного реализма в украинской литературе. Важнейшим моментом его творческой биографии явилось то обстоятельство, что он начал свою литературную деятельность под знаменем русского искусства и русской общественной мысли, под знаменем Пушкина, Гоголя и Белинского. Вот почему в 1850 году, благодаря приятеля за присылку томика сочинений Лермонтова, он писал:

Ти переслав мені в неволю
Поэта нашего, — на волю
Мені ти двері одчинив.

¹ А. И. Герцен. Избранные сочинения. М., 1937, стр. 393.

Шевченко начал писать стихи, по собственному признанию, в 1837 году. На допросе в III отделении он назвал своим первым произведением «Катерину». Однако, по всей видимости, наиболее ранним из дошедших до нас произведений является баллада «Порченая». Данные, опубликованные в последние годы, свидетельствуют, что поэтическая деятельность Шевченко началась за несколько лет до освобождения из крепостной неволи (в 1835—1836 годы), но до нас не дошли эти первые опыты Шевченко-поэта. В 1839 году он подготовил для выпуска в свет первый сборник своих произведений «Кобзарь». В начале 1840 года «Кобзарь» вышел из печати. Почти одновременно поэт передал Е. Гребенке цикл более ранних произведений и первый раздел «Гайдамаков» для публикации в альманахе «Ластівка». Наиболее раннее произведение, «Порченая», и появилось в нем.

Необычайно строгий и требовательный к себе, Шевченко включил в «Кобзарь» (1840) только восемь стихотворений, написанных в 1838—1839 годах, но эта небольшая книжечка открыла новый поэтический мир.

Шевченко вошел в украинскую литературу и поэзию в годы ее значительного художественного расцвета. В произведениях украинских писателей конца XVIII — начала XIX века отразился живой интерес к народной жизни, стремление утвердить народную речь в качестве основы литературного языка.

Сильное влияние на Шевченко оказал, например, поэт и драматург И. П. Котляревский. Автор ирон-комической поэмы «Энеида», «Песни под новый 1805 год», «Оды к князю Куракину», социально-бытовых пьес «Москаль-чародей» и «Наталка Полтавка», Котляревский, как сторонник просветительских идей, не выступал против основ самодержавно-крепостнического строя, но произведения этого автора рисовали сатирическими красками украинское панство, его корыстолюбие, паразитизм, враждебность народу. В «Энеиде» правдиво показана социальная действительность Украины конца XVIII века. Тенденция к реализму и народности, наметившаяся в творчестве Котляревского, продолжена в «Малороссийских повестях» Квитки-Основьяненко и замечательных баснях Гулак-Артемовского и Е. Гребенки.

Однако в 30—40-х годах XIX века против реалистических тенденций передовых украинских писателей выступили реакционные дворянские поэты — В. Забила, А. Метлынский, Л. Боровиковский.

А. Афанасьев-Чужбинский, а впоследствии представители украинской либерально-националистической буржуазии — П. Кулиш, Н. Костомаров и другие. В своих произведениях они идеализировали украинское село, избегали жгучих общественных проблем, поэтизировали узкие и косные националистические идеалы.

Такою застал Шевченко украинскую литературу, когда в конце 30-х годов начал свою поэтическую деятельность. Шевченко явился основоположником новой украинской литературы, сыграв в ней почти ту же роль, что Пушкин в русской литературе; восприняв и продолжив лучшие традиции своих украинских предшественников, сочетав их с величайшими достижениями русской литературы и животворным опытом народной поэзии, Шевченко создал бессмертные по своему идейному и художественному значению произведения и вывел украинскую литературу на путь реализма.

Шевченко не случайно назвал свой первый сборник стихов именем народного певца — кобзаря. Это был вызов господствующей дворянской литературе, вызов писателя, ясно понимавшего демократическую природу своей литературной позиции. В одном этом названии сказались и гениальность и новаторство Шевченко, разрывавшего с традициями дворянской литературы. Передовая русская и украинская литература пыталась преодолеть стену, отделявшую народ от писателя, мешавшую раскрыть внутренний духовный мир народа. Шевченко-поэт — это сам народ, это его творчество, только творчество новое, возвысившееся до понимания общественных противоречий. Новаторство Шевченко в том и состояло, что в его книге народ сам заговорил о себе, но заговорил устами человека из народа, овладевшего высотами культуры.

Образ кобзаря проходит через все поэмы и стихотворения книги. Его голос звучит уже в первых строках запева:

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!

В стихотворении «Перебендя» поэт создает песенный образ старого, хилого кобзаря, могучего в своей любви к народу и поэзии:

Он шатается повсюду
С кобзой да играет.
Кто играет, того знают,
Любят, уважают.
Сам кручинится, а людям
Горе разгоняет.

Образ старца, приютившегося на высоком кургане и в одиночестве беседующего с природой, вырастает в поэтический символ народной поэзии.

А дума орлом сизокрылым летает
И небо лазурное крыльями бьет;
Подымается к солнцу, летит, вопрошает,
Где солнце ночует, как солнце встает...
...И снова на небе, подальше от горя,
Затем, что на свете нет места, угла
Тому, кто все знает, кто все чует...

В «Украинских мелодиях» Н. Маркевича (1831), в балладах Л. Боровиковского и А. Могила (Метлынского) кобзарь — символ прошлого гетманской Украины. У Шевченко — он сын самого народа, его слава и радость, исторически сложившийся в сознании народа образ мудрого певца и соучастника его исторической жизни. Таким является кобзарь в «Тарасовой ночи», в «Гайдамаках» и других произведениях молодого поэта. Знаменательно, что образ кобзаря часто сливается с лирическим образом самого автора. В этом свете ясно принципиальное значение названия первого сборника стихов Шевченко. Голос самого угнетенного мученика, его думы и чаяния, его язык зазвучали с необычайной силой. На первое место поставил поэт горе народное, оно стало главной темой его лирики и поэм, определило строй поэтической речи:

А я... А я...
Только горько плачу,
Только плачу об Украине...
А слов не хватает...
А про горе... Да чур горю!
Кто его не знает?!
А кто пристально посмотрит
На людей душою —
Ад ему на этом свете..

Ранние стихотворения Шевченко близки к народной поэзии и своими темами, и образами, и певучим песенным ладом. В первых же его произведениях обнаружилась неотразимая прелесть мелодичных, песенных стихов, неподдельной народной речи. И в образе несчастной девушки, полюбившей казака и гибнущей от любви, и в образе буйного Днепра, и в изображении жаркой украинской степи запечатлелись родные народу темы и мотивы.

Баллада «Порченная» недаром вошла в народный песенный репертуар. Это объясняется не только тем, что в основе ее лежит рас-

пространенный фольклорный сюжет о разлуке казака с любимой. Центр тяжести Шевченко перенес с традиционного сюжета на психологический портрет героини. Самоотверженное и чистое, поглощающее все существо человека чувство трагически передано в этой балладе. Шевченко утверждает право человека на счастье, в ней беспощадно звучит вопрос поэта: «за что их убили?» В балладе сочетались повествовательные и лирические моменты, она насыщена народно-песенными мотивами. Особенно важно отметить характер лирических отступлений, являющихся внутренними монологами героини. Это и придает напряженность движению сюжета, создает насыщенность психологического рисунка.

Одной из причин стремительного художественного развития Шевченко являлось глубокое и творческое освоение им передовых традиций русской литературы. Начав свой путь с тех высот, которые уже были достигнуты прогрессивной русской литературой, вобрав всю силу национальных традиций, Шевченко смог сразу сделать огромный шаг вперед в художественном развитии украинского народа. Еще декабристы подняли важнейшие темы украинской и русской литературы и оказали значительное влияние на Котляревского и других передовых деятелей Украины. Именно они начали развивать тему национально-освободительного движения на Украине. В романе Ф. Глинки о Богдане Хмельницком, в поэмах и думах К. Рылеева выдвинута важнейшая тема украинской истории — патриотическая. Еще глубже проблема гражданского патриотизма на украинском материале художественно поставлена Пушкиным. Вслед за ними подходит к украинской теме и Гоголь. «Поэт действительности», Гоголь в своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Тарасе Бульбе» стремится воплотить народный украинский характер. Новаторское решение проблемы изображения жизни народа, широта и глубина изображения действительности обусловили величайшее влияние Гоголя на всю последующую русскую и украинскую литературу. Декабристы выдвинули героя — одинокого борца с обществом, а Гоголь поставил в центре сам народ, его бытие и деяния, его воззрение на мир. Его статья о «Малороссийских песнях» имела принципиальное значение для развития реалистического понимания народной жизни и народного характера, в том числе и для поэтического дела Шевченко. «Везде в них дышит эта широкая воля казацкой жизни», — пишет Гоголь о народной песне. Он видит в народной песне «признак развития народного духа, идеи деятельной, беспокойной жизни».¹

---

¹ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII. Л., 1952, стр. 91.

В своем подходе к народному творчеству Шевченко был близок к тому, что искал в фольклоре Гоголь, а впоследствии теоретики революционной демократии — Белинский, Некрасов, Чернышевский. В народном творчестве Шевченко находил прежде всего, чем живет народ, в чем состоят его заветные желания. «Наша дума, наша песня Не умрет, не сгинет. . .», — писал поэт, видя в песне правду жизни и дум народа. В своем «Кобзаре» он как бы осуществил мечту Гоголя о слиянии народной поэзии с литературой.

В предисловии к изданию «Кобзаря», которое Шевченко готовил в 1847 году, он прямо формулировал свою подлинно демократическую эстетическую позицию: нельзя писать о народе, не зная его духовной культуры, не зная его творчества, в котором особенно полно отразились история и современность, миропонимание народа. В песнях и думах раскрывается народная жизнь, ясно высказанный национальный характер, взгляд на все явления социальной, общественной и частной жизни. В этой связи он оценивает предшествующую ему литературу: «Прочитали себе по складам «Энеиду», да пошатались вокруг шинка, да и думают, что вот когда уже они распознали своих мужичков. Э, нет, братцы! Прочитайте вы думы, песни; послушайте, как они поют, как они разговаривают между собою, не снимая шапок, или как они в дружеской пирушке вспоминают старину, и как они плачут, будто в самом деле в турецкой неволе или у польских магнатов, закованные в цепи. . .»

В своем творчестве Шевченко широко опирался на народную песню. Если Гоголю приходилось собирать и изучать песни, то для Шевченко они были органической частью его детства и юности. Добролюбов превосходно определил эту особенность творчества Шевченко: «Он близок к народной песне, а известно, что в песне вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящий характер Украинны; песня и дума составляют там народную святыню, лучшее достояние украинской жизни, в них горит любовь к родине, блещет слава прошедших подвигов. . . У Шевченко мы находим все элементы украинской народной песни». ¹

Шевченко уже в первых своих произведениях сознательно отказывался от стилизации фольклорных мотивов. В отличие от стилизаторских произведений Срезневского, Метлынского (А. Могилы), а позже П. Кулиша и отчасти Костомарова, он подходил к фольклору с неизмеримо более широкими задачами.

В подделке под исторические думы Срезневского, в балладах

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1935, стр. 566.

Маркевича и Метлынского народнопесенные элементы — только форма для воплощения реакционно-романтических идеалов. Они прибегают только к внешней форме, к сгущению фантастических элементов фольклора. И знаменательно, что их творения посвящены в основном идеализированному изображению прошлого, не столько крестьянской, сколько «казацкой» жизни. Н. Маркевич в своих «Украинских мелодиях» (1831) изображает давно уснувшую славу казацкую и говорит о вставших из могил казаках:

Лица синие от муки,
Шеи под петлей
И оторванные руки
Принесут с собой.
Груди язвами покрыты,
Кости пыткой перебиты,
Цепи по ногам;
Придут, загремят цепями
И голодными устами
Что-то скажут нам...

Для Маркевича неясен был голос народа, его страшная мука не только в прошлом, но и в настоящем, в повседневной жизни крестьянства.

Иное дело поэтическое творчество Шевченко. С необычайной чуткостью и художественной тонкостью он воспроизводит строй народных чувств и дум. Большое место в его лирике заняла эмоционально-выразительная и правдивая передача чувства безысходности, которое гнетет крестьянскую девушку. В «Порченой», в «Катерине», в «Тополе», в «Думке» («Ветер буйный, ветер буйный») поэт воскрешает все тончайшие переживания женщины-крестьянки середины XIX века. Перед нами углубленный народнопоэтический образ женщины и возвышающего ее большого, чистого чувства. Знаменательно, что так же, как и творцы фольклора, Шевченко избегает рисовать портрет своих героинь. Он ограничивается общими красками («очи карие, большие», «чернобровая», «длинные косы»). Красота героинь Шевченко — это красота их душевного мира.

В стихотворениях и поэмах «К Основьяненко», «Иван Подкова», «Тарасова ночь» (1839), «Гамалия» (1842) Шевченко обратился к изображению национально-освободительного движения украинского народа. Поэт был захвачен величием народной борьбы за свободу и независимость, могучей силой Запорожской Сечи, сыгравшей прогрессивную роль в истории Украины. Особое внимание Шевченко

привлекают крестьянско-казацкие восстания против господства польской шляхты и украинских феодалов в конце XVI и первой половине XVII века. Однако в начале своей литературной деятельности Шевченко, под влиянием украинской дворянско-буржуазной историографии, идеализировал Запорожскую Сечь, изображая ее как вольную и свободную республику, не понимая еще, что зажиточная часть казацко-старшинской верхушки не раз предавала народ, рядовые казацкие массы.

Казацкое прошлое по сравнению с тягостной современностью казалось ему «парством свободы». Шевченко еще не видит классовых противоречий в казачестве и идеализирует его как свободное рыцарство, живущее идеей равенства:

Была пора — панозали,
Да больше не будем...
Только славы казачества
Вовек не забудем —

писал он в «Тарасовой ночи». Но уже в этих ранних стихотворениях и поэмах Шевченко чужд условному романтическому миру дворянских романтиков. Широко используя украинские думы с их лиризмом и изображением героизма народа, Шевченко первый дает глубокое, революционно-патриотическое изображение национально-освободительной борьбы своего народа.

Поэмы «Иван Подкова», «Тарасова ночь», «К Основьяненко», позже «Гамалия» являются творческим развитием образной системы, исторической концепции дум и исторических песен. «Поэтические предания старины, — говоря словами Шевченко, — свидетельствующие о доблестных подвигах предков», легли в основу его исторических поэм. В исторических песнях и «невольничьих» думах воспевалась героическая борьба казачества с поработителями-турками, татарами, ляхами. В думах о «Марусе Богуславке», «Самойле Кошке» народ с горестью вспоминал о восстании украинского посполитого крестьянства против польского панства 1648 года. Дух независимого и славного народа ярко проявляется в исторических поэмах Шевченко. В них отразился народный политический идеал, народная мечта о вольности казацкой:

Затужила Украина —
Такая уж доля!
. . . . .

Никто больше не поможет. . .
Казачество пало;
Гибнет родина и слава —

писал Шевченко в «Тарасовой ночи».

Основная особенность поэзии Шевченко, которая проявилась впервые в «Кобзаре» 1840 года и получила высшее развитие в дальнейшем его творчестве, — лиризм — связана с особенностями украинского фольклора. В его лирических и эпических произведениях личность автора, его отношение к изображаемому играет первостепенную роль:

Катерина, сердце мое,
Лишенько з тобою, —

обращается он к Катерине. «Сыны мои, гайдамаки», — вырывается из души поэта крик в поэме «Гайдамаки». Этот лиризм, сочетающийся с эпическими и сатирическими элементами, является творческим развитием традиций дум. «Характерная черта дум, — писал М. Рыльский, — отличающая их от русских былин. . . это лирические отступления в строго эпическом изображении событий, именно то, что знаменитый Остап Вересай назвал «жалощами». . .»

Поэтизация народных вождей — «орлов» и громады — «орлят» обусловила широкое вхождение в поэтику Шевченко народнопоэтических элементов. Эпитеты — «сине море», «Днипро сивый», «ветер буйный», «червонная калина», «казак чернобровый», сравнения — «одна як билиночка в полі», «як мак процвітає», «як гадина чорна», отрицательные сравнения — «не русалонька блукає, то дівчина ходе», параллелизмы и синонимы — все эти элементы народной поэтики составляют своеобразную черту «Кобзаря». Композиция, поэтический язык, ритмика с ее богатством ассонансов и внутренних рифм отражают глубоко-народный характер поэтического мира «Кобзаря». Его произведения наполнены отголосками народных песен, пересыпаны поговорками, пословицами, меткими народными словечками. Но Шевченко не ограничивается этим; он и сам создает новые народнопоэтические образы, поговорки и пословицы. Известный украинский фольклорист Номис в предисловии к своему изданию «Поговорок» («Приказки», 1864) писал: «Из незабываемого «Кобзаря» я выбрал не только подлинные поговорки, взятые им у народа, но и стихи, которые наш образованный люд, а некоторые даже и народ, уже употребляют в качестве поговорок».

Думы оказали также сильное влияние и на особенности строфики Шевченко. Характерной чертой его поэзии является деление не

на строфы, а на периоды, заключающие в себе законченную мысль или образ.

Было время — на Украине
Пушки грохотали,
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли —

так складывается строфа в произведениях Шевченко. Отсюда же — характерное для него обилие переносов. Все это придает поэтической речи интонацию живого, страстного и непосредственного рассказа, чувства, рождающегося на глазах слушателя. Шевченко хорошо знал народ, его художественное творчество, и поэтому он сумел создать произведения, глубоко и правдиво отразившие народную жизнь и миропонимание, высокий строй его чувств. Черпая из фольклора идеи, формы, жизненные характеры и ситуации, он углубляет исповедь крестьянской души, придает большую подвижность действию, драматизирует его, усиливает лиризм и страстность поэтического рассказа.

Романтический мир «Порченой», «Думки», «Ивана Подковы», «Тарасовой ночи» приобретал, таким образом, новые черты. Правдивое изображение народной психологии и души влекло Шевченко на путь преодоления романтических влияний. Казалось бы, в «Порченой» — романтический сюжет, романтический пейзаж (ночь, буря, бушующий Днепр, бледный месяц). Однако наряду с этим мы находим правдивое описание глубокого чувства девушки-крестьянки. И не случайно в конце пятидесятых годов Шевченко пытался переработать «Порченую», убрав все романтические детали (вместо «бледного месяца» появляется «ясный месяц», вычеркиваются строки: «не с любимой, а в могилу сиротою ляжет» и т. д.).

Народное творчество, легшее в основу эстетики Шевченко, вытеснило в его наследии литературные влияния, сказывавшиеся в первые годы его поэтического развития. Именно освоение народнопоэтического стиля явилось для Шевченко формой перехода от романтизма к реализму. Его художественное развитие совпало с теми процессами, которые протекали в русской литературе. Опыт последней помог ему уяснить себе значение фольклора для выработки художественных форм воплощения мира задушевных дум и переживаний украинского трудового люда.

Поэзия народной жизни, протест против несправедливого общественного строя — вот основные мотивы произведений, составляющих «Кобзарь».

Особое место в раннем творчестве Шевченко занимает его поэма «Катерина».

Трагическая история крепостной девушки, погубленной баринном, разрабатывалась многими писателями и до Шевченко, но молодой поэт придал ей особое звучание. В его «Катерине» впервые в украинской поэзии раскрыта социальная трагедия матери-крестьянки в крепостническом обществе. Этот образ постоянно волновал Шевченко, и он возвращался к нему и в ряде своих более поздних произведений.

Острота бытовой темы, ясность и мелодичность стиха, их близость к народнопесенным элементам помогли «Порченой», «Катерине», «Тополю» и другим стихотворениям Шевченко приобрести широкую популярность, войти в народнопесенный репертуар.

«Кобзарь» отражал еще относительную слабость и нечеткость идейной позиции писателя, обусловившие ограниченность показа народной жизни. Шевченко здесь только подходил к поэтическому раскрытию национальной активности народа, его могучей энергии и вольнолюбия.

Поэма «Гайдамаки» была для Шевченко новым шагом вперед. В центре этой поэмы стоит большая социальная проблема. И у декабристов и у Гоголя («Тарас Бульба») главное в исторической тематике — патриотическая тема. В «Гайдамаках» основное — социальная борьба с крепостниками, народное восстание. Шевченко увидел новую сторону жизни народа: не только его страдания и муки, но и его борьбу. С любовью разрабатывает он образы героического, вставшего народа.

Уже сам выбор темы знаменателен для становления революционной мысли Шевченко. Книжной традиции, либерально-панскому истолкованию могучего народного движения 1768 года — так называемой Колиивщины — Шевченко противопоставил народное понимание Колиивщины как героической войны против феодально-крепостнического гнета и иноземных захватчиков.

В основу «Гайдамаков», как указывал и сам Шевченко, положены думы-песни слепцов-бандуристов и народные рассказы о Колиивщине: «Про то, что творилось на Украине в 1768 году, я рассказываю так, как слышал от старых людей». Шевченко противопоставляет свою поэму реакционной, монархически-нравоучительной литературе. В введении в поэму он говорит, что она не придется по вкусу казенно-патриотическим писакам:

Хочешь славы и почета —
Ты пой про Матрешу,

Про Парашу, радость нашу,
Султан, паркет, шпоры...

В этих строках звучит явная насмешка над реакционным романтизмом, характерным, например, для В. Бенедиктова и псевдонародных писаний Н. Полевого и их украинских собратьев, которых Белинский рассматривал как типичных представителей реакционного искусства.

Колиивщина у Шевченко — это прежде всего война нищего, ограбленного крестьянства против панства.

Замученные руки
Развязались — и кровь за кровь,
И муки за муки!

Он хорошо понял и сумел показать в высоко поэтических образах, что именно борьба против феодально-крепостнического и национального гнета выдвинула таких народных вожаков, как Зализняк, Кармелюк и др.

Впервые в украинской литературе в «Гайдамаках» воспеты длинные деятели народно-освободительной борьбы. Героем поэмы является не прославленный гетман или атаман, а нищий-сирота, бедняк-бобыль Ярема Галайда. В образе Яремы — мстителя за народные страдания и слезы — Шевченко показал великую силу оставшего крестьянства, его яростную, неутолимую ненависть к панству. Этот образ был новым как для исторической поэзии, так и для поэзии самого Шевченко, ибо по-новому рисовал образ народа, не только страдальца, но и борца. В введении к поэме автор бросает дерзкий вызов либерально-дворянской литературе и обосновывает право на избрание «сиромахи»-бедняка главным героем исторической эпопеи. «Грамотеи, ученые» посмеются, поглумятся, скажут:

А то, дурень, повествует
Мертвыми словами,
Да какого-то Ярему
Вывел перед нами.
Лапотника. Дурень, дурень!
Видно, мало били.
От казачества былого
Курганы-могилы —
Вот и все, что сохранилось,
И те разрывают.

А он хочет, чтоб слушали,
Как слепцы рыдают.

Ярема — один из мстителей за вековое угнетение и насилие. Герой писателей-декабристов только по названию сын народа, по духу он родня дворянским революционерам. У Шевченко герой — вожак народа, из самого народа вышедший. Личная драма Яремы и Оксаны переплетается в «Гайдамаках» с социальной трагедией. Изображение исторического фона, характеристика главных героев в поэме тесно связаны с народно-историческими представлениями. В песнях кобзаря Волоха находит выражение настроение народных масс, народная оценка деяний героев. Кобзарь в этой поэме не только печальник горя народного, но и активный борец за народное счастье.

Все это и сделало «Гайдамаков», по очень меткому и тонкому наблюдению И. Франко, «первым несмелым и почти несознательным шагом» по дороге реализма. Уже в предисловии, писанном по окончании поэмы, поэт совершенно определенно говорит об открывающемся перед ним пути.

Революционный пафос поэмы вызвал тревогу среди украинских помещиков, а также в царской цензуре, которая еле выпустила поэму из своих когтей. Предводитель дворянства Каневского уезда в своем доносе губернатору писал, что «Гайдамаки» своей «неумолимой ненавистью к нашему дворянству... крайне опасны для дворянства и всех других сословий общества».

Вызвали раздражение «Гайдамаки» и у либералов-украинофилов. Буржуазный либерал и националист П. Кулиш в письме к Шевченко от 25 июля 1846 года противопоставил «Гайдамакам» более раннее произведение поэта — «Тарасову ночь». Именно в нем он видел «самое оконченное и самое народное» произведение поэта. Он советовал Шевченко переделать и сократить «Гайдамаков», смягчить революционное звучание поэмы. В поэме его раздражало «торжество мясников», «кровавая бойня». Знаменательно, что впоследствии Добролюбов в статье о «Кобзаре» (1860), полемизируя с украинскими либералами, отмечал исключительную художественную законченность и полноту этой поэмы и особенно замечательной ее стороной считал как раз изображенную неумолимую ненависть народа к своим угнетателям: «Поэт совершенно проникается настроением эпохи... Не отступил он и перед изображением произведенных гайдамаками ужасов в главе «Бенкет у Лисянци»; не отступил и перед трудною задачею воспроизвести народные сцены в Чигирине (в главе «Свято в Чигирини»). Много надо поэтической силы, чтобы приняться за такие

предметы и не изменить им ни одним стихом». ¹ «Верность характеру казацких восстаний» — вот что делает, по мысли Добролюбова, поэму Шевченко значительнейшим его произведением. Русские революционные демократы, таким образом, поддержали Шевченко на пути создания революционной и демократической поэзии.

Так к середине сороковых годов XIX века Шевченко вырастает в крупнейшего поэта Украины, певца народного гнева и мести, он приходит ко все более глубокой постановке основных проблем революционно-демократической литературы.

Неопределенная в раннем периоде мечта о свободе наполняется новым содержанием, перерастая в ярые призывы к борьбе с угнетателями народа.

3

«Меня называют энтузиастом, сиречь глупцом, — ну и пусть их простит бог. Пускай я буду мужицкий поэт, лишь бы только поэт, мне больше ничего не нужно».

Это было написано в 1843 году, когда имя Шевченко уже прочно вошло не только в историю украинской поэзии, русской и украинской реалистической живописи, но и в историю общественного движения России. Усиление крепостнического и национального гнета в середине сороковых годов вело к росту крестьянской борьбы за землю и волю. В эти годы (1843—1848) резко возросло антикрепостническое крестьянское движение в России и на Украине. На основе этого крестьянского движения в середине сороковых годов возникают революционные кружки демократической, в большинстве своем революционно-разночинной интеллигенции. Все это усиливало революционные настроения Шевченко, помогало ему выйти на путь открытой борьбы со злейшим врагом русского, украинского и других народов России — царским самодержавием.

В петербургский период своей жизни Шевченко оказался в центре зарождающегося революционно-демократического движения. В период между весной 1844 года и мартом 1845 года Шевченко часто встречается с будущим участником тайного общества Петрашевского — Н. А. Момбелли. В своих показаниях Момбелли говорил, что он видел Шевченко на протяжении нескольких зим в кружке Е. Гребенки. ² Эти встречи были важны и для Шевченко и для Мом-

---

¹ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1935, стр. 566.

² «Дело петрашевцев», т. I. М.—Л., 1941, стр. 329.

белли. Атеизм, протест против самодержавия и деспотизма, социалистические учения — вот вопросы, которыми интересовался Момбелли. Эти идейные проблемы сблизили его с поэтом. Вспоминая впоследствии о Шевченко, Момбелли, подчеркивая идейную близость украинского поэта к петрашевцам, замечал, что Шевченко всегда выражал отрицательное отношение к самовластью. Не случайно он хорошо запомнил «Гайдамаков» Шевченко.¹ Идейная близость Шевченко к петрашевцам привлекла к нему внимание Петрашевского, Черносвитова, Плещеева. Черносвитов, приехав с Урала в Петербург, настойчиво расспрашивал Петрашевского об украинском поэте. Сам Петрашевский придавал исключительное значение произведениям Шевченко в деле революционной пропаганды.²

Петрашевцы породили в душе Шевченко еще большую уверенность в правоте революционного дела, в верности избранного пути, обострили его критические и оппозиционные настроения. На допросе в III отделении он показывал, что в лагерь революции его привели не только наблюдения над жизнью украинских крестьян, но и общение с революционными кругами Петербурга и Украины. «Будучи еще в Петербурге, — писал Шевченко, — я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, помещиками и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства».³

Приехав в 1845 году в Киев, Шевченко сблизился с группой молодых деятелей украинского искусства и науки и вошел в тайное политическое общество — Кирилло-Мефодиевское братство. Во главе его стоял историк Н. И. Костомаров. Возникновение общества относится к концу 1845 — началу 1846 года. В «Уставе» братства было сказано: «Общество будет стараться об искоренении рабства и всякого унижения низших классов...» В обществе сложились два течения: революционно-демократическое во главе с Шевченко и либеральное, главным вдохновителем которого был Н. И. Костомаров. Единственный путь осуществления своих идеалов Н. И. Костомаров видел в проповеди словом. Революционные методы им отвергались начисто. Костомаров считал, что «... общество не должно покушаться на что-нибудь, имеющее хотя тень возмущения против существую-

---

¹ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». М., 1953, стр. 618.

² «Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., 1951, стр. 407.

³ «Т. Г. Шевченко в документах и материалах». Киев, 1950, стр. 112.

шего общественного порядка и установлений предрержащих властей». Когда в 1846 году Тарас Григорьевич сблизился с членами общества, он потребовал от «братчиков» более решительных революционных действий. С горечью писал он 1 февраля 1847 года Костомарову: «О братстве не пишу, ибо и писать нечего, когда встретимся, то поплачем». Сам Костомаров вспоминал, что либерально-националистические тенденции общества вызвали резкий протест Шевченко. Поэт, по его словам, «отнесся к его (Костомарова. — М. П.) идеям с большим задором и крайнею нетерпимостью, что послужило поводом ко многим спорам между мною и Шевченком». Костомаров, Белозерский, Кулиш пытались смягчить революционнбе бунтарство поэта. В писаниях Кулиша появилась реакционная идея, заключающаяся в проповеди некой особой миссии, назначенной якобы украинскому народу. Кулиш противопоставлял свои либерально-националистические взгляды революционно-демократическим убеждениям Шевченко.

1843 год — год первой поездки Шевченко на родину — стал своеобразным рубежом и в его художественном развитии. В поэзии Шевченко с особою силою зазвучал революционный протест против феодально-крепостнического общества. Итогом этого периода и явился сборник стихотворений и поэм «Три года». В цензурных условиях николаевской России не приходилось и думать о публикации этих новых произведений. Так сложился рукописный сборник «Три года», в который поэт включил стихотворения и поэмы 1843—1845 годов. Сюда входили такие выдающиеся поэмы, как «Сон», «Кавказ», «Сова», «Слепой», «Наймычка», стихотворения «Три года», «И мертвым, и живым», «Завешание», «Гоголю» и многие другие. К этому же сборнику примыкало несколько произведений, написанных в 1846 году.

Страшные картины нищеты и бесправия народа, «ужасного угнетения крестьян» вырвали из души Шевченко крик боли и ненависти. Он смотрит на все уже не только глазами бывшего крепостного, но глазами человека, ясно понявшего величие и справедливость просветительских и демократических идеалов. Перед ним возникает трудная задача поисков нового художественного пути. «Старое» мастерство, по его собственному признанию, было бессильно перед новой задачей — воплотить в поэзии народное сознание, просветленное революционными идеями. «Я, как мастер, выученный: не горем, а чем-то страшнее, — писал он в конце своего путешествия по Украине в ноябре 1843 года, — рассказываю себя людям, но рассказать вам то чувство, которым я теперь живу, все мое горе — мастерство бессильно и ничтожно». Эти примечательные строки говорят о том, как трудно,

в каких муках и борениях рождалась новая художественная форма революционной поэзии Шевченко. В 1843 году он написал всего одну поэму на русском языке — «Тризна» и только одно стихотворение — «Разрытая могила». И лишь со второй половины 1844 года начинается снова напряженная и энергичная работа поэта. Это свидетельствует о художественном кризисе, который пережил поэт. На смену «лобрым слезам» «Кобзаря» 1840 года приходит суровое и беспощадное изображение непримиримости интересов господствующих классов и трудового народа («Только не с панами»). В 1845 году он пишет:

И высохли мои слезы,
Слезы молодые.
И сердце разбитое
Ядом я врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я...
. . . . .
Не вернуться снова
Годы мои молодые,
Веселое слово
Не вернется! . .

Стихотворения этих лет — новый этап не только в творчестве Шевченко, но и в истории украинской и русской поэзии. Именно Шевченко принадлежит заслуга создания первых образцов политической лирики и поэмы в русской и украинской литературе сороковых годов XIX века. Лирика и поэмы Шевченко периода «Трех лет» наряду со статьями Белинского и лирико-публицистическими и сатирическими эскизами Герцена утверждали новое содержание и новые формы нарождающейся революционно-демократической литературы. Политическая поэзия Шевченко сверкает праведным гневом против «темного царства» самодержавно-крепостнического общества.

В замечательной поэтической исповеди «Три года» (1845) — программном стихотворении сборника — поэт скорбно писал о горестном опыте 1843—1845 годов, когда жизненные наблюдения и раздумья разрушили его романтические иллюзии, веру в «добрых», просвещенных панов:

Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.

Бедное опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
Разожгли все злое.

Шевченко ясно осознал, что его вера в добрые помыслы и стремления либеральных и образованных «потомков гетмана дурного» опрокинута самую жизнью:

И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые!..

Непримиримая борьба против украинского буржуазного либерализма и национализма становится идейным стержнем его новой политической лирики («И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим», «Холодный яр», «Проходят дни, проходят ночи», «Три года» и др.).

В эти годы Шевченко стал создателем жанров политического монолога и обличительной сатиры, достигнув в них огромной художественной выразительности. Политический монолог с ораторской установкой, с патетической напряженностью интонаций, с обилием риторических вопросов и восклицаний великолепно передает всю силу политических эмоций и идей Шевченко. Сборник «Три года» заканчивается гениальным стихотворением «Проходят дни, проходят ночи», в котором с большой художественной силой отразилось нарастание революционных настроений автора «Завещания». Тема этого стихотворения развернута в форме взволнованной авторской речи:

Доле, де ти! Доле, де ти?
Нема ніякої;
Коли доброї жаль, боже,
То дай злої, злої!
Не дай спати ходячому,
Серцем замирати
І гнилою колодою
По світу валятись.
А дай жити, серцем жити
І людей любити,
А коли ні... то проклинати
І світ запалити!

Характерною чертою поэзии Шевченко в 1843—1847 годах становится органическое сочетание лирики с сатирою. Ирония в его поэзии то и дело сменяется яростью, ненависть — слезами обиды и боли.

В таких стихотворениях, как «Три года», «И мертвым, и живым», «Холодный яр», — страстная политическая эмоция, революционное неприятие крепостнической действительности и реакционной идеологии воплощается в глубоко лирических и иронически-сатирических образах. Глубокое чувство (например, в строках, обращенных к Холодному яру) сменяется гневно-ироническим обращением к либеральным панам-литераторам:

Не зовите преподобным
Николу-Нерона!
Вы святой войны царицей
Не кичитесь славой...
... А кричите, что владеёте
И душу и шкуру
За отечество... Ей-богу,
Овечья натура!

Ясное понимание того, что судьба украинского народа неразрывно связана с освободительным движением всех народов царской России, нашло высокохудожественное воплощение в политической лирике Шевченко. «Боритесь — поборете», — убеждал он в поэме «Кавказ» (1845).

Его восторженное преклонение вызывает тот, кто всегда готов

... с благородной отвагой
Стать за народ и зло казнить.

Обращаясь к «разбойничьей своре» помещиков и чиновников, владеющих по неписаному праву «и землей от века общей, и людьми живыми», он грозил им разливом стихийной народной мести:

Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Запылет снова пламя...

Чем шире и яснее становилась политическая мысль поэта, чем непосредственнее и активнее было его участие в революционной борьбе, тем выше поднимался его революционный пафос, яростнее становилась ненависть к гонителям правды, «кровавым псарям» —

царям и барам. В стихах и поэмах Шевченко выведены разнообразные типы украинских и русских помещиков — извергов и тунеядцев.

Лирика Шевченко — это своеобразный дневник, из горестных и гневных заметок которого вырастает образ революционера с непреклонной, страстной и нежной душой, пророчески видящего неминуемое торжество народа в будущем:

Грядущее пророчески в глаза
Заглядывает мне...

Поэтические образы Шевченко, созданные им в середине сороковых годов, отличаются мрачным, скорбным колоритом: крепостные, засекаемые розгами, солдаты под палками, кибитки, несущиеся в Сибирь, обездоленные девушки, толпы колодников, бредущих по дороге, клейменные лица каторжников, бритые лбы — вот образный мир его стихотворений этой поры. Недаром он просит «злости, чтобы мир испепелила», вспоминает «злую долю», «ядом злым врачит» свое сердце, призывает разорвать цепи и окропить волю «злой вражескою кровью». «Тяжкая дума», «невзгода злая», «суровая земля» — таковы излюбленные эпитеты поэта. Слова «злой», «злостный» насыщены у Шевченко революционным содержанием, они отражают революционную ненависть к крепостническому миру. Недаром поэт сам называет свои стихи «злыми и невеселыми».

В своих стихотворениях, поэмах, картинах и рисунках Шевченко показал, что нет единой Украины, единого украинского народа, единого украинского села, а есть паны (хоть и украинские) и хлопы — крепостные. Он противопоставил либерально-националистической идеализации украинского села требование правдивого изображения суровой действительности:

Когда б вы знали, господа,
Где плачут люди, вы тогда
Своих элегий не творили б
И бога все не хвалили б,
Не умилялись бы всегда!
За что, не знаю, называют
Мужичью хату божьим раем...

Рост поэтического гения и зрелость политической мысли Шевченко в 1843—1847 годы нашли выражение в созданной им проблемной политической поэме («Сон», «Кавказ» и др.). Очень широкая по тематическому диапазону политическая поэма Шевченко подни-

мается до постановки коренных политических вопросов его времени. По форме это по преимуществу лирическая поэма, в которой главную роль играет образ поэта, от имени которого идет повествование. Политическая проблематика выступает здесь в обнаженно-публицистической форме; в этой поэме нет действенного сюжета. Сила переживаний и эмоций лирического героя господствует над описанием. В качестве характерных черт, присущих форме политической поэмы Шевченко, следует назвать также свободу в области композиции, резкие переходы от лирики к сатире, от сарказма к элегии, разнообразие ритмов.

8 июля 1844 года Шевченко закончил одно из лучших своих произведений — «комедию» «Сон», вошедшую в сборник «Три года». Сила обличения и сарказма делает эту поэму значительнейшим произведением не только украинской, но и мировой литературы. Вся правящая клика — от захолустного помещика-украинофила до солдафона и палача Николая I, от вылощенных придворных до чиновников-хапуг — находит в поэме беспощадное реалистическое и сатирическое изображение. Любовь к свободе, к народу, ненависть к самовластью и крепостному праву определили ее сатирический замысел.

Два мира, две реальные силы видел Шевченко: самодержавие и народ. Он охватил в своей поэме жизнь всей николаевской России. Вот страшная картина деревенского «рая», где «со шкуркой» снимают последнее тряпье с калеки, чтобы одеть «княжат недорослых». Далее — взволнованное изображение Сибири и мученической жизни закованных в кандалы «царей мысли», «царей воли» — декабристов. Эта линия переплетается с гротесково-сатирическим изображением царского банкета. Лирико-исторические отступления, исполненные пафоса, гнева, горькой боли и сочувствия к мукам народа, сливаются с изумительно конкретным изображением трудового Петербурга, которым завершается поэма.

Мелькнул перед поэтом в страшном сне мир царского и помещичьего произвола. От степей и золотых полей Украины до суровых снегов Сибири — всюду царствуют «враги-супостаты», «недолюдки-пань». И деловое, суетливое, четко и точно описанное петербургское утро усиливает реалистическое и сатирическое звучание этой великой поэмы. Это Петербург нищего и полунищего люда, грязных переулков и задних дворов, черных лестниц, задымленных кухонь и притонов разврата. Это город Акакия Акакиевича и портного Петровича, «печальные приюты нищеты». И в этом контрасте «петербургских углов» и Петербурга дворцов, богачей, вельмож звучит гоголевская тема. Но там, где Гоголь «смеется сквозь слезы», Шевченко прокли-

нает и негодует, указывая единственно возможный выход — уничтожение самодержавно-крепостнического строя.

В поэме «Сон» сказались ненависть и презрение к царям и барству. Автобиографический образ центрального героя поэмы открыто противопоставлен представителям власти и богатства. Отсюда нарочитая грубость и памфлетная резкость в описании царя, царицы и их приближенных. Герой поэмы — атеист и бунтарь — обличает «презренных палачей», ханжество и лицемерие дворянского общества, возвеличивает героев освободительного движения.

Революционная натура Шевченко, высокое благородство его души и верное, подлинно народное понимание действительности проявились в изображении крепостнического общества и царского Петербурга как нелепого и страшного сна.

В октябре — ноябре 1845 года Шевченко написал две поэмы — «Еретик» и «Кавказ». В поэме «Еретик», или «Иван Гус», поэт воспевае национально-освободительную борьбу чехов, он рисует героический образ народного чешского героя Яна Гуса. Исполненная революционного пафоса, поэма Шевченко дает правдивое изображение деспотического режима, национального угнетения чехов немецкими феодалами.

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит.
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!

Сатирическое изображение феодалов-крепостников и католической церкви отличается глубиной характеристики и исторической точностью. Связанный с общерусским освободительным движением, Шевченко в «Еретике» пропагандирует великую идею объединения всех славянских народов во главе с русским народом в борьбе против всех реакционных сил:

Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками. . .
. . . . .
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

В поэме Шевченко Ян Гус приобретает те же черты, что и лирический герой «Сна» и «Кавказа». Это — «сын солнца правды», борец за освобождение поработенного народа. Для поэмы Шевченко второстепенное значение имеет «исторический колорит», о котором столь заботились романтики. Для него основное — нарисовать образ борца и мученика, отдавшего жизнь за дело народа. Одним из первых Шевченко видел в Яне Гусе не столько религиозного реформатора, сколько революционера. Трагична судьба чешского революционера, но небесплоден его подвиг. Из костра его разгорится новое пламя народного движения:

...Постойте! —
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою.

Концовка поэмы как бы намечает тему новой поэмы о народном восстании. Но в условиях сороковых годов Шевченко еще не мог увидеть народ, поднимающийся на штурм крепостничества.

Идея единения всех угнетенных народов, населяющих Россию, пронизывает поэму «Кавказ». И в ней нашла яркое выражение ненависть поэта к царю и самодержавию:

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то божьей милостию мы
Отняли у голодной гсли
Все, что осталось, вплоть до воли, —
И травим... И легло костью
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало.

Взгляд поэта охватывает жизнь всей России, всех ее народов, всех сословий. Царская Россия — тюрьма народов — вырисовывается в образах громадного обобщающего значения:

А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! ..

Шевченко называет народных вожаков «славными рыцарями» и призывает поработенные народы к восстанию, ибо «с вами правда,

с вами слава и воля святая!» Замечателен центральный образ поэмы — образ Прометея. Прометей Шевченко это, по определению одного из советских литературоведов А. И. Белецкого, «не символ героической индивидуальности, а символ народа, который отстаивает свою свободу... От народов Кавказа мысль поэта переходит ко всем народам царской России, страждущим под самодержавно-крепостническим ярмом. Гневно разоблачая лицемерие царизма, церкви, господствующего класса, Шевченко верит, что в конце концов «встанет правда, встанет воля».

Наряду с политическими поэмами Шевченко создает в 1844—1846 годах ряд замечательных социально-бытовых повестей и рассказов в стихах, таких, как «В воскресенье не гуляла», «Слепой (Невольник)», «Работница», «Ведьма», «Княжна», «Наймычка». Сила критического реализма Шевченко, проявившаяся в них, выразилась в беспощадном разоблачении крепостнической действительности.

В этих поэмах Шевченко ставит важнейшие социальные проблемы, создавая образы большого жизненного и политического наполнения. Здесь мы напомним, по очень точному определению И. Франко, «беспорно первый в России смелый и прямой удар против гнили и несправедливости крепостничества». Поэмами Шевченко входил в круг крупнейших деятелей «натуральной школы», создавая физиологические очерки и повести в стихах. Не случайно в пятидесятых годах именно эти поэмы стали основой его прозаических повестей, написанных на русском языке. Обилие бытовых и этнографических деталей, интерес к простому и обыденному, сатирически обрисованный образ «панов» и лирический образ автора делают эти поэмы образцами высокого мастерства.

В поэме «Сова» (1844) образ матери — страдальцы, мученицы нарисован с такой силой жизненной правды, что он вырастает в символ мученической жизни, трагически безысходного и нестерпимо тяжкого существования всего украинского народа.

Человеческая красота чувства отличает этот прекрасный женский образ. Вся жизнь ее — в сыне, в его будущем. С какой самоотверженностью во имя великой материнской любви бьется она с долей злою, с бессердечием сельских богатеев. Горькое вдовье счастье скоро кончилось. Вырос сын, но продали богатые вдовьего сына в солдаты. Богатым

Всем счастье от бога.
У вдовы ж один лишь сын,
И тот — как раз под аршин!

Черным горем повита душа старой батрачки. Ненависть звучит в словах поэта о мире жестокости и несправедливости!

Некрасов придавал особое значение трогательной истории несчастной наймычки, героини поэмы «Работница». Он писал, что в этой поэме «мать представляется величайшим идеалом материнской любви». Не случайно он предложил Плещееву перевести эту поэму для «Современника».¹

Гоголь «Шинелью», «Ревизором», «Мертвыми душами», а Белинский своими статьями учили молодое поколение писателей разрабатывать жгучие социальные темы.

Шевченко не только творчески развивает традиции Гоголя, он принимает прямое участие в борьбе Белинского и Гоголя за прогрессивное направление русской литературы. С полным правом он входит в первые ряды великой реалистической школы XIX века в России и на Украине. В 1844 году он пишет стихотворение «Гоголю». Это горячая поэтическая декларация неразрывной связи замечательного украинского поэта с русской литературой, с боевыми гоголевскими традициями.

Все оглохли, все ослепли,
В кандалах поникли. . .
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий!

Как и передовые русские деятели, Шевченко в Гоголе видит гевца прогрессивных гуманистических идей, врага страшных в своей обыденности сквозник-дмухановских и держиморд.

Продолжая линию русских писателей-демократов, Шевченко заявляет, что его программой является подлинно народная литература, повествующая не об идиллии, а о трагедии крестьянской жизни. С уверенностью и любовью утверждал молодой поэт: истинная поэзия только у народа!

«Кобзарь» и сборник «Три года» созданы Шевченко в годы, когда только складывалась революционно-демократическая программа, в них отразился начальный период истории революционно-демократического движения. В эти годы широко было выяснено значение народа в общественной жизни. В сороковые годы Шевченко приходит от осознания непримиримости противоречий крестьянства и помещиков к пониманию враждебности народу самодержавия.

Задумывая в 1847 году новое издание своих произведений, он

---

¹ «Русская мысль», 1913, кн. I, стр. 147.

выдвигает принцип строгого следования правде жизни: «Чтоб знать людей, нужно пожить с ними; а чтобы их описывать, нужно самому стать человеком... Вот тогда пишите и печатайте, и труд ваш будет честным трудом».¹

В этих замечательных словах четко сформулирован основной творческий принцип поэта. Предисловие его являлось манифестом новой, демократической и реалистической украинской литературы.

5 апреля 1847 года по доносу провокатора Петрова Шевченко был схвачен под Киевом. Одновременно были арестованы: в Петербурге — Н. Гулак, в Варшаве — П. Кулиш, в Киеве — Н. Костомаров, П. Андрузский и другие «братчики». 6 апреля Шевченко был отправлен в Петербург, куда он прибыл 17 апреля. 21 апреля Шевченко вызвали на допрос. Еще до того, как Шевченко был доставлен в Петербург, в руки жандармов попали его «возмутительные» и «противозаконные» стихи, которые читались на заседаниях Кирилло-Мефодиевского общества.

Шевченко вел себя на допросе, в отличие от либеральных «братчиков», мужественно и стойко. Впоследствии он вспоминал, как Дуббельт со своими помощниками Поповым и Дестремом «тщетно навращал» его «на путь истинный, грозил пыткой и в заключение плюнул и назвал <...> извергом рода человеческого».

Жандармы сразу отделили Шевченко от других «братчиков». Участие Шевченко в обществе не было доказано, но именно в Шевченко жандармы увидели опаснейшего врага, а в его стихах — мятежную проповедь ниспровержения существующего строя. В докладе царю указывалось, что «возмутительные сочинения» Шевченко начал писать до возникновения тайного общества и «по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников».

Приговор поражал своей беспощадностью: Шевченко был слан в солдаты. На приговоре Николай I собственноручно написал: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать». 9 июня 1847 года в сопровождении жандарма Т. Г. Шевченко доставили в Оренбург. Здесь по распоряжению генерала Обручева рядовой Тарас Шевченко был определен в четвертый батальон, расположенный в Орской крепости. 22 июня поэт приехал в Орск. Для него началась

---

¹ Т. Г. Шевченко. Повне зібрання творів в десяти томах, т. I. Киев, 1951, стр. 374.

новая, тяжкая жизнь... Однако ничто не могло сломить воли, страстного стремления к борьбе ссыльного поэта. Он нашел силы пройти тернистый путь конфирмованного солдата, оставаясь верным своим идеалам и призванию художника. Большой поддержкой для Шевченко было общение с передовыми людьми России, Украины и Польши, делившими с ним тяжесть подневольного житья. В мае 1848 года он принимает участие в экспедиции по обследованию Аральского моря, возглавленной замечательным русским географом А. И. Бутаковым, передовым по своим убеждениям человеком. В 1849 году, вернувшись в Оренбург с Бутаковым, он сблизился с многими ссыльными польскими и русскими революционерами и прежде всего с С. Сераковским. В годы ссылки в круг друзей Шевченко входят поэт-петрашевец А. Плещеев, польские патристические деятели Я. Станевич, Бр. Залесский, поэт-демократ Желиговский (Антоний Сова) и другие. Особенное значение в идейной жизни Т. Г. Шевченко имели вечера, устраивавшиеся у Сераковского, на которых обсуждались все животрепещущие проблемы революционного движения в России, Польше и на Украине, проблемы борьбы с крепостным правом и самодержавием. Переписка его с Сераковским, Залесским и другими свидетельствует, что Шевченко стал видным участником кружка Сераковского, к слову которого прислушались и поляки и русские. В споры, несомненно, он вносил революционное понимание крестьянского вопроса. В беседах с Сераковским возникала и одна из важнейших для Шевченко проблем — проблема братского союза славянских народов, объединения Украины.

В 1850 году из Оренбурга его отправили в самый отдаленный и безлюдный форт Новопетровский. Недаром солдаты называли это небольшое укрепление среди бесконечных и безводных степей «Сибирным Новопетровском», а Шевченко — «незамкнутой тюрьмой». Здесь не только шагистика и муштра медленно убивали солдат. Иногда, питаясь одними черствыми сухарями, им целыми месяцами по жгучей жаре приходилось таскать на себе землю для насыпки укреплений.¹ В течение 10 лет 3 месяцев и 27 дней тянул Шевченко страшную солдатскую лямку, и семь лет из них он провел в каторжном Новопетровском укреплении. «В продолжение десяти лет, — писал он в своем дневнике, — я кроме степи, казармы ничего не видел и кроме солдатской рабской речи ничего не слышал».

Ссылка не убила в Шевченко революционера, поэта и художника. Казарма и солдатская лямка не испугали его, но расширили

---

¹ Н. Д. Н<овицкий>. На Сыр-Дарье у ротного командира. — «Киевская старина», 1889, № 3, стр. 568—569.

его кругозор, заставили наново продумать и прочувствовать свои освободительные стремления. «Все это неисповедимое горе, — гордо заносил в свой дневник поэт, — все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. . .»

Уже в первых стихотворениях, написанных после ареста и собранных самим поэтом в цикл «В каземате» (1847), Шевченко раскрывает внутренний мир человека, посвятившего свою жизнь работе и борьбе во имя свободы народа. Это мир деятельной любви к отчизне, ненависти к угнетению и угнетателям. Основная тема цикла — боль за порабощенную родину, поруганный народ и неукротимая вера в правоту своего дела. Крайне показательно для развития и укрепления революционного сознания Шевченко то, что не только личные страдания и несчастья становятся центром его лирического цикла, а страдания самого народа.

Не все ль равно мне — то ли буду
Я жить в Украине, то ли нет,
Меня припомнят, иль забудут
В снегах, в далекой стороне, —

заявляет он в одном из первых своих казематных стихотворений, и этой теме личных страданий, своего подвига он противопоставляет главную идею своей жизни:

Не все равно, однако, мне,
Когда Украину злые люди
Заставят спать и вдруг в огне,
Обворовав ее, разбудят. . .

Именно это мужественное чувство революционера определило основные лирические темы цикла. В стихотворениях «Не спится мне, а ночь — как море», «Три широкие дороги», «Рано встали, выступали. . .» рассказывается о горькой судьбе обездоленных людей, об ужасе солдатчины. В «широкой, как море», бессонной ночи николаевского застенка перед взором поэта встанут милые образы далекой родины: ее народ, ее природа, ее песни. На основе фольклорных мотивов он создает песни, проникнутые подлинно народным восприятием природы, мира, человеческих чувств, чудесной мелодичностью. К ним принадлежит стихотворение «Ой, одна я, одна» и, в особенности, удивительная по своей прозрачной ясности, живописной выразительности песня «Вишневы садик возле хаты». Пламенная любовь к жизни, умение увидеть красоту родной земли нашли здесь великодушное выражение.

«Невольничьей музой» назвал Шевченко свои стихотворения периода ссылки. Знаменательно, что в эти трудные годы он отдает преимущественное внимание лирическим жанрам. В стихотворениях 1847—1857 годов — поэтическая исповедь мужественного, непреклонного революционера, мысли и думы которого попрежнему сосредоточены на раздумьях об исторических путях развития народа. Автобиографическая основа этих стихотворений ясна. «Видно, я мало терпел в своей жизни, — писал поэт к своей приятельнице В. Репниной в октябре 1847 года, — и правда, что прежние мои страдания в сравнении с настоящими были детские слезы; горько, невыносимо горько». Но для Шевченко его солдатчина, его положение гонимого самодержавием политического преступника были наиболее кричащим проявлением чудовищного полицейского гнета и бесправия личности в крепостнической России. Чисто биографический мотив неволи, солдатчины выростал в обобщенный образ закабаленного народа.

Не греет солнце на чужбине,
А дома чересчур пекло.
И там жилось мне тяжело,
На славной нашей Украине...
...Блуждал себе, молился богу
Да злое барство проклинал —

писал Шевченко в Орской крепости. Главную мысль, основную мелодию всего цикла песен о неволе и составляет это мучительное сознание, что не он один, весь народ закован в цепи. Даже за Уралом — голодная жизнь киргизов — привольнее жизни украинских крестьян. Тяжкое чувство, что пань «без костра и без кинжала людей заковали и мордуют», проходит через все стихотворения о неволе.

О, лучше б дети не росли,
Тебя, святого, не гневили,
Что в злой неволе народились,
Твой стыд с тобою разделив, —

в отчаянии восклицает поэт. Характерно для этого цикла стихотворение «И золотую и родную», в котором трогательный образ оборванного деревенского мальчугана-сироты олицетворяет подневольное существование трудового народа:

И думаю, в широком поле
Он никогда не встретит воли,
Привольной волюшки...

Вся сила народного горя и ненависти, его страстное стремление к широкой воле нашли в стихотворениях этого периода правдивое выражение.

Традиционные лирические жанры наполняются у Шевченко новым революционным содержанием. Стихотворения «И вырос я в краю чужом», «Не самому ль мне написать послание себе в отраду», «Мы некогда росли вдвоем» и многие другие — по жанру типичные дружеские послания, но узко личная тема неволи приобрела здесь глубоко общественную и революционную трактовку. Тема неволи и свободы раскрывается в сложном эмоциональном сопоставлении реальной солдатчины поэта с его воспоминаниями о прошлом и настоящем Украины. В стихотворении «И вырос я в краю чужом» конкретные автобиографические мотивы получают большое общественное содержание, становятся олицетворением трагической судьбы целого народа. Велико горе одинокого изгнанника, но его сердце наполняет воспоминание о прекрасной поруганной родине. Центром стихотворения становится образ того «благодатного села», где «чорніше чорної землі» блуждают люди, «оголились сады зеленые, в пыли погнили хаты», а люди — «без слов на панщину идут и за собой детей ведут». Таков скорбный образ Украины, составляющий эмоциональный и идейный центр послания:

И не одно лишь то село —
Везде на славной Украине
Лихое панство запрягло
Людей в ярмо...

Тема личных страданий поднимается до яркого художественного воплощения общенародных страданий:

И очень тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!

Стихотворение замыкается картиной веселой, счастливой жизни освобожденного труда на берегах Днепра:

А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Может, так оно б и сталося,
Если б не осталось
Злых панов на Украине!

В последних словах — идиальный ключ ко всему строю образов стихотворения: выражая подлинные народные стремления и желания, — в свободе, в уничтожении власти «злого панства» поэт видит единственный путь к счастью. Ощущение того, что исконная мечта о народной воле может быть достигнута только в борьбе, придает лирике Шевченко мужественность и оптимистичность. Необычайная полнота и размах в передаче духовного мира ссыльного, но не покорившегося революционера придают этим лирическим миниатюрам неповторимое своеобразие.

Простота и самобытность реалистических эпитетов в его лирике сочетаются с напряженной интонацией страстной, беспощадно выскательной и пытливой мысли. Отсюда афористичность стихотворных формул Шевченко: «Один другого вопрошаем: — Зачем нас породила мать? Для зла? добра?» или: «не зло обидно: возле злого Молва настороже стоит», и др.

Основу сюжета лирических стихотворений Шевченко составляет либо пейзаж (хмурое Аральское море, степь), либо внешнее событие («И снова мне не привезла ни слова почта с Украины»), либо воспоминание о прошлом и о близких («И золотую, и родную Мне вспомнить, знаете, не жаль Всю молодость»). Они являются канвой, на которой разрабатывает поэт одну тему — ненависти к угнетению, страстного устремления к воле, свободе, независимости человеческой личности.

В смысле усиливается у Шевченко ненависть к поработителям, к господствующему классу, углубляется разработка и сатирическая обрисовка образов врагов народа — от украинских полупанков до служителей церкви. В эти годы особенно широко разворачивается поэтом обличение классово-религиозной сущности религии. Шевченко заговорил с богом как революционер, глубоко сознающий величие и дерзновенные силы человеческого ума. Бесстрашно и с иронией обращается поэт к богу, повинному во всех несправедливостях и несчастях:

Ты, господи, панам богатым
Даешь сады в своем раю,
Даешь высокие палаты.
Паны ж — и гладки и пузаты —
На рай твой, господи, плюют,
А нам и глянуть не дают...

Он призывает бога взглянуть на ад, созданный панами на земле:

Нет, боже, не хвала, не радость,
А кровь да слезы, да хула, —

Хула всему, всему! Не знают
Святого люди ничего!
Уже — ты слышишь? — проклинают
Тебя, владыка, самого.

В поэмах «Княжна», «Варнак», «Марина» Шевченко рисует омерзительные картины феодально-крепостнического гнета.

«Княжна» написана в Орске в 1847 году и окончательно обработана в Нижнем-Новгороде в 1858 году. Эта переработка крайне знаменательна для идейной эволюции Шевченко. В последней редакции бытовая жанровая повесть «Княжна» переросла в острую по политической тенденции реалистическую поэму. Историю преступного, аморального поведения князя, героя поэмы, Шевченко показал на широком фоне общественно-политической жизни России сороковых годов XIX века. Князь — хищник и распутник — лицемерно прикрывает свою растленность либеральными фразами. Он —

.. патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика, — и бог не знает...
А может, знает, да молчит.

В отличие от романтических поэм отрицательный герой этого произведения не является каким-то «исключительным» злодеем, это типическая для крепостнического общества фигура. Вся Украина стонет от этих либеральных «патриотов» и покровителей убогих:

А в селах голод, люди мрут...
И стонет он (народ. — *М. П.*), стонет
по всей Украине.
Божья кара, голод; тысячами гибнут
Голодные люди. А скирды гниют.
А паны мякину купцам продают
Да молятся богу — так голоду рады, —
Чтоб хлеб хоть бы год еще не выростал, —
Тогда б и в Париже и всюду, где надо,
Наш брат-хуторянин себя показал!..

Своеобразную роль в поэмах Шевченко играет образ рассказчика. Иногда он отделяется от автора («Солдатов колодец»), иногда сливается с ним. Характерная особенность социально-бытовых поэм Шевченко заключается в обязательном наличии рассказчика. Он прямо не участвует в событиях, но следует за героями, комментирует их поступки и чувства. В «Княжне» он как бы осуществляет лирико-

дидактическое начало, в «Марине» — это образ поэта-бунтаря, наконец, в «Солдатском колодце» он раздваивается: в действии участвуют рассказчик и человек, который записывает его рассказ, комментируя действие. Эта черта поэм Шевченко схожа с тем, что Белинский определял как «субъективизм»: в ней выразилось активное стремление поэта-революционера произнести свой «приговор» над жизнью.

5

Смерть Николая I принесла Шевченко надежду на освобождение. Но не так легко было вернуться в строй бойцов великому поэту и революционеру. «Либеральный» Александр II не мог скрыть своей ненависти к мужицкому трибуну. Многочисленные друзья Шевченко, передовые люди России предпринимали неоднократные попытки добиться освобождения поэта. Но на все ходатайства царь отвечал отказом. Попрежнему томилась в ссылке Шевченко и многие другие русские революционеры.

Последние месяцы ссылки были особенно тяжелы. «Из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы... — писал он друзьям. — Спасите меня! Еще один год — и я погиб». Наконец усилия друзей помогли. 21 июля 1857 года поэту официально сообщили, что он свободен и может покинуть Новопетровское укрепление. Больным, измученным стариком возвращался Шевченко домой.

Восторженно встречала поэта вся передовая Россия. Но нелегко был и обратный его путь. Выехав из Новопетровского укрепления, он смог добраться только до Нижнего-Новгорода. Дорога в столицу была ему закрыта.

9 марта 1858 года, в день своего рождения, Шевченко узнал, что ему разрешен въезд в столицу. В марте он выехал из Нижнего-Новгорода в Москву, а 25 марта отправился из Москвы по железной дороге в Петербург. 27 марта того же года он уже был в Петербурге. Шевченко поселился в здании Академии художеств. С поразительной энергией он принялся за освоение нового для него искусства — офорта. Через два года — в 1860 году — он получил за отлично выполненные офорты звание академика гравюры.

Петербург в шестидесятые годы стал центром общерусского освободительного движения. Именно поэтому Шевченко рвался туда: его влекло, как и многих передовых и мыслящих современников, растущее революционное движение в Петербурге.

В Нижнем-Новгороде, а затем в Москве и Петербурге, Шевченко лихорадочно наверстывает упущенное, знакомится со всем, что вышло

в русской литературе за годы его изгнания. Еще находясь в ссылке, он читал некоторые журналы, запрещенную литературу. Друг Чернышевского и Шевченко П. Д. Повицкий сообщил со слов ротного командира поэта, что в середине пятидесятых годов офицеры Новопетровского укрепления вскладчину выписывали не только «Русский инвалид» и «Северную пчелу», но «даже тогдашние журналы «Отечественные записки» и «Современник». ¹ Салтыков-Щедрин и Островский, Чернышевский и Герцен, Аксаков и Беранже в переводах Курочкина с жадностью перечитываются поэтом. Уже в ноябре 1857 года, по собственному признанию, он перечитал «все, что появилось замечательного в нашей литературе» за время его ссылки. «Теперь остались мне одни журналы за нынешний год, и я наслаждаюсь ими, как самым утонченным лакомством». Среди этих журналов первое место занимает, разумеется, «Современник» со статьями Чернышевского и Добролюбова.

В те же годы необычайно возрос авторитет Шевченко-художника и революционера. Его старые, а отчасти и вновь написанные неопубликованные произведения были хорошо известны широкому кругу передовых читателей. Один из новых знакомых Шевченко — Суханов-Подколзин — рассказывает в своих воспоминаниях, что особенно «ухаживали за ним, старались ему угодить наши крепостные люди, все уроженцы Малороссии. Оказалось, что они все давно его знали, что он всем им был близок благодаря тому обстоятельству, что у дворецкого Пивоваренко имелось старое издание «Кобзаря»; эта маленькая засаленная книга переходила из рук в руки, безжалостно трепалась, путешествуя из кухни в переднюю; стихи заучивались наизусть». ² Хорошо знал и высоко ценил его неопубликованные революционные произведения Чернышевский. Ему принадлежит честь первого напоминания о ссыльном поэте в печати. В январе 1856 года он противопоставил творчество поэта-революционера (не называя по цензурным условиям его имени) украинской дворянской литературе. Имея в виду Шевченко, он писал: «К счастью... малорусская литература имела писателей действительно замечательных, людей, которые занимают в русской литературе высокое место и занимали б его и тогда, если бы писали и на обыкновенном литературном языке» (то есть на русском. — М. П.). ³

Приезд Шевченко в Петербург был торжеством всего револю-

---

¹ «Киевская старина», 1889, № 3, стр. 571.

² «Киевская старина», 1885, № 2, стр. 230.

³ П. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III. М., 1947, стр. 436.

ционного лагеря. Близкий к Чернышевскому географ А. И. Макшеев писал: «В Петербурге Шевченко чуть не носили на руках, он сделался знаменитостью...»¹ Между июлем и ноябрем 1858 года состоялось и личное знакомство Шевченко с Чернышевским и его кругом. В число знакомых Шевченко входят выдающиеся представители революционного движения и русской литературы. Чернышевский, Добролюбов, Михайлов, В. Курочкин, Шелгунов, Сераковский, Обручев, Новицкий, Тургенев² и многие другие становятся друзьями украинского поэта. В начале 1859 года он уже близкий к редакции «Современника» человек.

В 1859—1860 годах Шевченко часто и много видится с членами революционного кружка Чернышевского, он постоянный посетитель Чернышевского, друг Ольги Сократовны Чернышевской.³ С Новицким 16 мая 1860 года он ездил на дачу к Чернышевскому. О знакомстве Шевченко с революционной деятельностью Чернышевского свидетельствует шутка, о которой вспоминал Л. Мордовцев. Шевченко пророчил Чернышевскому, что ему придется посидеть в крепости.

О революционной деятельности Шевченко знали его близкие друзья. Художник Л. Жемчужников писал вскоре после смерти Шевченко, что он опасался за дальнейшую судьбу поэта и предлагал ему еще более мрачное будущее, нежели было его прошлое.⁴ Ясно, что речь шла об опасности, которая грозила Шевченко за его участие в подпольном движении. Участие поэта в революционной пропаганде шестидесятников подтверждается фактом его поездки на Украину. 5 мая 1859 года Шевченко обратился с просьбой выдать ему «вид на проезд» на Украину. 25 мая этого года он получил разрешение на поездку. Одновременно III отделение дало указание строго следить за поэтом. Шевченко ведет среди крестьян революционную агитацию. Максимович вспоминает, как он собирал крестьян и «там, на этих сходках рабов, он говорил по душе».⁵ О том же говорят и официальные документы. 15 июля 1858 года Шевченко во время его пребывания в Черкасской волости был арестован и отправлен в Киев. В рапорте черкасского земского исправника указывалось,

---

¹ Воспоминания А. И. Макшеева о Т. Г. Шевченко. — «Русская старина», 1914, № 5, стр. 307.

² Тургенев был вдохновителем французской статьи о Шевченко Эм. Дюрана (см. «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеро-ссмидесятников». М., 1930, стр. 158).

³ М. Шагинян. Тарас Шевченко. М., 1946, стр. 324; «Звенья». т. VIII. М., 1950, стр. 562.

⁴ «Основа», 1861, № 3, стр. 2.

⁵ «Киевская старина», 1886, № 2, стр. 403.

что Шевченко «богохульствовал» и, «кроме того, говорил, что не надо ни царя, ни панов, ни попов». ¹

Сильнейшее влияние Чернышевского сказалося и на отношении Шевченко к либералам и славянофилам. До приезда в Петербург старые друзья Шевченко из числа либералов пытались вовлечь его в круг славянофилов, пропагандировавших реакционно-националистические идеи, идеализировавших патриархальные отношения. Они пытались «причесать» Шевченко, смягчить его бунтарский пафос. 25 марта 1858 года украинский ученый-историк, собиратель народной поэзии М. Максимович дал в его честь обед, на котором присутствовали М. Погодин, С. Шевырев, Аксаковы, Кошелев, А. Хомяков, М. Щепкин, Галаган. За исключением Щепкина, все эти лица принадлежали к лагерю дворянской реакции. Славянофилы мечтали о том, чтобы «пригреть» поэта и наставить на новый путь. С этой же целью они приглашали его к сотрудничеству в их новом журнале «Русская беседа». В январе 1859 года начала выходить газета И. С. Аксакова «Парус». Максимович и Кулиш предложили Шевченко сотрудничество в ней. Шевченко в письме от 22 ноября 1858 года с негодованием отчитал Максимовича за его предложение и в резкой форме указал на реакционность аксаковского «Паруса»: «Не годится мне давать под парус свои стихи и потому еще, что парус этот надувает заступник того вельможного князя (Черкасского. — М. П.), любителя березовой каши». «Это дело не шуточное», — добавляет поэт. Снова и снова проявлялись в его деятельности принципиальность и нетерпимость подлинного революционера. «Непреклонно-настойчивый, — характеризовал Чернышевский Шевченко, — при всей поэтической задумчивости».

В июне 1860 года Шевченко создает убийственно сатирическое стихотворение:

А ты, Аскоченский, восплачь
Воутрие на тяжкий глас,
И Хомяков, Руси ревнитель,
Москвы, Отечества любитель
Об юбкоборце восплачь.
И вся, о Русская беседа,
Во глас единый исповедуй
Свои грехи. . .

И плачь и плачь!

---

¹ «Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах», стр. 221. Шевченко был из Киева выслан в Петербург с фактическим запрещением жить на Украине.

Это стихотворение Шевченко показывает, что его понимание единства реакционного лагеря — от славянофилов с их «Русскою беседою» до митрополита Григория (юбкоборцем его назвал впервые Герцен),¹ и «Домашней беседы» Аскоченского — полностью совпадает с точкой зрения русской революционной демократии. И крайне многозначителен тот факт, что это стихотворение как бы обобщает основные мотивы сатирических выступлений в «Искре» Курочкина, Минаева и других против единого фронта реакции шестидесятых годов.²

Чернышевский стремился к широкому использованию творчества Шевченко для защиты позиций революционной демократии. С этой целью в 1860—1861 годах «Современник» печатает перевод «Гайдамаков» и других произведений Шевченко, статью Добролюбова о «Кобзаре».

«Он — поэт совершенно народный... — писал Добролюбов. — У Шевченко... весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслию, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».³ Чем ближе сходилась Шевченко с Чернышевским и революционным лагерем, тем дальше отходил он от бывших участников «братства», идеологов либеральной украинской буржуазии Костомарова и Кулиша. Костомаров прямо писал: «... тот ошибся бы, кто бы стал думать, что я был особенно с ним близок и дружен...»

Общественно-политические воззрения Шевченко стали неотъемлемой частью идеологии общерусского революционно-демократического движения.

6

К 1858 году, когда Шевченко вернулся в Петербург, он прошел уже сложный и трудный путь идейных и художественных исканий. Весь жизненный опыт поэта, мыслителя, художника учил его ненависти к феодально-крепостническому строю и всем его порождениям в общественной и идеологической жизни.

Но в шестидесятые годы Шевченко поднялся на новые высоты революционно-демократической мысли. Идеи свержения царизма и

---

¹ См. комментарий, стр. 756.

² См. «Северный журнал», 1900, № 268. Воспоминания Д. П. Сильчевского о близости Шевченко и Курочкина.

³ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II, М., 1935, стр. 566.

власти помещиков овладевали умами все более широких кругов народа. «Эти революционные мысли, — указывает В. И. Ленин, — не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский».¹

Шевченко был захвачен могучим идейным потоком. Для него, так же как для Некрасова, Чернышевского и Добролюбова, характерна в эту пору мысль о том, что народ сам возьмется за свое освобождение, когда увидит, как его хотят «освободить». Эти чисто революционные идеи порождали веру в неминуемое и близкое наступление народной революции. Шевченко полностью разделял мысль Чернышевского о необходимости подготовки революционного выступления народа в ответ на реформу 19 февраля 1861 года. Поэт ясно видел, что «банда своекорыстных помещиков» вместе с царской бюрократией готовит чудовищный обман народа. Он предостерегал против «освобождения» и верил, что революционное слово спасет «люди обворованный от царской ласки». Он писал своему названному брату Варфоломею Шевченко: «Кирилловчанам скажи, чтоб они на ту поганую безземельную волю не очень-то зарились».

Поэтическое наследие Шевченко этих лет — вершина его творчества, одно из самых больших достижений украинской культуры.

Тема народного восстания, выдвинутая в его творчестве еще в середине сороковых годов, приобретает теперь большую четкость, конкретность и революционную заостренность. Шевченко на новом этапе общерусского освободительного движения в годы революционной ситуации твердо верит в приход революции:

Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

Трагическими были размышления людей сороковых годов над проблемой революционности народа. Вот почему на Кос-Арале в

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 96.

1849 году у Шевченко вырвался крик боли при мысли об ограниченности и узости революционного воздействия его поэзии:

Уж десять лет свой круг свершили,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня...

Великая мука звучала в его вопросе: «Кому пишу я песни с жаром, За что Украину люблю?» Оценивая эти сомнения, следует помнить слова Герцена: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?» Проблема «революционного народа» заставляла мучительно биться и мысль Шевченко — выход был найден только в шестидесятые годы. Для поэтического воплощения идеалов крестьянской социалистической программы образ Кобзаря не мог в условиях шестидесятых годов являться художественным центром. Фигура Кобзаря в реальном народном сознании не могла слиться с образом поэта — вождя и революционера. И в стихах Шевченко мы слышим новый, могучий голос — голос революционера, поэта нового типа. Пафосом его поэзии становятся политические идеалы «мужицких демократов».

В этот период, когда поэт поднимался на новые вершины революционно-демократической идеологии, более всего ему пришлось по душе мысль Герцена о том мужицком топоре, который разрубит запутанные несправедливые общественные отношения.

...Ножом тупым
Тебя зарежут как собаку,
Иль обухом убьют!..

— писал Шевченко о царе в поэме «Неофиты». Мужичий топор, как символ народной революции, прочно вошел с этой поры в его поэзию.

Влияние вольного русского слова Герцена на Шевченко было огромно. По словам В. И. Ленина, «Герцен развернул революционную агитацию».¹ Великолепный мастер политического памфлета, Герцен организовал «всестороннее политическое обличение самодержавия». Беспощадно разоблачая разложение господствующего класса, он дал блестящие образцы революционной агитации по поводу каждого конкретного проявления полицейско-самодержавного гнета. Страстные и гневные, исполненные сарказма сатирические зарисовки представителей правящих классов пробуждали революцион-

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 14.

ное сознание читателей, будили у Шевченко гнев и ненависть и нашли в его стихах широкое отражение.

В стихотворениях этого периода и в поэмах «Неофиты» и «Юродивый» Шевченко ставит тему морального разложения самодержавно-крепостнического общества. На историческом материале императорского Рима он создает памфлетные, сатирически очерченные образы упоенных безграничной властью правителей, рисует картину страны, подобно России, подавленной полицейским режимом, обманутой и истерзанной грабителями-чиновниками и дворянами. Ненависть ко всему мыслящему, лицемерие и внутреннее бесстыдство, моральная растленность, прикрытая внешней благопристойностью, — таковы черты самодержавной империи, изображенной в «Неофитах».

В поэме «Неофиты» в основе сюжета лежит исторический рассказ о жестоких и кровавых временах деспотического правления Нерона Неофиты — глашатаи новой социальной правды, бесстрашно идут на смерть. Мученик-революционер предрекает:

Закуют царей несытых
В железные путы
И оковами двойными
Руки им окрутят.
И неправедных осудят
Осуждением правым...

Прием переноса действия в эпоху кровавого правления Нерона — характерная черта эзоповского и памфлетного стиля русской революционной публицистики. Герцен очень часто сравнивает Россию первой половины XIX века с императорским Римом, беспощадно обличает «состарившихся, износившихся в разврате» русских царей. Эти исторические ассоциации служили для Герцена оружием сатирического обличения самодержавия. Политическую и сатирическую подоснову своих «античных» поэм сам Шевченко раскрывает читателю в своих полемических и лирических отступлениях. Среди мира беззакония, жестокости, коварства, трусости и предательства высятся устрашающая фигура Нерона — Николая, кровожадного, сластолюбивого и славолюбивого. Беспощадный истязатель, он в царстве грабежа и благонамеренности сам славит себя как бога и воздвигает себе статуи.

Образу тиранов и его слуг Шевченко противопоставлял благородных рыцарей-бунтарей, протестантов, славящих новую правду, которая «встает уже, уже и встала, чтоб фараоны береглись».

В пятидесятые, а затем и в шестидесятые годы поэтизация новых народных героев, подлинных защитников интересов народа, стала

важнейшей чертой революционно-демократической поэзии. Вместе с русскими революционными демократами Шевченко стремится к воссозданию во всей сложности духовного мира революционера. В связи с этим в шестидесятых годах у Шевченко возникает замысел героической поэмы о декабристах.

В ту пору царизм предпринял ряд гнусных попыток осквернить память первых русских дворянских революционеров. Герцен и Огарев выступили с публикацией документов, с историко-публицистическими статьями, восстанавливавшими истину. Огарев страстно писал, что «позор в деле 14 декабря ляжет не на казненных, сосланных и измученных, а на каздивших, сославших и мучивших». «Память наших мучеников, — писал он в той же статье, — останется чистою в русской летописи, какие бы клеветы ни взводили на них преследователи».¹

В связи с чтением этих материалов у Шевченко, повидимому, и рождается в 1857 году замысел эпоса о декабристах — «Сатрап и Дервиш», из которой до нас дошел только небольшой отрывок «Юродивый» (1857). Ранняя смерть Шевченко помешала осуществлению этого замысла. В поэме о декабристах Шевченко хотел нарисовать образы подлинных заступников народных — декабристов, а также их врагов, раболепных холопов «коронованного фельдфебеля» Николая I. «В «Юродивом» только намечается центральная тема поэмы:

Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и норы,
Без дна, глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
Из тьмы, из смрада, из неволи,
Царям и людям напоказ,
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах...

Наиболее значительную часть лирического наследия Шевченко шестидесятых годов составляют стихотворения, посвященные теме народной революции и грядущего нового, демократического строя. В его стихах появляется новый мотив. Он воспекает революционный народ. Раньше он мечтал о приходе «правды», теперь он уже твердо знает, что эта революционная правда родилась, новое поколение

---

¹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, стр. 220, 231.

революционеров-разночинцев появилось, все шире становится их круг, все ближе к ним народ:

Уж солнце всходит над землей
И день приводит за собой,
Зашевелились на престоле
Крепкохребетные цари...
И правды свет горит вдали —

читаем мы в стихотворении «Нигде ни в чем отрады нету» (1860). В его стихотворениях крепнет вера поэта в революционные силы народа. Поэтические лозунги Шевченко утверждают неминуемую гибель царей и «царят» и торжество народного строя:

... Будет бито
Царями сеянное жито.
А люди вырастут. Умрут
Цари и те, что не зачаты...
И на воспрянувшей земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

Грозные поэтические обличения Шевченко направлены против всех темных сил реакции, в том числе и против украинских националистов.

В 1859 году в Петербурге он пишет саркастическое «Подражание XI псалму», в котором обличает либеральное словоблудие и прославляет могучую силу революционного слова.

Союзник и единомышленник русских революционных демократов, Шевченко боролся за великую дружбу, единство, сотрудничество братских русского и украинского народов. Вслед за Чернышевским он бросил в народ призыв к революции:

Напрасно воли поджидаем, —
Она заснула, Николаем
Усыплена. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.

Эти строки написаны Шевченко как бы в ответ на призыв «К топору зовите Русь!», грозно прозвучавший в письме русской револю-

ционной демократии, напечатанном незадолго до этого в «Колоколе». К топору звал русский народ и Н. Г. Чернышевский в своей прокламации «К барским крестьянам».

В шестидесятые годы Шевченко создаст исполненные сарказма и иронии стихотворения, разоблачающие самые основы самодержавно-крепостнического общества. Большое место занимает в его творчестве тема обличения царской власти и церкви. Примечательно, что эта тема все более привлекает внимание поэта с конца сороковых годов. В введении к поэме «Цари» он так заявлял:

Мне самому невероятно
Наскучили все мужики,
Покрытки все и барчуки,
И сбить оскомину приятно
На коронованных главах —
На них, помазанниках божьих. . .

В 1848 году он создает своих «Царей». Вначале это был стихотворный цикл, изображающий несколько легендарных и исторических царей и князей. Но затем в 1858 году Шевченко объединил их в одну поэму, реалистически рисуя моральное вырождение, звериную жестокость и сластолюбие не только царей, но и князей церкви. Основная цель переделок 1858 года — обострение памфлетной, сатирической тенденции, усиление антицарской и антирелигиозной направленности поэмы.¹ Образы лицемерных, жестоких и похотливых царей разбивают народную веру в доброго царя. Похотливость Давида, моральная растленность Амона и святого Владимира, который и город подпалил и растлил юную Рогнеду, вызывают гневное заключение:

Землей враги владеют злые.
Так вот какие все святые
Они, цари!

В редакции 1858 года появился пятый раздел, который замыкает сюжет поэмы новым обращением к музе. Это обращение (его не было в первой редакции) смягчает безысходность картин этого разгула царской неправды и намечает программу жизни и творчества. Примечательно, что теперь, в 1858 году, он уже ясно различает время, когда палачи будут «карать» царей. «Конец им, палачам людским».

---

¹ См. И. Айзеншток. Як працював Шевченко. Кіев, 1940.

Где нет священной нашей воли,
Там добрых дел нам ждать отколе? —

спрашивает поэт и отвечает:

Что ж голову себе дурить?
Идем в селения: там люди.
Где люди — хорошо там будет,
Там будем жить, людей любить, —

такова основная заповедь поэта-революционера. Правду, красоту, благородство, любовь к жизни нужно искать только среди простых людей, трудового люда, которые чувствуют это живее, чем их «сильные и сытые» угнетатели. В этом смысл революционной «Молитвы» Шевченко, в которой утверждается, что весь мир, все его богатство и прелесть должны принадлежать народу.

В поэме «Мария» (1859), в лирических стихотворениях «Сон», «Сестре», «Играли вместе, подросли», в гневных сатирах «Хотя лежачего не бьют», «Сраженья были, распри — все бывало», в подлинно народных песнях «Течет вода от явора», «Девушка, мила, красива» поэт воссоздает широкую картину народной жизни и накопления революционной энергии народа. Идея утверждения демократического строя, идея равенства — самая революционная идея в борьбе со старым порядком — пронизывает поэзию Шевченко 60-х годов. Подлинно народное миропонимание Шевченко нашло выражение и в высокой патетике революционно-исторической поэмы, и в резкой беспощадной иронии обличительной сатиры, и в тончайшем словесном рисунке глубоко интимной, задушевной поэзии и политической лирики. Шевченко был мастером многочисленных поэтических жанров. При этом основная черта всех его стихотворений — строгое следование жизненной правде.

Революционная мысль, глубоко прочувствованная и осознанная, — главная сила таких стихотворений, как «Я, чтоб не сглазить, не хвораю» (1858), «Молитвы», «Свете тихий! Свете ясный!» (1860) и др. Превосходным образцом политической лирики Шевченко является его стихотворение «Сон» (1858). В нем пленительный образ матери-крестьянки, изнывающей на панском поле, вызывает горячее чувство протеста против крепостного права. Стихотворение насыщено ощущением красоты жизни, земли и горечью тяжелых условий жизни людей.

Значительная часть стихотворений Шевченко, написанных в 1857—1861 годах, посвящена искусству. Уже в «Неофитах» он про-

возглашает основную заповедь своей эстетики: искусство должно активно бороться за народную правду, —

Щоб слово пламенем взялось,
Щоб людям сердце резотило...

Знаменательно, что первыми стихотворениями, созданными поэтом в Нижнем-Новгороде, были «Доля», «Слава», «Муза» (1858), объединенные важнейшей для поэзии Шевченко шестидесятых годов темой сущности революционной поэзии, гражданского долга поэта. Шевченко, так же как и Некрасов, остро осознавал необходимость поэтического раскрытия природы нового революционного искусства. Само его творчество являлось примером единства революционной политической направленности и реализма. В стихотворении «Доля», как бы подводя итог своему пути, поэт писал (цитируем в переводе Курочкина):

Я пред людьми не лукавил,
И не столкнулся я с судьбой,
Я прямо шел, я не оставил
Зерна неправды за собой...

И эта тема правды находит дальнейшее развитие в образе «пречистой и святой» музы, заступницы народной. Характерно, что этой лирической трилогии придавали особое значение русские поэты-демократы. Полностью эти стихотворения впервые появились не на украинском, а на русском языке, в переводе Курочкина в журнале «Народное дело».

Поэтическое обобщение эстетической позиции Шевченко становится важнейшей темой его лирики. В стихотворениях «Марку Вовчку», «Нет, бога я не упрекаю», «Так не пора ли понемногу» мы находим эстетический манифест Шевченко, эстетическое крело всей революционной поэзии шестидесятых годов. В обращении к Марку Вовчок — «пророку и обличителю жестоких» — он тепло говорит о живительной силе ее творений:

...И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову...

Так возникает в его поэзии замечательный образ поэтической «нивы», засеянной «ясной волн зернами». Это программное стихотворение Шевченко завершает полувектовую эволюцию образа поэта-сеятеля, от декабристов и Пушкина до Некрасова и Шевченко.

...Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожаю жду святого.
А вдруг сберу...

В поэзии Шевченко большое место занимают образы слез и крови народной. Почти все его поэмы и стихотворения полны упоминаниями о слезах, плаче, о безысходном горе. «Виспівую, та плачу», — говорит поэт сам о себе. Этот образ стихов-слез сам по себе знаменателен и характерен для поэзии Шевченко.

Если бы в поэзии Шевченко не было трагической интонации, она не была бы объективным и художественным отражением современной поэту действительности. Трагизм этот определялся не только бесчеловечными условиями жизни крепостного люда, но и уровнем политического сознания широких народных масс в те годы. Это и вызвало строки Шевченко:

І день іде, і ніч іде,
І голову схопивши в руки,
Дивуєшся, чому не йде
Апостол правди і науки!

Но эта трагическая интонация не уничтожает шевченковского оптимизма, шевченковского утверждения жизни. Любовь к родине, близость и кровная связь с народом открывали Шевченко путь к пониманию неисчерпаемых возможностей этого народа. Шевченко жил верой, что

Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опояшут мир; не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой, —
И пустыней завладеют
Веселые села...

Вот почему горе и слезы не лишают поэзию Шевченко мужественности, героичности. В его словаре особое значение имеет также

и другое общенародное слово: проклинать, клясть. Оно встречается так же часто, как и плач:

Нет, боже, не хвала, не радость,
А кровь, да слезы, да хула,
Хула всему, всему! Не знают
Святого люди ничего!
Уже — ты слышишь! — проклинают
Тебя, владыка, самого!

Герои поэм Шевченко проклинают бога и царей, помещиков и попов, злую долю и тяжелую неволю. В программном введении в поэму «Мария» Шевченко сам указывает, что его поэзия — выражение дум и затаенных чаяний угнетенного крестьянства. Радостная песня зазвучит в его стихах тогда, когда правда, справедливость, воля народная воцарятся в мире:

А я, незлобный, воспую,
Когда вздохнется легче селам,
Псалмом спокойным и веселым
Святую долюшку твою.
А ныне — плач, и скорбь, и слезы. . .

* * *

Поэзия Шевченко не укладывается ни в какие схемы и общепринятые представления. Его исполинская фигура полна самобытности. Тайна огромного исторического и художественного значения творчества Шевченко заключена в народности. Шевченко жил с народом, выражал его современные запросы и чаяния и тем самым закладывал основы культуры своего народа, вел его за собой. Народность Шевченко проявилась прежде всего в его поэмах, в которых изображалась жизнь народа с точки зрения самого народа и в народной форме. Поэмы Шевченко — «Гайдамаки», «Сон», «Неофиты», «Княжна», «Варнак», «Мария», его стихотворения приобрели исключительное политическое и художественное значение.

Народность Шевченко проявилась в языке его произведений. Чернышевский уже тогда указывал, что подлинным создателем литературного и народного языка Украины был Шевченко. Чернышевский писал, что Шевченко не стал бы сотрудничать в националистическом галицийском журнале «Слово», ибо там придумали «себе особенное ломаное наречие». Шевченко широко ввел в украин-

скую поэзию речь украинского мужика. Но необычайное разнообразие и богатство оттенков философской и политической мысли, настроений и ощущений потребовали от поэта расширения значений слов, понсков отточенных понятий и оборотов для передачи драматических и социальных коллизий, философско-исторических полотен. Тончайший стилистический рисунок отличает его стихотворения. Наряду с введением чисто народных оборотов и слов Шевченко прибегает к славянизмам, к новой еще в украинской литературе философско-политической лексике. В стихотворении «Свете тихий! Свете ясный!», пронизанном антирелигиозной тенденцией, народная лексика блестяще сочетается с церковнославянизмами и новыми политическими понятиями. Поэтому здесь появляются рядом «багряницы» и «онуци», «явленные <иконы>» и «люльки», идея вольного мира и образ: «новую хату выметать»:

Будем, брате,
З багряниць онучі драти,
Люльки з кадил закуряти,
Явленними піч топити,
А кропилом будем, брате,
Нову хату вимітати.

Обыденные народные понятия приобретают новое, широкое философское и политическое значение. Так, часто переосмысливается в его поэзии образ посева, ржи посеянной и т. д. «Буде бите царями сіяне жито!» — пишет Шевченко, говоря о кровавом посеве царей. Даже в первых своих произведениях Шевченко необычайно расширяет семантическое значение народной речи.

Своеобразие поэзии Шевченко сказывается и в его ритмике. Новая поэтическая интонация — страстная, драматическая и напряженная — требовала нового стиха.

Разнообразие ритмов Шевченко — могучее средство художественного обобщения. Большую роль в разработке стихотворных размеров Шевченко сыграла украинская народная поэзия. М. Рильский писал, что «стихотворное наследство Шевченко делится на две основные группы. Первая — это так называемые «коломишковские» стихи по схеме 8 слогов, 6 слогов с общей хорейческой тенденцией, но с очень свободным размещением ударений; и вторая группа — это 11—12-слоговый стих (колячковый) с общей амфибрахической тенденцией, но тоже с весьма свободным расположением ударений по обе стороны обязательной цезуры». Однако эти две основные формы народного стиха получают у Шевченко необычайно разнообразное

развитие. Сложный ритмический рисунок Шевченко дополняется сложностью строфики, свободным чередованием в пределах одного произведения самых разнообразных размеров. Все это помогает ему создавать произведения огромного художественного обобщения. Следует отметить также исключительное разнообразие, гибкость и сложность ямба в поэзии Шевченко.¹

Богатство ритмов, разнообразие рифм и ассонансов делает стихи Шевченко необычайно мелодичными и музыкальными. Мелодичность и придает его поэзии глубокую эмоциональность, страстность и взволнованность.

Великий художник, мыслитель и революционер Шевченко был создателем новой украинской литературы.

Огромны были планы Шевченко, он мечтал об украинском журнале — органе революционно-демократических идей, о создании учебников для народной школы,² но дни его были сочтены. Кипучая революционная и литературная деятельность поэта была прервана тяжелой болезнью. 10 марта 1861 года в 5 часов 30 минут он умер. Смерть Шевченко была тяжелым ударом для общерусского революционного лагеря.

Бессмертно поэтическое наследие Т. Г. Шевченко. Выражая исторический момент общества, в недрах которого зрела крестьянско-социалистическая революция, готовилась ломка старых политических и эстетических норм, — Шевченко стал истинным наследником прогрессивных традиций русской культуры. Вооруженный революционно-демократической идеей, которой он был обязан русской революционной мысли и литературе, а также своему участию в революционном движении, он поднялся к высотам подлинно реалистической поэзии, с ее глубоким пониманием исторически созревших задач освобождения народа. Герцен говорил, что Шевченко «совершенно народный писатель, как Кольцов, но он имеет гораздо большее значение, так как Шевченко также политический деятель и явился борцом за свободу».³ Подчеркивая нерасторжимость связи между «внутренней жизнью» истинного поэта и жизнью общества, Белинский писал: «Великий поэт, говоря о себе самом, о своем я, говорит об

---

¹ Из 20430 стихов «Кобзаря» 11831 написаны народным размером, 6381 — четырехстопным ямбом (то есть 31% всего наследия). См. Ф. Колесса. Студії над поетичною творчістю Т. Шевченко. Львов, 1940.

² В 1861 году он выпустил «Букварь южнорусский», который не был допущен к продаже. Задумывал он и другие учебники.

³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. XXII. Пг., 1919, стр. 129.

общем — о человечестве, ибо в его природе лежит все, чем живет человечество...» Эти слова полностью применимы к лирике Шевченко — истинно народного поэта, в творчестве которого выразился огромный исторический период в развитии общерусского революционного движения от сороковых до шестидесятых годов XIX столетия. Исключительно велико его значение как художника, воплотившего все разнообразие украинской народной жизни, богатой дарами природы человеческой личности. Именно близость к своему народу, правдивое изображение его жизни сделали Шевченко великим поэтом и духовным вождем украинского народа. А это в свою очередь придало его поэзии мировое значение. Невиданный размах изображения народной жизни, проникновение в тайны национального характера сделали поэзию Шевченко не только вершиной украинской литературы, но и огромным явлением мировой культуры. Вот почему благородная фигура украинского поэта стала близкой и родной различным народам мира, в особенности славянским, в литературной судьбе которых он играл поистине исполнинскую роль. Поэтическое наследие Шевченко — гениального сына украинского народа, создателя новой украинской литературы — близко и дорого русскому народу и русской культуре. Общность национальной судьбы, общность истории и культуры братских русского и украинского народов особенно яркое выражение нашли в деятельности и поэзии Т. Г. Шевченко, в грандиозном размахе его творчества, о котором можно сказать его словами:

Неначе наш Дніпро широкий,
Слова його лились, текли,
І в серце падали глибоко.

М. Поляков

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

ПОРЧЕНАЯ

Ревет и стонет Днепр широкий,
Сердитый ветер вербы гнет,
Вздымает горы волн высоких
В туманный, бледный небосвод.
Неясный месяц в эту пору
Сквозь тучи изредка светил,
Как будто челн на синем море
То утонул, то вновь скользил.
Еще и петухи не пели,
Лишь в молчаливой той ночи
Сухие ясени скрипели
Да в чаще ухали сычи.

В ночь такую под горою,
Около той чаши,
Что чернеет над водою, —
Призрак ли скользящий?
Не русалочка ли ищет
Свою мать родную?
Не ласкать ли казаченька
Вышла в ночь глухую?
Не русалочка блуждает, —
Девушка там бродит
И не знает (сглазил кто-то),
Что с ней происходит.
То колдунья натворила,
Чтоб меньше скучала,

Чтоб, во сне до полуночи
Бродя, поджидала
Казаченька молодого,
Что весной покинул;
Обещал ей воротиться,
Да, выходит, сгинул.
Не китайкою покрыты
Казацкие очи,
И не слезоньки любимой
Лицо ему мочат —
Выклевал орел те очи
В чужедальнем поле,
Тело волки разорвали, —
Вот казачья доля!
Значит, девушка напрасно
Друга ожидает. . .
Не вернется чернобровый
И не приласкает,
Длинных кос не расплетет ей,
Платка не завяжет;
Не в постель, а в домовину
Сиротою ляжет!

И вот ее доля. . . О господи милый!
За что ты караешь ее, сироту?
Что очи казацьи она полюбила
Так сильно? . . Прости же несчастную ту!
Кого ей любить? Ни отца, ни родимой:
Одна, словно пташка, в далеком краю!
Пошли же ей счастья, позволь быть любимой,
Ведь люди чужие ее засмеют!
Виновна ль голубка, что голубя любит?
Виновен ли голубь, что соколом сбит?
Подружка воркует, горюет и тужит.
Все ищет, не знает, куда и летит.
Но счастье дано ей: высоко летает —
До бога до самого — друга искать. . .
А та сиротинка откуда узнает?
И кто ей расскажет, и кто разгадает,
Где милый ночует: в лесу ли плуствует,
Иль в быстром Дунае коня напоил.
Иль, может, с другою, другую ласкает, —

Ее, чернобровую, может, забыл?
Когда бы ей крылья — над миром парила б,
И друга за синим бы морем нашла,
Живого б любила, а ту задушила б, —
А умер он — в землю бы рядом легла.
Не так сердце любит, чтоб с кем-то делиться,
Не так оно хочет, как бог повелел:
Оно жить не хочет, не хочет томиться,
Грустить и кручиниться — горький удел!
О господи милый, тяжка твоя воля, —
Вот все ее счастье, вот вся ее доля!

Безмолвная, она по кручам
Все бродит. Днепр молчит, застыл,
И ветер, разорвавши тучи,
Вдали у моря опочил.
А месяц с неба так и блещет;
Недвижен лес, вода не плещет, —
Кругом ни звука, ни души.
Внезапно из днепровской глуби
Вверх выплывают малыши.
Кричат, поют: — Мы греться любим,
Уж солнце скрылось! (Голыши,
Осока — косы их девичьи.)

. . . . .
— Вы все ли в сборе? — мать их кличет. —
Пойдемте ужинать скорей.

— Поиграем, погуляем,
Нашу песню напевая:
«Ух, ух!

Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеною забыла.

Месяц миленький!
Ты голубчик наш!

К нам приходи вечерять ты:
У нас казак в очерете,
В очерете он, в реке,
Блещет перстень на руке;
Молоденький, чернобровый, —
Нашла вчера у дубровы.

Свети дольше в чистом поле,
Чтобы нагуляться вволю,
Пока ведьмы тут летают,
Петухи не запевают,
Посвети нам. . . Кто там ходит?
Кто под дубом тихо бродит?

Ух, ух!

Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеною забыла».

И некрещеные смеются. . .

Лес отозвался: гомон, гул.

Бездумным роем дети вьются,

Слетаясь к дубу. . . Ни гу-гу!

Некрещеные очнулись,

Что-то там мелькает,

По стволу наверх взбираясь,

Ветви раздвигает?

Может, это та дивчина,

Что во сне бродила, —

Вот колдунья ей какую

Порчу причинила.

Она влезла, на верхушке

Встала, оглянулась

И спускается на землю, —

Сердце ей кольнуло!

А русалочки у дуба

Молча поджидали.

Взяли ее, сердечную,

И защекотали.

На красу ее смотрели

Русалки безмолвно.

Лишь пропел петух — нырнули

В днепровские волны.

Жаворонок в поднебесье

Взвился с щебетаньем,

И наполнила кукушка

Чащу кукованьем.

Соловейюшка защелкал —

Песня не стихает.

Покраснело за горою.

Пахарь напевает.
Лес чернеет, где когда-то
Бились ляхи-паны,
Засинели издалече
Старые курганы.
Пошел шелест по дуброве,
Шепот в чаще черной;
А дивчина спит под дубом
У дороги торной.
И не слышит, что кукушка
Кукует без толку, —
Спит, очей не открывает,
Спать легла надолго.

Той порою из дубровы
Казак выезжает.
Вороной под ним усталый
Медленно ступает.
— Изнемог, товарищ добрый!
Дом не за горою:
Близко хата, где дивчина
Ворота открывает.
Может быть, уже открыла,
Да не мне — другому...
Поспешай же, конь, скорее, —
Скоро будем дома! —
Вороной устал, не скачет,
Шагнет и споткнется.
Боль под сердцем казаченька
Змеей лютой вьется.
— Вот уже и дуб кудрявый...
Она! Боже милый!
Спит: как видно, было трудно
Ждать ей, сизокрылой. —
Спрыгнул он с коня — и к милой:
— Боже ты мой, боже! —
Зовет ее и целует...
Только не поможет!
— Так за что ж нас разлучили,
Милая, с тобою? —
Зарыдал он, разбежался —
О дуб головою!

Дивчата на поле с серпами
Идут и знай себе поют:
Как татарва сражалась с нами,
Как мать прощалась с сыном тут.
Идут — и видят: конь измучен
У дуба старого стоит,
А рядом — с милой неразлучен —
Казак молоденький лежит.
И с любопытством, но несмело
Подкрались, чтобы напугать.
А как увидели в чем дело —
С переполоху ну бежать!

Собрались, сошлись подружки, —
Слезы вытирают.
Собрались, сошлись казаки, —
Две ямы копают.
А пришли попы с крестами, —
Колокол рыдает.
С честью их похоронили,
Как и подобает.
И окрай дороги, в жите,
Спят они в могиле.
Так никто и не узнает,
За что их убили.
Посадили ель да явор
Над его могилой
И багряную калину
В изголовье милой.
Прилетает к ним кукушка,
На ветвях кукует;
Соловей над ними сладко
Что ни ночь тоскует;
Заливается, поет он,
Пока месяц блещет,
И днепровские русалки
Греются и плещут.

1837(?), Петербург

* * *

Ветер буйный, ветер буйный,
Ты ведь с морем споришь, —
Взволнуй ты, разбуди его,
Поговори с морем.
Оно милого бывало
На волне качало;
Далеко ли сине море
Милого умчало?
Если друга утопило —
Разбей сине море;
Пойду искать миленького,
Топить свое горе.
Утоплю свою недолю,
Русалкою стану,
Поищу в пучине черной,
На дно моря кану.
Найду его — прильну к нему,
На груди замлею.
Неси меня, море, с милым
Куда ветер веет!
Если милый там, за морем, —
Ты, мой буйный, знаешь,
Как живет он, где ночует,
Ты его встречаешь.
Если плачет — и я плачу;
Нет — я распеваю;
Коль погиб мой чернобровый —
И я погибаю.

Тогда неси мою душу
Туда, где мой милый,
И поставь калиной красной
Над его могилой.
Будет легче сиротине
В могиле постылой;
Будет милая склоняться
Цветком над могилой.
И цветком я и калиной
Цвести над ним буду,
Чтоб не жгло чужое солнце,
Не топтали люди.
На закате погрузу я,
Всплакну на рассвете;
Взойдет солнце — вытру слезы,
Никто не заметит.
Ветер буйный, ветер буйный!
Ты ведь с морем споришь.
Взволнуй ты, разбуди его,
Поговори с морем. . .

1838, Петербург

НА ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ КОТЛЯРЕВСКОМУ

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину,
Над водою гнет с лозою
Красную калину;
Одинокое на ветке
Гнездышко качает.
Куда ж скрылся соловейко?
Кто об этом знает.
Вспомни злое — да что толку:
Все прошло, пропало;
Вспомни счастье — сердце вянет:
Зачем не осталось?
Вот я гляну да припомню:
Как ночь наступает —
Защебечет на калине,
Всяк ему внимает.
Богатый ли, кого доля,
Как родного сына,
Утешает, привечает, —
Не минет калину.
Сирота ль, что на работу
Понутру вставая,
Остановится и слышит:
Будто мать родная
Там с отцом велет беседу —
Сердце бьется, любо. . .

Божий мир — как светлый праздник,
И люди — как люди!
Или девушка, что в грусти
О милом гадает,
Вянет, сохнет сиротою,
Как ей быть, не знает.
На дорогу выйдет, глянет,
Да поплачет в лозах.
Защебечет соловейко —
И высохнут слезы.
Послушает, улыбнется,
Лесом зашагает. . .
Словно с милым говорила. . .
А он распевает, —

Да часто, да ровно, как господа молит.
А выйдет убийца в лесу погулять
С ножом — и откликнется эхо в раздольи,
И снова замолкнет: зачем щебетать?
Не удержишь злодейскую душу убийцы,
И песней добру не научишь ее.
Пока не погибнет, пускай себе злится,
Покуда не крикнет над ним воронье.

Заснет долина. На калине
И соловейко задремал.
Повеял ветер по долине —
И отголосок зазвучал;
Гуляет эхо — божье слово.
Бедняк поднимется с зарей,
Пойдут дубравною коровы,

Дивчата выйдут за водой,
И солнце глянет — все ликует!
Смеется верба — день горит!
Злодей заплачет, затоскует.
Так было встарь — теперь смотри:

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину;
Над водою гнет с лозою
Красную калину;
Одинокое на ветке
Гнездышко качает.

Куда ж скрылся соловейко?
Кто об этом знает!

Недавно, недавно по всей Украине
Старик Котляревский вот так распевал;
Замолк он, бедняга, навеки покинул
И горы и море, где прежде витал;

Где Эней свою ватагу
Водил за собою —
Все осталось, все тоскует,
Как руины Трои.
Все тоскует — только слава
Солнцем засияла;
Не умрет кобзарь — навеки
Эта слава встала.
Будешь долго ты в почете,
Пока живы люди;
Пока солнце с неба светит,
Тебя не забудут.

Душа справедливая! Вот мое слово
Простое, от сердца. Прими, привечай!
Не кинь, как дубравы, раздолья родного,
Не кинь сиротой, прилтай ко мне снова
И про Украину опять запевай!
Пускай улыбнется сердце на чужбине,
Хоть раз улыбнется, увидев, как ты
Всю славу казацкую словом единым
Перенес в простую хату сироты.
Мой сизый орел, прилтай! Одиноким
Живу сиротой в чужедальнем краю;
Любуюсь я морем широким, глубоким,
Уплыл бы отсюда — челна не дают!
Припомню Энея, семью дорогую,
Припомню — по-детски в слезах затоскую.
А волны в тот край всё идут и ревут.
А может, я, темный, ничего не знаю,
Может, и за морем плачет доля злая, —
Сироту повсюду люди осмеют!
Пускай бы смеялись — там море играет,
Там солнце, там месяц сияет ясней.
Там ветер с курганом в беседу вступают,
Там и одиноким не был бы я с ней.

Душа справедливая! Вот мое слово,
Простое, от сердца. Прими, привечай!
Не кинь, как дубравы, раздолья родного,
Не кинь сиротой, прилетай ко мне снова
И про Украину опять запевай!

1838, Петербург

* * *

Течет вода в сине море,
Да не вытекает;
Ищет казак свою долю —
Нигде не встречает.
И пошел казак по свету —
Буйно сине море,
Буйно сердце казацкое,
Разум с сердцем спорит:

«Куда пошел, не спросился?
На кого покинул
Отца и мать родимую,
Милую дивчину?
На чужбине не те люди,
С ними жить не сладко!
Не с кем будет слова молвить,
Не с кем и поплакать».

Грустит казак на чужбине, —
Буйно сине море;
Думал, счастье где встретится, —
Повстречалось горе.
А журавли летят себе
К чужедальним странам.
Плачет казак — все дороги
Заросли бурьяном. . .

1838, Петербург

ДУМКА

Тяжко, тяжело жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприятно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
Колосья собирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Хорошо богатому:
Его люди знают;
А со мной как встретятся —
И не замечают.
Ведь богатый, хоть горбатый, —
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.
— Иль тебе не нравлюсь: силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко,
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,
Как вспомнишь порою.

Я покину край родимый —
Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтый. —
И ушел казак далеко,
Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал, смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжело на чужбине
С жизнью распротиться!

2 ноября 1838
Гатчина

* * *

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе? . .

Ведь вас горе на свет на смех породило.
Поливали слезы. . . Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле? . .
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклиная долю,
Почему томлюся. — Ничего, иди! —
Не сказали б на смех. . .

Цветы мои, дети!
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,
Как я с вами плакал. . . Может, угадал?
Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы, —
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась. . .
И. . . пан над панями! . .
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами! . .

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи. . .
И поля и те курганы,
Что на Украине. . . .
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине. . .
На совет казацье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Сзывать не хотело. . .
Пусть же там, на Украине,
Души их витают, —
Там веселье, там просторы
От края до края. . .
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, ревут пороги,
И курганы — горы.
Родилась там, красовалась
Казацкая воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Трунами покрыла поле,
Прилегла, устала —
И курган высокий вырос,
Пока отдыхала.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают.
Распевают про былое,
Убоги, незрячи.
Им поется. . . А я. . . А я. . .
Только горько плачу,
Только плачу об Украине. . .
А слов не хватает. . .

А про горе... Да чур горю!
Кто его не знает?!
А кто пристально посмотрит
На людей душою —
Ад ему на этом свете,
На том же...

Тоскою

Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пускай злыдни живут три дня, —
Я их закопаю.
Закопаю, пусть у сердца
Грусть змеей свернется,
Чтобы враги не видели,
Как горе смеется...
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и кричит,
А сердечко соловейком
И поет и плачет
Тихо, — люди не увидят
И не посмеются...
Слез моих не утирайте,
Пусть ручьями льются,
Пусть они чужое поле
Моют дни и ночи,
Пока попы не засыпят
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж сироте завидует,
Карай того, боже!

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Что вас ждет на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Сиротами под плетнями,
А я здесь уж сгину.
Там найдете сердце друга,

Оно не лукаво,
Там найдете, дети, правду,
А может, и славу...
Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

1839, Петербург

ПЕРЕБЕНДЯ

Перебендя слепой, старый, —
Кто его не знает!
Он повсюду скитается,
На кобзе играет.
Кто ж играет, того люди
Знают, привечают:
Он тоску им разгоняет,
Хоть и сам страдает.
Горемыка, он ночует
И днюет под тыном —
Нет ему угла на свете;
Горькая судьбина
Насмехается над старым,
Что ни день — то хуже!
А ему — ничто: затынет
«Ой, не шуми, лу же!..»
Станет петь, да и припомнит,
Что он сиротина;
Погорюет, потоскует,
Прислонившись к тыну.

Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Запоеет о Ч а л о м — кончит
Г о р л и ц е й нежданно;
С дивчатами на выгоне —
Г р и ц я да В е с н я н к у;
В шинке, с парубками вместе —
С е р б и н а, Ш и н к а р к у;

С женатыми на пирушке
(Где свекровка злая) —
О недоле, вербе в поле,
А потом — У г а ю;
На базаре — о Л а з а р е,
Или — чтобы знали —
Тяжко, скорбно запоет он,
Как Сечь разорjali.
Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет шуткою, а кончит
Слезами неожиданно.

Ветер веет, повеваает,
По полю гуляет.
Сидит кобзарь на кургане,
На кобзе играет.
Вкруг, как море широкое,
Зеленеют степи;
За курганами курганы
Вдаль уходят цепью.
Чуб седой, усы седые
Треплет ветер яро;
Вдруг уляжется послушать,
О чем поет старый;

Как сердце смеется, слепой старик плачет. . .
Он слушает. . . веет. . .

Укрылся вдали
На степном кургане от людей незрячий,
Чтоб по полю ветры слова разнесли,
Чтоб людям не слышать — ведь то божье слово,
То сердце неспешно с богом говорит,
То сердце щебечет господнюю славу,
А дума по свету на туче летит.
Орлом сизокрылым летает, ширяет,
Небо голубое широкими бьет;
Присядет на солнце, его вопрошает:
Где оно ночует? Как оно встает?
Послушает море, о чем плещет в споре,
И гору он спросит: молчишь почему?
И снова на небо — на земле ведь горе,
Ведь на ней, широкой, нет угла тому,

Кто сердцем все знает, кто сердцем все чувствует:
О чем ропшет море, где солнце ночует —
Пристанища нету на свете ему!
Один, точно солнце на небе высоком;
Известен он всем, Перебендя слепой.
А если б узнали, что он, одинокий,
Поет на кургане, шепчется с волной,
То божие слово давно б осмеяли,
Его бы глупцом обозвали, прогнали.
«Пусть бродит, — сказали б, —
над морем, шальной!»

Хорошо, кобзарь, отец мой,
Хорошо, что ходишь
На курган и словом, песней
Душу там отводишь!
И ходи, мой голубь сизый,
До поры, покуда
Не заснуло сердце, — пой там
Вдалеке от люда.
А чтоб люди не чурались,
Тешь их иногда ты...
Что ж, пляши под дудку пана —
На то он богатый!

Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет свадебной, а кончит
Грустною нежданно.

1839, Петербург

КАТЕРИНА

*Василию Андреевичу Жуковскому —
в память 22 апреля 1838 года.*

I

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди —
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали,
А дивчина погибает
В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
Кляня долю злую,
Но бывает за собою
Тянет мать родную.
Сердце с песней вянет, зная,
Из-за чего вянет.
И никто и не заметит
И жалеть не станет.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди —
Смеются над вами.

Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —
С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.

Полюбила молодого,
В садочек ходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.
Мать звала вечерять дочку —
Дочка не слыхала:
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Не две ночи ему очи
Крепко целовала,
Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Но пускай дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась —
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли.
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Хорошо и петь и плакать
О своем любимом.
Обещался чернобровый:
Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь.
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —
Слезы вытирает.
А на улице дивчата
Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина,
А ночной порою
Берет ведра молчаливо,
Идет за водою.
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,

Станет себе под калиной,
Запоет о Грице.
Так залется, что калина
Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина,
Ничего не знает.
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело.
Захворала Катерина,
Слегла, ослабела.
Занедужила бедняжка —
Еле-еле дышит. . .
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
Стройна и красива,
И не зря она качает
Солдатского сына:
Что искала — получила. . .
Уж не ты ль учила? . . . —
Дай вам, боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как дивчину, что вам на смех
Сына породила!

Катерина, мое сердце!
Ой, беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С горьким сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться.

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу.
Под окном ласкает сына,
Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет? ..
Хоть бы в сад пошла поплакать.
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина
В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
Здесь его встречала,
А вот там... сынок, сыночек...»
И не досказала...

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни,
В тихий садик Катерина,
Как и прежде, вышла,
Но уже не запекает,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали.
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты.
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,
И ему не видно,
Как враги над ней смеются
И как ей обидно.
Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?

Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
Нигде он не сыщет:
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.
Черны брови, кари очи,
Молодая сила. . .
Только счастья мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья — ты на свете
Как в поле цветочек:
Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами! —
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился
И на свет смотреть не хочет,
В думу погрузился.
На скамейке возле мужа
Села мать-старуха.
И, слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
— Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?
Где жених запропастился?
Куда делись сваты?
Все в Московщине. Ступай же,
Там проси защиты.
А о матери родимой
Лучше промолчи ты.
Знать, в несчастную минуту
Тебя породила.
Если б знала, что так будет, —

Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
Цветик ты мой ясный!
Словно ягодку на солнце
Я тебя растила.
Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?..
Что ж... ступай в Москву к свекрови!
Так уж, видно, нужно
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся.
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края...
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?..
Дочка, доченька родная,
Цветик ты мой вешний!..
Что ж... иди! —

И пошатнулась,
В путь благословляя.
— Бог с тобою! — И упала
Словно неживая...
— Уходи! — прибавил старый. --
Что остановилась? —
Зарыдала Катерина,
В ноги повалилась:
— Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!

— Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет!

Еле встала, поклонилась,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики-сироты.
В тихом садике вишневом
Помолилась богу
И взяла шепоть землицы
С собою в дорогу.
— Не вернусь я в край родимый, —
Катря говорила, —
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу;
Но пускай своей хоть горстка
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Любям пусть расскажет. . .
Не рассказывай, не надо, —
Где б ни закопали —
Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь. . . Он расскажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Матерь пресвятая?
Знать, найду приют навеки
Под тихой водою.
Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
Без отца. —

Идет Катруся.

Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет,
Назад оглянулась.
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.

Стала в поле словно тополь
У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина.
Только крепче прижимает
Да целует сына.
А сыночек-несмышлениш
Не знает заботы,
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село,
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали,
Только тех речей родные
Уже не слышали.

Вот что делают на свете
Людам сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит.
А за что? Господь их знает!
Глянешь, свет широкий —
Только негде приютиться
Людам одиноким.
Одному даны просторы
От края до края,
А другому — три аршина,
Могила сырая.
Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,
С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?

Есть на свете люди —
В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают,
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся --
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж золото,
Богачами станьте,
А горькие слезы
Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!

III

Кричат совы, спит дуброва,
Звездочки сияют.
У дороги, в свежих травах,
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла --
Кого счастье, кого горе
За день утомило.
Всех собрала, уложила,
Словно мать, колышет. . .
Где ж Катруся приютилась?
Под какую крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Брови черные, вам лучше б
Вовсе не родиться,

Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что же дальше будет с нею?
Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги. . .
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына
Или отвернется?
С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!
Он и встретит и приветит,
Как свою родную. . .

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного. . .
А пока что разузнаем —
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
Дай бог век не мерять! . .
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: врет он — и признаться
В том, что врет, не хочет,
Слова тратит понапрасну
Да людей морочит. —
Правда, люди, правда ваша!
Вам какое дело
До того, что мое сердце
Выплакать хотело?
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо. . .
Чур же, хватит! А покамест
Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе —

Чтобы после снилось, —
Да ну его, братцы, к бесу!
Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки шагают.
Пугача в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодница —
С богомолья, что ли.
Отчего ж печально смотрит,
От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поровнялась,
Малыша прикрыла.
— Укажите, где дорога
На Москву? — спросила.
— На Москву? Вот эта будет,
А идешь далеко?
— До Москвы я... Христа ради
Дайте одинокой! —
Попросила, застыдилась —
Ой, как брать ей тяжко!
И не надо б... да ребенок
Голоден, бедняжка!
Обливаясь слезами,
Пошла, заспешила.
В Броварах медовый пряник
Ивасю купила...
Шла Катруся. У прохожих
Путь разузнавала.
Приходилось — под забором
С сыном ночевала.

Вот на что Катрусе — дивчата, смотрите —
Глазагодились, — слезы проливать!

Кайтесь-зарекайтесь, учитесь, живите,
Чтоб не довелось москаля искать,
Чтобы не блуждать вам, как она блуждает;
Не спрашивать после, за что осуждают,
За что не пускают в хату ночевать.

Что же спрашивать напрасно?

Люди разве знают?

Кого сам господь карает,

И они карают. . .

Люди гнутся, словно лозы,

Куда ветер веет.

Сиротине солнце светит,

Светит, да не греет.

Но и солнце б люди скрыли,

Если б сил хватило, —

Чтоб несчастной не светило

Да слез не сушило.

А за что, отец небесный,

Такая награда?

В чем бедняга провинилась?

Чего людям надо?

Чтобы плакала, томилась. . .

Не плачь, Катерина!

Горьких слез не лей при людях,

Терпи, сиротина!

А чтоб личико не блекло

С черными бровями —

До зари в лесу дремучем

Умойся слезами!

Умоешься — не увидят

И не насмеются.

И вздохнет свободней сердце,

Пока слезы льются.

Вот какое горе может повстречаться:
Понграл и бросил Катрусю москаль!
Недоля не видит — к кому приласкаться.
А люди хоть видят, да людям не жаль.
Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,
Коли не умела себя уважать!
Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину
Вам не довелось москаля искать!

Где же Катря бродит?
Под забором ночевала,
До зари вставала.
До Москвы дойти спешила —
Вдруг зима настала.
Свищет в поле завируха,
Тяжко Катерине:
В рваной свитке, в лаптях старых
На морозе стынет.
Идет, смотрит Катерина —
Что-то там мелькает?
Там солдаты, верно, едут...
Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
— Может быть, видали —
Где Иван мой чернобровый?
— Не знаем! — сказали.
И, конечно, как солдаты,
Смеются и шутят:
— Ай да баба! Ай да наши!
Хоть кого закрутят! —
Посмотрела Катерина:
— Ой вы, люди, люди! ..
Успокойся, мой сыночек!
Что будет, то будет.
Побредем с тобою дальше,
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище. —
Поднялась навстречу вьюга
С буйными ветрами.
Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:
Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
Улыбнулась Катерина,

Горько улыбнулась:
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет.
А под лесом чья-то хата —
Прямо перед нею.
— Пойдем, сын мой.. Скоро вечер...
Пустьят, может статься.
А не пустьят — у порога
Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Как меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,
С собаками вместе!
Злы собаки — кусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
Злобно насмехаться...
Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться? —

Есть на свете доля у собаки даже;
Ласково встречают сироту порой;
Побьют, поругают, но никто не скажет
Ничего худого о его родной.
А этому скажут, грязью забросают,
Не дадут подняться — заклюют, забьют.
На кого собаки на улице лают?
Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый...
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают.

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с белой головою,
Дубы столетние стоят.

Внизу плотина, вербы в ряд,
И пруд, завейный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать.
Сквозь тучи робко поглядело
На землю солнышко с небес.
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Воет, свищет завируха,
Ревет над землею;
В белом поле, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
Только разве выйдешь?
Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!
— Вот так вьюга-завируха!
Тут уж не до леса!
Что такое? Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит!
А может, за делом,
Может, москали, Ничипор?
Все от снега белы!
— Москали? — У Катерины
Руки затряслися.
— Где же, где они, родные?
— Да вон там — взглядися! —
Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
— Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
До света металась. —
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один верхами.

— Ой ты, горе, ой ты, доля! —
Как вперед заглянет,
Видит — первым едет старший.
— Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!
Словно в воду канул! —
Ухватилась за стремя —
А он и не глянул,
На ходу коня пришпорил. . .
— Что ж спешишь ты очень?
«Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну. —
А он — будто и не видит —
Погоняет, скачет.
— Пожалей меня, голубчик,
Видишь — я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, взглядися!
Видит бог, что я — Катруся. . .
— Дура, отвяжися!
«Прочь безумную возьмите!
— Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?
— Уведите! Что стоите?
— Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила.
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану. . .
С другою встречайся!
С целым светом! . . Я забуду,
Что тебя ласкала,

Породила тебе сына,
Позор принимала.
Принимала-горевала,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки,
Не покинь хоть сына!
Не покинешь? Не оставишь,
Как меня когда-то?
Ты его сейчас увидишь... —
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит сиротина.
— Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Куда ж ты девался?..
Нет... уехал... От родного
Сына отказался.
Боже мой, куда ж я денусь
С горьким сиротою?
Ой, москалики, возьмите,
Возьмите с собою!
Не чурайтесь, не дайте
Погибнуть родному.
Отвезите сиротину
К своему старшому!
Если сына он покинул,
То и я покину.
Пусть отца не покидают
Горе да кручина.
Сын мой! Я в грехе великом
Тебя породила,
Вырастай же на смех людям! —
И в снег положила. —
Поищи отца родного,
А я — наискалась... —
Да с дороги — прямо в чашу!
А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б — да на горе
Люди подобрали.

Бежит по лесу босая
И в сугробах тонет,
То Ивана проклинает,
То просит, то стонет.
До опушки добежала,
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
— Прими, боже, мою душу,
А ты — мое тело! —
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла что искала.
Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.

То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает.
То не горе, то не злое,
Что мать умирает.
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —
Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
А тому на белом свете,
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось? . . .
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали?!
Подарила их, не скрыла . . .
Лучше б полиняли!

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Рядом, торбами обвешан,
Мальчик чернобровый.
Мальчик, солнышком пригретый,
Дремлет, засыпает.
А тем временем И с у с а
Кобзарь напевает.
Кто проходит — медный грошик
Или бублик кинет.
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
Голый, босый, хилый.
Мать дала такие брови,
Счастье дать — забыла!
Едет пышная карета
В Киев шестернею,
Господин сидит в карете
Со своей семьею.
Вот она остановилась —
И пыль оседает.
Рукой машут из окопца.
Ивась подбегает.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся...
Он узнал Ивана.
Черные узнал он брови
Да карие очи,
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
— Как зовут? — спросила пани.
— Ивась. — Какой милый! .. —
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло.
Сосчитали что собрали,
Горемыки встали,
Помолились, потихоньку
Пошли, зашагали.

1838, Петербург

ТОПОЛЬ

Ходит ветер по дубраве,
По полю гуляет,
У дороги тонкий тополь
До земли сгибает.
Гнется тополь одинокий,
Клонится покорно;
Кругом поле точно море —
Широко, просторно.
То чумак пройдет дорогой,
Невесело глянет;
То присядет со свирелью
Пастух на кургане,
Поглядит — сожметя сердце:
Кругом — ни былинки!
Только тополь одинокий
Никнет сиротинкой.

Кто ж растил его средь поля,
Вдалеке от хаты?
Погодите, по порядку
Расскажу, дивчата!

Полюбила молодая
Казака дивчина,
Полюбила — проводила;
Он ушел да сгинул. . .
Кабы знала, что покинет,
Лучше б не любила;
Кабы ведала, что сгинет,
Лучше б не пустила.

Кабы знала — не ходила
Поздно за водою,
Не стояла б с ним до ночи
Под старой лозою.
Кабы знала! ..

Да не радость
Знать про все, дивчата,
Что нас ждет на белом свете,
Что придет когда-то...
Не гадайте вы про долю! ..
Кто любый, кто милый,
Сердце знает — верьте сердцу
До самой могилы.
Потому — не на век очи
Карие, большие,
И в лице румянец смутный
Не на век, родные!
Срок придет — глаза потухнут,
Брови полиняют...
Пока любится — любите,
Сердце лучше знает.

Защебечет соловейко
В лесу на калине,
Запоеет казак тихонько
В широкой долине.
Чернобровая услышит,
Выбежит бывало.
Спросит он ее тревожно:
«Мать не обижала? ..»
Сядут рядом, станут слушать
Посвист соловьиный;
Обоймутся, разойдутся,
Друг друга покинут...
И никто того не знает,
Даже мать родная,
Где гуляла-пропадала —
Сама только знает...
Так любила, миловалась,
А сердце робело.
Сердце слышало недолю,
Сказать не умело.

И осталася дивчина
Одна-одинокa.
День и ночь воркуй, голубка,
А голубь далеко!..

Не щебечет соловейко
В кустах над водою,
Не поет дивчина песен
Под старой лозою.
Сиротою в белом свете
Грустить она будет.
Без милого мать да батько —
Что чужие люди.
Без милого солнце светит
Не мило — постыло.
Без милого день — потемки,
Белый свет — могила..

Год проходит, два проходит, —
Казак пропадает.
Как цветок, дивчина вянет,
Мать про то не знает.
Не спросила: «Что с тобою,
Что за горе лихо?..»
За богатого, седого
Просватала тихо.
«Иди, дочка! Вековухой
Сидеть некрасиво.
Будешь жить за одиноким
Богато, счастливо». —
«Не хочу я жить богато,
Не пойду я, мама,
На беленых полотенцах
Спусти меня в яму.
Пусть качает надо мною
Поп своим кадиллом.
Лучше мне землей укрыться,
Чем жить за постылым».
Мать не слушала родная,
Делала что знала.
Слов не тратила дивчина,
Сохла да молчала.

В ночь глухую собралася
К ворожее старой.
«Долго ль жить мне, одинокой,
На свете осталось?»
Скажи, бабушка, голубка, —
Старуху просила, —
Скажи правду, коли знаешь, —
Скажи, где мой милый?
Жив-здоров ли? Любит, нет ли?
Иль забыл, покинул?
Скажи правду — может, встретил
Другую дивчину?
Изойду я вся слезами
От горя лихого. . .
Выдает меня родная
Замуж за седого.
Я любить его не стану,
Голубка, бабуся.
Я пошла бы утопилась,
Да греха боюсь.
Коли помер чернобровый,
Сделай так со мною,
Чтобы мне в родную хату
Не ступить ногою.
Ждет богатый со сватами —
Тоска меня душит. . .» —
«Ладно, — молвит ворожея, —
Теперь меня слушай!
Сама была молодая,
Сама горе знаю.
Ворожить я научилась,
Другим помогаю.
Твою долю и недолю
Я заране знала.
Для тебя уже давно я
Зелье припасала. . .»
Поискала ворожея
Что-то за божницей.
«На, дивчина, с этим зельем
Пойди до криницы.
Петухи пока не пели,
Умойся водою.

Выпей малость. Горе злое
Снимет как рукою.
А как выпьешь — без оглядки
Беги что есть силы.
До того беги до места,
Где с милым простилась.
Отдохни там. А как в небе
Встанет месяц новый —
Выпей зелья. Не явится —
Надо выпить снова.
С первым разом все худое
Будет точно смыто.
Со вторым — в степи услышишь:
Стукнет конь копытом.
Коли жив казак пропавший —
Рядом очутится.
С третьим разом что случится —
Гадать не годится.
Что услышишь — не крестися, —
Все пойдет впустую...
Ну, иди же, насмотрися
На радость былую».

Поклонилась дивчина:
«Спасибо, бабуся!»
Вышла в поле. «Домой, что ли?..
Нет, уж не вернуся».
Зелья в первый раз хлебнула —
Тихо улыбнулась,
Второй, третий раз хлебнула
И не оглянулась:
Полетела, как на крыльях,
Среди степи пала...
Пала, встала, заплакала,
Песню запевала:

«Плавай, плавай, белый лебедь,
Плавай в синем море!
Расти, расти, тонкий тополь,
Один в чистом поле!
Расти, гибкий, поднимайся
До тучи высокой, —

Спроси бога, ожидать ли
Желанного срока?
Расти, расти выше тучи,
Погляди за море:
Там за морем — моя доля,
А тут — мое горе.
Там казак мой чернобровый
Живет, припевая,
А я плачу, годы трачу,
Томлюсь, молодая.
Скажи ему, скажи, сердце,
Что смеются люди,
Что погибну я, дивчина,
Коли он забудет!
Скажи, мать меня родная,
Жалеючи, губит...
А кто ж ее, как помру я,
Вспомнит, приголубит?
Кто присмотрит, кто расспросит.
В старости поможет?
Мать родная!.. Доля злая!..
Боже ты мой, боже!..

Глянь за море, тонкий тополь,
А увидишь — нету,
Ты заплачь тогда тихонько
Раненько до свету...
Расти ж выше, тонкий тополь,
Один в чистом поле!
Плавай, плавай, белый лебедь,
Плавай в синем море!»

Так вот пела молодая,
Выкликала, билась,
И на диво среди поля
В тополь обратилась.

Ей домой уж не вернуться,
Друга потеряла,
Стала тонкой и высокой,
До тучи достала.

Ходит ветер по дубраве,
По полю гуляет.
У дороги тонкий тополь
До земли сгибает.

1838. Петербург

ДУМКА

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья, —
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные густые
От ветра линияют.
Сердце вянет и томится,
Как птица в неволе. . .
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко, трудно сиротою
Жить мне, чернобровой;
Свои люди — как чужие,
Не с кем молвить слова.
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи;
Сказать некому дивчине —
Чего сердце хочет,
Отчего оно воркует,
Как голубь под крышей.
Никто знать того не знает,
Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им,
Пускай плачет сиротина,
Пускай годы тратит. . .

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море
Пригожему, неверному
На лютое горе.

1839, Петербург

К ОСНОВЬЯНЕНКО

Бьют пороги; месяц всходит,
Как и прежде, всходит. . .
Сечи нет, и тот не встанет,
Кто всем верховодил.
Сечи нет! Камыш зеленый
Волны вопрошает:
«Куда наши дети дельсь?
Где они гуляют?»
Чайка бьется, стонет, словно
Все о детях плачет;
Солнце греет, ветер веет
По степи казачьей.
В той степи курганы всюду
Стоят и тоскуют,
Спрашивают буйного:
«Где наши пируют?
Где пируют, где гуляют?
Где вы загостились?
Вы вернитесь, посмотрите —
Хлеба наклонились,
Где паслися ваши кони,
Где трава шумела,
Где кровь ляха, татарина
Морем пламенела. . .
Вернитесь! . . .» —
«Не вернутся! —
Взыграли, сказали
Волны моря. — Не вернутся,
Навеки пропали!»

Правда, правда, сине море,
Такая их доля!
Не вернуться долгожданным,
Не вернется воля,
Не вернутся запорожцы,
Гетманы не встанут,
Не покроют Украину
Красные жупаны.
Ограбленной сиротою
Над Днепром рыдает;
И никто, никто сиротских
Слез не замечает,
Только враг, что смеется. . .
Смейся, враг лукавый,
Да не очень, — все погибнет,
Не поляжет слава!
Не поляжет, а расскажет,
Что делалось в свете,
И где правда, и где кривда,
Скажет, чьи мы дети.
Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет:
Вот где, люди, наша слава,
Слава Украины!
Без золота, без жемчуга,
Без хитрых уловок,
Громогласна и правдива,
Как господа слово. . .
Атаман мой, батько, так ли?
Верно ль мое пенье?
Эх, когда б. . . Да что тут скажешь,
Коли нет уменя!
А к тому же — не родные,
Всё чужие люди. . .
«Не сдавайся!» — может, скажешь,
Да толку не будет.
Над псалмом смеяться будут,
Что вылью слезами.
Насмеются!.. Тяжко, батько,
Тяжко жить с врагами!
Может, я и поборолся б,
Если б силы были;

Спел бы песню, — был ведь голос,
Беды иссушили. . .
Вот как тяжело мое горе,
Батько ты мой, друже!
По снегам брожу и тихо:
«Ой не шуми, луже!» —
Запою и смолкну. Батько,
Горя ты не знаешь,
Тебя люди уважают, —
Громко распевашь.
Спой же им про Сечь, мой голубь,
Спой им про могилы,
Когда их насыпали,
Кого схоронили.
О старинных дивах дивных,
Тех, что миновали,
Громче пой, чтоб во всем свете
Люди услышали,
Что делалось на Украине,
За что погибала,
За что слава казачья
Во всем свете встала!
Громче, батько, орел сизый!
Пускай зарыдаю,
Пускай свою Украину
В песне я узнаю;
Еще раз послушаю,
Как море играет,
Как под вербою дивчина
Гриця запеваает;
Пусть еще раз улыбнется
Сердце на чужбине
И в чужую землю ляжет
В чужой домовине.

1839, Петербург

ИВАН ПОДКОВА

В. И. Штернбергу.

I

Было время — на Украине
Пушки грохотали,
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит. . .
Внук услышит — песню сложит
И с той песней косит.

Было время — на Украине
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!

Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

II

Встала туча над Лиманом,
Солнце заслоняет:
Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. — Что ж, ребята,
Время мы теряем?
В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!

Высыпают запорожцы,
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. Играй же, море!
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
Плещут весла, песня льется,
Чайка вокруг летает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам все ходит вдоль по лодке,
Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево —
Где б сойтись с врагами?
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый.
Поднял шапку -- лодки стали...
— Сгинь ты, враг проклятый!
Поплывемте не к Синопу,
Братцы-атаманы,
А в Царьград поедем — в гости
К самому султану!
— Ладно, батько! — загремело.

— Ну, спасибо, братцы! —
И накрылся. Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

1839, Петербург

ТАРАСОВА НОЧЬ

Сидит кобзарь при дороге,
На кобзе играет;
Кругом хлопцы да дивчата —
Как мак расцветают.
Поет кобзарь, распевает,
И сыплет словами,
Как соседи — орда, ляхи —
Бились с казаками;
Как сходились запорожцы
На рассвете рано,
Хоронили товарища
Посреди поляны.
Поет кобзарь, да так поет,
Что горе смеется:

«Была пора гетманщины,
Назад не вернется;
Была пора — пановали,
Да больше не будем...
Только славы казачества
Вовек не забудем!

Идет туча от Лимана,
А другая с поля;
Затужила Украина —
Такая уж доля!
Затужила, зарыдала,
Как младенец малый.

Никто больше не поможет...
Казачество пало;
Гибнет родина и слава;
Спасения нету...
Некрещеными гуляют
Казацкие дети;
Невенчанными любятся;
Так и помирают;
Запродана врагам вера,
В церковь не пускают!..
Будто вороны, кружатся
Ляхи, езуиты
Налетают — ниоткуда
Не видно защиты!
Отозвался Наливайко ---
Кравчину разбили,
Поднялся казак Павлюга,
И его сгубили.
Поднялся Тарас Трясило
С горькими словами:
— Бедная ты Украина,
Сломлена врагами!
Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю:
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?
Куда все это пропало?
Или затопило
Сине море твои горы,
Курганы-могилы?
Молчат горы, шумит море,
Тоскуют курганы,
А над детьми казацкими
Гнет врагов поганых.
Спите, горы! Шуми, море!
Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети казацкие, ---
Такая вам доля!

Поднялся Тарас Трясило
На защиту веры,
Отплатил он, сизокрылый,
Врагам полной мерой!
Поднялся Тарас Трясило:
— Довольно томиться!
А пойдем-ка, паны-братья,
С поляками биться!

Уж не три дня, не три ночи
Бьется наш Трясило.
От Лимана до Трубайла
Поле кровь покрывала.
Ослабел тут казачина,
Духом омрачился,
А проклятый Конецпольский
Вмиг возвеселился;
Собрал шляхту воедино
И всех угощает.
На ту пору казаченек
Тарас созывает:
— Атаманы-товарищи,
Братья мои, дети!
Дайте совет по совести —
Как жить нам на свете?
Упились вражьи ляхи
Казачью кровью.
Что ж, пускай они пируют
Себе на здоровье!
Пускай ляхи веселятся
Нынче до заката,
А ночь темная поможет, —
Найдем супостата.

Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.
Как стал месяц среди неба,
Пушки заревели;
Пробудились ляшки-панки —

Бежать не успели!
Пробудились ляшки-панки,
А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшки-панки
Вповалку лежали.

Вся от крови багряная
Течет Альта, кличет,
Чтобы вороны кружились
В поле над добычей.
Стаи воронов слетались,
Чтобы поживиться;
Собирались казаченьки
Богу помолиться.
Стаи воронов слетелись,
Выклевали очи;
Заиграли казаченьки
Песню о той ночи,
Ночи грозной и кровавой,
Что славу добыла
Тарасу и казачеству,
А ляхов сгубила.

Над речкою, в чистом поле
Курганы чернеют;
Где кровь текла казацкая —
Трава зеленеет.
Сидит ворон на кургане
Да с голоду кричит. . .
Казак вспомнит дни былые,
Вспомнит и заплачет».
Умолк кобзарь, потупился:
Руки не играют!

Кругом хлопцы да дивчата
Слезы утирают. . .
Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы в пляс пустились,
А он подпевает:
«Коли сталося — значит сталося!
Погодите, детки, малость,

А я в корчме погуляю,
Свою жинку повстречаю,
Вместе с нею пьян напыюся,
Над врагами посмеюся».

1839, Петербург

Н. МАРКЕВИЧУ

Хорошо тебе, орел мой,
Бандурист мой милый:
Есть и крылья для полета,
И досуг, и силы.
Ты лети на Украину —
Там ждут тебя, любят.
Полетел бы за тобою,
Да кто приголубит?
Одинок и тут я, братец,
И на Украине,
Голубь мой, я сиротина,
Как и на чужбине.
Что же сердце бьется, рвется,
Что же сердце ноет?
Сиротина... А Украина —
Раздолье степное!
Там, как брат, обнимет ветер
В степи на просторе;
Там в широком поле воля;
Там синее море
Шумит, плещет, славит бога,
Тоску разгоняет;
Там курганы с буйным ветром
В беседу вступают.
Вот такая между ними
Беседа ведется:
— Было время — пролетело,
Назад не вернется... —

Полетел бы, послушал бы,
Поплакал бы с ними...
Где там! Силу потерял я
Меж людьми чужими.

9 мая 1840 года
С.-Петербург

НА ПАМЯТЬ ШТЕРНБЕРГУ

Поедешь далёко,
На многое взглянешь.
Насмотришься, соскучишься,
Меня, брат, вспомнешь!

1840, Петербург

ГАЙДАКИ

Поэма

*В. И. Григоровичу на память
о 22 апреля 1838 года.*

Все в мире проходит. Живет — умирает. . .
Куда ж оно делось? Откуда взялось?
Ни глупый, ни мудрый про это не знает.
Извечно ведется; одно зацвело —
Другое увяло, навски увяло. . .
И ветры сухую листву разнесли.
А солнце встает, как и прежде вставало,
И звезды плывут, как бывало плыли,
И плыть всегда будут; и ты, белолицый,
По синему небу ты будешь гулять
И будешь смотреться в чистую криницу,
В бескрайнее море — и будешь сиять,
Как над Вавилоном, над его садами,
И над тем, что будет с нашими сынами.
Конца ты не знаешь! Люблю толковать,
Делиться с тобою, как с братом, с сестрою,
И петь тебе песни твои же спроста. . .
Скажи ты мне ныне: как быть мне с тоскою?
Я не одинокий, я не сирота:
Есть у меня дети, да куда подеть их?
Закопать с собою? Грех: душа жива!
Может быть, ей легче будет на том свете,
Как прочтет кто-либо те слезы-слова,
Что так бескорыстно она изливала
И ночью украдкой над ними рыдала.
Нет, не закопаю. Душа-то жива!
Как синему небу, как белому свету —

Конца либо края душе моей нету.
А где она будет? Чудные слова!
Пускай ее вспомнят хоть на этом свете, —
Бесславному тяжело его покидать.
Дивчата, вам надо ее вспоминать.
Она вас имела всегда на примете
И песни любила про вас напевать.
Пока солнце встанет — отдохните, дети!
Вожака вам, дети, хочу подыскать.

Сыны мои, гайдамаки,
Волен свет широкий.
Погуляйте, поищите
По себе дороги.
Сыны мои молодые,
Казацкие дети,
Кто без матери родимой
Встретит вас на свете?
Сыны мои, на Украину
Летите орлами.
Пусть хоть горе приключится
Не в чужбине с вами.
Там и ласковую душу
Повстречать не чудо.
Там помогут, там наставят,
А тут... А тут — худо.
Пусть в хату — насмеются,
Дурачком считают.
До того умны-учены —
Солнце осуждают.
Мол, взошло, да не оттуда,
Да не так и село.
Мол, вот так-то лучше было б...
Что тут будешь делать?!
Надо слушать, может вправду
Не так солнце светит.
Потому — народ ученый:
Знают всё на свете.
А уж вам-то к ним явиться —
Как зовут, не спросят.
Поглядят, поведут носом —
И под лавку бросят.

Дескать, ладно, подождете,
Найдется писака:
Он по-нашему расскажет
И про гайдамаков,
А то вышел дурачина
С мертвыми словами
Да какого-то Ярему
Ведет перед нами.
Неуч, неуч, дурачина!
Видно, били мало.
От казачества — курганы
(Что еще осталось?),
Да и те давно разрыты,
Ветер пыль разносит.
А он думал, слушать станем,
Как слепцы гундосят.
Понапрасну ты старался,
Человек хороший.
Хочешь славы, денег хочешь —
Так пой про Матрешу,
Про Парашу — радость нашу,
Султан, паркет, шпоры.
Вот где слава! А то тянешь —
Шумит сине море. . .
А сам плачешь. Да с тобою
Весь твой люд сермяжный. . .
Вот спасибо умным людям,
Рассудили важно!
Только жаль, что кожух теплый —
На другого шитый.
Очень умны ваши речи,
Да брехней подбиты.

Не прогневайтесь, а слушать
Я вас не желаю.
Вы разумны, а я глупый. . .
И я вас не знаю.
Я один в родимой хате
Запою украдкой,
Запою про то, что люблю,
И заплачу сладко.

Запою — играет море,
Ветер в поле ходит,
Степь темнеет, и курганы
С ветром речь заводят.
Вот раскрылись, развернулись
Курганы глухие.
И покрыли степь до моря
Казачьи лихие.
Атаманы с бунчуками
Войско озирают.
Пляшут кони. А пороги
Ревут, завывают.
Ревут, стонут, негодуя,
Сурово бушуют.
«Чем вы, батьки, недовольны?» --
У старых спрошу я.
И ответят мне седые:
«Молчи, сиротина.
Днепр сердитый негодует,
Плачет Украина. . .»
И я плачу. А тем часом
В жупанах богатых
Идут, идут атаманы
С гетманами в хату.
Входят разом в мою хату
Ради доброй встречи
И со мной про Украину
Начинают речи.
Рассуждают, вспоминают,
Как Сечь собирали,
Как через пороги к морю
Лихо проплывали.
Как гуляли в Черном море,
Грелися в Скутари,
Как закуривали люльки
В Польше на пожаре,
Как в отчизну возвращались,
Как они гуляли.
«Жарь, кобзарик, лей, шинкарик!» --
Бывало кричали.
Шинкарь мечется, летает,
Шинкарь так и вьется.

Кобзарь жарит, а казаки —
Аж Хортица гнется —
Гопака дают такого,
Метелицу разом.
Кухоль ходит, высыхает —
Не моргнешь и глазом!
«Гуляй, паны, без жупанов,
Гуляй, ветер, в поле!
Жарь, кобзарик, лей, шинкарик,
Пока встанет доля!»
Друг за другом ходят кругом
Казаки с дедáми.
«Так-то, хлопцы! Добре, хлопцы!
Будете панами!»
Пир горою. А старшины
На совсте вроде:
Меж собою речь заводят,
По рядам проходят.
Не стерпели, не сдержали
Лихости казачьей —
Припустили каблуками...
Я смеюсь и плачу...

От радости плачу, что в хате убогой,
Что в мире великом я не одинок.
И в хате убогой, как в степи широкой,
Казаки гуляют, гомонит лесок.
В хате предо мною сине море ходит,
Темнеют курганы и тополь шумит.
Тихо-тихо Г р и ц я дивчина заводит.
Я не одинокий, людьми не забыт.

Вот оно — мое богатство,
Вот где моя слава!
А за ваш совет спасибо,
За совет лукавый.
Пока жив, с меня довольно
И мертвого слова,
Чтобы вылить горе, слезы...
Бывайте здоровы!
Пойду, сынов-гайдамаков
В путь отправлю снова.

Может быть, найдут какого
Казака седого.
Может, он их встретит лаской,
Теплыми слезами.
И того с меня довольно —
Пан я над панами!

Так-то, сидя в своей хате,
Думаю в тревоге:
С кем пойдут и кто им будет
Вожаком в дороге?
На дворе давно светает,
Встали гайдамаки.
Помолились, снарядились
Добрые казаки.
Поклонились, как сироты,
Печально и строго.
«Благослови, — молвят, — батько.
В дальнюю дорогу,
Пожелай нам доброй доли,
Доли в белом свете». —
«Стойте, хлопцы, свет — не хата.
А вы точно дети
Неразумные. Кто будет
Вожаком надежным?
Кто наставит? Тяжело мне,
На душе тревожно.
Сам растил вас, мои дети,
На ноги поставил.
В свет идете, а теперь там
Все книжные стали.
Не судите, что в науках
Помочь не пытался.
Самого учили — били.
Какой был — остался!
Тма, мна знаю, а оксю
Не знаю донне...
Ладно, дети. Погодите,
Есть вожак — не кинет.
Есть у мѣня батько славный
(Родного-то нету!).

У него пойдем попросим
Доброго совета.
Сам он знает, что несладко
Сироте без роду;
Сам — казак, душа простая
Казацкого роду.
И простое наше слово
Он любит и знает,
Что певала мать родная,
Сына пленая.
Не чурался того слова,
Что слепец под тыном
Напевает пригорюнясь
Про мать Украинну.
Любит батько песню-правду
О казацкой славе.
Любит крепко. Идем, хлопцы,
Он нас не оставит.
Кабы он меня не встретил,
То, наверно б, ныне
Я лежал бы под снегами
На дальней чужбине.
Схоронили б меня люди,
Забыли б то место. . .
Тяжело страдать и гибнуть. . .
За что — неизвестно.
Но минуло. . . Чтоб не снилось!
Идемте-ка, дети.
Коли мне не дал погибнуть,
Запропасть на свете,
То и вас любого примет
Как родного сына.
Там помолимся — и гайда
В путь на Украину.

Принимай поклон наш, батько!
С твоего порога
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!

*7 апреля 1841
Петербург*

ИНТРОДУКЦИЯ

Было время, гордо шляхта
Голову носила,
С москалями и с ордою
Мерялася силой,
С турком, с немцем. . . Было время —
Мало ль что бывало!
Шляхта Польшей управляла,
Чванилась, гуляла.
Королем играла шляхта.
И король тот — горе! —
Так скажу: не Ян Собеский,
Не Степан Баторий!
Все другие перед шляхтой
В рот воды набрали.
Сеймы, сеймики ревели,
Соседи молчали
Да смотрели, как из Польши
Короли сбегают,
Да слушали, как шляхетство
Глотки надрывает.
«Nie pozwalam! Nie pozwalam!»¹ —
Шляхта завывает.
А магнаты палят хаты,
Сабли закаляют.
Испокон дела такие
Творились в державе,
Да уселся Понятовский
На престол в Варшаве.
Решил он с шляхтой быть построже,
Прибрать к рукам — да не сумел! —
Добра хотел ей, а, быть может,
Еще чего-нибудь хотел.
Одно лишь слово «nie pozwalam»
Отнять у шляхты думал он
Сперва. . . Но Польша запылала,
Паны взбесились. Крик и стон. . .
«Гонору слово, дарма праця!
Пся крив! Прислужник москаля!»

¹ Не разрешаю (польск.). — *Ред.*

На клич Пулавского и Паца
Встает шляхетская земля. . .
И — разом сто конфедераций.¹

Разбрелись конфедераты
По Литве, Волыни,
По Молдавии, по Польше
И по Украине.
Разбрелись — и позабыли
О воле, о чести.
Сговорились с торгошами,
Чтобы грабить вместе.
Что хотели, то творили,
Церкви осквернили. . .
А в ту пору гайдамаки
Ножи освятили.

ГАЛАЙДА

«Ярема, герш-ту,² хам ленивый,
Веди кобылу, да сперва
Подай хозяйке туфли живо,
Неси воды, руби дрова.
Корове подстели соломы,
Посыпь индейкам и гусям.
Да хату вымети, Ярема.
Ярема, эй! Да стой же, хам!
Как справишься, беги в Ольшану³ --
Хозяйке надо. Да бегом!»
Ярема слушает молчком.

Так измывался утром рано
Шинкарь над бедным казаком.
Не знал Ярема о другом. . .

¹ Энциклопедический лексикон, том. 5. Барская конфедерация и «Historia Królestwa Polskiego» g. s. Vandtke, том 2.

² Слышишь ли ты? (евр.). — *Ред.*

³ Вильшана или Ольшана — местечко Киевской губернии Звенигородского уезда; между Звенигородкой и Вильшаной на старой дороге Боровиков хутор и корчма, где будто бы Ярема Байстрюк, а впоследствии Галайда, был у шинкаря батраком. (От старых людей.)

Не знал горемычный, что зрела в нем сила,
Что сможет высоко под небом парить,
Не знал, покорялся. . .

О боже мой милый,
Трудно жить на свете, а хочется жить!
Любо видеть солнце, как оно сияет,
Хорошо послушать, как море играет,
Хорошо весною по лесу ходить,
Знать, что сердце чье-то по тебе томится. . .
О боже мой милый, как радостно жить!

Сирота Ярема, сирота убогий,
Ни сестры, ни брата — никого не знал.
Вырос у хозяйских, у чужих порогов,
Но не проклял доли, людей не ругал.
И за что ругать их? Разве они знают,
Кого встретить лаской, кого истязать?
При готовой доле пусть себе гуляют,
А сиротам долю самим добывать.
Бывает заплачет Ярема украдкой,
И то не о том, что невесело жить, —
Что-нибудь припомнит, помечтает сладко. . .
Да и за работу. Живи — не тужи.
Мать, отец не в радость, светлые палаты,
Если не с кем сердце сердцу поверять.
Сирота Ярема — сирота богатый:
Есть ему с кем плакать, кого утешать.
Есть карие очи — звездами сияют,
Есть белые руки — нежно обнимают,
Есть девичье сердце — согрето любовью. -
Что плачет, смеется, стучит, затихает,
Над сиротским изголовьем
Средь ночи витает.
Вот такой-то мой Ярема,
Сирота богатый.
Был и я таким когда-то,
Да прошло, дивчата.
Поразвеелось, минуло,
И следа не видно.
Плачет сердце, как припомню. . .
Горько и обидно.

Куда все девалось, куда запропало?
Легче было б слезы, тоску выливать.
Люди увидали, ведь им было мало:
«Зачем ему доля? Лучше отобрать.
Он и так богатый! . . .»

Богат на заплаты

Да еще на слезы — кому утирать?
Доля моя, доля! Где тебя искать?
Вернись, моя доля, вернись в мою хату,
Приснись мне хотя бы. . . Не хочется спать! . . .

Люди добрые, простите,
Что не кряду начал.
Про свою запел недолю. . .
Да не мог иначе.
Может, встретимся, покамест
Еще ковыляю
За Яремою по свету,
А может. . . не знаю.
Худо, люди! Всюду — худо!
Нет нигде отрады.
Куда гнут, как говорится,
Туда гнуться надо.
Гнуться молча, улыбаться,
Не подавать виду,
Чтобы люди не узнали
Про твою обиду.
Пусть их ласка. . . достается
Тому, кто доволен,
Пусть во сне ее не видит
Сиротская доля! . . .
И рассказывать постыло,
И молчать нет силы.
Лейся ж, слово! Лейтесь, слезы,
Чтобы легче было.
Я поплачу, поделюся
Моими слезами,
Да не с братом, не с сестрою . . .
С глухими стенами
На чужбине.

А покамест

Корчму приоткроем:
Что там делается?

Лейба

Согнулся дугою,
У постели над светильней
Считает монеты.
А в постели — вся раскрыта
И полураздета —
Спит еврейка молодая
На жарких подушках,
Разметалась, раскидалась,
Томно ей и душно.
Спит тревожно, беспокойно, —
Одинокой тяжко,
Что-то шепчет еле слышно
Да стонет, бедняжка.
Хороша, бела еврейка!
Вся горит, томится. . .
Это — дочь. Отец же — рядом,
Чертова кошница.
Дальше — Хайка, спит хозяйка
В перинах поганных.
Где ж Ярема? Тот шагает
По пути в Ольшану.

КОНФЕДЕРАТЫ

«Открывай живей, Иуда,
Пока не битый ты у нас!
Ломайте двери, ждате докуда,
Прокуда старый!» —

«Я сейчас!

Сейчас, стойте. . .» —

«Или с нами

Шутить задумал? Что там ждате!
Ломайте двери!» —

«Я? С панами?

Как можно? Дайте только встать!
(А сам: «Вот свиньи-то!») Как можно?» —
«Ломайте двери, что смотреть!» —
«Прошу панов ясновельможных. . .»

Упала дверь, взвилася плеть,
Метнулся Лейба с перепугу.

«Нá, лукавый, нá, поганый,
Нá, свиное ухо!»

За ударами удары
Посыпались глухо.

«Не шутите, ваша милость,
Прошу, прошу в хату». —

«Нá еще раз! Нá еще раз!
Получай, проклятый!».

Поздоровались. «Где дочка?» —

«Померла, панове. . .» —

«Лжешь, Иуда!» Снова плети.

«Носи на здоровье! . . .» —

«Ой, панóчки-голубочки,
В живых ее нету!» —

«Брешешь, шельма!» —

«Провались я
На месте на этом». —

«Признавайся, куда спрятал,
Поганая рожá!» —

«Померла. Не стал бы прятать,
Карай меня, боже!» —

«Ха, ха, ха, ха! Литанию

Читает лукавый,
А не крестится!» —

«Панове,
Не умею, право». —

«Вот тák!» Лях перекрестился,
А за ним Иуда.

«Браво, браво, окрестили!
За такое чудо

Магарыч с тебя придется,
Слышишь, окрещенный,

Магарыч!» —

«Сейчас! Минутку!»

Ревут оглашенно.

Поставец, горилки полный,

По столу гуляет.

«Еще Польска не згинэла»

Не в лад запевают.

А хозяин окрещенный

Из погреба в хату
Знай шныряет, наливает,
А конфедераты
Знай кричат: «Горилки! Меду!»
Лейба суетится.
«Эй, собака, где цимбалы?!»
Ходят половицы.
«Краковяк играй, мазурку,
Давай по порядку!»
Лейба служит, хоть бормочет:
«Панская ухватка! . . .» —
«Ладно, будет. Запевай-ка». —
«Не могу, не стану». —
«Запоешь, да будет поздно! . . .» --
«Что же петь вам? Г а н н у»? . .

«Жила-была Ганна
В хате при дороге,
Божилася
И клялася,
Что не служат ноги.
На панщину не ходила,
Охала, стонала,
Только к хлопцам что ни вечер
В потемках шныряла». —
«Будет, будет: не годится,
Схизматская ¹ песня!
Пой другую!» — «А какую?
Вот такую если:

«Перед паном Федором
Шинкарь ходит ходором,
И задком,
И передком —
Перед паном Федорком».

«Ладно, хватит! Плати деньги!» --
«Как? За что же плата?» —
«А ты думал, даром слушать
Будем мы, проклятый? . .

---

¹ Не униатов ляхи называли схизматами.

Думал, шутим? Доставай-ка
Да плати, небитый». —
«Где же взять мне? Ласка ваша —
Вот весь мой прибыток». —
«Лжешь, собака! Плати деньги!
Доставай — да быстро!»
И пошли гулять нагайки
По спине со свистом.
Вдоль и поперек стегали,
Аж ключье летело.
«Нету, нету ни копейки,
Режьте мое тело!
Ни копейки! Гвалт! Спасите! ---
Кричит Лейба криком. —
Погодите. . . Я скажу вам. . .» ---
«Скажи-ка, скажи-ка!
Да опять брехать не вздумай,
Брехня не поможет». —
«Нет. . . В Ольшане. . .» —
«Твои деньги? . . .» —
«Мои? Спаси, боже! . . .
Я хотел сказать. . . В Ольшане,
Там живут схизматы. . .» —
«Да! Живут по три семейства
На каждую хату?
Знаем, знаем! Мы их сами
Туда посогнали». —
«Нет, не то. . . Прошу прощенья, —
Чтоб беды не знали,
Чтоб вам только деньги снились!
Ктитор там в Ольшане.
Может, слышали, есть дочка
У него, Оксана.
Спаси, боже, как красива,
Да и деньги тоже. . .
Не его, а все же деньги,
Хоть они и божьи. . .» --
«Лишь бы деньги! Правда, Лейба,
Лучше и не скажешь.
А чтоб справдилась та правда,
Дорогу покажешь.
Собирайся!»

Поскакали
Прямоком в Ольшану.
Лишь один в корчме под лавкой
Конфедерат пьяный.
Встать не может, распростерся,
Как мертвое тело:
«*My żyjemy, my żyjemy,
Polska nie zginęła*»¹.

К ГИТОР

«В лесу, в лесочке
Не веет ветер;
Высоко месяц,
И звезды светят.
Выйди, голубка,
Я поджидаю.
Хоть на часок ты
Приди, родная!
Хоть погорюем
Да поворкуем.
Сегодня ночью
Уйду далеко.
Прощусь, расстанусь
С тобой до срока.
Выгляни, пташка,
Моя отрада.
Проститься надо. . .
Ох, тяжело, тяжело».

Так поет себе Ярема
В роще той затишной,
Поджидает, но Оксаны
Не видно, не слышно.
Светят звезды. Среди неба ---
Месяц белолицый.
Соловей поет, и верба
Никнет над криницей.
Соловей над речкой песню

---

¹ Мы живем, мы живем, Польша не погибла (польск.). — *Ред.*

Так и разливает,
Словно знает, что дивчину
Казак поджидает.
А Ярема ходит-бродит,
Все ему немило.
«Зачем меня мать родная
Красой наделила? . .

Доля да удача ко мне не идут.
Годы молодые даром пропадут.
Один я на свете, без роду, а доля —
Сиротская доля что былинка в поле,
Холодные ветры ее унесут, —
И меня вот люди не хотят приветить.
За что ж отвернулись? Что я сирота?
Одно было сердце, одна на всем свете
Душа — моя радость, — да, видно, и та —
И та отвернулась. . .»

Заплакал убогий,
Заплакал и слезы утер рукавом:
«Бывай же здорова! В далекой дороге
Найду либо долю, либо за Днпром
Голову сложу я. А ты не заплачь,
А ты не увидишь, как буду лежать,
Как выключет ворон те очи казацьи,
Те, что ты любила нежно целовать.
Забудь же про слезы сироты-бедняги,
Забудь, что клялася. Найдется другой!
Я тебе не пара, я хожу в сермяге,
Ктиторовой дочке нужен не такой.
Люби кого хочешь. Что себя неволить!
Забудь меня, пташка, забудь обо всем.
А коли услышишь, что в далеком поле
Голову сложил я, помолись тайком,
Хоть одна ты, мое сердце,
Вспомни добрым словом».
И заплакал, подпершись
Посошком дубовым.
Плачет тихо, одиноко. . .
Обернулся, глянул:
Осторожно по опушке
Крадется Оксана.
Все забыл. . . Бежит навстречу. . .

Друг к другу припали.
«Сердце!» Долго одно это
Слово повторяли.
«Будет, сердце! Нет, немножко. . .
Еще, сизокрылый!
Возьми душу! Еще, милый! . .
Как я истомилась!» —
«Звездочка моя, ты с неба,
Ясная, слетела!»
Стелет свитку. Усмехнулась,
На ту свитку села.
«Сам садись со мною рядом,
Обними же, милый!» —
«Где ж ты, звездочка, так долго
И кому светила?» —
«Я сегодня запоздала:
Отец занедужил,
До сих пор за ним смотрела. . .» —
«А я и не нужен! . .» —
«Ну, какой ты, вот, ей-богу! . .»
И слеза блеснула.
«Я шучу, шучу, голубка. . .» —
«Шутки!»

Улыбнулась.
И склонилась головкой,
Будто бы уснула.
«Слышь, Оксана, пошутил я,
Не думал обидеть.
Глянь же, глянь же на меня ты:
Не скоро увидишь.
Завтра буду я далеко,
Далеко, Оксана. . .
Завтра ночью нож свящённый
В Чигрине достану.
С тем ножом себе добуду
Золото и славу,
Привезу тебе наряды,
Богатую справу.
Как гетманша сядешь в кресло,
Завидуйте, люди!
Стану тобой любоваться. . .» —
«А может, забудешь? . .

Будешь в Киеве с панами
Ходишь важным паном,
Найдешь панну-белоручку,
Забудешь Оксану». —
«Разве ж есть тебя красивей? . . .» —
«Может быть. . . Не знаю. . .» —
«Не грехи! На белом свете
Краше нет, родная!
Ни на небе, ни за небом,
Ни за синим морем. . .» —
«Перестань же, что ты, милый, —
Нашел о чем спорить
Попустому!» —
«Нет, родная. . .»

И снова и снова
Целовались, обнимались
Они что ни слово,
Обнимались крепко-крепко.
То вместе молчали.
То плакали, то клялися
И вновь начинали.
Говорил он ей, как вместе
Славно жить им будет,
Как он долю и богатство
Сам себе добудет,
Как вырежут панов-ляхов
Всех на Украине,
Как он будет красоваться,
Если сам не сгинет.
Говорил. . . Дивчата, слушать
Противно, ей-богу! . . .
Не противно, говорите?
Зато отец строгий
Либо мать когда застанет
Вас за книжкой этой,
Тут греха не оберешься —
Сживут вас со света.
Ну, да что про то и думать,
Занятно же, право!
А еще бы рассказать вам,
Как казак чернявый
Над водою, под вербою,

Прощаясь, тоскует,
А Оксана, как голубка,
Воркует, целует.
Вот заплакала, сомлела,
Голову склонила:
«Мое сердце! Моя радость!
Соколик мой милый!»
Даже вербы нагибались
Послушать те речи.
Нет, довольно с вас, дивчата,
А то близко вечер. . .
Не годится против ночи:
Приснится такое. . .
Пусть их тихо разойдутся,
Как сошлись, двое.
Пусть еще раз обнимутся
И разнимут руки,
Чтоб никто их слез не видел,
Горькой их разлуки.
Пусть. . . Кто знает, приведется ль
Им на этом свете
Вновь увидеться. Посмотрим. . .
Мудрено ответить.
А у ктитора в окошках
Свет. Не спит, похоже.
Надо глянуть, но и видеть
Не дай того, боже! . .

Не дай того видеть среди мирной хаты,
За людей от срама сердцу не страдать.
Гляньте, посмотрите: то конфедераты,
Люди, что собрались волю защищать!¹
Вот и защищают. Да падет проклятье
На их мать родную, что их зачала,
На тот день, в который собак родила.
Гляньте, что творится у ктитора в хате. . .
Адские творятся на свете дела!

---

¹ О конфедератах так рассказывают люди, которые их видали; и не удивительно, потому что все они были з hopogem, без дисциплины; работать не хочется, а есть надо.

В печи — огонь! Огнем вся хата
Освещена. В углу дрожит,
Как пес, шинкарь. Конфедераты
Терзают ктитора:

«Скажи,

Где деньги, если хочешь жить!»
Но тот молчит. Скрутили руки,
Об землю грохнули. Молчит,
Ни слова ктитор. . .

«Мало муки!

Смолы сюда! Заговорит!
Кропи его! Вот так! Что — стынет?
А ну — горячею золой!
И рта, проклятый, не разинет!
Однако, бестия! Постой!
Давай еще побольше жару!
Да в темя — гвоздик! Что смола!»
Старик не вынес адской кары,
Упал бедняга. Отошла
Душа его без отпущенья. . .
«Оксана. . . дочь. . .» И все слова. . .
И палачи в недоуменьи:
«Что делать дальше? Ничего,
Панове, бросимте его,
Запалим церковь!» —

«Помогите,

Кто в бога верует! Спасите!» —
С надворья крик. Стучатся в двери.
В смятеньи ляхи: кто такой?
Оксана вдруг: «Убили! Звери!»
И падает. А лях старшой
Уже махнул рукою своре —
И та понуро вышла вон,
И сам за ней выходит вскоре
С Оксаной на руках. . .

«Где ж он,

Ярема? Что не заступился?
Не оглянулся?» Он идет
И песню старую поет,
Как Наливайко с ляхом бился.

И ляхи тронулись вперед,
С собою захватив Оксану.
И снова стихнула Ольшана.
Собаки гавкнут, замолчат.
Сияет месяц. Люди спят.
И ктитор спит. Вовек не встанет;
Он не проснется поутру.
Светец мигает через силу. . .
Погас. . . И как бы вздрогнул труп. . .
И темень в хате наступила. ¹

ПРАЗДНИК В ЧИГИРИНЕ

Гетманы седые, если б вы да встали,
Встали, посмотрели на свой Чигирин,
Что вы созидали, где вы управляли, —
Заплакали б горько и вы — не узнали
Умолкнувшей славы убогих руин.
Базары — где войско строилось шумливо,
Где оно бывало морем гомонит,
Где ясновельможный на коне ретивом. . .
Взмахнет булавою — море закипит.

Закипело-разлилося
Степями, ярами.
Вражьи силы отступают
Перед казаками.
Ну, да что там! Все минуло!
О том не вздыхайте!
Не вздыхайте, мои други,
И не поминайте.
Что с того, что вспомнишь славу?
Вспомнишь и заплачешь.
А каков он нынче город,
Чигирин казачий?

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает,
Багровеет круглолицый,
Горит — не сияет,

---

¹ Анахронизм: ктитора ляхи замучили зимою, а не летом.

Не иначе, что не хочет
Свет свой тратить даром:
Нынче ночью Украину
Осветят пожары.
Потемнело — и в Чигрине
Мрачно, как в могиле.
(В эту ночь по всей Украине
Огни не светили,
В ночь под праздник Маковея,
Как ножи святили.)
Только совы за заставой
На выгоне выли.
Только тень летучей мыши
Прошмыгнет случайно.
Где же люди? Над Тясьмином,
В темной роше, тайно
Собралися. Старый, малый,
Босой и обутый —
Все сошлись, ожидают
Великой минуты.

Средь темного леса, зеленой дубровы
Стреноженны кони отаву жуют.
Оседланы кони, к походу готовы.
Куда-то поскачут? Кого повезут?
А что там за люди в затишье долины
Лежат притаившись? Лежат себе, ждут.
Лежат гайдамаки. . . На зов Украины
Орлы прилетели. Они разнесут
Врагам своим кару,
За кровь и пожары
Жестокою кару они воздадут!

Оружье на возах лежит,
Ножи — железною таранью —
Императрицын дар восстанью. . .
Дарила — знала: угодит!
Пускай царицу на том свете
Не оскорбят намеки эти!
Среди возов народ стоит,
Казачья сила налетела —
Со всей округи казаки:

И юноши и старики
На доброе собрались дело.
И ходят меж возов старшины,
В киреях черных, как один,
Беседуют спокойно, чинно,
Поглядывая на Чигрин.

Старшина первый
Старый Головатый что-то мудрит слишком.

Старшина второй
Умная голова! Сидит себе на хуторе, будто не знает
ничего, а посмотришь — везде Головатый. «Если сам, го-
ворит, не покончу дело — сыну передам!»

Старшина третий
Да и сын — тоже штука! Я вчера встретился с Зализ-
няком; такое рассказывает про него, что ну его! «Коше-
вым, говорит, будет, да и только; а может, еще и гетма-
ном, ежели. . .»

Старшина второй
А Гонта на что? А Зализняк? Гонте сама. . . сама
писала: «Если, говорит. . .»

Старшина первый
Тише! Кажется, звонят!

Старшина второй
Да нет, это люди гомонят. . .

Старшина первый
Догомонятся, что ляхи услышат. Ох, старые головы
да разумные! Чудят, чудят, да и сделают из лемеха шило.
Где можно с мешком, там торбы не надо. Купили хрену —
надо съесть; плачьте, глаза, хоть вон повылазьте: видели,
что покупали, — деньгам не пропадать! А то — думают,
думают, ни вслух, ни молча, а ляхи догадаются — вот тебе
и шиш! Что там за сходка? Почему они не звонят? Чем
народ остановишь, чтоб не шумел? Не десять душ, а,
слава богу, вся Смелянщина, коли не вся Украина. Вон,
слышите, поют.

Старшина третий
Правда, поет кто-то. Пойду, остановлю.

Старшина первый
Не надо. Пусть себе поет, лишь бы негромко.

Второй старшина
Это, должно быть, Валах.¹ Не утерпел-таки старый
дурень; поет — да и только.

Третий старшина
А славно поет. Когда ни послушаешь — все другую.
Подкрадемся, братцы, да послушаем. А тем часом за-
звонят.

Старшина первый и второй
А что ж? И пойдем!

Старшина третий
Добре, идем!

Старшины тихо стали за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь,
вокруг него запорожцы и гайдамаки. Кобзарь поет медленно и
негромко.

Ой валахи! Как мало
Вас на свете осталось!
И вы, молдаваны,
Теперь вы не паны.
Господари недаром
Служат верно татарам
Да турецким султанам.
Вы в цепях, молдаваны!
Ладно! Будет журиться,
Время богу молиться.
Поднимайтесь-ка с нами,
С нами, казаками.
Помянем, молдаваны,
Гетмана Богдана.

---

¹ Вместе с гайдамаками ходил кобзарь; его называли слепым
Волохом. (Дед рассказывал.)

Будете панами ---
Поднимайтесь с ножами,
Как мы — со святыми,
При батьке Максиме,
Мы ночь погуляем,
Ляхов погоняем,
Да так погуляем,
Что ад содрогнется,
Земля затрясется,
Небо запылает.
Добре погуляем! . .

З а п о р о ж е ц

Добре погуляем! Правду старый поет, коли не врет.
А что б из него за кобзарь был, кабы он не валах!

К о б з а р ь

Да я и не валах, — так только: был когда-то в Валах-хии, а люди и зовут Валахом, сам не знаю, за что.

З а п о р о ж е ц

Ну да все равно. Затяни еще какую-нибудь. А ну-ка, про батьку Максима ахни!

Г а й д а м а к

Да негромко, чтоб не слышали старшины.

З а п о р о ж е ц

А что нам ваши старшины? Услышат — так послушают, коли есть чем слушать, вот и все. У нас один старшой — батько Максим; а он, как услышит, то еще карбованец даст. Пой, старче божий, не слушай его.

Г а й д а м а к

Да оно так, дружок; я это и сам знаю, да вот что: не так паны, как подпанки, а еще: пока солнце взойдет, роса глаза выест.

З а п о р о ж е ц

Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона не дождемся — заснем.

Все вместе

Правда, заснем; спой нам что-нибудь.

Кобзарь

(поет)

Летит орел, летит сизый
Да под небесами.
Зализняк гуляет батько
Степами, лесами.
Ой, летает сизокрылый,
А за ним орлята.
Ой, гуляет славный батько,
А за ним — ребята.
Те ребята — запорожцы,
Сыновья Максима.
Обо всем толкует с ними
Батько их родимый.
Он запляшет — все запляшут,
Земля затрясется.
Запоет он — все подтянут,
Горе засмеется.
Поставцом горилку тянет.
Чаркою не любит,
А врага в бою зажмурясь
Найдет и загубит.
Вот такой-то у нас батько,
Орел сизокрылый,
И воюет и танцует
Со всей мочи-силы.
Нет ни хутора, ни хаты,
Ни стола, ни лавок.
Степь да море — на просторе
Богатство и слава.
Берегитесь нынче, ляхи,
Горе вам, собаки!
Зализняк идет к вам в гости,
А с ним гайдамаки.

Запорожец

Вот это — да! Отколол, ничего не скажешь: и складно и правда. Хорошо, право, хорошо. Что захочет — то так и режет. Спасибо, спасибо!

Г а й д а м а к

Я что-то не раскусил, что он пел про гайдамаков.

З а п о р о ж е ц

Какой же ты бестолковый, право! Видишь, вот что он пел: чтоб ляхи поганые, бешеные собаки, каялись, потому идет Зализняк Черным шляхом с гайдамаками, чтоб ляхов, видишь, резать. . .

Г а й д а м а к

И вешать и мучить! Хорошо, ей-богу, хорошо! Ну, так! Право, дал бы карбованец, если б не пропил вчера. Жаль. Ну, пускай старая вязнет — больше мяса будет. Сделай одолжение, будь добр, — завтра отдам. Хвати еще что-нибудь про гайдамаков.

К о б з а р ь

До денег я не очень жаден. Была б ваша милость слушать — пока не охрип, буду петь; а охрипну — чарочку-другую той «ледащицы-живицы», как это говорится, да и снова. Слушайте ж, панове-громада!

Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
На лугу ходили кони
В седлах, наготове. . .
Ночевали паны-ляхи
В шинках с шинкарями,
Напились, растянулись
Да и. . .

В с е

Стой-ка. Кажется, звонят. Слышишь? Еще раз. . . о! . .

Зазвонили, зазвонили,
Покатилось эхо.
«Поднимайтесь-ка, а песня —
Делу не помеха».

Повалили гайдамаки,
Аж стон по дуброве.

На плечах возы до церкви
Понесли воловьи.
А Валах за ними следом
Затянул суровой:

«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве».
Ковыляет, напевает
Потихоньку старый.
«Дай другую, старче божий,
Поддай в ноги жару!»
И с возами в пляс пустились.
Плясовую грянул.
«Так-то, хлопцы, добре, хлопцы,
А я не отстану.
Ахнем, хлопцы!»

Заходила
Земля под ногами,
А Валах на кобзе режет,
Додает словами:

«Ой, гоп таки-так!
Кличе Ганну казак:
Иди, Ганна, побалую,
Иди, Ганна, поцелую.
Пойдем, Ганна, до попа
Богу помолиться.
Негу жита ни снопа —
Бурьян колосится.
Оженился, зажурился,
Нужда одолела.
Дети голы, а их батько
Поет то и дело:
И по хате ты-ны-ны,
И по сеням ты-ны-ны,
Пеки, жинка, блины,
Ты-ны-ны, ты-ны-ны! . . .»

«Добре, добре! Дай еще раз! . . .» —
Кричат гайдамаки.

«Ой, гоп, диво, диво,
Наварили ляхи пива,

А мы будем пировать,
Панов-ляхов угощать.
Панов-ляхов угощая,
С панянками поиграем.
Ой, гоп таки-так!
Кличет панну казак:
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!
Не стыдися, дай мне ручку, —
Нечего стыдиться!
Пускай людям горе снится, ---
Будем веселиться!
Запоем, затынем,
Друг на дружку глянем.
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»

Еще! Еще!

«Кабы если б или так, или сяк,
Кабы если б запорожский казак!
Кабы если б молодой, молодой,
Хоть по хате походил бы со мной.
Страх как мне не хочется
Да со старым морочиться!
Кабы если б. . .»

«Цыц! Ошалели! Что за погань
Поете здесь, да в час такой,
Да где! — у божьего порога!
Все ты затеял, пес слепой!» —
Так атаман кричит. И встали
У церкви хлопцы. Клар поет.
Попы с кадилами, с крестами
Идут, идут. Затих народ.
Кропя оружие, меж возами
Попы торжественно прошли.
Хоругви следом пронесли,
Как на святой над куличами.

«Молитесь, братие, молитесь! ---
Вдруг благочинный возгласил. ---
Восстанет стража из могил

На помощь. Духом укрепитесь!
 Не даст господь Чигрин распять,
 А вы Украйну охраняйте,
 Не дайте матери, не дайте
 В руках у палача стенать.
 От Конашевича доныне
 Пожар не гаснет, люди мрут,
 Томятся в тюрьмах, на чужбине. . .
 А дети в нехристях растут,
 Казачьи дети. А дивчата —
 Земли украинской краса —
 Посрамлена, в руках у катов.
 И непокрытая коса
 Сечется с горя. Карп очи
 В неволе гаснут: расковать
 Казак сестру свою не хочет,
 И не стыдится сам стонать
 В ярме у ляха. Горе, горе!
 Молитесь, дети! Страшный суд
 Нам ляхи-палачи несут!
 И разольется крови море. . .
 А вспомним гетманов своих:
 Богдана вспомним, Острилицу.
 Кто знает, где могилы их,
 Где их священный прах хранится?
 Где Наливайко славный прах?
 Кто плакал на его могиле?
 Кошунственно в глухих степях
 Враги их пепел распылили.
 Они поруганы. Не встанут. ¹
 Не встанет праведник Богун,
 Чтоб зимний запрудить Ингул
 Телами шляхты. ² Нет Богдана,

¹ Павла Наливайко сожгли живым в Варшаве, Ивана Острилицу и тридцать казацких старшин четвертовали после страшной пытки и развели их тела по всей Украине. Зиновий Богдан и сын его Тимофей были похоронены в Субботове, неподалеку от Чигирива; Чарнецкий — коронный гетман, не захватив Чигирина, от злости сжег их, мертвых (Георгий Конисский).

² Полковник Богун утопил ляхов в Ингуле, Зиновий Богдан вырезал сорок с чем-то тысяч ляхов в Корсуне над Росью, Тарас Трясило вырезал ляхов над Альтою, и та ночь, в которую это произошло, называется Тарасовой, или кровавой (Бантыш-Каменский).

Чтоб Воды Желтые и Рось
Окрасить кровью, как бывало.
И Корсунь — город древней славы —
Тоскует ныне. Довелось
Угаснуть в забытьи на свете.
И Альта плачет: «Где Тарас?»
Не слышно. . . Нет. Не в батьку дети!
Не плачьте, братие, за нас
И души праведных и сила
Архистратига Михаила, —
Не за горами кары час.
Молитесь, братие! . . .»

Молились,
Молились с верой казаки
По-детски чисто. Не журились.
И не гадали, чтоб спустились
Над их могилами платки.

Вся и слава — что платочек
На кресте накинута. . .
А диакон возглашает:
«Враги да погинут! . . .
Братие, ножи берите!
Благослови, боже. . .» —
«Освятили! Освятили!»
Аж мороз по коже.
«Освятили, освятили!
Шляхта да погинет! . . .»
И ножи те заблестели
По всей Украине.¹

ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

И день еще под игом катов
Стонал народ, — еще один.
Земля носила их, проклятых,
И плакал древний Чигирин.
Тот день прошел, день Маковея,
Что многих праздников святее,

---

¹ Так рассказывают о Чигиринском празднике старые люди.

А ляхи всё не унимались,
Горилкой, кровью упивались,
Кляли схизмата, распинали,
Кляли, что нечего и взять.
А гайдамаки молча ждали,
Покуда ляхи лягут спать.
Легли — не думали, не знали,
Что завтра им уже не встать.
Заснули ляхи, а иуды
Еще не спят в ночной тиши,
Впотьмах считают барыши,
Над золотой склонившись грудой.
И так, на золоте своем,
Нечистым задремали сном.

Заснули — навеки, даст бог, улеглись. . .
А в ту пору месяц плывет озирать
И небо, и звезды, и землю, и море,
И счастье людское, и горькое горе,
Чтоб господу-богу про все рассказать.
Светит белолицый на всю Украину. . .
Видит ли он с неба мою сиротину?
Видит ли Оксану, мою сироту?
Кто ее терзает, где она страдает,
Знает ли Ярема? Или знать не знает, —
Мы после увидим, а нынче не ту,
Не ту, а другую я песню сыграю.
Горе — не дивчата — будет танцевать;
Спою про неволю, казацкую долю, —
Слушайте, чтоб детям после рассказать,
Чтобы дети знали, внукам рассказали,
Как казаки шляхту мукам предавали
За все, что от шляхты пришлось испытать.

Испокон веков Украина
Не знала покоя,
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
Текла, текла — пересохла.
Степи зеленеют.
Спят казаки, спят вояки,
Курганы синеют.

Да кому о дедах вспомнить,
Поплакать над ними?
Не горька их доля внукам,
Не дорого имя.
Только ветер тихо-тихо
Повеет порою,
Только росы, будто слезы,
Окропят, омоют.
Солнце ласковое встанет,
Осушит, пригреет.
Что же внуки — все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая,
Праведная сила?
Зализняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.
Испокон веков Украина
Не знала покоя.
По степям ее широким
Кровь текла рекою.
День и ночь — пальба, сраженья,
Земля стонет, гнется.
Жутко, больно, а как вспомнишь ---
Сердце усмехнется. . .

Месяц ясноликий, брат мой одинокий,
Укройся за тучей, за горой высокой,
Не гляди на землю, хоть и видел Рось,
И Альту, и Сену,¹ хоть и пролилось
Там немало крови людской понапрасну ---
То ли нынче будет! Закатися, ясный,
Спрячься, друг любимый, чтоб не довелось
На старости плакать. . .

Грустно, грустно среди неба
Светит месяц смутный.
Вдоль Днепра казак шагает ---

¹ Тарасова и Варфоломеевская ночи стоят одна другой — к стыду римской тиары.

С вечерники будто.
Он шагает невеселый,
Еле служат ноги.
Не дивчина ль осмеяла
За жупан убогий?
Нет, дивчина его любит,
Хоть жупан залатан.
Добрый хлопец, а не сгинет —
Будет и богатым.
Что ж идет он невеселый,
Идет, чуть не плачет?
Что поникнул молодою
Головой казачьей?
Чует сердце, да не скажет,
Что за горе встретит. . .
А вокруг — как будто люди
Вымерли на свете.
Петухов еще не слышно,
Собаки замолкли,
Непринято в отдаленье
Завывают волки.
Хоть бы что! Идет Ярема,
Спешит не в Ольшану,
Не к своей зазнобе милой —
На ляхов поганых,
На Черкасы. Скоро третьих
Петухов слышит. . .
Ну, а там. . . Глядит Ярема,
Волны Днепр колышет. . .

«Ой, Днепр мой могучий, стремяся к низовью,
От крови казацкой бывал ты багрян,
И море ты красил казацкою кровью,
Да сам еще не был от крови той пьян.
А нынче упьешься. Кромешное пламя
Над всей Украиной в ночи заревет,
И хлынет ручьями, волнами, реками
Кровь шляхты поганой; казак оживет.
Гетманы повстанут в жупанах старинных,
Вольной песней станут грозные слова:
«Врагов мы прогнали!» И над Украиной,
О боже великий, блеснет булава!»

Так думал Ярема в одежде убогой,
С ножом освященным идя на врагов.
А Днепр — он подслушал, — могучий,
широкий,
Поднял волны-горы — и у берегов
Грозно волны завывают,
Лозы нагибают.
Гром грохочет, а молнии
Тучи рассекают.
Напрямик идет Ярема,
Головы не прячет.
Одна дума улыбнется,
Другая заплачет. . .
«Там — Оксана, там — весело
И в худой одеже.
А тут, а тут — сам не знаю —
Пропаду, быть может!»
Вдруг — недальний из-за леса
Петух: ку-ку-ре-ку!!!
«А! Черкасы! Боже правый,
Не убавь мне веку!»

КРОВАВЫЙ НИГ

Зазвонили на Украине
Со всех колоколен.
Загуляли гайдамаки
Да на вольной воле.
«Смерть шляхетству! Погуляем,
Тучи разогреем!»
Запылала Смелянщина
И Корсунь за нею.
А Медведевка ¹ давно уж
Небо подпекает.
Горит Смела; Смелянщина
Кровью подплывает.
Полыхают разом Канев,
Чигирин, Черкасы.

---

¹ Третьи петухи — сигнал; рассказывают, что есаул Зализняка, не дождавшись третьих петухов, поджег Медведевку, местечко между Чигирином и Звенигородкой.

Черный шлях¹ окутан дымом,
И кровь полилася
До Волыни. На Полесье
Гонта пир справляет.
Зализняк же в Смелянщине
Саблю закаляет,
Да в Черкасах, где Ярема
Поспевает рядом.
«Добре, хлопцы, режьте шляхту,
Никому пощады!» —
Зализняк своих казаков
В дыму окликает.
Ад кромешный, а по аду
Казаки гуляют.
А Ярема рубит ляхов
С Максимом бок о бок.
Так и косит! «Добре, хлопец,
Тряси их хвороба!
Валяй, хлопец! В раю будешь,
А то есаулом.
Нуте, детки!» Переполнен
Город криком, гулом.
В лавках, в каменных палатах
Души не осталось.
«Подчистую! Добре, хлопцы,
Отдохните малость».
Город трупами завален,
Улицы, базары
Черной кровью подплывают.
«Мало шляхте кары! . . .»
Недорезанных кончали:
Не встанут, собаки!
Собралися, запрудили
Площадь гайдамаки.
Зализняк зовет Ярему,
Тот идет смущаясь.
Батько снова: «Пооди, хлопец,

---

¹ Черный шлях начинался от Днепра между устьями рек Со-
коровки и Носачевки и простирался через запорожские степи, через
воеводства Киевское, Подольское, Волынское — в Червоную Русь к
Львову. Назван Черным, так как татары ходили по нему в Польшу
и своими табунами вытаптывали траву.

Не бойсь, не кусаюсь». —
«Не боюсь». Снимает шапку
Перед атаманом.
«Кто ты будешь и откуда?» —
«Я-то? Из Ольшаны». —
«Это где конфедераты
Ктitora убили?» —
«Где? Какого? . . .» —
«Там, в Ольшане,
И дочь захватили.
Дочь, дивчину, может, знаешь?» —
«Дочку?! Из Ольшаны?» —
«Да, у ктitora. Не помнишь? . . .» —
«Оксана! Оксана!» —
Только вымолвил Ярема,
Как сноп повалился.
«Эге! . . . Вон что! Жалко хлопца,
Славно хлопец бился!»
Отдышался. «Батько, брат мой!
Что я не сторукий?
Дайте нож мне, дайте силу,
Муки шляхте, муки!
Да такой, чтоб под землю
Пекло занемело!» —
«Добре, сынок. Ножей хватит
На святое дело.
Гайда с нами до Лысянки,
Там ножи наточим». —
«Иду, батько, иду, милый, —
Веди куда хочешь.
Хоть за море, на край света
Пойду с атаманом.
Палача злодея-ляха
Под землей достану
С того света. . . Только, батько,
Найду ли Оксану? . . .» —
«Там увидим. . . Как зовут-то?» —
«Яремою звали». —
«Так. А прозвище какое?» —
«Прозвища не дали». —
«Что, безродный? Ну, да ладно.
Запиши, Микола,

Хлопца в список. Пускай будет...
Пускай будет... Гольй.
Пиши Голым...» —

«Не годится». —

«Ну, пиши... Бедою». —

«Тоже худо...» —

«Тьфу ты, черт вас!

Пиши Галайдою».

Записали.

«Ну, Галайда,

С нами в путь-дорогу.

Найдешь долю, а быть может...

Нуте, хлопцы, трогай!»

Конь нашелся для Яремы —

Дали из обоза,

Рад бедняга; улыбнулся,

Да и снова в слезы.

Выехали за ворота —

В зареве Черкасы.

«В сборе, детки?» —

«В сборе, батько!» —

«Гайда!»

Понеслася

Правым берегом днепровским

Казачья ватага.

И кобзарь за нею следом —

Где трюшком, где шагом, —

Поспевает на лошадке,

Песню запеваает:

«Гайдамаки, гайдамаки!

Зализняк гуляет!..»

Едут, едут... А Черкасы

Позади пылают.

Ну, и ладно! И не смотрят,

Шляхту проклинают.

Кому шутки, кому песни —

Кобзарь наготове.

Зализняк же едет молча,

Нахмутивши брови,

Курит люльку, смотрит зорко

Вдаль перед собою.

А за ним Ярема едет,
Поник головою.
Темный лес, днепровский берег,
Горы, звезды, небо,
Счастье, доля и недоля,
Люди, быль и небыль —
Все пропало, отступило,
Не видит, не знает.
Как убитый. Только тяжело
Изредка вздыхает,
Но не плачет, нет, не плачет,
Хотя слезы душат,
Злоба лютою змеею
Охватила душу. . .
«Ой вы, слезы, мои слезы,
Смойте мое горе!
Тяжко, больно! Только знаю —
Ни синего моря,
Ни Днепра не хватит нынче,
Чтобы горю кануть.
Душу, что ли, загубить мне? . .
Оксана! Оксана! . .
Где ты, где ты, моя радость,
Что жизни дороже?
Хоть приснися, покажися. . .
Где ты? Гибнешь, может?
Может, горькую судьбину
Клянeshь ты, Оксана?
Может, мученица, стонeshь
В застенке у пана
Да Ярему вспоминаeshь,
Родную Ольшану. . .
Сердце мое! Лети, сердце,
Обними Оксану!
Обоймешся, позабудем
Все на белом свете.
Пускай ляхи жгут, пытаются —
Не услышим! . . Ветер,
Ветер веет от Лимана,
Гнется тополь в поле,
И дивчина туда гнется,
Куда гнет недоля.

Потоскует, погорюет,
Забудет... и, может...
Станет панной, гордой, чванной...
А лях... Боже, боже!..
Карай пеклом мою душу,
Сожги адским жаром.
Карай, боже, мукой вечной,
Но не тою карой!
Будь хоть каменное сердце —
Не вынесет раны.
Моя доля, моя радость,
Оксана! Оксана!
Куда скрылась-удалилась,
Приди, покажися!»
Вдруг — и слезы полилися,
Откуда взялися!
Не велит казакам батько
Нынче ехать дале.
«К лесу, хлопцы! Вон светает,
И кони устали.
Покормить бы!» Своротили.
И в лесу пропали.

ГУПАЛИВЩИНА

Встало солнце. Украина
Дымила, пылала.
Где в живых осталась шляхта, —
Запершись дрожала.
А по виселицам в селах
Ляхи в ряд висели
Чином старшие. На прочих
Веревки жалели.
По улицам, по дорогам —
Груды трупов с ночи.
Псы грызут их, а вороны
Выклевали очи...
По дворам везде остались
Дети да собаки.
Даже бабы, взяв ухваты,
Ушли в гайдамаки.

И творилося такое
По родным округам. . .
Хуже ада. . . За что ж люди
Губили друг друга? . .
Поглядеть — такие ж люди,
Жить, водить бы дружбу.
Не умели, не хотели —
Разделиться нужно.
Захотели братской крови,
Потому у брата
И скотина, и холстина,
И светлая хата.
«Убьем брата, спалим хату».
И пошла работа.
Ну, убили! А на муки
Остались сироты.
Подросли в слезах, в неволе,
Развязали руки,
Ножи взяли. И зуб на зуб,
И муки за муки!
Сердцу больно, как помыслишь:
Что людей побито!
Столько крови! Кто ж виновен?
Ксендзы, езуиты. . . ¹

Проносились гайдамаки
Степями, лесами.
А за ними и Ярема
С горем да слезами.
Вот минули Вороновку,
Вербовку, — в Ольшану
Прискакали. «Не спросить ли
Кого про Оксану?
Нет, не надо, пусть не знают,
За что пропадаю».
Кони скачут. Гайдамаки
Село покидают.

---

¹ До Унии казаки с ляхами жили в мире, и если бы не иезуиты, то, может быть, и не резались бы; иезуит Поссевин, папский легат, первым начал унию на Украине.

Наклоняется к мальчонке:
«Ктитора убили?» —
«Да нет, дядька, не убили —
На огне спалили,
И Оксану, дочку, взяли.
А ты кого ищешь?
Коли ктитора, то даром:
Лежит на кладбище. . .»
Не дослушал и галопом
Вороного кинул.
«Лучше б я вчера, не зная,
Не ведая, сгинул.
А сегодня я и мертвый
Из могилы встану
Панов карать. Сердце мое!
Оксана! Оксана!
Где ты? . . .»

Стихнул, зажурился.

Сдержал вороного.
Горе тяжкое, немое
Охватило снова.
Поровнялся со своими
За хутором старым.
Где корчма была — огнище,
И Лейбы не стало.
Усмехнулся мой Ярема,
Грустно усмехнулся.
«Вот где, вот где я недавно
Перед Лейбой гнулся!
А сегодня. . .» И взгрустнулось
О том, что минуло.
А ватага у оврага
С дороги свернула.
Догоняют мальчугана;
На спине котомка,
Лапти, рваная сермяга. . .
Окликнули громко:
«Эй, убогий, погоди-ка!» --
«Я не нищий, что вы!» —
«Ну, а кто ж ты?» —
«Гайдамака!» —
«Ишь, какой бедовый! . . .»

«Сам-то дальний?» —
 «Кирилловский». ¹ —
 «А Будища слышал?» ² —
 «Знаю, как же!» —
 «А озеро?» —
 «Озеро повыше,
 Вон где озеро. Езжайте
 Тропинкой вот этой». —
 «Много ляхов нынче видел? ..» —
 «То-то вот, что нету!
 А вчера их было пропасть!
 Венков не святили
 Из-за них, из-за проклятых, —
 За то ж их и били! ..
 И мы с батькой их карали,
 А мать все хворает, —
 А то б тоже. . .» —
 «Добре, хлопец! —
 Зализняк кивает. —
 Вот возьми себе на память
 Об этой дороге
 Золотой». —
 «Спасибо, пане! ..» —
 «Ну, казаки, трогай!
 Да без гомону, потише!
 Галайда, за мною!
 Там вон озеро в долине
 И лес под горою.
 А в лесу добро зарыто, —
 Как подъедем, скажешь,
 Чтобы хлопцы окружили,
 Может, кто на страже
 Там остался. . .»
 Подъезжают,
 Встали вокруг леса.

¹ Кереливка или Кирилловка — село Звенигородского уезда. Червонец, который дал Зализняк мальчику, и посейчас еще находится у сына этого мальчика, которому был дан, — я сам его видал.

² Село Будища неподалеку от Кереливки; в яру озеро и над озером небольшой лес, называется Гупаливщиной за то, что в нем Зализняк сбивал ляхов с деревьев. Погреба, в которых был спрятан шляхетский клад, и сейчас видны, только уже разрушены.

Смотрят, смотрят — нету ляхов. . .
«Да тут их до беса!
Гляньте, хлопцы, на деревья,
Сшибайте проклятых!»
И посыпались, как груши,
Вниз конфедераты.
«Поживей сшибайте, хлопцы,
Будут знать, как лазить!
Вот так славная потеха —
Как бы да не сглазить!»
Отыскали гайдамаки
Потайные ямы,
Все забрали, что годилось,
И в Лысянку прямо
Поскакали. . . ¹

П И Р В Л Ы С Я Н К Е

Над Лысянкой клубы дыма
К небу повалили:
Зализняк да Гонта люльки
На ночь закурили.
Страшно, страшно закурили,
Земля пламенеет.
Вряд ли даже в преисподней
Так курить умеют!
Багровеет Тикич кровью
Евреев да ляхов.
Горят хаты и палаты,
Заодно — всё прахом. . .
И богатство и убогость. . .
А среди базара
Зализняк гуляет с Гонтой:
Кричат: «Ляхам кара!
Кара ляхам, чтоб каялись!»
И детей карают.
Стоны, слезы. Один молит,
Другой проклиняет,

---

¹ Лысянка — местечко Звенигородского уезда, над рекою Гнилым Тикичем. Тут сошлись Гонта с Зализняком и разрушили старосветский дом, будто бы построенный Богданом.

Третий кается напрасно
Перед мертвым братом.
Старикам пощады нету
И малым ребятам.
Не милуют гайдамаки,
Не щадят, зверея,
Ни красу, ни возраст юный
Шляхтянок, евреек.
Ни убогих, ни здоровых,
Ни детей-малюток
Не осталось — не спаслися
От расплаты лютой.
Ни души — легли все впокат,
Свершилася кара.
Трупы стынут, багровеет
Небо от пожара.
Разгорелся, распылался
Под самые тучи.
А Галайда всюду слышен:
«Мучить ляхов, мучить!»
Как безумный мертвых режет,
Рубит как попало.
«Дайте ляха, дайте пана,
Мало крови, мало!
Дайте ляха, дайте крови
Тех собак поганных!
Море крови! . . Мало моря!
Оксана! Оксана!
Где ты?» — крикнет, пропадает
В полуме пожара.
А тем часом гайдамаки
Столы средь базара
Расставили. Отовсюду
Несут, несут блюда.
Собирают, накрывают —
Тешат свою удаль.
«Пейте, лейте!» Загуляли.
А вокруг что было:
Трупы панские, качаясь,
Висят на стропилах
Обгорелых. Вдруг стропила
Пламенем обнимет —

Треск да искры! «Пейте, детки,
С панами такими,
Может, встретимся еще раз, —
Авось, не сплошаем!»
И черпак единым духом
Батько осушает.
«За собачьи эти трупы,
За собачьи души
Пью, казаки! Пейте, детки!
Выпьем, Гонта, друже!» —
«Выпьем, выпьем, погуляем
Заедино, вместе!
Где Валах наш? Запевай-ка
Веселую песню!
Не про дедов — сами шляхту
Караем не хуже!
Не про горе — потому что
Живем, а не тужим.
Грянь веселую такую,
Чтоб земля ломилась,
Про вдовицу-молодицу,
Как она журилась!»

К о б з а р ь

(играет и напевает)

От села до села
Праздник, пир великий.
Я курицу продала,
Ношу черевики.
От села до села
Танцевать пойду я.
Ни коровы, ни вола,
В хате ветер дует.
Я отдам-запродам
Куму свою хатку.
На виду, на ходу
Поставлю палатку.
Стану я торговать
Горилкою горькой
Да гулять, танцевать
С молодыми только!
Ох вы, детки мои,

Я вас пожалею.
Поглядите, как танцую, —
Станет веселее.
Я в батрачки пойду,
Деток в школу отдам,
Своим новым черевичкам
Таки дам, таки дам!

«Славно! Славно! Плясовую!
Поддай жару в ноги!»
Заиграл кобзарь, пустились
Посреди дороги.
Ходит площадь. «Ну-ка, Гонта,
Тряхнем стариною,
Пока живы — погуляем,
Притопнем ногою!»

«Не смотрите вы, дивчата,
Что я обтрепался. . .
Родной батько делал гладко, —
Я в него удался».

«Добре, братец! Ей же богу!» —
«Дорогу Максиму! . . .» —
«Погодите ж. . .»

«Даром, что ли, так поется:
«Люби дочку чью придется —
Хоть попову, хоть дьячкову,
Хоть и просто мужикову».

Все танцуют, а Галайда
На гулянье плачет.
У стола сидит печальный,
Слез своих не прячет.
А с чего бы ему плакать?
Сидит себе паном:
Есть и деньги, есть и слава. . .
Да нету Оксаны!
Не с кем долей поделиться,
Не с кем веселиться,
Сиротою довелось
На свете томиться. . .

И не знает, не гадает,
Что его Оксана
За рекой, в плену у ляхов,
У панов тех самых,
Что отца ее убили,
Над нею глумились.
Хвост поджали — убежали,
В страхе притаились.
Только слушаете, сидя
За стеной надежной,
Стоны братьев! А Оксана
В окошко тревожно
Смотрит, смотрит на пожары.
«Где-то ты, мой сокол?»
А того она не знает,
Что он недалеко,
Здесь, в Лысянке, да не в прежней
Старой свитке рваной —
В жупане сидит, горюет:
«Где моя Оксана?
Где она, моя голубка
Томится да плачет? . . .»
А в потемках вдоль заборов,
В кирее казачьей
Идет кто-то. . .
«Что за люди?» —
Казак окликает.
«Я посыльный пана Гонты,
Пускай он гуляет,
Подожду я. . .» —
«Ловок Лейба,
Ловок враг, однако». —
«Спаси, боже, — врагом не был,
Видишь — гайдамака.
Вот копейка — знак имею. . .» —
«Да напрасно ищешь. . .»
И свяченный вынимает .
Из-за голенища.
«Признавайся, пес лукавый,
Ты привел в Ольшану
До ктитора ляхов пьяных?
Я шутить не стану.

Я батрак твой. Я Ярема.
Узнаешь, поганый?
Говори же, признавайся:
Где моя Оксана?»
Замахнулся.

«Спаси, боже. . .

За рекой. . . у пана. . .» —
«Выручай же, а иначе —
Протянешь ты ноги». —
«Добре, добре. . . Ах, какой вы,
Пан Ярема, строгий! . .
Тотчас все исполню. Деньги
И стену ломают.
Скажу ляхам: вместо Паца. . .» —
«Ладно. Понимаю.
Лети духом». —

«Добре, пане,
Вы себе гуляйте,
Да часок-другой. . . покамест
Гонту забавляйте.
А куда везти Оксану?» —
«В Лебедин. . . к монашкам. . .»

С Гонтой весело танцует,
Жупан нараспашку.
Зализняк же берет кобзу:
«Потанцуй-ка, старый!
Я сыграю!»

И вприсядку
Слепец средь базара
Чешет рваными лаптями,
И сыплет словами:

«В огороде пастернак, пастернак;
Чем я тебе не казак, не казак?
Иль я тебя не люблю, не люблю?
Иль я тебе черевичков не куплю?»

Куплю, куплю, черноброва,
Куплю, куплю пару новых.
Буду часто ходить,
Буду крепко любить.

Ой, гоп-гопака!
Полюбила казака,
Некрасивого, рябого
Да седого старика.
Иди, доля, за бедою,
А ты, старый, за водою,
А я сбегая в шинок,
Выпью чарку да другую,
Да и третью не миную,
Еще пару — будет пять!
Пошла баба танцевать,
Пошла баба, а за ней
Выбегает воробей.
Так и чешет — людей тешит,
Веселей, воробей!
Рябой, старый бабу кличет,
А та ему дулю тычет:
Оженился, сатана,
Нет ни хлеба, ни пшена!
Надо деток воспитать,
Обувать, одевать.
А я буду добывать,
А ты, старый, не греши,
А ты зыбку колыши,
Да замри — не дыши!»

«Как была я молодою, жила весело я,
По-над ставней новый фартучек повесила я.
Кто идет — не минёт,
То кивнет, то моргнет,
А я шелком вышиваю
И в окошечко киваю.
Надевайте, хлопцы, свитки,
Приходите до калитки.
Погуляем, хлопцы, вместе,
Заиграем, хлопцы, песни.

Загоняйте квочку в бочку,
А цыпляток в верну! . . .»

. . . . .
. . . . .

«... И...гу!...
Взялся батька за дугу,
А старая — за гужи.
Дочка, повод подвяжи!»

«Хватит, что ли?» —
«Еще! Еще!
Сами ноги носят!»

«В миску хлеба накроши
Да побольше квасу.
Дед да баба — оба рады, —
Тюрька задалася!

Квасу, квасу подливай
Да кроши петрушку...
: : : : : : : : : : : :
: : : : : : : : : : : :
Квасу, квасу подливай,
Кроши больше хрену.
А дед бабе...

: : : : : : : : : : : :
: : : : : : : : : : : :
Ой, лей воду, воду,
Поищи-ка броду, броду!..»

«Будет, будет! — крикнул Гонта. —
Хватит! Погуляли!
Поздно, хлопцы. А где Лейба,
Лейбу не видали?
Найти Лейбу и повесить!
Где он, сын собачий?
Гайда, хлопцы! Погасает
Каганец казачий!»
А Галайда атаману:
«Погуляем, батько!
При пожаре на базаре
И светло и гладко!
Потанцуем! Играй, старый!» —
«Нет, конец пирушке!
Огня, хлопцы! Дегтю! Пакли!
Волоките пушки!

Тут була хата
Тараса Гр. Шевченка..

Наведите на тот берег.
Думают — шучу я!»
Заревели гайдамаки:
«Добре, батько, чуем!»
За плотину повалили,
Орут, запевают.
А Галайда: «Батько, батько,
Стойте, погибаю!
Погодите, не палите, —
Там моя Оксана!
Хоть немного погодите,
Я ее достану!» —
«Ладно, ладно! Максим, братик,
Приступаем, друже!
Что возиться! А ты, хлопец,
Другую, не хуже
Облюбуеть. . .»

Оглянулся:
Где он? Был иль не был? . .
Взрыв гремучий. Стены вражьи
Взметнулись под небо
Вместе с ляхами. Что было —
Пеклом запыхало.
«Где ж Галайда?» Ищут, ищут —
Следа не осталось. . .

Покамест хлопцы снаряжались,
Ярема с Лейбою пробрались
В подвалы к ляхам, и казак
Оксану вынес, чуть живую,
И поскакал напропалую
На Лебедин. . .¹

ЛЕБЕДИН

«Сирота я из Ольшаны,
Сирота, бабуся. . .
Отца ляхи замучили,

---

¹ Лебедин, девичий монастырь, между Чигирином и Звенигородкою.

А меня . . . боюся
Даже вспомнить, моя радость, ---
Увезли с собою.
Не спрашивай, родная,
Что было со мною.
Сколько плакала, молилась,
Сердце надрывала!
Не хватало слез, голубка,
Душа замирала.
Кабы знала, что увижу
Мила друга снова, —
Молча б вытерпела муки
За одно то слово.
Ты прости, прости, голубка,
Может, согрешила,
Может, бог меня карает,
Что я полюбила,
Полюбила молодого.
И что тут поделывать?
Полюбила как умело,
Как сердце велело.
Не за батьку, не за матку
Молилась в неволе, ---
За него молилась богу,
Чтоб дал ему долю.
Карай, боже, карай, правый,
Все скажу, что было;
Страшно молвить, чуть я душу
Свою не сгубила.
И, наверно б, на себя я
Руки наложила,
Да как вспомню сиротину ---
Боже ты мой милый!
Кто ж его на белом свете
Приветит, не бросит?
Кто про долю, про недолю,
Как я, порасспросит?
Кто обнимет крепко-крепко,
Как я, горевого,
Кто подарит сиротине
Ласковое слово?
Так я думала, бабуся,

И сердце смеялось:
Я сама на свете круглой
Сиротой осталась.
Только он один на свете,
Один меня любит.
Если я сойду в могилу,
Он себя загубит.
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала.
Нет и нету — не приходит,
Одна я осталась!»
И заплакала.

Черница

Склонилась над нею,
Опечалилась.

«Бабуся,

Скажи ты мне, где я? ..» —

«В Лебедине, моя пташка,

Ты лежишь больная». —

«В Лебедине? А давно ли?» —

«Третий день, родная. ..» —

«Третий, третий. .. Погоди-ка. . .

Пожар над водою. . .

Лейба. . . Вечер. . . Майдановка. . .¹

Зовут Галайдою. . .» —

«Галайдой себя, Яремой

Называл, родная,

Тот, что спас тебя. . .» —

«Где? Где он?!

Теперь все я знаю! ..» —

«На неделе обещался

За тобой явиться». —

«На неделе! Близко! Близко!

Будет мне томиться!

Вышел, вышел срок, бабуся,

Несчастной судьбине!

Тот Галайда — мой Ярема!

По всей Украине

Его знают! Я видала,

Как села пылали!

---

¹ М а й д а н о в к а — село неподалеку от Лысянки.

Я видала — каты-ляхи
Все дрожмя-дрожали,
Как услышат про Галайду!
Знают они, знают,
Кто такой он и откуда,
За что их карает.
Отыскал меня в неволе,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубочек милый!
Ах, как весело на свете,
Как весело стало!
Сколько дней прошло, бабуся?
Еще три осталось?
Ах, как долго! . . .
    «Загребай, мама, жар, жар, —
    Будет тебе дочки жаль, жаль. . .»
Ах, как весело на свете!
А тебе, бабуся?» —
«На тебя гляжу я, пташка,
Гляжу, веселюся». —
«Что ж, бабуся, не поешь ты?» —
«Бывало певала. . .»
Тут к вечерне зазвонили,
Оксана осталась.
А черница, помолившись,
В храм заковыляла.

Через три дня там «Исайя,
Ликуй!» возглашали:
Утром рано там Оксану
С Яремой венчали.
А под вечер мой Ярема,
Хлопец аккуратный,
Чтоб не сердить атамана,
Поскакал обратно
Кончать шляхту. И с Максимом
В Умани справляет
Пир кровавый. А Оксана
Сидит-поджидает,
Поджидает, не едет ли
С дружками Ярема,

Чтоб из кельи взять Оксану
И ехать до дому.
Не тоскуй, молися богу,
Поджидай, Оксана.
А покамест — на пожары,
На Умань я гляну.¹

ГОТА В УМАНИ

Похвалялись гайдамаки,
На Умань идучи:
Из китайки да из шелка
Будем драть онучи!

Проходят дни, проходит лето,
А Украина знай горит;
Сироты плачут. Старших нету,
Пустуют хаты. Шелестит
Листва опавшая в дубровах,
Гуляют тучи, солнце спит;
И слова не слышать людского,
Лишь воют волки у села,
Останки панские таская:
Кормились ими волчьи стаи,
Пока метель не занесла
Объедки волчьи. . .

Но и вьюга не укрыла
Палачей от кары.
Ляхи мерзли, а казаки
Грелись на пожарах.
Землю, спавшую под снегом,
Весна разбудила,
Муравой-травой одела,
Цветами покрыла.
В поле жаворонок звонкий,
Соловей на вербе
Пробужденную встречают
Землю песней первой.
Рай цветущий! Для кого же?
Для людей? А люди? . .

---

¹ Умань — уездный город Киевской губернии.

Ходят мимо — и не смотрят,
Посмотрят — осудят.
Кровью надобно подкрасить,
Осветить пожаром
Рай земной — тогда и будет
Хорошо, пожалуй. . .
Чего нужно? Люди, люди,
Когда же вам будет
То, что есть на свете, мило?
Чудные вы, люди.

Не смирила весна злобы,
Не уняла крови.
Страшно видеть, а как вспомнишь
Так было и с Тройей,
Было, будет. . .

Гайдамаки

Гуляют, карают,
Где пройдут — земля пылает,
Кровью подплывает.
Хоть не родной, хоть не кровный
Сынок у Максима ---
Поискать такого надо
Хорошего сына.
Батько режет, а Ярема —
Не режет — люрует,
Со свячёным на пожарах
Днюет и ночует,
Не милует, не минует —
Карает сурово,
За ктитора платит ляхам,
За отца святого,
За Оксану. . .

Холодеет,

Вспомнив об Оксане. . .
А Максим: «Гуляй, Ярема!
Пока доля встанет,
Погуляем!»

Погуляли

Казаки до срока.
От Киева до Умани
Легли ляхи впокат.

Словно туча, гайдамаки
Умань обступили,
До рассвета, до восхода
Умань подпалили.
Подпалили, закричали:
«Қарай ляхов снова!»
Покатились, отступая,
Бойцы паgodowi¹.
Побежали старцы, дети,
Хворые, калеки.
«Гвалт! Ратуйте!» Полилися
Кровавые реки.
Море крови. Атаманы,
Стоя средь базара,
Кричат разом: «Добре, хлопцы!
Кара ляхам, кара!»
Но вот ведут гайдамаки
С езуитом рядом
Двух подростков. «Гонта! Гонта!
Твои, Гонта, чада.
Раз католиков ты режешь,
То зарежь и этих.
Что же смотришь? Твои, Гонта,
Католики-дети.
Подрастут, тебя зарежут —
И не пожалеют. . .» —
«Пса убейте! А щенят я —
Рукою своею. . .
Признавайтесь перед всеми,
Что веру продали!» —
«Признаемся. . . Мать учила. . .
Мать. . . А мы не знали! . .» —
«Замолчите! Боже правый! . .»
Собрались казаки.
«Мои дети — вражьей веры!
Чтобы видел всякий,
Чтоб меня не осудили
Братья-гайдамаки, —

---

¹ Kawaleria паgodowa — так назывались польские драгуны; их тогда было в Умани 3000, и все они были убиты гайдамаками.

Не напрасно присягал я
Резать ляхов-катов!
Сыны мои! Мои дети!
Малые ребята!
Что ж не режете вы ляхов?» --
«Будем резать, будем! . . .» —
«Нет, не будете, не верю —
Проклятою грудью
Вы кормились. Католичка
Вас на свет родила.
Лучше б ночью вас приспала,
В реке б утопила!
Греха б меньше. Умерли бы,
Сыны, не врагами,
А сегодня, сыны мои,
Отцу горе с вами!
Поцелуйте ж меня, дети,
Не я убиваю,
А присяга!» И свячёный
На них подымает.
Повалились, захлебнулись.
Кровь, слова глотали:
«Тату. . . Тату. . . Мы — не ляхи. . .
Мы. . .» И замолчали.
«Закопать бы? . . .» —

«Нет, не нужно —

Католики были.
Сыны мои! Мои дети,
Что вы не убили
Мать родную, католичку,
Что вас породила,
Ту, проклятую, что грудью
Своей вас вскормила!
Идем, друже!»

Взял Максима,
Побрели базаром.
Снова вместе закричали:
«Кара ляхам, кара!»
И карали. Страшно-страшно
Умань запылала.
Ни в палатах, ни в костеле
Ляхов не осталось,

Все легли. Земля не знала,
Вовек не случилось
Того видеть, что в ту пору
В Умани творилось.
Пламя в небо полыхает,
Город освещает.
Католическую школу
Гонта разрушает.¹
«Ты моих детей учила
На позор, измену!
Ты учила неразумных, —
Разносите стены!
«Бейте! Жгите!»

Гайдамаки

Стены развалили.
Головами об каменя
Езуитов били,
А школяров — тех в колодце
Живьем утопили.

До ночи глубокой палили и били.
Души не осталось, кого бы казнить.
«Где вы, — кричит Гонта, — людоеды, скрылись?
Детей моих съели, постыло мне жить!
Тяжело мне плакать, не с кем говорить!
Сынов моих милых навеки не стало;
Где вы, мои дети? Крови, крови мало!
Шляхетской мне крови хочется испить!
Хочу, хочу видеть, как она темнеет,
Как она густеет. . . Что ветер не веет,
Ляхов не навеет! Постыло мне жить!
Тяжело мне плакать! Звезды в небе ясном!
Укройтесь за тучу — не нужен мне свет!
Я детей зарезал! Горький я, злосчастный,
Куда притулиться? Нигде места нет!»
Так метался Гонта. А среди базара
Столы гайдамаки накрывают в ряд.

---

¹ В Умани Гонта убил детей свбих за то, что мать их, католичка, помогла иезуитам обратить их в католичество. Младанович, товарищ сыновей Гонты, видел с колокольни, как они умерли и как утопил Гонта в колодце учеников базилианской школы. Он много написал о гайдаматчине, но напечатанного нет ничего.

Мед несут, горилку, с яствами спешат.
Над лужами крови, в зареве пожаров
Пир идет последний.

«Гуляйте, сыны!
Пейте, пока пьется! Бейте, пока бьется! --
Максим возглашает. — А ну-ка, кобзарь,
Ахни плясовую — пусть земля трясется
От гульбы казачьей, — такую ударь!»
И кобзарь ударил:

«А мой батько был шинкарь,
Чеботарь;
А мать была пряха
Да сваха.
Братья-соколы росли,
Привели
И корову из дубровы,
И мониста принесли.
А я себе — Христа
В монисте;
На пансве листья
Да листья,
Черевики да подковы.
Пойду утром до коровы,
Я корову напою,
Подою,
Да с хлопцами постою,
Постою.

Ой, гоп среди круга!
Не журись, моя старуха,
Закрывайте, дети, дверь,
Стели, старая, постель!»

Все гуляют. Где же Гонта?
Что он не гуляет?
Что не пьет он с казаками?
Что не подпевает?
Нету Гонты. Не до песен
Ему — не иначе. . .
А кто поздно по Умани
В кирее казачьей

Ходит-бродит одиноко,
Как тень на кладбище,
Груды мертвых разрывает,
Все кого-то ищет?
Отыскал два детских тела
И пустым базаром,
Пробираясь через трупы,
В зареве пожаров,
Их уносит. Это Гонта,
Горем удрученный,
Сыновей несет, укрывши
Киреею черной,
Чтоб предать земле казачье
Тело по порядку.
Переулками проходит
Темными украдкой.
Пусть никто того не видит
И никто не знает,
Как сынов хоронит Гонта
И как он рыдает.
Вынес в поле, от дороги
В сторону шагает.
И ножом копает яму.
А Умань пылает,
Озаряет степь, могилу,
Детям в лица светит. . .
Будто спят в одежде мирно,
Набегавшись, дети.
Что же Гонту в дрожь кидает,
Будто клад скрывает
Гонта ночью? По Умани
Его окликают.
Как не слышит — роет Гонта
Ножом, что лопатой.
Сыновьям в степи готовит
Просторную хату.
Приготовил. Кладет рядом
Сыновей в ту хату.
Слышит Гонта, снова слышит:
«Мы не ляхи, тату. . .»
Кумачовый из кармана
Платок вынимает.

Крестит их, целует в очи,
Платком покрывает.
Покрывает по закону
Головы казачьи.
Приоткрыл, взглянул еще раз...
Горько-горько плачет...
«Сыны мои! Поглядите
На мать Украину.
За нее и вы погибли,
И я тоже сгину.
А кто меня похоронит?
В чуждедальнем поле
Кто заплачет надо мною?
Доля моя, доля!
Несчастливая, лихая,
Горькая судьбина,
Для чего детей послала,
Меня не убила?
Лучше б меня проводили,
Как я провожаю...»
Осенил крестом последним,
Землей засыпает.
«Почивайте, мои дети,
В могиле унылой.
Для сынов другой постели
Мать не постелила.
Без цветов, в земле холодной
Почивайте, дети.
За меня молитесь бога:
Пусть на этом свете
Покарает страшной карой —
Иного не чаю.
Только вы меня простите,
Я вам все прощаю».
Закопал, сровнял с землею,
Чтоб не видно было,
Чтоб никто не знал на свете
Сыновей могилы.
«Почивайте. Поджидайте:
Скоро постучуся.
Не дал вам дожить я веку —
Сам не заживуся.

И меня убьют. Скорей бы!
Да кто закопает?
Гайдамаки! Напоследки
С ними погуляю!»

И пошел понуро Гонта,
Идет — и споткнется,
Глянет Гонта на пожары,
Глянет, усмехнется.
Страшно, страшно усмехался,
На степь озирался. . .
Вытер слезы. . . Будто канул —
В дыму затерялся. . .

ЭПИЛОГ

Давно это было, как я, босоногий,
В одежде убогой, мальчонкой блуждал
По родной Украине, по тем по дорогам,
Где Гонта когда-то с Максимом гулял.
Давно это было, как теми путями,
Где шли гайдамаки, и я со слезами
Бродил сиротою, годами был мал,
Добру поучиться людей я искал.
Припомнил — и жалко, что горе минуло,
А с горем и юность. Когда б ты вернулась,
Нынешнюю б отдал за тебя судьбу.
Вспоминаю детство, хату, степь без края,
Вспоминаю батьку, деда вспоминаю.
Дед еще гуляет, а батько в гробу.
Как в праздник, Минеи закрывши бывало
И выпив с соседом по чарке по малой,
Попросит он деда, чтоб тот рассказал
Про то, как Украина пожаром пылала,
Про Гонту, Максима, про все, что застал.
Столетние очи как звезды сияли,
Слова находились, текли в тишине:
Как Смела пылала, как ляхов карали. . .
И слезы соседи порой утирали,
Мальчонкою плакать случалось и мне
О ктиторе бедном. В ту пору, однако,
Никто и не видел, как маленький плакал.

Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайдамаков —
А я ее внукам передал как мог.

Не судите меня, люди,
Кому не по нраву,
Что писал я не по книгам
Про казачью славу.
Дед рассказывал когда-то,
Я за дедом следом.
Не знал старый и не ведал,
Что его беседу
Люди книжные услышат,
Ученые люди.
Прости, дедусь! Ну, да пусть их
Как хотят, так судят.
Я к своим вернусь покамест,
Доведу — не кину,
Да хотя б во сне увижу
Свою Украину,
Где гуляли гайдамаки
С святыми ножами;
Те дороги, где ходил я
Босыми ногами.
Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли:
Чуть не целый год шляхетской
Кровью заливали
Украину. Да и стихли,
Ножи притупили.
Нету Гонты, и креста нет
На его могиле.
Поразвевял буйный ветер
Степью прах казачий.
Кто о нем молиться станет,
Кто о нем поплачет?
Только брат, хоть и не родной мне,
Не кровный, да лучший,
Услыхал, какую мукой
Гонта был замучен, —
В первый раз, быть может, сроду —
Никто б не подумал! —

Зализняк заплакал горько
И от горя умер.
Доконала весть лихая
В чужедальнем поле.
В чужом поле схоронили —
Такая уж доля!
Грустно, молча гайдамаки
Батьку схоронили.
Холм насыпали высокий,
Навеки простились.
Поплакали — разошлись,
Кто откуда взялся. . .

Лишь Ярема, опершись
На посох, остался
У могилы. «Спи, мой батько,
Средь чужого поля!
В родном поле нету места,
Нету нашей воли.
Почивай, казак, далеко
От родного края. . .»

И пошел Ярема степью,
Слезы утирая.
Все оглядывался хлопец,
Пока видно было.
А потом — одна осталась
Средь степи могила. ¹
Посеяли гайдамаки
На Украине жито.
Только жито вражьим коням
Легло под копыта. . .

---

¹ Изменой взяли ляхи Гонту и страшно замучили. Привезли его в кандалах в польский лагерь недалеко от Балты с отрезанным языком и правой рукой; Б<раницкий>, польский генерал, велел так поступить, чтобы он не наговорил на него чего-нибудь; потом палачи раздели его, как мать родила, и посадили на раскаленное железо; потом сняли со спины двенадцать полос кожи. Гонта повел глазами и страшно глянул на Б<раницкого>; тот махнул рукой, и разрубили Гонту на четыре части, развезли тело и поприбивали на перекрестках. Зализняк, услышав, что так страшно ляхи замучили Гонту, заплакал, заболел и умер; гайдамаки похоронили его в степи над Днестром и разошлись.

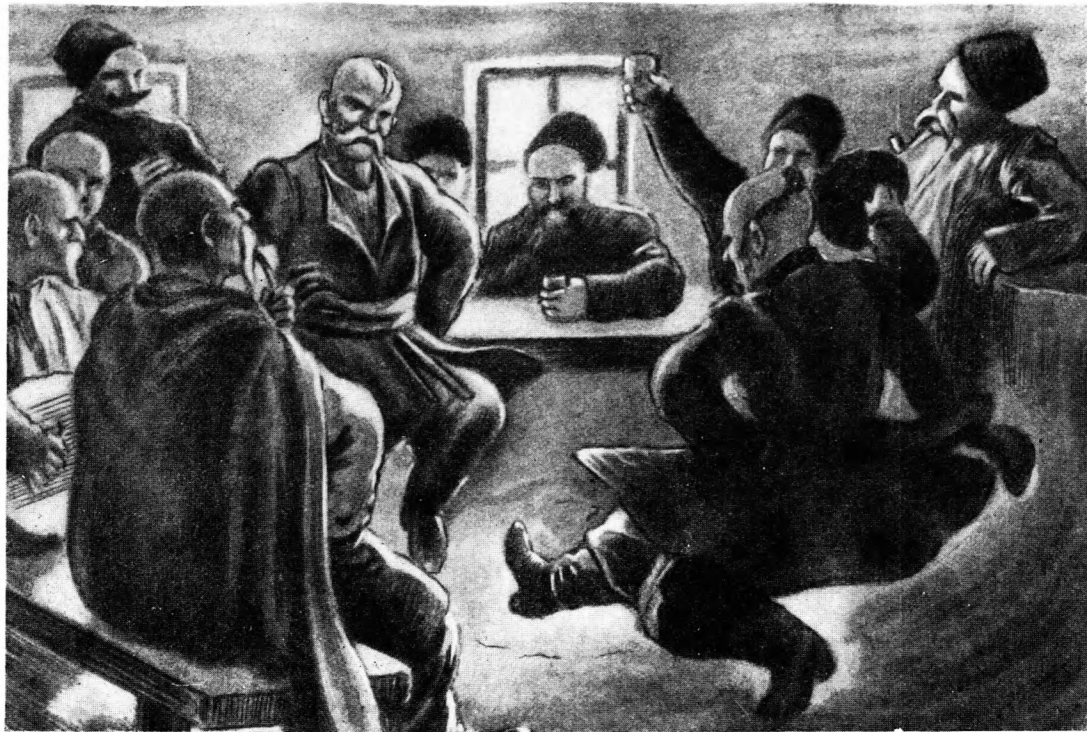
Кривда выросла, а правда
Не выросла — нету.
Разошлись гайдамаки
Кто куда по свету.
Под мостами на дорогах
Засели иные,
А про всех такая слава
Живет и донье.¹
Той порой и Сечь былую
Дотла разорили —
На Кубани, на Дунае
Казаки укрылись.
А Днепровские пороги
В степи завывают:
«Схоронили сынов наших
И нас разрывают».
Ревут себе, вспоминают
Про то, что минуло.
И навеки Украина,
Навеки уснула.

С той поры в степях широких
Жито зеленеет,
Ни пальбы, ни криков бранных, —
Только ветер веет.
Низко вербы нагибает,
Ковыль в чистом поле.
Все затихло, замолчало, —
На то божья воля.
Только деды-гайдамаки
Под вечер проходят
Над Днепром-рекой и песню
Давнюю заводят:
«У нашего Галайды — богатая хата!
Гей, море! Славно, море!
Славно будет, Галайда!»

1841

---

¹ Вор, разбойник или гайдамак — такими сделались гайдамаки после колывщины. Такими их и до сих пор знают.

* * *

Ветер веет, повеваает,
Шепчется с травкою;
Плывет челнок по Дунаю,
Гонимый волною.
Через волны водой полный —
Никто не приметит;
Кому глядеть? Хозяина
Давно нет на свете.
Поплыл челнок в сине море,
А оно взыграло. . .
Поднялися волны-горы —
И щепок не стало.

Короткий путь, как челноку
До синего моря, —
Сиротине — до чужбины,
А там — и до горя.
Словно волны, поиграют
С ним добрые люди;
Потом станут удивляться,
На что он в обиде;
Потом спроси — где сирота?
Никто и не видел. . .

1841, Петербург

МАРЬЯНА-ЧЕРНИЦА

*Оксане К. . . ко в память того,
что давно миновало.*

Ветер стонет, иву клонит,
Тополь гнет на воле,
Дубы ломит, катит полем
Перекасти-поле.
Так и доля: того согнет,
Этого сломает.
Меня катит, а где бросит —
И сама не знает.

Кто же мне ответит, где смерть меня встретит?
Где глаза навеки суждено смежить?
Если нету счастья — нечем дорожить,
Некого покинуть. Никто не помянет,
Никто даже в шутку говорить не станет:
«Тем он только счастлив, что в гробу лежит».
Не правда ль, Оксана? не моя — чужая!
И ты ведь не вспомнишь того сироту,
Что счастлив был в свитке убогой, встречая,
Как светлое чудо, твою красоту;
Кого говорить ты без слов научила,
Сердцу лишь глазами, сердцем отвечать,
С кем ты веселилась, плакала, грустила,
Кому ты любила П е т р у с я петь.
Ты тоже не вспомнишь, Оксана, Оксана!
А я так же плачу, все так же томлюсь,
Проливая слезы над моей Марьяной,
Все тебя я вижу, о тебе молюсь.

Вспомни же, Оксана, не моя — чужая,
И сестру Марьяну зеленью венчай.
Улыбнись Петрусю, юность вспоминая,
И меня хоть шуткой порой вспоминай.

22 ноября 1841
С.-Петербург

I

В воскресенье на выгоне
Дивчата гуляли,
Веселились с парубками,
Песни распевали —
Про забавы-вечерницы
Да про то, как дочку
Била мать, чтоб не стояла
С казаком в садочке. . .
Так дивчата расппевают
Какая что знает. . .
А кобзарь-старик с мальчишкой
В село ковыляет.
Сапоги в руках он держит,
Ветошь-одежонка,
Торба. Ну, а на ребенка,
Бедного ребенка
Поглядите: весь оборван,
Бредет еле-еле. . .
(Вылитый сынок Катруси!)
Все тут зашумели:
— Кобзарь идет, кобзарь идет!
Он уж недалече! —
Бросив хлопцев, побежали
Кобзарю навстречу:
— Дедушка, голубчик, милый,
Сыграй что получше!
Я дам грошик. Я — черешен,
Что нужно, получишь.
Всего дадим. . . Отдохни-ка,
А мы тут попляшем. . .
Ну, сыграй какую хочешь! . .
— Слышу просьбу вашу!
Ох, спасибо вам за ласку,
Цветики-дивчатки!

Я б сыграл вам, да глядите —
Кобза не в порядке.
Был вчера я на базаре, —
Кобза поломалась,
Испортилась. . . — Ну, а струны?
— Только три осталось.
— Да хотя б на трех. . . люблюю!
— На трех? . . Ох, когда-то
Я игрывал и на одной,
Теперь — труднозвато. . .
Миленькие, погодите,
Отдохну, — сказал он, —
Сядем, хлопчик! — Оба сели,
Торбу развязал он,
Кобзу вынул и ударил
Раза два по рваным.
— Что же вам сыграть? Постоите!
Черницу Марьяну
Слышали? — Нет, не слыхали. . .
— Так слушайте, дети,
Да кайтесь! . .

Жила-была

Мать на белом свете.
Был еще отец, да умер.
Осталась вдовою,
Да немолодою,
И с волами,
И с возами,
С дочкой-сиротою.
Росла дочка Марьяна,
А выросла как панна
Кареокой
Да высокой,
Хоть за гетмана-пана.
Мать рядила-судила,
Дочке пана сулила. . .
А Марьяна —
Ой, не пана
В роще поджидала.
Не со старым, усатым,
Толстым паном богатым,

А с Петрусем,
С хлопцем русым,
Что ни вечер в роще
Все гуляла
Да шептала,
Обнималась, млела...
То смеялась, то бывало
Плакала, немела...

— Что ж ты плачешь, мое сердце,
Меня истомила? —
Посмотрела, улыбнулась:
— Не знаю, мой милый...
— Иль боишься, что покину?
Нет, пока не сгину,
Буду ходить, буду любить
Милую дивчину!
— А бывало ль так на свете,
Чтоб сильно любили
И от злой разлуки-муки
Не погибли — жили?
Нет, мой голубь, не бывало!
В песне — все иначе;
Кобзари придумать могут —
Ведь слепцы, а зрячий —
Черные он видит брови,
Нежный взгляд, улыбки,
Видит стройный стан казачий,
Стан девичий, гибкий,
Косы длинные девичьи,
Чуб казачий русый...
Я ж на слово на Петрово
В гробу улыбнуся,
Улыбнусь и так скажу я:
— Орел сизокрылый!
Ты мне люб на этом свете,
Как на том, мой милый.
Дай, любимый, поцелую,
Судьбе не перечу:
Если вместе нас зарюют —
Умру, не замечу...
Не замечу! —

Обнялись,
Обнялись — замлели.
Вот как, бедные, любили!
Обнявшись, хотели
Унести на тот свет вместе. . .
По-иному стало!
Что ни вечер — с милым встреча,
А мать и не знала,
С кем до полночи Марьяна
Воркует, гуляет.
— Пусть! Она дитя покуда,
Ничего не знает, —
Угадала мать-старуха,
Да не все: забыла,
Как она сама когда-то,
Девушкой, любила.

Мать, ты угадала: Марьяна — подросток,
Не знает, как нужно на свете ей жить.
Думала — ни людям, ни даже погосту
Не отнять Петруся. . . Умела любить!
Думала — разлука лишь в песнях бывает,
Слепцы ведь не видят милых карих глаз, —
Дивчат лишь пугают, вот хотя б и вас. . .
Пугают, дивчата, правдою пугают,
И я вас пугаю, — сам же горе знаю,
Никому б на свете так его не знать!
Было и со мною, хоть давно минуло.
Я же не забыл вас; я, как деток мать,
Люблю вас, дивчата, — сердце не уснуло,
Буду петь вам песни, пока не усну. . .
Когда же умру я и петь перестану,
Меня вспоминайте и мою Марьяну.
Я вам с того света, милым, улыбнусь.
Улыбнусь. . . — Кобзарь заплакал,
Девушки глядели,
Не спросили, о чем плачет.
Что ж тут, в самом деле,
Спрашивать! Прошло, минуло,
Девичьи простые
Речи помогали. Вытер
Он глаза слепые.

— Милые мои, простите!
Вспомню — не сдержусь я...
Так вот, видите, Марьяна
С тем бедным Петрусем
Каждый вечер все гуляла,
А мать и не знала,
Удивлялась: — Что такое
С Марьяною стало?
Уж не сглаз ли? Шить присядет --
Не то вышивает;
Вместо Гриция, все Петруся,
Грустя, напевает.
Говорит во сне, частенько
Подушку целует...
Мать сперва смеялась только,
Шутит, мол, балует.
Пригляделась — нет, не шутка!
Говорит: — Марьяна!
Ожидать нам надо сватов,
Может, и от пана!
Ты уж подросла, довольно,
Будет — погуляла.
Думаю, ты видишь, дочка... —
Насилу сказала, —
Что и замуж время... если...
— За кого же, мама?!
— За того, кто подходящий. —
И поет Марьяна:

«Отдай меня, моя мама,
Не за пожилого, —
Ты отдай меня, родная,
Да за молодого!
Пусть уж старый одинокий
Все копит деньжищи,
А молодой меня любит,
Корысти не ищет.
Он не ищет, он не рыщет
Чужими степями:
Волы свои, возы свои,
Между парубками,

Словно мак между цветами,
Цветет-расцветает.
Есть и поле, есть и воля,
А доли не знает.
Его счастье, его доля —
Мои очи, брови,
Длинные мои ресницы,
Ласковое слово.
Отдай меня, моя мама,
Не за пожилого,
Ой, отдай меня, родная,
Да за молодого».

— Ой, дочь моя Марьяна!
Отдам тебя за пана,
За знатного, богатого,
За сотника Ивана. . .
— Умру, моя мама,
За сотником Иваном!
— Не умрешь, жить будешь славно,
Деток вырастишь исправно. . .
— Пойду в наймы, пойду в люди,
Сотник мужем мне не будет!
— Будешь, дочка Марьяна,
Женой пана Ивана. —
Заплакала, зарыдала
Бедняжка Марьяна:
— За старого. . . богатого. . .
За сотника Ивана. . . —
Так Марьяна прошептала,
А потом сказала:
— Свой девичий срок, родная,
Я не отгуляла.
Ты меня ведь не пускала
Воду брать в кринице,
Ни жито жать, ни лен чесать,
Ни на вечерницы,
Где дивчата с парубками
Поют, веселятся,
Обо мне, о чернобровой,
Любят пошептаться:

«Дочь большого богатея,
И родом шляхтянка...»
Родила зачем ты, мама,
Красивой Марьянку?
Черные дала мне брови
И карие очи?
Все дала мне, только счастья,
Счастья дать не хочешь!
Ты зачем меня растила,
Холила, кормила?
Пока с горем я не зналась,
Лучше б схоронила! —
Мать как будто не слыхала,
Что дочка сказала,
А Марьяна еле вышла,
Глухо зарыдала.

II

«Ой, гоп! Не пила,
Я на свадьбе была,
Шла домой, да заблудилась,
Да к соседу зашла.
У соседа
До обеда
Спать в подполице легла.

Сон в подполице плох,
Забрались мы в горох,
И в каморке, на задворках
С неженатым — ох, ох!
Всё шутили,
Говорили, —
Весь попортили горох.

Ой, гоп! Не сама —
Напоила кума,
Привела домой тихонько, —
Не увидел Хома.
Ляжем в хате
На кровати!
Хомы дома нема.

Разразило б тебя громом!
Нет, не лягу спать я дома,
    А у кума
    У Наума
Лягу в клуне на солому.
А нуте, напилась!
Не ударит наша в грязь!
Красный фартук — знак народу,
Что дитя честного роду».

Оравой пьяной поезжане
Так шли и пели о Марьяне.
Из-за плетня ей всё видать,
Не всё увидела — упала
И тяжко, тяжко зарыдала.
Такое горе! Так страдать
За то, что любит! Горько, дети,
Век в одиночестве прожить,
Всего же горше, коль на свете
Себе неровню полюбить.
На меня взгляните: я заплакал очи,
А мне их, голубки, совсем и не жаль:
Нечем любоваться. И вспомнить нет мочи
Те очи девичьи. . . Думы да печаль,
Вот все, что имею, а большего нету,
А с таким богатством трудно, горько жить.
Под плетнем ночью, беседую с ветром, —
Побрезгуют люди бродягу впустить
И утешить словом старого калеку.
Сократи, о боже, молодого веку
Тому, кому не дал ты счастья любить!
Лучше быть в могиле — так я разумею, ---
Чем видеть, как старь, хилый богатей
Целует за деньги, венчается с нею. . .
О боже мой, боже! Волею своею
Разбей мое тело и душу разбей!

Зарыдал кобзарь, заплакал
Слепыми очами. . .
Удивились дивчата:
Смерть уж за плечами,

А, слепой и седоусый,
Он о прошлом плачет.
Не дивитесь вы, дивчата,
Тем слезам казачьим,
Искренним. То не на травах
Придорожных росы
В час рассвета, и не ваши,
Не девичьи слезы.
И опять по струнам рваным
Прошелся. . . — Ну, дочки. . .
Так до вечера Марьяна
В зеленом лесочке
Проплакала. Пришел Петрусь,
Она рассказала
Все, что мать ей говорила,
Что сама узнала.
Не сдержалась — рассказала,
Как оравой пьяной
Поезжане песни пели. . .
— Марьяна, Марьяна!

Была бы ты бедной, был бы я богатым
Да имел бы добрых вороных коней —
Мать бы не спросила, где и с кем была ты,
Сама б ты спросила у совести своей,
У сердца б спросила; дала б ему волю —
Любить кого хочет. Я б тебя умчал.
Далеко! Далёко! Чтоб никто не знал,
Чтоб никто не видел, где укрыл я долю.

Моя доля, мое счастье
Лишь в моей Марьяне!
Ты зачем не в серой свитке,
А я не в жупане? —
А Марьяна-то, бедняга,
Сиротою плачет.
Ничего Петро не видит, —
Горе-незадача!
Только видит слезы милой,
А слезы любимой
Больно видеть днем, а ночью —
Вовсе нестерпимо. . .

— Полно плакать! Сохранил я
И силу и волю.
Ты люби меня, — я скоро
Найду свою долю.
За высокими горами,
За широкими степями,
Средь чужого поля
Неволей иль волей
Я вернусь не в свитке серой,
Сотником вернусь я,
Не в бурьяне ты, а в церкви
Обнимешь Петруся!
Обнимемся, поцелую, —
Любуйтесь-ка, люди!
А ты стоишь, ты зарделась...
— Когда это будет?
— Скоро, скоро, моя рыбка!
Молись только богу.
Иди в хату, спать должна ты,
А я на дорогу,
Выйду в степь и помолюся
Звездам яснооким, —
Пусть они защитой будут
Тебе, одинокой.
Отдохну — и дальше двинусь...
— Ты меня покинешь...
Так вот... сразу?.. — Пошутил я
Теперь Украину
Ни москали, ни татары
Не тревожат больше.
— Я слыхала — ляхи снова...
— Шутки шутит Польша!
Попрощаемся с тобою,
Пока не светает.
Ты о чем же заплакала?
— И сама не знаю.

1841, С.-Петербург

УТОПЛЕНИЦА

Баллада

Дремлет ветер до рассвета
В дуброве высокой,
А проснется — потихоньку
Шепчется с осокой:
— Кто здесь, кто здесь ночью чешет
Косу под откосом? . .
Кто там, кто там в страшной злобе
Рвет на себе косы? . .
Кто же? Кто же? — тихонечко
Спрашивает-веет,
И задремлет, пока неба
Край не заалееет.

— Кто же, кто же? — вы, дивчата,
Спросите, я знаю.
Дочка здесь, а там поодаль
Мать ее родная.

Было то на Украине
В старину когда-то.
Посреди села вдовица
Жила в новой хате.
Белолица, черноока,
Гибок стан высокий,
И в жупане; кругом пани, —
Спереди и сбоку.
Молодая — чтоб не сглазить.

А за молодою,
Да к тому же и вдовою,
Казачи ордою
Так и ходят. Всё ходили,
Коротали ночку,
И беспутная вдовица
Родила вдруг дочку,
Родила — и горя мало,
И, забот не зная,
Отдала чужим ребенка.
Вот ведь мать какая! . .
Подождите, то ли будет!
Выкормили люди
Дочку малую, вдова же
В праздники и в будни
С женатыми, с холостыми
Пила да гуляла,
Пока горя не узнала,
Пока не та стала.
Незаметно пролетела
Пора молодая. . .
Горе, горе! Мать все вянет,
Дочка, расцветая,
Подрастает. . . Вырастает
Стройна, черноока,
Словно тополь среди поля
Гибкий да высокий.
— Я Ганнуси не боюсь, —
Хвалится мамуся;
А казаки хмелем выются,
Вьются вокруг Ганнуси.
Пуще всех рыбак кудрявый,
Ему не до лова,
Все забудет, повстречавшись
С Ганной чернобровой.
Увидала мать-старуха
И рассвирепела:
— Ишь, нищенка приبلудная,
Мало тебе дела!
Подросла уже, невеста,
С хлопцами гуляешь. . .
Погоди ж! вот я тебе! . .

Мать не уважаешь?!

Нет, голубка. . . —

И от злости

Скрежещет зубами.
Вот какая мать! Не сердце
У нее, а камень, —
Сердце матери! Ох, горе,
Красотой своею
Похваляться да кичиться,
Сердца не имея!
Он согнется — стан высокий,
Полиняю брови,
Не заметите. . . А люди
После позлословят,
Вспомнят годы молодые,
Скажут: — Потаскуха! —
Ганна плакала, не зная,
За что мать-старуха
Измывается над нею,
Ее проклинаят,
Без стыда приبلудную
Дочку называет,
Приبلудную. . . Кого ж, кого,
Палач, истязает?!
За что, за что дитя свое
Юное терзаешь?

Била Ганну мать немало,
Да не помогало.
Словно мак на огороде,
Ганна расцветала.
Как калина при долине
Утром под росую,
Так Ганнуся хорошела,
Умывшись слезою.
— Заколдована! . . . Постой же, —
Мать-злодейка шепчет, —
Видно, надо сходить к ведьме
Да яду покрепче
Раздобыть. . . —

Сходила к ведьме,

Яду раздобыла

И тем ядом на рассвете
Дочку напоила.
Да не вышло. . . Мать с досады,
Что не отравила,
Проклинает час рожденья
Дочери постылой.
— Жарко мне! Пойдем-ка, дочка,
К пруду, искупаться!
— Пойдем, мама! —

И вот Ганна

Стала раздеваться;
Разделася, раскинулась
На сорочке белой;
Молодой рыбак кудрявый
Смотрит, оробелый. . .
Помню — как-то я. . . Да что там!
К чему вспоминаю. . .
Ганна, как дитя, калиной
Себя забавляет.
Разгибает стан высокий,
На солнышке греет. . .
Мать родная перед нею,
От злости немеет,
То желтеет, то синеет;
Страшная, босая,
Пена изо рта, и космы
Рвет, в песок бросая.
Кинулася на Ганнусю,
Вцепилась ей в косы.
— Мама! Мама! Что с тобою?! —
Волны у откоса
Закипели, застонали
И обеих скрыли. . .
Бросился рыбак кудрявый
И что было силы
Поплыл к ним; плывет он быстро,
Волны рассекает.
Плывет, плывет. . . вот доплыл он! . . .
Нырнул, выплывает,
И бесчувственную Ганну
На берег выносит.

Из рук матери застывших
Вырывает косы.
— Сердце мое! Счастье мое!
Раскрой свои очи!
Погляди же! Улыбнись же!
Не хочешь... Не хочешь?! —
Опустился рядом с нею,
Поцелуем дышит
В очи мертвые. — Взгляни же!
Не слышит!.. Не слышит... —
Руки белые раскинув,
Лежит на песочке
И недвижимая поодаль
Мать в одной сорочке.
Закатив глаза от злобы
И от страшной муки,
Запустила в песок желтый
Скрюченные руки.
Долго плакал рыбак бедный:
— Нет мне, видно, доли,
Счастья нет на этом свете,
Жить в воде мне, что ли!.. —
И, целуя, поднял Ганну...
Застонали волны,
Разомкнулись и сомкнулись
Без следа безмолвно...

Заросли с тех пор осокой
Голубые воды,
Не купаются дивчата —
Пруд горой обходят.
Крестятся, когда увидят,
И зовут заклятым...
Грустно, грустно стало в роще...
Ночью же, дивчата,
Выплывает мать-злодейка,
Каждой темной ночью,
Совсем синяя, босая
И в мокрой сорочке,
Сядет и глядит на берег,
Рвет на себе косы...

Волны синие тихонько
Ганнусю выносят:
Она сразу встрепенется,
Сядет на песочек. . .
Тут рыбак плывет на берег,
Кладет на сорочку
Водоросли да кувшинки. . .
Поцелует в очи —
Да и снова в воду канет,
Даже среди ночи
На нее глядеть стыдится. . .
И никто не знает,
Что в дуброве той творится.
Только повеваает,
Только замолчать не может
Ветер под откосом
И все шепчет: «Кто же, кто здесь
Ночью чешет косы?»

8 декабря 1841—1860
Петербург

ГАМАЛНЯ

«Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра
От матери Украины!
Там идут ли речи про поход на турок —
Не слышно нам на чужбине.

Ой, подуй, подуй, ветер, через море
Да с казацкого поля,
Высуши нам слезы и развей печали,
Облегчи неволю.

Ой, взыграй, взыграй синевою, море,
Колоти в борт волнами. . .
Лишь мелькают шлыки — то плывут казаки
К султану за нами.

Ой, боже наш, боже, хоть и не за нами —
Неси ты их с Украины:
Услышим про славу, казацкую славу,
Услышим и свет покинем».

Вот этак в Скутари пели, распевали
Казаки-бедняги, а слезы лились,
Казацкие слезы тоску разжигали. . .
Босфор задрожал — слышать он не привык
Казацкого плача: застонал, широкий,
И серую шкуру подернул, как бык,
И дрожь пробежала далеко, далеко,

До самого синего моря дошла,
И морем подхваченный голос Босфора
В лиман покатило и дальше в просторы,
В Днестре этот голос волна приняла.
Загрохотал старик, вскипая,
Аж ус от пены побелел:
— Ты спишь? Ты слышишь? Сечь родная! —
И Луг Великий загудел
За Хортицею: — Слышу! Слышу! —
И Днепр покрыли челноки,
И так запели казаки:

«У турчанки — высок терем,
Богата светлица.
Гей, гей! Море, бей!
Выше скал волны взвей! —
Едем веселиться!

У турчанки-басурманки
Дукаты в кармане.
Не дукаты считать —
Едем вас выручать,
Братья-христиане!

У турчанки — янычары
Со своим пашою. . .
Гей, ги! Эй, враги!
Свою жизнь береги —
Мы смелы душою!»

Плывут себе, поют они,
А ветер крепчает. . .
Впереди их Гамалия
Дубом управляет.
Гамалия, сердце млеет:
Взыграли просторы.
Ничего! И лодки скрылись.
Одни волны-горы.

Спит, дремлет в гареме в раю Византия,
И дремлет Скутари. Клокочет, шумит
Босфор, как безумный, мчит волны крутые
И той Византии проснуться велит.
— Не тебе, Босфору, вступать со мной в ссору! —
Ревет сине море. — Я твою красу
Песками засыплю, коль дойдет до спору.
Разве ты не видишь, каких я несу
Посланцев к султану? . . — Так море сказало
(Любило отважных усатых славян).
Босфор усмирился. Турчанка дремала.
Ленивый — в гареме дремал и султан.
И только в Скутари очей не смыкают
Казачи-бедняги. Чего они ждуть?
По-своему богу мольбы посылают,
А волны на берег бегут и ревут.

«О милый боже Украины,
Не дай погибнуть на чужбине
В неволе вольным казакам:
И тут позор, позор и там —
Встать из чужих гробов с повинной,
На суд твой праведный прийти,
В железях руки принести,
В цепях-оковах перед всеми
Предстать казакам. . .»

— Жги и бей,
Режь нечестивца-басурмана! —
Крик за стеной. Чей голос, чей?
Гамалия, глянь, какие
Янычары злые!
— Режьте! Бейте! — Над Скутари
Голос Гамалии.
Ревет Скутари, воеет яро,
И все сильнее пушек рев;
Но страха нет у казаков,
И покатались янычары.
Гамалия по Скутари
В пламени гуляет,
Сам темницу разбивает,
Сам цепи сбивает.

— Птицы серые, слетайтесь
В родимую стаю! —
Встрепенулись соколята,
Распрямили плечи,
Давным-давно не слышали
Христианской речи.
Испугалась ночь глухая,
Тот пир наблюдая.
Не пугайся, полюбуйся,
Наша мать родная!
Темно всюду, точно в будни,
А праздник немалый:
Что ж, не воры у Босфора
Едят молча сало
Без шашлыка. — Засветим же! —
Встали тучи гари —
С кораблями, с парусами
Пылают Скутари.
Византия пробудилась,
Глазищами блещет,
Плывет своим на подмогу —
Зубами скрежещет.

Ревет, ярится Византия,
Руками берег достает;
Достала, гикнула, встает —
И на ножи валится злые.
Скутари, словно ад, пылают;
Через базары кровь течет,
Босфор широкий доливает.
Как птиц разбуженная стая,
В дыму казачество летает:
Никто от хлопцев не уйдет,
Их даже пламя не берет!
Ломают стены. Золотыми
Доверху шапки их полны,
Ссыпают золото в челны. . .
Горит Скутари. В сизом дыме
Казачи сходятся. Сошлись,
От жара трубки закурили,
На челноки — и понеслись,
Меж волн багровых заскользили.

Плывут себе как из дому,
Будто бы гуляют.
И — конечно — запорожцы,
Плывя, расппевают:

«Атаманом Гамалия
Стал недаром зваться:
Собрал он нас и поехал
В море прогуляться;
В море прогуляться,
Славы добиваться,
За свободу наших братьев
С турками сражаться.
Ой, добрался Гамалия,
Доплыл до Скютари,
Сидят братья-запорожцы,
Ожидают кары.
Ой, как крикнул Гамалия:
— Братья! Будем здравы!
Будем здравы, хлебнем славы,
Разметим оравы,
Рытым бархатом покроем
Курени дырявы! —
Вылетало Запорожье
Жито жать на поле,
Жито жали, в копны клали,
Дружно запевали:
«Слава тебе, Гамалия,
На весь мир великий,
На весь мир великий,
По всей Украине,
Что не дал ты запорожцам
Пропасть на чужбине!»

Плывут они, поют, плывет
В челне последнем Гамалия,
Своих орлят он стережет;
Догнать не смеет Византия
Казачьи лодки удалые;
Она боится, чтоб Монах
Не подпалил Галату снова,

Не вызвал чтоб Иван Подкова
На поединок на волнах.
Встает волна за волною,
Солнце на волне горит;
Перед ними их родное
Море плещет и шумит.

Гамалия, вот родные
Пред нами просторы,
И не видно лодок, только
Волн живые горы.

1842, Петербург

СОВА

Родила казачка сына
В зеленой дуброве.
Дала сыну кари очи
Да черные брови.
Укрывала, пеленала,
Всех святых просила,
Счастье вымолить хотела
Для первенца-сына.
Приговаривала тихо:
«Пошли тебе боже
Всего, чего мать родная
Дать тебе не может».
До восхода брала воду,
В барвинке купала.
До полночи колыхала,
До утра певала:

«Баюшки-бай,
Спи, засыпай. . .
Счастье кукушка
Мне предсказала,
Жить мне до сотни
Лет насчитала.
Жить — не журиться,
Ходить в нарядах,
Сына родного
Растить на радость.

Молодец будет
Почище князя,
Тополя выше,
Крепче вяза.
Гибкий, дебелий,
Добрый, веселый.
Растила недаром —
Найду тебе пару.
Под стать сыночку —
Купецкую дочку.
Впору сыночку —
Сотника дочку.
В черевичках дорогих,
В зеленом жупане
По светлице она ходит
Как пава, как пани.
В хате — рай небесный,
Я смотрю на вас, и сердцу
От радости тесно.

Ой, сыне, мой сыне,
Ой, кто мне ответит:
Лучше ль есть на Украине,
Во всем белом свете!
Не бывало и не будет —
Полюбуйтесь, люди.
Нету лучшего. . . А долю
Сам себе добудет! . . .»

Ой, кукушка, ты кукушка,
Зачем куковала,
Жизни сладкой, беспечальной
Сто лет насчитала?
Разве может быть на свете
Послушная доля?
Разве может мать родная
Кликнуть долю с поля,
Малым детям кликнуть счастье,
И талант, и волю?
Кликнешь долю, а недоля
Сторожить их будет —

На дороге, без дороги —
Повсюду, где люди.

Любовалась мать родная
Подраставшим сыном.
Той порой отец-кормилец
Белый свет покинул.
Он жену вдовой оставил,
Сына сиротою.
Нелегко им жить досталось
С горем да с нуждою.
Побрела вдова к соседям,
Жалуется, плачет.
Дали ей совет соседи,
Чтобы шла батрачить.
Порешили и забыли.
Покинула хату,
И пошла за хлеб насущный
Служить у богатых.
Дни и ночи убивалась,
Подати платила.
Убивалась, а сыночку
Жупанок купила,
Чтоб дитя, хотя и вдовье,
В школу все ж ходило.

Ой ты, доля, ты, доля,
Ой житье ты худое,
Ходишь следом за вдовою
Торною тропою.
Ходишь, бродишь да рыщешь,
Как оборванный нищий. . .
Богачу вода и в гору
Потечет послушно.
А бедняге и в овраге
Рыть колодец нужно.
У богатого ребята
Что твоя картинка.
У вдовы — один мальчонка,
И тот как былинка. . .

Но дождалась мать-батрачка,
Вырастила сына.
Ни красою не обижен,
Ни умом, ни силой;
Как у бога за дверями,
Вдова отдыхала.
Сохли первые невесты
По нему бывало.
Дочь родителей богатых
Ждала втихомолку.
Только зря платок на память
Вышивала шелком.
Пришло горе из-за моря,
Тучи налетели. . .
Хлопцам-рекрутам колодки
На ноги надели.
Повезли их утром в город
На дрогах скрипучих.
Следом матери, невесты
Шли в слезах горючих.
    На каждом привале
    Посты выставляли.
    Мать-вдову взглянуть на сына
    Близко не пускали. . .
Вот доставили к присмугу,
Донага раздели.
Глядь — хромые да больные
У богатых дети,
Недомерки да калеки,
Ни росту, ни стати,
Тот горбатый, тот женатый,
Тех четверо в хате.
Непригодны — отправляйтесь
Домой на полати.
    У вдовы один был сын, —
    Годен! — ровно под аршин.

Вновь пришлось покинуть хату —
Как прожить иначе?
И пошла вдова-старуха
    К евреям батрачить.

У крещеных нету места —
Стара, ненадежна.
Уж просила б христа ради —
Сунуть корку можно.
Христа ради. . . Не дай, боже,
Чтоб тому случиться:
Попросить у богатея
И воды напиться. . .
На письмишко по копейке
Копила, сбирала,
Написала письмо сыну,
Будто легче стало.
Будто легче. . . Но проходит
И зима и лето,
Год за годом, пять и десять, —
Нет и нет ответа.
Нет вестей. И снарядилась
Старуха в дорогу,
Злых собак дразнить котомкой,
Одежей убогой.
По селу прошла за выгон —
К полевым воротцам.
День и ночь сидит и смотрит:
Может, сын вернется.
Ждет-пождет. Не слышно сына.
У дороги — глухо.
Похудела, потемнела,
Не узнать старухи.
И кому ее такую
Узнавать неволя?
Так сидит себе, тоскует,
Глаза всем мозолит.
Дни идут, проходят ночи,
Минули все сроки.
Не видать солдата-сына,
Пусто на дороге.

Над водою в тихий вечер
Чуть шумит камыш сухой.
Ожидает мать-старуха
Сына к ужину домой.

Над водою в поздний вечер
Ветерок осоку гнет.
В темной роще на свиданье
Казака дивчина ждет. . .
Над водою ветер веет,
Нагибает лозы.
Мать родная и дивчина
Проливают слезы.
Но поплакала дивчина,
Петь, как прежде, стала.
А поплакала родная —
В голос зарыдала.
И молилась и рыдала,
Кляла все на свете, —
Горько с вами, тяжко с вами,
Родимые дети! . .

Вдовьи высохшие руки
К небу поднимала.
Злую долю проклинала,
Сына призывала. . .
То как будто онемает
В думе безотрадной,
На пустынную дорогу
Смотрит, смотрит жадно.
Вот проезжий, вот прохожий
Держит путь куда-то. . .
«Не видали ль, не встречали
Моего солдата? . .» —
«Не видали, не слышали», —
Отвечают старой.
Уж и спрашивать устала,
Плакать перестала.
Помутился разум с горя,
От лихой кручины.
Подобрала у дороги
С земли кирпичину.
И сидит и напевает,
Как над зыбкой сына:

«Змея хату подпалила,
Детям каши наварила.

Лапти новые сплела,
Малым детям раздала...
Гуси-лебеди летели,
Опустились, посидели,
Полетели через дол,
На кургане — орел...
На кургане среди ночи
Он клюет казачьи очи.
А дивчина молодая
Мила друга ожидает...»

По задворкам спозаранку
Черепки сбирала:
Всё гостинцы да подарки
Сыну запасала.
А в ночи, полуодета,
Страшная, худая,
По селу она ходила,
Что-то напевая...
Люди добрые ворчали —
Спать, мол, не давала,
Мол, крапиву под их тыном
Да бурьян топтала.
Дети глупые гонялись
Следом за вдовою
И дразнили для потехи
Старую «Совою».

6 мая 1844
С.-Петербург

ДЕВИЧЬИ НОЧИ

Высушили кари очи
Девичьи ночи. . .

„Черница Марьяна“.

Расплелася коса-краса
    Вся до пояса;
Грудь открылась, словно в море
Волны на просторе;
Карие сверкнули очи —
Звезды среди ночи;
Руки в муке потянулись,
Взяли б — прикоснулись,
Обвились бы, — вокруг подушки
Холодной сомкнулись
И застыли, и замерли,
Без сил разомкнулись.

— Для чего мне коса-краса,
Зачем очи эти,
Стан мой гибкий. . . коль друга нет
У меня на свете.
Ведь не с кем мне полюбиться,
Сердцем поделиться. . .
Сердце мое, сердце мое!
Трудно тебе биться
Одинокому. С кем жить мне,
С кем жить, мир лукавый,
Ты мне скажи. Зачем, скажи,
Эта слава. . . слава.

Я любить, я жить желаю
Сердцем — не красую!
А мне еще завидуют,
Гордою и злою
Злые люди называют.
А того не знают,
Что я в сердце затаила. . .
Пускай называют —
Грех им будет. . . боже правый!
Почему не хочешь
Укоротить жестокие,
Тяжелые ночи! . .
Днем не так я одинока —
С полем говорю я,
Говорю — недолгу в поле
Забываю злую.
А в ночи. . . — Да и замолкла.
Слезы навернулись. . .
Руки в муке протянулись,
Напрасно сомкнулись.

18 мая 1844
С.-Петербург

СОП

Комедия

Дух истины, его же мир не
может прияти, яко не видит
его, ниже знает его.

Иоанна, глава 14 стих 17

У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, тот ломает,
Этот жадным оком
Смолит всюду: нет ли края
Такого, чтоб силой
Заграбастать и с собою
Утащить в могилу.
Третий в карты, словно липку,
Обдирает свата,
Тот тихонько в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, тихонький да трезвый,
Богобоязливый,
Как кошечка, подкрадетя,
Выждет несчастливый
День для вас, да как запустит
Когтища в печенку —
Не разжалобят злодея
И слезы ребенка!
А тот, щедрый, храмы строит,
Тысяч не жалеет,
А уж родину так любит,

Coax (symphonic)

У барана боа гонар ?
А ебиі уммер мапорум,
Мои мурге, мои пурге,
Мои не думана орада
Не агуи ебуна рареге,
То не ма апуана
Угоб жаругамаи доцеб,
Дурми у доурбери,
Мои мурани ебуна.
Обана то еи нани,
А мои абурани у апурау
Тоимурми уммер на буна,
А мои умриі, ма милгоси,
Боробанобели,
Ас амерану мидеградум,
Асунде асрамабели
У меде рас, маи јуримурми
Нирми у нерураи,
Мои не думан: не јуримурми
Не думи, не уммер!
А мои апуриі, ма проаумерети
Дие апуане мурге,
Ма омерумбо маи уммерми.
Маи ја уммер дуде,
Ма маи то еи апуане
Кроби ас бозу мурми!..
А бунаи уммерми ебуна
Вимурмиумбуна ебуна
Ас маана: некад ебуна
Моје маи у мурба!

Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит! . .
Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может — так и надо?» —
Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом, —
Нет за гробом рая!
Образумьтесь! Поглядите:
Все на этом свете —
Люди в хатах и в палатах —
Адамовы дети!
Тот . . . и этот . . . Что же я-то?
Я, добрые люди,
Лишь гуляю да пирую
И в праздник и в будень.
А вам грустно? Жалуетесь?
Слушать не хочу я!
Не бранитесь! Я свою пью,
А не кровь людскую!

Так вдоль плетней тропой знакомой
Идя с пирушки в час ночной,
Я говорил с самим собой,
Покуда не добрел до дому.
Нет у меня детей; жена
Не бранит, встречая.
Дом отрадней рая, —
Кругом такая тишина
И в сердце и в хате . . .
Вот и лег поспать я.
А если пьяный да заснет,
То пусть хоть пушки катят —
Он усом не пошевелит.
И сон же, сон на диво дивный
В ту ночь мне снился.

Тут и непьющий бы напился,
Скупейший скряга дал бы гривну,
Чтоб глянуть хоть едва-едва. . .

Да черта с два!

Вот вижу: вроде как сова
Летит над балками, прудами и лугами,
Над оврагами и рвами,
Над широкими степями
И пустырями.

А я за нею подымаюсь,
Лечу, лечу, с землей прощаюсь.

«Ты прощай, земля родная,
Край скорбей и плача!
Мои муки, злые муки
В облаках я спрячу.
Ты ли стонешь, Украина,
Вдовой бесталанной!
Прилетать к тебе я стану
Полночью туманной.
Для печально-тихой речи
На совет с тобою
Буду падать в полночи
Свежею росой.
Потолкуем, потоскуем,
Пока солнце встанет,
Пока твои малолетки
На врага не встанут.
Так прощай, земля родная,
Отчий край убогий! . .
Расти деток: жива правда
У господа бога!»

Летим. . . Гляжу — уже светает,
Край неба пылает,
Соловейко в темной роще
Солнышко встречает.
Степи грезят, голубея;
Тихо ветер веет;
Меж ярами над прудами
Вербы зеленеют.

Заросли сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся родная Украина
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
Мелкою росой.
Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!
Не убьет ее, не сломит
Никакая сила. . .
Душа моя! ты о чем же
Снова загрустила?
Душа моя! ты о чем же
Горько зарыдала?

Чего тебе жалко? Иль ты не видала
Страданий, не слышала стонов людских?
Гляди же! А я подымуся от них
За синие тучи высоко, высоко;
Там нету ни власти, ни кары жестокой,
Там горем ничья не истерзана грудь;
А в этом раю, что под солнцем сияет,
Сермягу в заплатках с калеки снимают,
Со шкурой дерут, чтоб одеть и обуть
Княжат малолетних. А вон распинают
Вдову за оброки; а сына берут —
Любимого сына, последнего сына, —
В солдаты опору се отдают, —
Все мало им! Вон умирает под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.

А вон видишь? Очи, очи!
Куда деться с вами?
Лучше бы вас высушило,
Выжгло бы слезами!
Это — покрывка вдоль тына
С ребенком плетется, —
Мать прогнала, и все гонят,

Куда ни толкнется! . .
Нищий даже сторонится! . .
А барчук не знает:
Он, щенок, уже с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
Наши слезы, горе?
Видит он, да помогает,
Как вон эти горы
Вековечные, что кровью
Политы людскою!
Душа моя бедная,
Горе мне с тобою!
Так упьемся горьким ядом,
Уснем под снегами,
Пошлем думу прямо к богу;
Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Пановать над нами?

Лети ж, моя дума, моя злая мука!
Возьми это сонмище горя и зла —
Друзей своих верных! Ты с ними росла,
Ты с ними сроднилась; их тяжкие руки
Тебя пеленали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!
Пускай чернеет, багровеет,
Пожаром повеет,
Изрыгает змей и землю
Трупами усет!
А пока ты не вернешься, —
Я, сердце скрывая,
Землю всю пройду до края,
Не найду ли рая.

И вновь я над землею рею,
И вновь прощаюся я с нею.
Тяжко бросить мать-старуху
Без крова, без хаты,
Но страшнее видеть всюду
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Глухие, топкие места,
Туман, туман и пустота.
Безлюдье, глушь, не знать и следу
Злой человеческой ноги.
Враги мои и не враги,
Прощайте! В гости не приеду.

Упивайтесь и пируйте,
Я уж не почую
И навеки одиноко
В снегу заночую.
И пока вы не узнали
О крае далеком,
Где не льются кровь и слезы,
Я усну глубоко.

Я усну. . .
Но вдруг я слышу —
Под землей неясно
Цепи звякнули. . . Я глянул. . .
О народ несчастный!
Ты откуда, чем ты занят?
Чего ищешь, роясь
Под землю? . . Нет, должно быть,
Я от вас не скроюсь
Даже на небе! . . За что же
Мне такие муки?
Кому что я сделал злое?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Сердце запалили
И, как тучи галок,
Думы распустили?
За что, не знаю, а карают,
И тяжело карают,
Иль не будет этим мукам
Ни конца, ни краю?
Не вижу, не знаю!

Пустыня вдруг зашевелилась. . .
Земля, как тесный гроб, раскрылась,

И из земли на страшный суд
За правдой мертвецы встают. . .
Ни мертвы они, не просят
Жалости у судей!
Это ведь живые люди,
В кандалы забитые,
Золото из нор выносят,
Чтобы Ненасытному
Заткнуть глотку! За что же их
В рудники сослали?
Знает бог. . . Хотя и сам-то
Знает он едва ли!

Там — вор, клеймом отмеченный,
Гремит кандалами,
Другой, кнутами сеченный,
Скрежещет зубами —
Друга он резать хочет
Своими руками.
А меж ними, злодеями,
Там — в одежде рваной
Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет
В муке бесконечной!
Кто согрет любовью к людям —
Не остынет вечно!

А где ж твои думы в их вешнем расцвете?
Любовно взращенные, смелые дети?
В чьи руки ты, друг мой, судьбу их вручил?
Иль, может быть, в сердце навек схоронил?
Не прячь их! Рассыпь, разбросай их повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими будут!
Еще мытарство? Иль уж будет?
Будет, будет, тут холодно!
Мороз разум будит.

И вновь лечу. Земля чернеет.
И дремлет ум, и сердце млеет.
Гляжу: дома стоят рядами,
Кресты сверкают над церквями.

На площадях, как журавли,
Муштру проходят москали;
Хорошо обуты, сыты,
В цепи накрепко забиты,
Маршируют. . . Дальше глянул:
Вот в низине, словно в яме,
Город средь болот-дымится.
Над ним тучами клубится
Мгла густая. Долетаю. . .
То город без края!
То ли турецкий,
То ли немецкий,
А быть может, даже русский?
Господа пузаты,
Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!
Смеркалося. . . Огнем, огнем
Кругом запылало —
Тут я струхнул. . . «Ура! ура!» —
Толпа закричала.
«Цыц вы, дурни! образумьтесь!
Чему сдуру рады,
Что горите?» — «Экой хохól!
Не знает парада!
У нас парад! С а м изволит
Делать смотр солдатам!» —
«Где ж найти мне эту цацу?» —
«Иди к тем палатам».
Я пошел. Тут мне, спасибо,
Землячок попался
С казенными пуговками.
«Ты откуда взялся?» —
«С Украинны». — «Ты ж ни слова
Молвить не умеешь
По-здешнему!» — «Э, нет, братец!
Говорить умею,
Только не хочу». — «Послушай,
Тут мне все знакомо.
Проведу тебя, коль хочешь,
Хоть к царю в хоромы!
Но мы, брат, просвещенные,
Запомни, любезный!

Не поскупись полтиною. . .» —
«Чур меня! Исчезни,
Чернильница поганая!»
У всех пред глазами
Я пропал. Вошел незримо
Во дворец. . . и замер.
Вот где рай-то! Блюдолизы
Золотом обшиты!
Царь по залам выступает
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!
Не видал тебя ни разу
И попал впросак я, —
Тупорылому поверил
Твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
И лакейским перьям
Виршеплетов. — Вот теперь их
И читай и верь им!
За двумя богами — бары
Выступают гордо.
Все как свињи: толстопузы
И все толстоморды!
Норовят, пыхтя, потея,
Стать к с а м и м поближе:
Может быть — получают в морду,
Может быть — оближут
Царский кукиш! . .
Хоть — вот столько!
Хоть полфиги! Лишь бы только
Под самое рыло!
В ряд построились вельможи,
В зале все застыло,
Смолкло. . . Только царь бормочет,
А чудо-царица

Голенастой, тощей цаплей
Прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
Как сычи, надуты,
Что-то тихо говорили, —
Слышалось: как будто
Об отечестве, о новых
Кантах и петлицах,
О муштре и маршировке. . .
А потом царица
Отошла и села в кресло.
К главному вельможе
Царь подходит да как треснет
Кулачищем в рожу.
Облизнулся старичина
Да — младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
Как заедет в ухо
Меньшему, а тот утюжит
Тех, кто чином хуже,
А те — мелюзгу, а мелочь
Уже за порогом
Как кинется по улицам —
И ну колошматить
Недобитых православных!
А те благим матом
Заорали да как рявкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
У р а! . . У р а! У р а - а - а!»

Посмеялся я и — хватит;
И меня давнули
Все же здорово. Под утро
Битые заснули. . .
Православные всё тише
По углам скулили
И за б а т ю ш к и н о здравье
Гóспода молили.
Смех и слезы! Вот смотрю я
На город богатый.
Ночь — как день! Куда ни глянешь,
Палаты, палаты. . .

А над тихою рекою
Весь каменный берег.
Я гляжу, как полоумный,
И глазам не верю, —
Не пойму, не разумею,
Откуда взялося
Это диво? .. Вот где крови
Много пролилося
Без ножа! А за рекою
Высокая башня,
Острая, ну, словно шило, ---
И глядеть-то страшно!
И куранты теленькают.
Тут я повернулся —
Вижу: медный конь над камнем
На дыбы взметнулся,
А на нем, могучем, всадник
В свите — и не в свите,
И без шапки, только листом
Голова обвита.
Конь ярится — вот-вот реку
Вот... вот... перескочит!
Всадник руку простирает,
Будто мир весь хочет
Заграбастать. Кто ж такой он?
Подхожу, читаю
Что написано на камне:
«Пер в о м у — в т о р а я»
Поставила это диво.
О! Теперь я знаю:
Этот — П е р в ы й, распинал он
Нашу Украину.
А В т о р а я доконала
Вдову-сиротину.
Кровопийцы! Людоеды!
Напились живою
Нашей кровью! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжко, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...

В это время — тихо-тихо
Запеваает кто-то
Невидимый надо мною:

«Из города из Глухова
Полки выступали
На линию с заступами,
А меня послали
На чужбину с казаками
Гетманом наказным.
И пришли мы в эту землю
На муки, на казни!
Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупах!
И в темной темнице
Умер я, голодной смертью
Тобою замучен,
В кандалах! . . . О царь! Навеки
Буду неразлучен
Я с тобою! Кандалами
Скован я с тобою
На веки веков! Мне тяжело
Витать над Невою!
Далекая Украина,
Может, погибает. . .
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может — всю ее спалили,
В море Днепр спустили,
Насмеялись и разрыли
Старые могилы —
Нашу славу! Боже милый,
Сжался, боже милый!»
Все замолкло. Вот я вижу:
Туча снегом кроет
Небо серос. А в туче
Зверь как будто воет.

То не туча — белый кречет
Тучей пал в долину
И заклекотал над медным,
Грозным властелином:
«И мы скованы с тобою,
Людоед свирепый!
На суде последнем страшном
Мы могучей крепью
От тебя закроем бога.
Ты из Украины
Гнал нас, голых и голодных,
В снега, на чужбину!
Ты убил нас, а из кожи
Нашей багряницу
Сшил ты жилами казненных,
Заложил столицу
В новой мантии! Любуйся ж
На свои палаты!
Веселись, палач свирепый,
Проклятый! Проклятый!»

Рассыпались, разлетелись.
Солнышко вставало.
Я стоял и удивлялся
Так, что жутко стало.
Вот уж голь закопошилась,
К труду поспешая,
Уж построились солдаты,
Муштру начиная.
Заспанные, проходили
Девушки устало,
Но — домой, а не из дому! . . .
Мать их посылала
На ночь целую работать,
На хлеб заработать.
Я стою, а злая дума
Надо мною вьется:
Как же трудно хлеб насущный
Людям достается!
Вот и братия подходит
К подъезду сената,

Скрипеть перьями и шкуру
Драть с отца и брата.
Землячки мои меж ними
Шустро пробегают;
По-господски так и режут,
Смеются, ругают
На чем свет отца, что с детства
Трещать не учил их
По-немецки, — мол, теперь вот
Прокисай в чернилах!
Эй ты! пьявка! Может, батька
Последней короной
Жертвовал, пока усвоил
Ты господский говор!
Вот твои сыны, Украина!
Бездушно-пустые,
Чернилами политые
Цветы молодые,
Царевую беленою
В немецкой теплице
Заглушены!.. Плачь, Украина,
Сирая вдовица!

Глянуть, что ли, что творится
В царевых палатах?
Как-то там у них? Вхожу я;
Множество пузатых
Ждет царя. Сопят спросонья,
Все понадувались
Индюками да на двери
Косо озирались.
Дверь открылась; будто вылез
Медведь из берлоги, —
Посинел весь, еле-еле
Подымает ноги.
Мучило его похмелье
От винищ треклятых.
Поглядел он да как крикнет
На самых пузатых.
Все пузатые мгновенно
В землю провалились!
Царь как выпучит глазища —

Все, что сохранилось,
Затряслось. А он как гаркнет
На тех, кто моложе, —
И те в землю. Он на мелочь —
Мелочь в землю тоже!
Он — на челядь, и вся челядь,
Как один, пропала;
На солдат, и все солдаты —
Аж даль застонала —
Ушли в землю! . .

Вот так чудо

Увидал я, люди!
Я гляжу, что дальше будет,
Что же делать будет
Мой медведь? Гляжу — стоит он,
Печальный, понурый.
Эх, бедняжка! . . Куда делась
Медвежья натура?
Тихий стал, ну как котенок! . .
Я расхохотался.
Он услышал да как зыкнет —
Я перепугался
И проснулся. . .

Вот какое

Мне приснилось диво
Странное! . . такое снится
Только юродивым
Да пропойцам. Вы простите,
Сделайте мне милость,
Что не свое рассказал вам,
А то, что приснилось.

8 июля 1844
Петербург

* * *

В воскресенье не гуляла,
На шелк денег добывала
Да платочек вышивала,
Вышивая, напевала:

«Платочек ты мой вышитый,
Узорчатый мой!
Вышиваю для подарка,
Поцелует милый жарко...
Платочек ты мой,
С золотистой каймой,
Пусть увидят утром люди,
Сироте платочек будет
Узорчатый мой,
Раскрашенный мой!
А я косу расплетаю,
С милым-суженым гуляю...
Долюшка моя,
Матушка моя!»

Шила девушка и пела
И в оконце все глядела:
Что не слышно круторогих,
Не идет чумак с дороги?
Он идет из-за Лимана
С чужим добром, бесталанный,
Чужих волов погоняет,
Погоняя, напевает:

«Доля моя, доля!
Что ж ты не такая,
Как вон та, чужая?
Пью ли я, гуляю?
Силы ль не хватает,
Иль к тебе дороженьки
Я в степи не знаю?
Иль тебе своих подарков
Я не посылаю?»

Одарю дарами —
Карими очами.
Молодую мою силу
Богачи купили,
Может, без меня невесту
С другим обручили. . .
Научи же меня, доля,
Гулять научи».
И заплакал горемыка,
Степью идучи. . .

Ой, заухал серый филин
В степи на могиле:
Загрустили чумаченьки,
Тяжко загрустили.
— Атаман, дай позволение
Здесь остановиться
И товарища снести нам
В село причаститься! —
Грех прощали, причащали,
Ворожею звали, —
Да все зря. . . с неисцеленным
Путь свой продолжали.
То ль работа задавила
Молодую силу?
То ль бессонная кручина
С ног его свалила?
То ли сделали так люди
Ему, молодому,
Что привезли его с Дона
На телеге к дому?
Думал, хоть бы повидаться
С невестой своею,

Да не вышло. . . Схоронили —
А кто пожалеет?

Поставили товарищи
Крест над сиротою,
Разошлись. . . И, как былинка,
Смытая волною,
Ушел казак прочь со света,
Все забрал с собою.
А где же тот узорчатый
Вышитый платочек?
Где ж веселая такая
Девушка-цветочек?!

На кресте могильном ветер
Платок развевает,
А девушка в темной келье
Косу расплетает.

18 октября 1844
С.-Петербург .

* * *

Что же мне так тяжело? Отчего так больно?
О чем сердце плачет, рыдает, кричит,
Как дитя? . . . О сердце, перестань, довольно!
Что тебя тревожит, гложет и томит? . . .
Голод, или жажда, или спать ты хочешь?
Засни, успокойся, замолкни навек,
Открыто, разбито. . . А злой человек
Пускай сатанеет. . . Закрой, сердце, очи. . .

13 ноября 1844
Петербург

* * *

Зачаруй меня, волшебник,
Друг мой седоусый!
Ты закрыл для мира сердце,
Я ж еще боюсь, —
Страшно мне дотла разрушить
Дом свой обгорелый,
Без мечты остаться страшно
С сердцем опустелым.
Может, явится надежда
С той живой водою,
С той целительной отрадой —
Светлою слезою.
Может, сжалится, вернется
Вновь на пепелище,
Побелит внутри хотя бы
Темное жилище,
И натопит, и нагреет,
И огонь засветит;
Может быть, еще проснутся
Мои думы-дети.
Может, с ними, как бывало,
Помолюсь, рыдая,
И увижу солнце правды
Хоть во сне, хоть краем! . .
Обмани, но посоветуй,
Научи, как друга,
Что мне — плакать иль молиться,
Иль виском об угол?

*13 декабря 1844
Петербург*

ГОГОЛЮ

За думою думы роем вылетают:
Та сжимает сердце, та его терзает,
Та заплачет тихо, вспомнив об обиде,
Где-то в самом сердце — даже бог не видит.

Кому ж ее покажу я,
Кто промолвит снова,
Кто поймет и кто приветит
Великое слово?
Все безропотны в неволе,
В кандалах да в стуже,
Ты смеешься, а я плачу,
Мой великий друже!
Что взойдет из слез горячих? —
Горестные всходы.
Не взгремит над Украиной
Властный гром свободы,
Не убьет отец ребенка,
Не зарежет сына
За свободу, честь и братство
Родной Украины.
Не зарежет! Вспоит, вскормит
И на бойню сбудет
За бесценок... Это вроде
Лепты вдовьей будет —
Престолу и «отечеству»...
Да и немцам плата...
Пускай, брат мой! А мы будем
Смеяться и плакать.

*30 декабря 1844
Петербург*

* * *

Не завидуй богатому:
Богатый не знает
Ни любви, ни уваженья, —
Он их покупает.
Не завидуй могучему:
Тот всех угнетает.
Не завидуй и славному:
Хорошо он знает,
Что не его люди любят,
А трудную славу,
Что добыл он со слезами
Людям на забаву.
А сойдутся молодые —
Любовно, не споря,
Как в раю, а присмотреться —
Шевелится горе. . .
Не завидуй никому ты,
Приглядишь ты к свету:
На земле не видно рая
И на небе нету!

4 октября 1845
Миргород

* * *

Не женись ты на богатой, —
Выгонит из хаты.
И на бедной не женись ты, —
Знать не будешь сна ты.
А женись на вольной воле,
На казацкой доле.
Небогата? Но зато уж
И простора вволю.
Но зато никто не лезет:
«Что ты, друг, невесел?
Да отчего да почему
Голову повесил?»
Вдвоем как-то легче, мол,
Если кто обидит.
Ты не верь им: легче плакать,
Коль никто не видит.

4 октября 1845
Миргород

ЕРЕТИК

Шафарику.

Подожгли соседи злые
У соседа хату,
И лежат они, согревшись,
Мирным сном объаты.
Да забыли серый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распутье,
А в том пепле тлеет
Искра пламени большого
И не погасает,
Ждет поджога, точно мститель
Часа ожидает,
Злого часа. Тлела искра,
Тлела-ожидала
На широком раздорожье
Да и гаснуть стала.
Так и неметчина спалила
Большую хату. И семью,
Семью славян разъединила
И тихо-тихо к ним впустила
Усобиц лютую змею.

Полилися реки крови,
Пожар потушили,
А сирот и пепелище
Немцы поделили.
И в оковах вырастали
Славянские дети

И в неволе позабыли,
Кто они на свете.
А на старом пепелище
Искра братства тлела —
Дотлевала, ожидала
Крепких рук и смелых, —
И дождалась... Ты увидел
Под пеплом глубоко
Огонь добрый смелым сердцем
И орлиным оком!
И зажег ты яркий светоч —
Светоч правды, воли...
И славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина —
Сосчитал лишь трупы,
А не славян. И восстал ты
На крутых уступах —
На всемирном раздорожье
Иезекиилем.
И, о чудо! Трупы встали
И глаза раскрыли;
Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!
И слились в едином море
Славянские реки!
Слава тебе, любомудру,
Чеху-славянину,
Что не дал ты уничтожить
Немецкой пучине
Нашу правду! И родное
Славянское море
Снова станет многоводным,
И в его просторе
С верным кормчим, под ветрилом,
Свежим ветром полным,
Поплывет наш челн по морю,
По широким волнам!
Будь же славен ты, Шафарик,
Вовеки и веки,

Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

Так прими же в своей славе,
Повстречай приветно
Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче! А я тихо
Богу помолюся,
Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцкий,
Муж великий, правый!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

22 ноября 1845
в Переяславе

Камень, его же небрегоша
зиждушии, сей бысть во главу
угла: от господа бысть сей, и
есть дивен во очесех наших.

Псалом 117, стих 22.

— Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит.
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!
О царь небесный! Суд твой всеу
И всеу царствие твое.

Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,
И силу, и волю.

Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За евангелие правды,
За народ забитый!
Некому! Неужто ж, боже,
И не ждать защиты?
Нет! Ударит час великий,
Час небесной кары!
Распадутся три короны
Высокой тиары!
Распадутся! Благослови
На смерть и на муки,
Благослови мои, боже,
Нетвердые руки! ..

Так в келье Гус с неправдой злою
Решил бороться — разорвать
Оковы ада! .. И святое,
Святое чудо показать
Очам незрячим.

— Поборюсь. . .

Со мной всевышний! .. Да свершится! —
И в Вифлеемскую каплицу
Пошел молиться добрый Гус.

«Во имя господи Христа,
За нас распятого на древе,
И всех апостолов святых,
Петра и Павла особливо,
Мы отпускаем все грехи
Вот этой буллою святою
Рабыне божьей. . .» —

Этой самой,

Что позавчера водили
По улицам Праги.
Этой самой, что шаталась,
Упившись хмелем,
По шинкам да по казармам,
По монашьим кельям!

Эта деньги раздобыла
Да буллу купила —
И теперь святая! .. Боже!
Великая сила!

Великая слава! Помилуй людей!
Отдохни от гнева в светлых сенях рая!
За что погибают? За что ты караешь
Своих и покорных и добрых детей?!

За что ты ослепил им очи
И вольный разум их сковал
Оковами кромешной ночи? ..
Прозрейте, люди, день настал!
Восстаньте, чехи, против судей!
Проснитесь, чехи! Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Всё обратили в прах и дым,
Как там, в Московии, татары,
И догматы свои слепым,
Нам навязали! .. Кровь, пожары,
Все зло на свете, войны, свары,
Мученья адские, а Рим
Распутством одержим.

Вот все их догматы и слава!
Чего славней! .. А нынче — вот
Установление конклава:
Кто, буллы не купив, умрет,
Тот — прямо в ад! А если плату
Ты внес двойную — режь хоть брата,
Всех, кроме пап и чернецов, —
И в рай ступай в конце концов! —
И вор у вора без пощады
Ворует. .. Тут же, в церкви! Гады!
Насытились ли вы вполне
Людскою кровью? .. Нет, не мне,
Великий господи, простому
Рабу, судить твои дела
Великие: ведь людям зла
Не причинишь ты, попустому!

Молю я, господи, помилуй,
Спаси ты нас, святая сила!

Язык мой язвами клейми,
Но язвы мира изыми!
Не дай глумиться ты лукавым
Над вечною твоею славой
И над смиренными людьми! . .

И плакал Гус, творя молитву,
Слезами тяжкими. . . Народ
Дивился молча: что творит он?
И на кого он восстает!

— Смотрите, люди! Вот вам булла,
Что я читал! — И показал
Ее народу. Всколыхнуло
Толпу: он буллу разорвал,
Из Вифлеемской той каплицы
До самой мировой столицы
Громами эхо понеслось.
Монахи скрылись. . . Грозной карой
В конклаве эхо отдалось —
И дрогнула, кренясь, тиара!

Зашипели в Ватикане
Змеями монахи.
Авиньон с монашьям Римом
Зашептался в страхе,
Зашептались антипапы,
Потолки трясутся
От шепота. Кардиналы
Гадюками вьются
Вкруг тиары. И украдкой
Меж собой грызутся,
Что коты замыш. . . И как же!
Тут ведь меху, кожи
Горы целые. . . А мяса!!
Даже стены в дрожи,
Как слышалось, что в Праге
Уж гогочут гуси
И летят с орлами биться. . .
Всполошился, струсив,
Собрался конклав. . . Решили:

Меж собой не споря,
Встать на Гуса и в Констанце
Воронью быть в сборе!
Да стеречь везде, повсюду
Зорче, чтоб дотоле
Не укрыться серой птахе
На славянском поле.

То не воронье слеталось —
Монахи толпою
Повалили; степь, дороги,
Точно саранчою,
Покрылись: герцоги, бароны,
Псаря, герольды, шинкари
И трубадуры (кобзари),
Змеятся латников колонны.
За герцогинями без счета
Всё немцы: соколов несут,
Те едут, те пешком идут. . .
Кишат! Всяк рвется на охоту,
Как гад на солнышко, спеша!
О чех! Жива ль твоя душа?
Глянь, сколько силы повалило,
Как бы на сарацина в бой
Иль на великого Аттилу!
А в Праге ропот, гул глухой,
И кесаря, и Вячеслава,
И весь собор тысячеглавый
Там вслух бранят наперебой,
В Констанц не отпуская Гуса.
— Жив бог! Жива душа моя!
Я смерти, братья, не боюсь!
Я докажу тем змеям! Я
У них, насытых, вырву жала! . . —
И Гуса Прага провожала,
Как дочь — отца. . .

На заре Констанц проснулся
В колокольном звоне.
Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;

Прелатов орава,
Трое пап, князья, баронство,
Венчаные главы, —
Собралися, как Иуды
На суд нечестивый
Над Христом. И брань, и ссоры,
Вой и крик визгливый,
Будто в лагере татарском
Иль в еврейской школе. . .
И вдруг разом онемели! . .
Как в ливанском поле
Гордый кедр, так Гус в оковах
Стал перед собором,
И окинул нечестивых
Он орлиным взором.
Задрожали, побледнели,
Молча взор вперили
В мученика. — «Что ж, меня вы
Спорить звали, или
Любоваться оковами? . . » —
«Стой, предерзкий, молча! —
Гадюками зашипели,
Завыли по-волчьи. —
Еретик ты! Еретик ты! . .
Ты погряз в расколе!
Ты усобицы лишь сеешь,
Ты святейшей воли
Не приемлешь! . . » — «Одно слово!» —
«Господом проклятый,
Еретик ты! Еретик ты! . . —
Ревели прелаты. —
Ты усобник! . . » — «Одно слово!» —
«Замолчи, проклятый!»
Гус взглянул на пап и молча
Вышел из палаты! . .
«Победили! Победили! . . —
И, теряя разум, —
Аутодафе! Аутодафе! . . » —
Заревели разом.

И всласть монашеская братья
Всю ночь с баронами пила.

На Гуса сыпались проклятья...
Но вот гудят колокола.
Идут молиться в церковь божью
За грешника монахи в ряд.
Горит багровая заря —
И солнце хочет видеть тоже,
Что с Гусом праведным творят!..
Загудел Констанц от звона,
В кандалах, под стражей,
На Голгофу ведут Гуса...
И не дрогнул даже
Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело:
— О господи милосердный,
Что, скажи, я сделал
Этим людям? Твоим людям!
За что меня судят?
За что меня распинают?
О, молитесь, люди
Неповинные!.. И с вами
То же, то же будет!
Лютый зверь пришел, овечьей
Шкурою покрытый!
Точит когти... Горы, стены
От него защиты
Не дадут вам! Разольется
Багряное море
Крови! Крови детей ваших...
О горе! О горе!
Вон те звери! В светлых ризах,
Злостью полон каждый...
Жаждают крови... — Жги! Пожарче!
— Крови! Крови жаждут!
Вашей крови... — и за дымом
Праведника скрыло.
— О, молитесь же! Молитесь!
Господи! Помилуй,
Прости ты им, ведь не знают... —
И не слышно стало!
Вкруг огня, как псы на страже,
Цепь монахов стала:
Всё боялись, чтоб не выполз

Он змеей из жара,
Не обвил кольцом корону
Или же тиару.
Погас костер; дунул ветер,
Всюду пепел сея.
Видели простые люди
Огненного змея
На тиаре. Расходились
И «Те деум»¹ пели
Чернецы и за трапезой,
Вкушая, сидели
День и ночь — опухли даже.
Малою семьею
Сошлись чехи. Из-под пепла
Горсть земли с собою
Взяли в Прагу. Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но божье слово
С ним не умертвили;
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орел с неба — и расклюет
Гордую тиару.
Да и что им! Разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Черные вороны.
Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомнят!
Знай пируют да порою
«Те деум» затынут.
С корнем вырвали... Постоите! —
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою.

*10 октября 1845
с. Марьинское*

---

¹ Тебя, бога, хвалим (латинск.). — Ред.

СЛЕПОЙ

Поэма

Думы мои молодые,
Те, что в небе реют,
Не вернутся с того света,
Стен не обогреют.
Оставили сиротою,
С тобою одною —
Сердцем моим, светом моим,
Раем, тишиною!
Никому мой рай неведом,
Ты сама не знала,
Что звездою путеводной
Надо мной сияла.
Я гляжу, не налюбуюсь,
Вот сверкнула снова,
Вот склонилась, уронила
Ласковое слово,
Вот мелькнула, улыбнулась.
Гляжу — и не вижу;
А проснусь — и плачет сердце,
Из глаз слезы брызжут.

Спасибо, звездочка! Темнеет
Денек мой хмурый. Вечереет.
Над головой уже трясет
Косою смерть. Срок подоспеет, —
Умру, и след мой занесет
Холодный ветер. Все стареет.
Быть может, и тебя овеет,

Брызнувши слезами,
Моя дума. И тихими,
Тихими речами
Ты промолвишь: — Я любила,
Я его любила,
А он не знал. . . — Звезда моя!
Над моей могилой
Гори, звезда! А я буду,
Святая, родная,
Петь о тебе, с того света
К тебе прилетая.

Этот — бродит за морями
По белому свету,
Ищет счастья — не находит:
Нету его, нету!
Как вымерло. Другой рвется
Из последней силы
За удачей. . . Вот-вот — догнал
И — сразу в могилу!
А вот третий — словно нищий:
Ни хаты, ни поля,
Одна сума, а из сумы
Глядит его доля,
Как ребенок; а он ее
Хаает, проклиная,
Продает и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей от нищей свитки,
Отстать не желает.
А он бродит в чужом поле,
Колоски собирает.
А там снопы. . . а там — скирды,
А там. . . и в хоромах
Сидит себе наш сирота
Как у себя дома.
Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо!
А полюбит — дастся в руки
С колыбели самой.

На праздник троицы зеленый
После обедни, у дверей,
В рубахе чистой, отбеленной
Сидел с бандурою своей
Седой казак.

«И так и сяк. . .

И нужно бы, да неохота. . .
А все же нужно! Хоть два года
Пускай по свету он порыщет
И сам судьбы своей поищет,
Как я искал ее. . . Ярина!
А где Степан?» — «А вон под тыном
Стоит как вкопанный!» — «Гляди,
Я и не вижу. Друг, иди,
Послушай-ка! Я вам любую
Сыграю — ну, хотя б такую». —

И грянул по струнам.

И Ярина со Степаном
Танцуют. А старый —
Он играет, подбавляет
Каблуками жару.

«Кабы мне да такого горя,
Кабы жить, со свекровью не споря,
Кабы мне да муженек молодой,
Кабы он да не вздыхал по другой!
Ой, гоп, чики-чики,
Кабы новы черевики,
Скрипку, бубен да цимбалы,
Я бы только то и знала —
Молодого обнимала!»
«Ой, гоп гопака,
Оженили казака,
Он печь затопил,
Он нажарил, наварил!»

Встал старик. — Пляшите, детки!
Пускай знают наших! —
Как ударит, как ушкварит,
Подбоченясь пляшет.

«И то не беда,
Что выросла лебеда!
Кроши густо
На капусту —
Будет добрая еда!
А вот это так беда,
Что женили смолода;
Он, женатый,
Бросил хату
И пропал без следа».

— Нет, не тот уж, — подкосилась
Бывалая сила;
Утомился. А это вы
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-годочки
К земле клонят низко. . .
Состарился. Иди, дочка,
Готовь чашки, миски;
Сказать правду — подкрепиться
Неплохо едою.
А ты, сынок, а ты, Степан,
Останься со мною,
Садись, сын. Когда отец твой
В Польше пал убитым,
Ты после него остался
Сиротой забытым. . .
— Так я, значит, не родной вам,
Я не сын ваш? Боже!
— Слушай дальше! Вот вскорости
Умерла мать тоже.
Остался ты, я и сказал
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем его
Себе вместо сына» —
Тебя, значит. Она рада.
Вот вы близнецами
С Яриною и выросли. . .
А что дальше — сами
Посудите. Ты ведь взрослый,
Она взрослой стала, —

Надо думать, жить иначе
Вам бы подобало.
И Ярине... Что ты скажешь?
— Не знаю... Я думал...
— Что Ярина сестра твоя? —
Неверно ты думал...
Дело просто: если любя,
Можно обвенчаться,
Только вот что: нужно раньше
В людях потолкаться.
Приглядеться, как живут,
То ль пашут,
То ль по непаханому сеют
И прямо жнут,
И немолоченное веют,
Как мелют, как они едят, —
Так вот что, брат, —
Ты поработай: надо в люди
Пойти хотя б на год,
Узнать народ.
Тогда и порешим, как будет.
Тому, чья не крепка спина,
И в жизни будет грош цена.
А ты как думаешь, дружище?
Но если хочешь точно знать,
Где легче горем торговать,
На Сечь иди: там хватит пищи.
Поможет бог — найдешь свой кус;
А мне на вкус
До сей поры тот хлеб не сладок!..
Добра добудешь — принесешь,
А не добудешь — проживешь
Моим нажитым. Да повадок
Запорожских наберешься,
Увидишь широкий
Свет совсем иным, чем в Б р а т с т в е.
Ты живые строки
В синем море прочитаешь,
В честном рукопашье
Богу выучат молиться,
А не по-монашья
Бормотать под нос. Вот так-то!

Помолимся богу
Да сивого оседлаем —
И айда в дорогу!
Идем, дружок, полудновать.
Ну, как там? Готово,
Яриночка? — Уже, отец!
— Вот, сын, мое слово!

Не естся, не пьется, и сердце не бьется,
И разум затмился, и взгляд не горит,
Как будто глухой и незрячий сидит,
Не за кусок хлеба — за кружку берется;
Ярина глядит и тихонько смеется:
— Что это с ним случилось? Не ест и не пьет!
Уж не разболелся ль? То бледен, то красен! —
Она его взгляда ответного ждет —
Глаза он отводит. Старик безучастен,
Как будто не видит. «Что жать, что не жать,
А сеять-то нужно», — в усы рассуждает
Отец про себя: — Ну, пора и вставать!
А я, может, в церкви еще побываю,
А ты, Степан, ложись-ка спать,
Ведь завтра рано нам вставать
Да коня седлать.

— Степаночка, голубчик мой,
На что ты в обиде,
Улыбнись мне, усмехнись мне,
Разве ты не видишь,
Как горько мне? Растревожил
Тебя насмерть кто-то,
И на меня глядишь так, что
Заплакать охота.
Я убегу, вот увидишь!
Ответь мне, Степанко!
Может — болен? Я достану
С настоями склянку.
Я побегу за бабкою. . .
Может, сглазил кто-то?
— Нет, Ярина, цветик ясный,
Не о том забота!

Я не брат тебе, Ярина,
Я завтра покину
Тебя с отцом сиротами
И навеки сгину.
А ты меня и не вспомнишь,
Забудешь, Ярина,
Какой я был! . . — Перекрестись!
То с дурного глазу!
Я не сестра! Кто ж тогда я?
Он потерял разум!
Что тут делать? Отца нету,
Кого пойду звать я?
А он, видно, в лихорадке —
Совсем без понятия.
Или ты меня дурачишь?
Разве ты не знаешь,
Что умрешь ты — и нас с отцом
В землю закопаешь! . .
— Нет, Ярина, не умру я,
Я только уеду
От вас завтра. . . А приеду. . .
Через год приеду —
Возвращусь я с Запорожья
Женихом, не братом.
Пойдешь замуж? — Да ну тебя
Со свахой и сватом!
Еще шутит! . . — Не шучу я,
Ей-богу, Ярина!
Не шучу я! . . — Значит, правда!
Ты завтра покинешь
Меня с отцом. . . отвечай же,
Это все не шутка!
Значит, правда — не сестра я?!
— Нет, моя голубка,
Сердце мое! — Боже ты мой,
Как же я не знала!
Разве б так тебя любила,
Разве б целовала. . .
Ой, стыд какой! Отойди же,
Пусти мои руки!
Ты не брат мне. Ты не брат мне!
Муки мои, муки! —

И расплакалась Ярина,
Как дитя рыдает:
— Он уедет! Он забудет. . . —
Плачет, причитает.
И Степан склонился, словно
Явор над водою.
И обжег свое он сердце
Горючей слезою,
Как смолою. . . А Ярина
Молит, попрекает,
То замолкнет. . . поцелует,
То вновь зарыдает.
Не видели, как стемнело. . .
И сестру и брата
Словно скованных друг с другом
Застал старый в хате.

И день настал. А Ярина
Не знает покою.
Вот уже Степан выводит
Коня к водопою.
Подхватила ведра, мчится,
Будто бы не тужит,
Хозяйствует. В это время
Старое оружие
Отец вынес из чулана,
Глянул, веселеет,
Примеряет. . . Будто снова
Старый молодеет!
Прослезился. — Сабля моя,
Сабля золотая,
Годы мои молодые,
Сила молодая!
Послужи, мое оружие,
Юношеской силе!
Той же верной, той же службой,
Что и мне служило! . .

И Ярина держит саблю,
А Степан седлает
Коня — друга боевого,
Жупан надевает.

Он берет кривую саблю,
Копье боевое.
Самопал семипядевый
Повис за спиною.
Поглядела — обомлела,
И старик заплакал,
Оглядевши молодого
Конника-рубаку.

Ведет коня за уздечку
И плачет Ярина.
Седой отец идет рядом,
Наставляет сына:
— Нужно в войске так держаться:
С друзьями считаться,
Старшему повиноваться,
В обозе не жаться.
Пускай бог тебе поможет! —
Как за селом стали,
Сказал отец, и все трое
Вместе зарыдали.
Степан свистнул — пыль взлетела,
Закрыла дорогу.
— Возвращайся, сын, скорее
К родному порогу! —
Сказал старый и заплакал. . .
Как елка в долине,
Пошатнулась, наклонилась
Без слова Ярина.
Только слезы утирает
Да путь озирает;
Там лишь тень в пыли мелькает
И вновь пропадает.
Будто шапка через поле
Катится, чернеет. . .
Будто мошка исчезает,
Только пыль над нею. . .
И пропала. . . Долго, долго
Вдаль на ту дорожку
Грустно девушка глядела,
А уже той мошки
Нет, исчезла. И Ярина

Тяжело вздохнула
И с отцом своим печально
К дому повернула.

Проходят дни, проходит лето;
Настала осень, шелестит
Лист пожелтевший. Радость, где ты? —
Старик задумавшись сидит.
Яринина не слышно смеха:
Отца единая утеха
Больна; с кем будет век дожит?
Чем старость обогреть? И снова
Он вспомнил сына молодого,
Свои цветущие лета.

Вспомнил и заплакал
Седой богатый сирота.
Как будто заплату
К заплате нашили на сердце лета.
— В твоих руках всё на свете,
Свята твоя воля!
Что случится — тому и быть,
Знать, такая доля!

И барвинком, и мятою,
Травой-повиликой
Весна землю одевает
В радости великой,
И солнышко среди неба
Рассиялось смело,
Землю — как жених невесту —
Взглядом обогрело.
И Ярина, улыбаясь,
Хату покидает,
Еле вышла на свет божий —
Слабая такая.
И глядит, и наглядеться,
Кажется, не может.
Родилась вчера как будто,
А скорбь сердце гложет,

Ножом в груди повернулась
И свет заслонила,
И подкошенной былинкой
Ярина склонилась.
Как с цветика роса утром,
Слезы полилися.
Старый отец над несчастной,
Как дуб, наклонился.

Ко всем киевским святыням
С мольбой обращалась,
У Межигорского спаса
Трижды причащалась
И в Почаеве священном
Рыдала, молилась,
Чтобы счастье со Степаном
Хоть во сне приснилось.
Не приснилось! Возвратилась,
Снова забелела
Зима снегом. Новой весной
Все зарозовело.
И Ярина вновь выходит
Любоваться светом,
Не молиться, а к знахарке
Идет за советом.

Ворожея ворожила,
Порчу отвращала,
За три гроша судьбу-счастье
Воском выливала.
— Вон видишь: конь оседланный
Машет головою.
А вот казак. А вот идет
Старик с бороною.
Это к деньгам. Глянь — сопливый!
Вот бы догадался
Пугнуть деда! А и пугнул:
За курган забрался,
Видишь, вон считает деньги.
И дальше по шляху,
Вишь, с сумою, закрыл глаза, —

Это он от страху,
Чтоб татары или ляхи
Его не узнали. —
И Ярина веселую
Домой возвращалась.

Уже третье, четвертое
И пятое лето
Кончается — немалый срок,
А Степана — нету.
И тропочки-дороженьки
Яром да горою,
Где хожено к знахарке той,
Заросли травой.
И Ярина в монашенки
Постричься решает,
Старый отец на коленях
Просит, умоляет —
Лета хоть бы, петрова дня
Только бы дожждаться,
Хоть троицы. И дождались,
Стали прибираться,
Хату зеленью убрали
И в рубахах белых
Тихонечко перед хатой,
Как сироты, сели.
Сидят они печальные,
Вдруг — слышат: играет
И под тихий ропот кобзы
Кто-то напевает.

«В воскресенье раним-рано
Сине море выло;
Казачество кошевого
На кругу просило:
— Разрешы ты, атаман наш,
Парусам подняться,
Чтоб за Тендер прогуляться,
С турком потягаться.
Чайки и челны спускали,
Пушками их уставляли,

Из широкого устья днепровского выплывали.
Среди ночи темная,
Среди моря синего
За островом Тендром утопали.
Погибали. . .
Один утопает,
Другой выплывает,
К казакам-товарищам из волны тяжелой
Руку подымает, окликает:
— Пускай вам, товарищи, господь помогает! —
И в волне тяжелой утопает,
Погибает.

Лишь три челна, слава богу,
Атамана куренного,
Сироты Степана молодого,
Сине море не разбило,
В турецкую землю, к нечестивцам
Без рулей и весел относило.
Тогда сироту Степана,
Казака молодого,
Атамана честного,
Турки-янычары ловили,
Из ружья стреляли,
В кандалы ковали,
В Царьградскую башню заключали,
Тяжелой работой отягчали.
Ой, спасе наш чудотворный,
Межигорский спасе!
И лютому врагу
Не дозвошь попасться
В турецкую землю, в тяжкую неволю!
Кандалы там по три пуда,
Атаманам по четыре.
И света божьего не видят, не знают,
Под землею камень ломают,
Без напутствия святого умирают.
Погибают.
Вспомнил сирота Степан в неволе
Мать свою Украину,
Неродного отца седого
И коника вороного,

И сестру Ярину,
Плачет, рыдает,
Руки к небу подымает,
Кандалы ломает,
Убегает на вольную волю...
На третьем уж его поле
Турки-янычары ловили,
Да к столбу вязали,
Глаза вырывали,
Горячим железом выжигали,
В кандалы забили,
В тюрьму посадили
И замуровали».

Вот так, на улице, под тыном,
Еще не стар, кобзарь стоял
И про неволю распевал.
За тыном слушала Ярина,
Не дослушала — упала.
— Степаночко! Степаночко! —
Вся в слезах кричала. —
Где ж ты был, сердечный мой? —
Рыдала Ярина. —
Отец! Это ведь Степан наш
Там стоит под тыном! —
Вышел отец за ворота,
Насилу, насилу
Признает его; так горе
Хлопца подкосило:
— Сыночек мой бесталанный!
Дитя дорогое,
Где скитался ты по свету,
Гонимый бедою? —
Плачет старый, обнимает,
И слепой заплакал,
Точно солнце он увидел
Из вечного мрака.
Берут под руки Степана
И приводят в хату,
И Ярина ему служит
Как родному брату,

Голову ему помыла
И ноги обмыла,
И в сорочке тонкой, белой
За стол усадила.
Накормила, напоила
И спать уложила,
Вышла с отцом из горницы
И двери прикрыла.

— Нет, не надо, отец милый,
Милая Ярина!
Я уже навек пропащий
И вновь вас покину.
За что ты свой век девичий
Со мною загубишь,
С калекою? .. Нет, Ярина!
Засмеют нас люди,
И бог святой покарает —
Наше счастье-долю
Из веселой этой хаты
На чужое поле
Он выгонит! Нет, Ярина!
Ты найдешь другого,
А я уйду в Запорожье,
Петь под кобзу снова.
Меня любят. . . — Нет, Степан мой,
Ты мне ближе сына!
И бог тебя покарает,
Если нас покинешь.
— Оставайся, Степаночко,
Не хочешь венчаться —
Станем жить, как брат с сестрою,
И не разлучаться,
Будем радостью, опорой
Старика седого.
Сердце мое, Степаночко,
Не бросай нас снова!
Не покинешь? .. — Нет, Ярина! .. —
И Степан остался.
Весел старый, как ребенок, —
И за кобзу взялся;

Хотел струнным перебором
Возвратить веселье;
На завалинке у хаты
Втроем они сели.
— А теперь, Степан, скажи нам,
Как беда случилась.
Ведь и мне в плену турецком
Бывать приходилось.

— Вот меня, уже слепого,
Турки выпускали
С казаками. . . Товарищи
На Сечь отбывали
И меня с собою взяли,
И через Балканы
Торопились на Украину
Вольными ногами.
И на тихом на Дунае
Тогда догоняют
Товарищи-запорожцы
Нас и возвращают.
И рассказывают, плача,
Как Сечь разорjali,
По церквам оклады-ризy,
Свечи забирали.
Как казаки-запорожцы
Ночью убегали
И на тихом на Дунае
Новой Сечью стали.
Как царица по Киеву
С Нечосом гуляла
Как спас она Межигорский
Ночью поджигала,
Как с Днепра на это пламя
Тайно любовалась,
В золотой своей галере
Плыла, улыбалась.
Как степями Запорожья
Немцев наделила;
За панами запорожский
Люд закрепостила.

Как Кирилл со старшинами
Пудрой посыпались
И царицыны сапожки,
Словно псы, лизали.
Вот так, батько! Я и счастлив,
Что слепцом блуждаю,
Что всего того на свете
Не вижу, не знаю.
Шляхта была и все взяла,
Кровь повыпивала,
А царица даже воздух
В цепи заковала.
Вот что было. Тяжко, батько,
От своего дому
Уходить просить защиты
К нехристю, к чужому!
Теперь будто Головатый
Остатки собирает,
На Кубань их подбивает,
Черкеса пугает.
Пускай ему бог поможет!
А что с того будет ---
Господь знает. Послушаем,
Что расскажут люди. —
Вот так они каждодневно
Вдвоем до полночи
Рассуждают; а Ярина
Хозяйкой хлопочет.
Вспоминают Запорожъя
Казацкую славу
И тихонько напевают
Про Чалого Савву,
Про Хмельницкого Богдана,
Ледащего сына,
И про Гонту-мученика,
Про славу Максима.
А Ярина их слушала
Да святым молилась.
Умолила. . . Перед постом
Они поженились.

Вот и конец моей думе...
Не дивитесь, люди!
Что бывало — миновало,
Того уж не будет.
Позабыты мои слезы,
Не бьется, в обиде
Сердце старое черствеет,
И очи не видят
Ни вот этой хатки белой
Под синью небесной,
Ни долины приветливой,
Ни темного леса,
Ни девической улыбки,
Ни красы ребячьей
Светлой, радостной не вижу:
Все гибнет, все плачет!
Я и рад бы где укрыться,
Только где — не знаю.
Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклинают.
Сердце вянет, засыхает...
И не носят ноги,
Позабытый, одинокий,
Устал я в дороге,
Каркаю, как будто ворон,
Не дивитесь, — это
Оттого, что я не вижу
Солнечного света.
Еле-еле к полуночи
Сердцем прозреваю,
За водой живой и мертвой
Думу посылаю.
Немощная прочь от света
Летит, улетает,
А бывает и приносит,
Хату окропляет.
Зажигает огонь чистый,
С темнотою споря,
Свой рассказ начнет про счастье,
А свернет на горе.
Вот и нынче про слепого
Сироту кончает,

А свести концы с концами
Как складней — не знает.
Не бывало ведь на свете
Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожила счастливо.
А вот случилось это диво!
Время пролетает,
А они — все неразлучны,
Все вместе гуляют.
И седой старик счастливый
Перед светлым домом
Учит маленького внука
Вежливым поклонам.

*16 октября 1845
с. Марьинское*

РАБОТНИЦА

ПРОЛОГ

В воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает,
Горько плачет, причитает:

— Ой, туман мой, ненастье,
Мое горе-злосчастье!
Отчего меня не скроешь
От беды-напасти?
Что меня ты не задавишь
И в землю не вдавишь?
Отчего мне тяжкой доли,
Веку не убавишь?
Нет, не дави, туман белый!
Укрой только в поле,
Чтоб не знал никто, не видел
Горькой моей доли! . .
Я не одна: есть у меня
Отец и мать в хате. . .
Есть у меня. . . туман белый,
Туман милый, братец!! .
Есть сыночек некрещеный,
Сыночек мой родимый!

Не я тебя крестить буду
На горе, любимый,
А чужие крестить будут,
Я и не узнаю,
Как звать сына... Дитя мое!
Богатой была я...
Не брани! Молиться стану,
Слезами своими
Счастье вымолю у неба
Для тебя, родимый!

Пошла полем, рыдаючи,
В тумане таилась,
И сквозь слезы тихонечко
Запела уныло,
Как вдова в Дунае синем
Детей схоронила:

«У кургана-могилы
Вдова полем ходила, —
Там ходила, гуляла,
Яду-зелья искала.
Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
Китаечкой повила
И на Дунай отнесла:
— Тихий, тихий Дунай!
Моих деток забавляй.
Ты, песочек, их прими,
Моих деток накорми!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I

Жили себе дед и баба.
В роще кудрявой на хуторе старом
Вдвоем весь век свой долгий провели
В тишине, в покое,
Как деточек двое.
Вдвоем ягнят пасли детьми когда-то,
А там обвенчались,

Скотины дождалися
И хуторок приобрели,
И сад и пчельник завели,
И мельницу купили —
В достатке жили.
Лишь деток не дал бог,
А смерть с косою у порога.

Кто же старость их пригреет,
Для них сыном станет,
Похоронит, пожалест,
Кто душу помянет?
Кто на счастье добро примет,
Трудом нажитое,
Будет помнить благодарно,
Как дитя родное? . . .
Трудно вырастить ребяток
В непокрытой хате.
А еще труднее в белых
Стариться палатах,
Старится и дом богатый —
Угол непочатый, —
Умирая, чужим детям
Отдать на растрату.

II

Раз в воскресенье, в день погожий,
У хаты, в праздничной одеже
Сидели старики вдвоем.
Ни тучки на небе; кругом,
Как бы в раю, так тихо было,
И солнышко сияло.
А в сердце горе затаилось,
Как зверь в лесу дремало.
В таком раю отчего бы
Старикам грустилось?
Горе ль давнее какое
В хате пробудилось?
Иль заглохшее недавно
Вновь зашевелилось?

Или новое рай светлый
Огнем охватило?

Не знаю, сидя у порога,
О чем грустят они. Как знать, —
Уж собрались, быть может, к богу,
Но кто в далекую дорогу
Коней им станет запрягать?
— А кто нас, Настя, в гроб положит,
Когда померем?

— Великий боже!

Я о том же размышляла,
Да так горько стало:
В одиночестве старели. . .
Для кого держали
Добро наше? . .

— Погоди-ка!

Словно плачет, слышишь,
За воротами ребенок!
Побежим-ка! . . Видишь --
Так и знал я, что-то будет! --
И оба вскочили,
И к воротам. . . Прибегают —
Да так и застыли.
Перед самым перелазом
Младенец повитый,
Но не туго, и новенькой
Свиткою прикрытый.
Видно, мать запеленала —
Хоть лето, — укрыла
Последнею одежею! . .
Глядели, молились
Дед и баба. А младенец
Словно умоляет:
Ручки выпростал, бедняжка,
И к ним простирает,
Крохотные. . . и умолкнул,
Как будто не плачет,
Только хнычет.

-- А что, Настя,

Видишь? Теперь, значит,
Мы с тобой не одиноки!

Вот судьба, вот счастье!
Ишь какос, чтоб не сглазить!
Бери ж дитя, Настя,
Неси в хату, а я съезжу
Вмиг за кумовьями
В Городище. . .

Чудно́, право,
Бывает меж нами!
Один сына прокликает
И прочь выгоняет.
Другой свечечку, сердешный,
Потом добывает
И, рыдая, ее ставит
Перед образами —
Нету детей! . . Чудно́, право,
Бывает меж нами!!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев собрали,
И мальчика окрестили
И Марком назвали.
Растет Марко; старики же
Души в нем не чают,
Усадить где, уложить где,
Хлопочут — не знают.
Год проходит. Растет Марко.
Дойная корова
Досыта накормлена.
Но вот черноброва,
Молода и белолица
Пришла молодица
На тот хутор благодатный
Работать проситься.

— А что ж, — молвит, — возьмем, Настя!
— Возьмем, Трофим, — нужно ж,
Ведь стары мы и хвораем,
И дитя к тому же.

Хоть подрос Марко немножко,
Но все ж таки надо
Заботиться о ребенке.
— Твоя правда, надо;
Век мне данный, слава богу,
И я прожил, знаю, —
Уходил. Ну, так как же,
Что возьмешь, родная,
За труды?

— Да что дадите. . .

— Э, нет, дочка, что ты!
Это ж плата за работу,
За твою работу.
Говорят: кто не считает,
Тот не наживает.
Вот уж разве так, голубка:
Ни ты нас не знаешь,
Ни мы тебя; а поживешь,
Оглядишься в хате,
Да тогда и сговоримся
С тобою о плате.
Так ли, дочка?

— Ну что ж, ладно!

— Так входи же в хату!

Сговорились. Молодица
День встречает песней;
Словно с паном обвенчалась,
Купила поместье!
От рассвета до заката
И в поле и в хате,
И за скотом ходит Ганна;
А вокруг дитяти
Так и вьется; в воскресенье
И в будни ребенку,
Словно мать, головку моет,
Ему рубашонку
Каждый божий день меняет,
Строит, с ним играя,
Повозочки, а уж в праздник
И с рук`не спускает.
Старики мои дивятся,

Богу бьют поклоны. . .
Работница ж сна не знает,
По ночам со стоном
Свою долю проклинаят,
Плачет горько, тяжело;
Да никто того не знает,
Не слышит бедняжки,
Кроме Марка маленького.
Да и он не знает,
Отчего слезами Ганна
Его умывает;
Отчего его целует
И молится жарко,
Сама не съест и не допьет,
А накормит Марка.
Не знает он. Когда в люльке
Порой среди ночи
Пробудится, шевельнется —
Она сразу вскочит,
Крестит его, баюкает;
За стеною слышит,
Спит спокойно ли ребенок,
Как во сне он дышит.
Утром Марко к своей Ганне
Ручки стирает
И с улыбкой работницу
Мамой величает. . .
Не знает он. Растет себе,
Растет, подрастает.

IV

Немало лет уже минуло,
Воды немало утекло.
На хутор горе завернуло
И слез немало принесло.
Бабусю Настю схоронили
И еле-еле отходили
Трофима-деда. Пронеслось
Несчастье злое и уснуло —
На хутор снова благодать

Из-за лесов седых вернулась
К Трофиму в хату отдыхать.

Уже Марко чумакует
И осенью не ночует
Ни у хаты и ни в хате, —
Кого-нибудь нужно сватать!
Задумался Трофим старый,
Спросить Ганну надо б!
Да к работнице. А Ганна
К королевне б рада
Сватов слать: — Марка спросить бы,
Ему лучше знать-то.
— Ладно, дочка, Марка спросим
Да и станем сватать.

Расспросили, столковались,
Сватов снарядили.
С полотенцами к ним в хату
Люди воротились,
С хлебом святым обмененным
В жупане богатом
Панночку нашли такую —
Хоть гетману сватай,
Так не стыдно. Вот какое
Выискали диво.

— Спасибо вам! — старик молвит. —
А теперь счастливо
Довести нам нужно дело
До конца бы, люди, —
Обвенчать их. Да еще вот:
Кто ж матерью будет
Посаженой? Нет ведь Насти! .. —
И заплакал тяжко.
А работница у двери
За косяк, бедняжка,
Ухватилась и застыла.
Смолкли в хате люди;
Лишь работница шептала:
— Кто ж матерью будет? ..

У

Время шло. Уж молодицы
 Каравай месили
 На хуторе. Отец старый,
 Не жалея силы,
 С молодницами танцует
 И двор подметает,
 Да прохожих, да проезжих
 К себе зазывает,
 Варенухой угощает
 И на свадьбу просит.
 Знай бегаёт — а самого
 Еле ноги носят.
 Во дворе и в хате хохот
 И шум небывалый,
 И бочонки выкатили
 С громом из подвала.
 Прибирают, пекут, варят...
 Да только чужие.
 Где же Ганна? На святое
 Богомолье в Киев
 Пошла она. Молил старый,
 Просил Марко слезно
 Матерью быть посаженной.
 — Нет, Марко! Как можно!
 Я ж работница, — неловко
 Сидеть-величаться
 Мне на свадьбе... Станут люди
 Над тобой смеяться.
 Пусть господь вам помогает!
 Пойду помолюсь я
 Святым в Киеве, а там уж
 Домой возвращуся
 В вашу хату, коль примете,
 Пока будут силы,
 Потружусь я... —

С чистым сердцем

Крестом осенила
 Марка Ганна... Заплакала,
 Вышла за ворота.

Зашумела свадьба в доме,
И пошла работа
Музыкантам и подковам,
Столы поливают
Варенухою. А Ганна
Бредет, ковыляет;
Пришла в Киев, у мещанки
Стала, поселилась,
Нанялась носить ей воду —
Денег не хватило,
Чтобы отслужить молебен,
Носила, носила,
Заработала немного
И в лавре купила
Марку шапочку святую
С Ивана святого,
Чтоб голова не болела
У Марка родного.
И колечко от Варвары
Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Домой возвращалась.

Возвратилась. Катерина
И Марко встречают
За калиткой, ведут в хату
И за стол сажают;
Напоили, накормили,
Про Киев спросили,
Ей в горнице Катерина
Постель постелила.
— За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный,
Может, они знают. . .
Может, они догадались. . .
Нет, не догадались —
Они добрые. . . —

И Ганна

Тяжко зарыдала.

Трижды речка замерзала
 И трижды вскрывалась;
 Трижды в Киев работницу
 Катря провожала
 Как мать свою. И в четвертый
 Ее проводила
 До кургана в поле чистом
 И бога молила,
 Чтоб скорее возвращалась,
 А то пусто в хате,
 Словно мать ушла куда-то,
 Покинула хату.

В воскресный день после пречистой —
 После успенья, дед Трофим,
 Надевши бриль, в сорочке чистой
 Сидел у хаты. Перед ним
 Играл с собакой внучек малый,
 А внучка, в кофту нарядясь
 В Катрусину, как бы пришла
 Проведать дедушку. Смеясь,
 Старик с шалуньей говорил,
 Как с настоящей молодежи:
 — А что же ты без паляницы?
 Иль по дороге кто стащил?
 Или забыла взять из хаты?
 А может, вовсе не пекла?
 Э, стыдно так! Ну, хороша ты!.. —
 И вдруг работница вошла
 Во двор. Со стариком внучата
 Бегут встречать свою Ганну...
 — А Марко? — в тревоге
 Деда спрашивает Ганна.
 — Всё еще в дороге.
 — А я нынче утомилась,
 Дошла к вам насилу.
 Не хотелось на чужбине
 Ложиться в могилу.
 Только б Марко мне дожждаться...
 Так тяжело вдруг стало... —

И внукам из узелочка
Гостинцы достала —
Дукатики и крестики,
Да бусы цветные
Яриночке, да из фольги
Образки святые;
Карпу глиняную птичку
И лошадок пару,
И уже четвертый перстень
От святой Варвары
Катерине. Деду свечки
Из воска святого,
Лишь себе с Марком подарка
Ганна никакого
Не принесла, не купила —
Денег не хватило,
А работать не могла уж.
— А тут где-то было
Полбубличка! — по кусочку
Детям разделила.

VII

Вошли в хату. Катерина
Ей ноги помыла
И полдничать усадила.
Не до того было
Старой Ганне.

— Воскресенье

Когда? — вдруг спросила.
— Через день. — Молебен нужно
Справить, помолиться
Николаю-чудотворцу,
Вынуть бы частицу, —
Что-то долго Марка нету...
Сохрани нас боже, —
Он в пути не захворал ли,
Вернуться не может? —
Заплакала работница,
Еле-еле встала
Из-за стола.

— Катерина!

Не та уж я стала:
Состарилась, силы нету
На ноги подняться.
Тяжко, Катря, в чужой хате
Смерти дожидаться.

Захворала несчастная.
Уж и причащали
И соборовали Ганну, —
Да легче не стало!
Возле хаты Трофим старый
Как убитый бродит.
Катерина ж от болящей
На шаг не отходит;
День она и ночь над Ганной
Очей не смыкает,
А сычи порой ночью
Худое вешают.
Ни минуты болящая
Покоя не знает,
Все выпрашивает Катрю:
— Катруся родная!
Что, Марко не воротился?
Ох, если б я знала,
Что дождусь его, увижу,
Может легче б стало. . .

VIII

Идет Марко с чумаками;
Идет, распевает,
Не спешит, волов пастися
В степи отпрягает.
Везет Марко Катерине
Сукна дорогого.
Шелком шитый пояс красный
Для отца седого.
Красный с белою каймою
Платок старой Ганне,

А еще ей на очипок
Золоченой ткани.
А для деточек сапожки,
Фиг и винограду,
А всем вместе им — красного
Вина из Царьграда
Ведро три везет в бочонке,
Еще икры с Дона, —
Всего везет, да не знает,
Что творится дома.

Идет Марко, не горюет,
Пришел — слава богу!
И ворота отворяет,
И молится богу!
— Слышишь ли ты, Катерина?
Марко воротился!
Беги встречать! Скажи ему,
Чтоб поторопился! . . .
Слава тебе, Христе боже!
Дождалась насилу! —
И «Отче наш» тихо. . . тихо,
Как сквозь сон твердила.
Старик волов распрягает
И ярма снимает
Узорные. А Катруся
Марка обнимает.
— Где же Ганна? Не спросил я
Про нее ни слова. . .
Да жива ли?

— Жива, Марко,
Только нездорова,
Плохо ей. Пойдем скорее,
Пока распрягает
Отец. Давно тебя, Марко,
Ганна ожидает.

Пошел Марко с Катериной
И стал у порога
Испуганный. . . Ганна шепчет:
— Слава. . . слава богу!

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

Кто даст главе моей воду и
очесем моим источник слез, и
плачуся и день и ночь о
побиенных. . .

Иеремии, гл. 9, стих. 1.

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон века Прометея
Там орел карает,
Что ни день, клюет он ребра,
Сердце разрывает,
Разрывает, да не выпьет
Крови животворной,
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно,
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы бога,
Вечного, живого.
Не нам с тобой затеять распрю!
Не нам дела твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать

И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
    Так когда ж она проснется?
    И когда ты ляжешь
    Опочить, усталый боже,
    Жить нам дашь когда же?
    Верим мы творящей силе
    Господа-владыки.
    Встанет правда, встанет воля,
    И тебя, великий,
    Будут славить все народы
    Вовеки и веки.
    А пока — струятся реки,
    Кровавые реки! . .

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
    Вот там-то божьей милостию мы
    Отняли у голодной голи
    Все, что осталось, вплоть до воли, —
    И травим. . . И легло костями
    Людей муштрованных немало.
    А слез! А крови! Напоить
    Всех императоров бы стало,
    Князей великих утопить
    В слезах вдовиц! А слез девичьих,
    Ночных и тайных слез привычных,
    А материнских горьких слез!
    А слез отцовских, слез кровавых!
    Не реки — море разлилось!
    Пылающее море. . . Слава
    Борзым, и гончим, и псарям,
    И нашим батюшкам-царям —
        Слава!
    Слава синим горным кручам,
    Подо льдами скрытым!
    Слава витязям великим,
    Богом не забытым!

Вы — боритесь — побóрете!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля — все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же! Грамотей мы,
Читаем господа глаголы...
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас хлеб-соль почем,
Мы христиане: храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная... и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано... зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам... И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились, —
У нас же и простор на то,
Одна сибирская равнина.
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его, а как скончался,
Так в рай попал. Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены!

Но мы научим вас!.. Кради,
Рви и давай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем! —
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но простых.
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!..

По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке — на наряды,
На житье — сынкам побочным,
Жене — на браслетки,
А себе на что — не знают
Ни жена, ни детки.

За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
В искупленье нам? За слово
Истины!.. Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и сталося!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны —
За кражу, за войну, за кровь,
Ту братскую, что льют ручьями, —
Вот он, даренный палачами,
С пожара краденный покров!..

Просветились! И решаем
Свет открыть и этим,
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки ту же,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Всё поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле и море!

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови! Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казакáми по-над берегами
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казакáми,
Меня из неволи в степи поджидай.

А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды
Буду сеять я. Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскую слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь —
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

*18 ноября 1845
в Переяславе*

**И МЕРТВЫМ, И ЖИВЫМ,
И ПЕРОЖДЕНЫМ ЗЕМЛЯКАМ МОИМ**

**НА УКРАИНЕ И НЕ НА УКРАИНЕ
МОЕ ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ**

Аще кто речет, яко люблю
бога, а брата своего ненавидит,
ложь есть.

*Соборн. послание Иоанна. Глава 4,
стих 20.*

И темнеет, и светает,
И ночь наступает.
Люд, работой утомленный,
И всё засыпает.
Лишь я плачу, как проклятый,
Дни и ночи сидя
На распутьях многолюдных.
И никто не видит
Слез моих! Ослепли, видно,
Не слышат — не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмеваются над богом,
В ярмо запрягают
Человека. Пашут горе,
Бедой засевают...
Что ж вырастет? Погодите,
Увидите всходы!
Опомнитесь вы, нелюди,
Жалкие юроды!
Поглядите на рай тихий,
На мать Украину,

Полюбите чистым сердцем
И ее руины!
Сбросьте цепи, станьте снова
Братьями, а где-то
На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
Что на чужом поле.
В своем доме — своя правда
И сила и воля.

Другой нигде нет Украины,
Нигде другого нет Днепра;
А вы? Вы рветесь на чужбину
Искать великого добра,
Добра святого. Воли! Воли!
И братства братского. . . Нашли,
Несли, несли с чужого поля
И на Украйну принесли
Великих слов запас немалый —
И все тут. Вы кричите всем,
Что бог вас создал не затем,
Чтоб вы неправде поклонялись!
Чем были вы, тем и остались,
Всё гнетесь. С тех, кто слеп и нем,
Дерете с братьев-гречкосеев
Три шкуры. И опять скакать
Спешите к немцам поскорее
За правдою. Вот если б взять
И скарб свой вы могли с собою,
Добытый кражей с давних пор,
Тогда б остался сиротою
Днепр со святой семьею гор!

О, если б вы больше к нам не возвращались,
А сдохли, забившись в чужие углы!
Не плакали б дети, мать бы не рыдала,
Не слышали б вашей на бога хулы;
Дыханием воздух вы б не отравляли
В степях, что свободны, чисты и светлы,
И люди б не знали, что вы за орлы,
Они бы с презреньем на вас не кивали.

Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет:
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы,
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется,
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами.
Умойтесь! Образ божий
Грязью не поганьте!
Дурь в голову детям вашим
Вбивать перестаньте,
Что они — паны по крови:
Мужицкое око
Им заглянет прямо в душу
Глубоко! Глубоко!
Чья на вас надета шкура,
Дознаются люди, —
И немудрые премудрых
Навеки осудят!

Когда б учились вы как надо,
И мудрость бы была своя.
А то залезть на небо рады!
— И мы — не мы, и я — не я!
И все-то видел, все-то знаю,
И нет ни ада и ни рая,
И бога нет, есть только я
Да куций немец осторожный
И больше никого. . . — Добро же!
А кто ж ты сам?

— Пускай немец
Скажет; мы не знаем. —

Так-то учитесь вы, в чуждых
Странах разъезжая!
Немец скажет: — Вы монголы!
— Монголы! Монголы! —
Золотого Тамерлана
Внуки, только голы! —
Немец скажет: — Вы славяне!
— Славяне, славяне! —
Славных прадедов потомки,
Достойные брани!
Изучаете Коллара
Изо всей-то силы,
И Шафарика, и Ганка
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки
Славян изучили,
О своем же, о природном
Языке забыли.
— Будет время — и свой вспомним,
Коль немец укажет,
Да историю с начала
Нашу нам расскажет.
Тут-то мы распетушимся! —
И распетушились
По немецкому указу:
Так заговорили,
Что не понял даже немец,
Учитель великий,
Где уж тут понять народу!
А шуму, а крику!
— И гармония и сила!
Музыка — и полно!
А история! Поэма
Народности вольной!
Что там Рим? Какие Бруты?
Жалкое явление...
Те Коклеса, Бруты — мусор
С нашими в сравнении!
У нас воля вырастала,
Днепром умывалась,
Под голову горы стлала,
Степью укрывалась! —

Кровью она умывалась,
Спать ложилась плача
На обкраденные трупы,
На тела казачьи!
Еще раз пересмотрите,
Прочитайте снова
Книгу славы. Да читайте
От слова до слова;
Всё проверьте: и все титлы
И все запятые,
И тогда себя спросите:
— Кто же мы такие?
Чьи мы дети? Кем? За что мы
Закованы в путы? ..
И увидите, какая
Цена вашим Брутам:
Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны —
И гетманы и атаманы!
Так чем же чванитесь вы!
Сыны сердечной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!
Не чваньтесь: с вас дерут ремень,
Ну, а из них и жир топили.

Иль гордитесь, что казаки
Веру защитили?
Что в Синопе, в Трапезунде
Галушки варили?
Правда, вам лишь не досталось
Ни капли, ни крошки,
А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку
И вам продает. Берите,
Ешьте на здоровье,
Прославляйте Запорожье!
А чьей жаркой кровью
Та земля была полита,
Что картошку рóдит, —
Все равно вам, лишь бы овощ
Росла в огороде!

А хв́алитеь, что когда-то
Польшу повалили!
Правда ваша: пала Польша
И вас раздавила!
Так вот как кровь пришлось отцам
Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И кандалы свои и славу!

Доборолась Украина . . .
И за что страдает:
Хуже ляха свои дети
Ее распинают.
Вместо пива праведную
Кровь из ребер точат;
Просветить хотят сыночки
У матери очи
Современными огнями,
Чтобы шла за веком,
Шла за немцами слепая,
Бедная калека.
Что ж, ведите, укажите
Путь! А мать родная
Пусть прозреет, сыновей тех
Новых узнавая.
Укажите! И не бойтесь, —
Наградит вас честно
За науку мать родная:
Слепота исчезнет
В глазах ваших ненасытных;
Увидите славу,
Вживе славу ваших дедов
И отцов лукавых. . .
Так не лгите ж себе сами!
Учитесь, читайте —
И чужому научайтесь
И свое познайте.
Кто про мать свою забудет,
Того бог карает,
Того собственные дети
В хату не пускают,

И чужие прогоняют,
Не найдется злomu
На всей земле бесконечной
Ни ласки, ни дома.
Тяжело мне, только вспомню
Печальные были
Дедов наших. Что мне сделать,
Чтоб о них забыл я?
Я бы отдал за забвенье
Жизни половину.
Такова-то наша слава,
Слава Украины.
И вы также прочитайте,
Чтоб неспящим снились
Все неправды, чтоб могилы —
Курганы раскрылись
Перед вашими глазами,
Чтоб вы расспросили
Мучеников: где, какого
И за что убили?
Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные, —
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!
Всех детей своих обнимет
Сильными руками
И деточек поцелует
Вольными устами,
И забудется позора
Давняя година,
Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный, невечерний
Тихо засияет.
Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

*14 декабря 1845
Вьюница*

ХОЛОДНЫЙ ЯР

Каждому свои напасти,
Да и мне нет счастья,
Хоть не свои, а пришлые,
Но все же напасти.
К чему, скажем, вспоминать бы
Что давно минуло,
Будить старое, бывшее!
Ладно, что заснуло...
Взять хоть этот Яр. Ведь ныне
К дикому оврагу
Даже тропки не осталось;
Кажется, и шагу
Там никто вовек не делал,
А вспомнишь — путь старый
От монастыря Мотриного
Вел к страшному Яру...
В Яру этом гайдамаки
Лагерем стояли,
Самопалы проверяли,
Копья заостряли.
Шли туда по всем дорогам,
Будто с креста сняты,
Отец с сыном и брат с братом
Для страшной расплаты,
Чтобы сгинул лях жестокий
От того удара.

Где же ты, ведущий к Яру
Путь широкий, старый?

Сам зарос ты лесом темным
Или засадили
Палачи другие, чтобы
Люди не ходили
За советом, что им делать
С добрыми панами,
Людоедами лихими,
С новыми врагами?
Вам не скрыть пути! Над Яром
Зализняк витает
И на Умань взор бросает,
Гонту поджидает!
Вы не прячьте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобным
Николу-Нерона!
Вы святой войны царевой
Не кичитесь славой —
Ведь вы сами не знаете
Царских дел кровавых,
А кричите, что кладете
И душу и шкуру
За отечество... Ей-богу,
Овечья натура!
Дурень шею подставляет,
Сам за что не зная,
Да еще бесчестит Гонту —
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории!»
Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
Не раскует народ темный,
Что вами обманут
И закован; не зарежет
Лукавого сына;
Не отдаст живое сердце
За мать Украину!
Нет! Вы сами разбойники,
Хищные вороны!

По какому правдивому,
Святому закону
И народом замученным
И землей, всем данной,
Торгуете? Берегитесь:
Грянет долгожданный
Грозный суд!.. Детей дурачьте,
Темный люд убогий,
Самим себе, чужим лгите,
Но не лгите богу!
Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Запылает снова пламя
Холодного Яра!

17 декабря 1845
Вьюница

ДАВИДОВЫ ПСАЛМЫ

1

Блажен тот муж, что не ходит
На совет лукавых,
И не встанет на путь злого,
Не сядет с неправым.
Лишь господнему закону
Он послушен волей,
Лишь ему внимает сердцем.
Как на добром поле,
Над студеною водою
Древо расцветает
Плодоносное, — так честный
В доброте мужает.
А лукавых, нечестивых
И след пропадает, —
Их, как пепел над землею,
Ветер развеивает.
Не подняться с праведными
Злым из домовины;
Дела добрых обновятся,
Дела злых сгинут.

12

Боже милый, неужели
Навек забываешь?
Отвращаешь лицо свое,
Меня покидаешь?

Долго ль буду мучить сердце
И душой терзаться?
Долго ль будет враг мой лютый
Злобно насмехаться
Надо мною!.. Спаси, боже,
Укрепи мне силы.
Да не скажет хитрый враг мой:
— Я его осилил! —
Да не посмеются злые
Над попавшим в руки,
В руки вражки! Избавь, боже,
От жестокой муки!
Защити! Я помолюся
И восславлю снова
Твои блага чистым сердцем ---
Псалмом тихим, новым.

43

Боже, нашими ушами
Слышим твою славу.
Нам рассказывают деды
О годах кровавых,
Тех годах, когда своею
Твердою рукою
Развязал ты наши руки
И покрыл землю
Вражки трупы. И господню
Силу восхвалили
Все народы и в покое
И в добре почили,
Славя господя... А ныне!..
Покрываешь снова
Свой народ стыдом и срамом, —
Враг нагрязнул новый:
Нас крадут и пожирают,
Как овец!.. Без платы,
Ни за что ты отдал, боже,
Нас врагам проклятым.
Отдал нас на поруганье
И на смех соседям, —

Отдал словно для примера
Неразумным людям.
И, смеясь, они кивают
На нас головами,
Каждый день встает укором
Стыд наш перед нами.
Ограблены, замучены,
В цепях умираем.
Не молимся чужим богам ---
Тебя умоляем:
Помоги, избави, боже,
Нас от поруганья!
Ты одну развеял силу,
Но пришла другая,
Злее первой! . . . Встань же, боже,
Долго ль спать ты будешь,
Отвернув лицо, не видя,
Как страдают люди?
Угнетена душа наша —
Тяжко жить в оковах!
Встань, господи, — да восстанем
На тирана снова.

Обезумевшие сердцем
Бога отрицают,
В беззаконии мерзеют,
Блага не свершают.
А господь все ищет в мире
Взыскующих бога.
Нет нигде творящих блага,
А злодеев много!
Скоро ль их, грехом насытых,
Правда напитает?
Нас едят, как хлеб, а бога
И не вспоминают.
Всюду страх. А там, где людям
Нечего страшиться,
Человек в своем лукавстве
Сам себя боится.

Кто же нам пошлет спасенье,
Даст благую долю?
Скоро ль бог вернет нам волю,
Разобьет неволю?
Мы тебя восславим, боже,
И восхвалим всяко,
Возрадуется Израиль
И святой Иаков.

58

Боже, рассуди, помилуй,
Весь в твоей я воле,
Господи, молю, внуши им
Уст моих глаголы.
Злые, сильные, чужие
Душу мне терзают,
Не зрят бога над собою,
Что творят — не знают.
И господь мне помогает,
Меня защищает,
Чистой правдою своею
Зло их разрушает.
Помолюся я господу
В сердце одиноком
И взгляну на злых, жестоких
Добрым моим оком...

81

Меж царями-судиями
Правил суд великий
Над владыками земными
Небесный владыка.
— Доколь, в стяжательстве коснея,
Вам кровь невинных проливать,
Кровь бедняков? А богатеям
Судом лукавым помогать?
Вдове убогой помогите,
Не осудите сироты

И, выведя из тесноты
На волю тихих, охраните
От рук насытых! — Не хотят
Познать, разрушить тьму неволи, —
И всеу господа глаголы,
И всеу плачется земля.
Царь и раб — одно и то же:
Все равны пред богом,
Все умрете с вашим князем
И рабом убогим!
Встань же, боже, суди землю
И судей лукавых!
На всем свете твоя правда,
И воля, и слава!

93

Господь бог лихих карает,
Душа моя знает:
Встань же, боже, — твою славу
Гордый попирает.
Вознесись же над землею
Высоко, высоко,
Ослепи своею славой
Надменное око.
Долго ль, господи, лукавым
Ложью жить? Доколе
Хвастаться грехом? Народ твой
В темноте, в неволе
Заковали. . . Мир твой, боже,
Кровью затопили,
Зарезали прохожего,
Вдову задавили
И сказали: — Бог не видит,
Ниже знает это! —
Образумьтесь вы, безумцы:
Он владыка света.
Он и сердце ваше знает
И ваш ум лукавый,
Удивляйтесь же сиянью
Его вечной славы!

Благо тому, кого господь
Карает меж нами
И не ждет, когда злодеям
Выроется яма.
Наш господь народ свой любит,
Любит, не оставит,
Ждет, пока святая правда
Пред нами не встанет.
Кто бы спас меня от лютых
И деющих злая?
Если бы не он, не бог наш,
То душа б живая
Во тьме ада потонула,
Проклятая светом.
Ты мне, боже, помогаешь
Ходить в мире этом.
Успокаиваешь душу,
Сердце мне врачуешь;
И пребудет твоя воля
И твой труд не все.
И в тот час, когда злодеи
Праведных осудят,
Мне господь мой пристанищем
И покровом будет.
И воздаст им по делам их,
Кровавым, лукавым,
И погубит их, и слава
Станет им не в славу.

132

Есть ли что-нибудь на свете
Радостнее братства,
Наслаждения плодами
Общего богатства?
Яко с головы склоненной
Мирро пресвятое
На бороду Аарона
Упадет росой,
И на ризы дорогие
Шитье золотое;

Или капли рос ермонских,
Землю орошая,
Склоны гор святых сионских
Напоят, свершая
Благо тварям земнородным
И земле и людям, —
Так своих блаженных братьев
Господь не забудет,
Воцарится в доме тихом
И в семье великой,
Наградит их доброй волей
Небесный владыка.

136

На реках вокруг Вавилона,
Под вербами в поле,
Сидели мы и плакали
В далекой неволе.
Мы на вербах повесили
Органы глухие,
И над нами издевались
Едомляне злые:
— Спойте песню вашу, может
Мы тоже заплачем.
Или нашу запевайте,
Невольники наши! —
Что ж нам петь? Какое пенье. . .
Средь чужого поля?
Не поются веселые
В далекой неволе.
Если я тебя забуду,
Иерусалиме, —
Пусть умру, забвен навеки,
Рабом на чужбине!
Онемее и отсохнет
Мой язык лукавый,
Если вспоминать не буду
Тебя, наша слава.
И господь наш вас помянет,
Едомские дети.

Как кричали вы в Сионе:
— Жгите его, бейте! —
Смерть, проклятье окаянной
Дщери Вавилона!
Тот блажен, кто ей заплатит
За все наши стоны!
Также тот блажен, кто злую
В радости застанет
И разобьет детей ее
О холодный камень.

149

Снова господа восхвалим;
Слово новой славы
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
Во псалтыри и тимпане
Господа восславим,
Яко он крушит неправых,
Помогает правым.
Сонмы праведных во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
Хвалят имя божье.
В их руках мечи стальные,
Остры обоюду,
На отмщение языкам
И в науку людям.
Окуют царей насытых
Крепкими цепями,
Им — прославленным — их руки
Стянут кандалами.
И осудят губителей
Судом своим правым,
И вовеки будет слава,
Преподобным слава.

*19 декабря 1845
Вьюница*

МАЛЕНЬКОЙ МАРЬЯНЕ

Расти, расти, моя пташка,
Мой мак нераскрытый,
Расцветай, цветы, покуда
Сердце не разбито,
Пока люди не добрались
До тихой долины:
Доберутся — насмеются,
Иссушат да кинут.
И ни годы молодые,
Что красой повиты,
Ни карие твои очи,
Что слезой омыты,
Ни девичье твое сердце
Кротостью глубокой
Не разжалобят, не тронут
Несытого ока!
Люди сыщут и погубят
И тебя, родная,
Кинут в омут... и погибнешь,
Бога проклиная.
Не цветы ж, цветок мой вешний,
Вешний, нераскрытый!
Увядай скорей, покуда
Сердце не разбито.

*20 декабря 1845
Вьюница*

* * *

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит.
И все заснуло, и не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Или по свету так влачусь,
Ведь уж не плачу, не смеюсь. . .

Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую, злую!
Но не дай спать ходячему --
Спать не просыпаться
И гнилою колодою
По свету валяться.
А дай жить мне, жить всем сердцем,
Чтоб людей любило,
А не дашь. . . так — злости, чтобы
Мир испепелила!
Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,

Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить! . .
Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую! злую!

21 декабря 1845
Вьюница

ТРИ ГОДА

Приходит день и прочь уходит,
А года стрелою
Пролетают, забирают
Доброе с собою,
Добрые уносят думы,
Сердце разбивают
О холодный, острый камень,
Аминь распевают,
Аминь всему веселому
Отныне до века
И бросают на распутье
Слепого калеку.
Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.
Бедное опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
Разожгли все злое.
Высушили дымом слезы —
Литься перестали,
Что дорогою московской
С Катрей проливали;
Что молились с казаками
В турецкой неволе;
И звезду мою, Оксану,
Счастливую долю,

Что ни день, то умывали. . .
Пока не подкрались
Злые годы — да все это
Сразу не украли.
Горько, тяжело утратить
Родителей милых,
Жаль супругу молодую
Опускать в могилу,
Тяжело растить, лелеять,
Братья мои, братья,
Малых деток неумытых
В нетопленной хате!
Тяжело. . . Но тяжелее
Глупому такому,
Что женой обзаведется,
А она другому
За три гроша продается
Да еще смеется.
Вот где горе! Вот где сердце
Тотчас разорвется!
Вот такое злое лихо
И со мною было:
Сердце людям доверяло
И людей любило.
И они его встречали,
Хвалили, ласкали,
А года тихонько крались,
Слезы осушали,
Слезы искреннего сердца.
И прозрели очи
У меня тогда. . . Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые! . .
И высохли мои слезы,
Слезы молодые.
И сердце разбитое
Ядом я врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.
Так-то, люди. Поступайте
Как вы там хотите:

Или громко осуждайте,
Иль тайно хвалите
Мои думы — будь что будет, ---
Не вернутся снова
Годы мои молодые,
Веселое слово
Не вернется! . . И я сердцем
К вам не возвращуся.
И не знаю, где я буду
И где я приткнуся,
Кто поговорит со мною,
Кого успокою,
Перед кем родные думы,
Не боясь, открою?
Думы мои! Годы мои,
Три тяжелых года!
Кто ж детей моих пригреет
В злую непогоду?
Не ищите где погреться,
Спите дома, дети. . .
Я ж собрался встретить новый,
Год четвертый встретить.
Здравствуй, в свитке прошлогодней
Новый год! Четвертый!
Что несешь ты Украине
В котомке потертой?
«Благоденствие», что бедным
С манифестом снится, —
Ну что ж, иди, да не забудь
Нужде поклониться.

*22 декабря 1845
Вьюница*

И свить ясный, неверный
Много засияе...
Объимуться яны, братья мои,
Мошо ваях, блягаю...

1845, дек. 14.

Въ со нтые.

Зависание.

Ахъ упу, то поховайте
Мене на поганей
Середь стену широкого,
На Украини нилли,-
Щобъ мана широкопомы,
И Днипро, и кружи,
Было выдно, было гуде,
Ахъ реве ребури,
Ахъ понесе въ Украини
Учинсе море
Кровь ворогу: - оттогу и
И стени и горы,
Все поканы и полкы
До самого Бога
Моштыся... а до мене,
А не знаю Бога.
Поховайте, моу вставайте,

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру — похороните
Вы меня в могиле
На кургане, над простором
Украины милой,
Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр и кручи
Было видно, было слышно,
Как ревет ревучий.

Как помчит он с Украины
Прямо в сине море
Кровь всех врагов, тогда я
И поля и горы —
Все покину, в небо ринусь
К божьему порогу
Помолиться. А до тех пор
Я не знаю бога.

Схоронив меня, вставайте,
Цепи разорвите,
И злодейской вражьей кровью
Волю окропите,
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, помяните
Незлым, тихим словом.

*25 декабря 1845
Переяслав*

ЛИЛЕЯ

— За что меня, как росла я,
Люди не любили?
За что меня, как выросла,
Бедную, убили?
За что они теперь меня
В дворцах привечают,
Царевною называют,
Очей не спускают
С красоты моей? Дивятся,
Меня ублажают!
Брат мой, цвет мой королевский,
Ответь, умоляю!
— Я, сестра моя, не знаю, —
И, сестру жалея,
Королевский цвет склонился,
Ярко розовея,
К белому поникшему
Личику лилея
И заплакала лилея
Росою-слезою...
Заплакала и сказала:
— Братец мой! С тобою
Мы давно друг друга любим,
А я не сказала,
Как была я человеком,
Сколько я страдала...
Мать моя... О чем она,
О чем так скорбела,
На меня, на свою дочку,

Смотрела, смотрела
И плакала... Я не знаю,
Мой любимый братец,
Кто принес ей столько горя?
Я была дитятей,
Я играла, забавлялась,
А она все вяла
Да нашего злого пана
Кляла-проклинала.
И умерла. А меня пан
Воспитал проклятый.
Я росла и подрастала
В хоромах, в палатах.
И не знала, что я дочка,
Дочь его — родная.
Пан уехал в край далекий,
Меня покидая.
И прокляли его люди,
Хоромы спалили,
А меня — за что, не знаю —
Убить — не убили,
Только длинные мне косы
Остригли; накрыли
Меня, стриженую, тряпкой,
Еще и смеялись.
Шинкари же нечестивцы
На меня плевали.
Так-то вот на свете, брат мой,
Со мной поступали;
Молодого, короткого
Мне дожить не дали
Люди веку. Умерла я
Зимою под тыном,
А весною расцвела я
Цветком при долине —
Цветком белым, как снег белым!
Лес развеселила.
Зимою люди... боже мой!
В хату не пустили.
А весною, словно диву,
Мне они дивились:
Я девушек украшала,

И для них я стала
Лилеею-снегоцветом;
И я расцветала
И по рощам, и в теплицах,
И по светлым залам.
Скажи ты мне, милый братец,
Королевский цветик,
Зачем меня бог поставил
Цветком на сем свете?
Чтоб людей я веселила,
Тех, что погубили
И меня и мать? . . . Всещедрый,
Святой боже милый! . . . —
И заплакала лилея,
И, ее жалея,
Королевский цвет склонился,
Ярко розовея,
К белому поникшему
Личику лилеи.

25 июля 1846, Киев —

6 марта 1858, Нижний-Новгород

РУСАЛКА

Родила меня родная
В палатах красивых
И сошла со мною ночью
Вниз к Днепру с обрыва.
И в Днепре она купала
Меня темной ночью,
Говорила: — По теченью
Плыви, моя дочка,
Да выплывай русалкою.
Завтра, среди ночи,
Я выведу гулять пана,
Ты и защекочешь
Того пана, моя радость:
Пускай не смеется
Надо мною, молодою.
Пускай пьет-упьется
Не моими кровь-слезами —
Синею водою
Днепровскою... Пусть гуляет
С дочкою, с тобою.
Плыви ж, моя родимая.
Моей дочки малой
Не обидьте, волны! волны! —
Да и зарыдала,
Убежала. А я плыла,
Гонима волною,
Пока сестры не встретили,
Не взяли с собою. . .

Уж неделя, как расту я,
С сестрами гуляю.
В час полуночный из дому
Отца поджидаю.
А быть может, как бывало
Под тем грешным кровом,
С паном слюбится-пирует
Мать родная снова? . . . —
Тут умолкла русалочка
И в Днепре плеснулась,
Как плотичка. Только ветка
Тихо покачнулась.

Что-то матери в богатых
Не спится палатах:
Пана Яна нету дома.
Тоскою объята —
Вышла, подошла к обрыву,
Вспомнила тут дочку,
Как купала, не молчала,
Дитя поучала.
Ну, да что об этом думать!
Что прошло, то сплыло.
И пошла к себе в палаты,
Да не тут-то было!
Не опомнилась — догнали
Ее водяницы,
Да как начали, как стали
С ней играть-возиться.
Радешеньки, что поймали, —
Вот была потеха!
Под конец швырнули в невод. . .
Что тут было смеха!
Одной только русалочке
Было не до смеха.

*9 августа 1846, Кизв —
6 марта 1858, Нижний-Новгород*

ВЕДЬМА

Поэма

Молюсь и снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тяжкую свою
Безмолвным стенам отдаю.
    Отзовитесь мне, немые,
    Заплачьте со мною
    Над неправдою людскою,
    Над невзгодой злою.
    Отзовитесь! А за вами,
    Может, отзовется
    Жизнь несчастная, глухая
    И нам усмехнется.
    И с несчастьем примирится
    И с людьми, и скажет
    Нам спасибо, и с молитвой
    Спать спокойно ляжет.
И примиренному приснится
Людская мирная любовь
И доброта. И, встав с денницей,
Веселый, он забудет вновь
Свои несчастья. И в неволе
Узнает рай, узнает волю
И всетворящую любовь.

В канун осеннего Николы,
Ободраны, едва не голы,

Бендерским шляхом в час ночной
Цыгане шли большой толпой
И, вольные, конечно, пели.
Всё шли, всё шли и захотели
Передохнуть. Разбив шатры,
Раздули жаркие костры
И у огня на отдых сели —
Кто с шашлыком, а кто и так...
Зато он — вольный как казак
Былой. Сидят. Костер пылает,
Вдруг слышат: кто-то напевает,
Какой-то хриплый голосок, —
Похоже — пьяной молодежи:

«Ой ты, ночка, ночка,
Спят и мать и дочка,
Молодой приснилось:
Мать ее взбесилась,
Свекор-черт женился,
Отец утопился...
И... гу...»

Цыгане слушают, смеются:
— Откуда люди здесь возьмутся?..
А может, за Днестром поют,
Иль это призрак ходит тут?
Кричат, вскочили. И несмело
То существо, что песню пело,
К ним приближалось... Грусть и страх!
Под рваной свиткою дрожало
То существо. А на руках
И на ногах повыступала
От стужи кровь — и засыхала.
Коса, в репьях и колтуне,
О свитку билась на спине.
Бедняга подошла и села
К огню, и молча руки грела
Над жарким пламенем. — Ну, так!
Женился, стало быть, бедняк, —
Так про себя она шептала
И страшно, дико усмехалась...
Нет, то не призрак у костра,

То мать моя или сестра, —
То ведьма, если вы не знали!

Цыгане

Откуда же ты, молодница?

Ведьма

Кто, я?

(Поет.)

«Как была я молодичка,
Целовали меня в личко,
А как старой стала бабой,
Не целуют — была б рада».

Цыган

Певица, нечего сказать!
Себе такую бы достать,
Водить с медведем. . .

Ведьма

Напеваю,

Когда сижую, когда гуляю. . .
Все напеваю, напеваю,
Уж разучилась говорить,
А раньше ловко я болтала.

Цыган

Где ж ты была, что заплутала?

Ведьма

Кто, я? . . Иль ты? . .

(Шепчет.)

Тсс. . не шуми!

Глянь, глянь — со мною пан лежит.
Огонь погас, луна восходит,
В овраге ходит вурдалак. . .

(Усмехнувшись.)

На свадьбе я пила, гуляла.
Себя не слишком соблюдала. . .
А все проклятые паны
Творят с дивчатами такое. . .
Теперь пойду других женить, —

Там без меня — я беспокоюсь —
И в гроб не смогут положить.

Цыган

Постой, побудь, бедняга, с нами!
У нас, ей-богу, славно жить.

Ведьма

А дети есть у вас?

Цыган

Нет, нету.

Ведьма

Кого же вам поить-кормить?
Кого спать на ночь уложить?
Кого баюкать и беречь?
Кому помочь и встать и лечь?
Молиться за кого? Ох, дети!
И всё дети, и всё дети!
Куда бежать, куда мне деть их,
Куда ни глянь — они со мною,
Съедят еще, того гляди. . .

Цыгане

Не плачь, бедняга, погоди:
У нас детей нет и заводу.

Ведьма

Хоть с горы да в воду!

И ведьма глухо зарыдала.
Цыгане слушали устало,
Потом уснули где кто мог,
Она же не спала, сидела,
Не плакала и ноги грела
В горячем пепле. И стерег
Щербатый месяц над курганом
Шатры край ночных дорог,
Пока не скрылся за туманом.
Что не спится богатею,
Сытому, седому?

Что же старому не спится ---
Сироте худому?
Тот гадает, как бы это
Достроить палаты,
Этот — как собрать бы денег
На гроб небогатый.
Один — старый — в пышном склепе
Отмолен собором,
Другой — старый, — как пришлось,
Заснул под забором.
Ничего уж не желают
Оба — отдыхают.
Бедняка все позабыли,
Богача ругают.

А у костра старик цыган
Словам не внимает,
Дремлет с трубкой да на гостью
Сонный взгляд бросает.

Цыган

Легла бы лучше, отдохнула.
Денница всходит, погляди.

Ведьма

Да я видала, ты гляди!

Цыган

Уйдем мы рано, не проспийся, —
Тебя оставим!

Ведьма

Не просплюсь,
Я никогда уж не просплюсь,
Придет пора — умру в бурьяне
Я где-нибудь.

(Тихо поет.)

«Ой, дуброва, ой ты, берег
Тихого Дуная!
Я в дуброве погуляю,
В реке искупаюсь,

Да в густой зеленой тине
Отдохну в сторонке...
Еще, может, хоть калеку,
А рожу ребенка...»

Напрасно! Если б только жил он,
Он мать бы проклял в свой черед.
Вон, на кургане, у могилы,
Смотри, глаза таращит кот.
Кись-кись! А он, видать, боится:
Молчит бесенок, не идет!
А то б дала тебе напиток
Я свежей ключевой водицы.

(Поэт.)

«Вон кутья под образами,
А за печкой дети,
Наплодила, народила,
Да некуда деть их:
Утопить их, что ли?
Задушить их? То ли
Деток шинкарю продать
Да напиток вволю?»

Что, наши хорошо поют?
Присядь-ка ближе, друг, вот тут.
Вот так-то! Видно, ты не знаешь,
Что я в Валахии была?
Все расскажу тебе, что вспомню.
Детей в Бендерах родила
Да в белых Яссах их качала,
В Дунае синем искупала,
В Туретчине повила.
И домой их принесла
В самый Киев. Там уж, дома,
Без кадила, без кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила,
Упилась, упилась!
Пьяна и ныне!..
И никогда уж не просплюся,
Я бога больше не боюся
И больше не стыжусь людей.

Ох, если бы моих детей
Найти когда-нибудь! Не знаешь,
Идет в Туретчине война?

Цыган

Была когда-то, да прошла.
Старейший умер старшина.

Ведьма

А я думала — воюют,
Ан войны и нету.
Слушай дальше! Расскажу я,
Как ищу по свету
Наталочку, свою дочку,
Да сына Ивана.
Всё Наталочки не встречу
Да не встречу пана,
Того ирода, что, знаешь? . .
Помню — не забыла.
Как была я молодою,
Думой не томилась,
Я в саду плела веночек,
Красотой гордилась.
Тут меня он и увидел.
Мне ведь и не снилось,
Что была я крепостною;
А то б утопилась —
Легче было б. Посмотрел он,
Да и взял в покои
И остриг меня, как хлопца,
И в поход с собою
Захватил. Пришли в Бендеры,
И там мы стояли
С солдатами на квартирах,
А солдаты за Дунаем
Турка воевали.
Близнецов господь тогда-то
Подарил мне к спасу.
Барин тут меня и бросил,
Не зашел и в хату,
На детей своих не глянул,
Сатана проклятый!

И увел солдат. Одна я,
С детками плутая,
Возвращалась на Украину,
Дороги не зная.
Стриженная — что поделать! —
Спрашивала в селах
Путь на Киев. От насмешек
От людских веселых
Чуть было не утопилась,
Да жаль было кинуть
Бедных деток. Так да этак
Шла на Украину.
И пришла. Вздохнула легче.
Вечера дождалась,
Чтобы люди не видали,
Во тьме пробиралась.
Вот крадусь за тыном к хате,
Мимо темных окон, —
Видно, отца нету дома,
Либо спать уж лег он,
Мой батюшка одинокий.
И сама не знаю,
Как вошла я в хату. Стонет
Кто-то, помирает —
Это мой отец родимый!
И никто на свете
Не помолится над бедным.
Лукавые дети!
Вы — проклятые — в ответе.
Я перепугалась. . .
Хата пахла запусеньем. . .
Тут я прятать стала
Деток в клетки, возвратилась:
Отец еле дышит.
Я скорей к нему: — Родимый!
Родименький, слышишь,
Это я к тебе вернулась! —
За руки хватаю.
И тогда мне слабый голос
Прошептал: — Прощаю.
Все прощаю! — И как будто
Тут же я упала

И заснула. Если б можно,
Век бы свой проспала!
Но к полуночи очнулась.
В хате — как в могиле.
Мне отец сжимает руку.
— Что ты, что ты, милый? —
А уж он как лед холодный.
Я насили руку
Вырвала. Цыган, подумай —
Ты такую суку
Взял бы в дочери? Что скажешь?

Цыган

Ей-богу, не знаю.

Ведьма

Так молчи, не то забуду
Что сказать желаю.
Накормила я ребяток,
В сусек уложила.
Уже утром под очипок
Пакли я набила,
Чтоб не видно было стрижки,
Прибрала по дому.
А под окнами тесали
Гроб отцу седому,
Дотесали, положили,
Взяли, закопали,
И, как на поле былинка,
Я одна осталась
На сем свете. . . Были дети, —
И тех не осталось.

«Через яр ходила,
Да воду носила,
Каравай месила.
Дочку отдавала,
Сына оженила
И. . . гу. . .»

Цыган

Да не скули, ты всех разбудишь.

В е д ь м а

Разве скулю я, что с тобой?

Ц ы г а н

Ну, ладно. Что же дальше будет?
Рассказывай.

В е д ь м а

А за рассказ

Мне сварить завтра мамалыги?
Я кукурузы принесу.

Все припомнила! Все помню!
С дочкой спал проклятый...
Сыча отдал он в лакеи,
А меня из хаты
Выгнала мирская сходка.
Я собак дразнила:
Пела с нищими у окон,
А ребят носила
За спиной. Чтоб приучались.
Пан приехал вскоре,
С лаской кинулась к нему я,
Не судя за горе.
Сатана меня не выгнал,
И сына и дочку
Приласкал и взял в хоромы...
Там мои цветочки
И росли. Сынка Ивана
Он какой-то пани
Продал. Ну а дочь Наталью...
Что, твои цыгане
Все уснули?

Ц ы г а н

Все уснули.

В е д ь м а

Только б не слыхали
Слова страшного про дочку;
Да и ты от слова
Вздрогнешь, может, как услышишь...
Сколько было злого.

Наталочку! Дитя свое!
Ирод нечестивый! . .
Погубил он. . . А перед тем
Посылает в Киев
Меня, видишь, помолиться.
Сдуру я ходила
И молилась. Только бога,
Знать, не умолила.
Есть ли бог у вас, цыгане?
У нас его нету. . .
Господá его в шкатулку
Спрятали от света.

Как из Киева вернулась —
Заперты покои.
Пан с Наталочкой уехал,
Взял ее с собою, —
Дочку взял. Ты слышишь, старый?
Он остриг девчонку,
Как меня. И полетела
Я за ним вдогонку.
До Валахии добралась
И совой летаю
Над леском, над буераком,
Деточек скликаю.
Где Наталочка? . . Не слышит!
Отыщу я пана —
Разорву его! . . Примите
В табор свой, цыгане,
Я водить медведя стану,
А как встречу ката —
На него спущу медведя.
Вот тогда, проклятый! . .
Не медведя. Сама брошусь,
Загрызу! . . Иль, знаешь? —
Поженимся, мое сердце,
Чем не хороша я?
Ну, а сына я женила,
Дочка — так и будет.
Ползать стану я под тыном,
Найдут меня люди, —
Только мертвой. Посмотри-ка,

Там такой хороший
Мой сын Иван... Ух, холодно!
Одолжи мне грошик.
Монисто славное куплю,
Повешу на шею.
Ну, а сама пойду домой.
Смотри-ка скорее —
Вон в Киев мышь несет мышат.
Не донесешь, утопишь их,
Или пан отнимет.
Найду ли я моих деток
Иль без них погибну?

И замолкла — как уснула.
Поднялись цыгане;
Сняв шатры, пошли в дорогу
На заре на ранней.
Сразу двинулись. Шли степью.
А ведьма убога,
Бесталанна, встала молча
И как будто богу
Тихонечко помолилась
И заковыляла
Вслед за табором. И тихо,
Тихо напевала:

«Говорят, что суд мне будет,
А суда не будет,
Без суда уж осудили
Меня злые люди».

Из-за Днестра пошли цыгане
И на Волынь и на Украину.

Шли, селенья проходили,
В города входили
И приبلудную повсюду
За собой водили.
Она пела, танцевала,
Не пила, не ела...

Шла как смерть с цыганами,
Отстать не хотела.
Жить потом как будто сразу
Стала по-другому,
Стала пить и есть, молиться
Господу святому.
Помогла ей, видно, чем-то
Бабка Мариула.
Может, зельем напоила
И к жизни вернула.
После врачевать недуги
Ее обучала;
Где искать какие травы —
Все ей рассказала,
Как сушить их, как варить их. . .
Всему научила,
А — бедняга — слушала
И богу молилась.
И прошло уже два лета,
И третье настало.
Как пришли на Украину,
Вновь затосковала,
Поклонилась Мариуле
За науку в ноги,
Стала с табором прощаться,
Помолилась богу
И пошла путем знакомым
В сторону родную.
Говорит: взглянуть на деток —
Одного хочу я.
Да не вышло. Пан вернулся,
Оставил Наталью
В Московщине. А ты ее
За Днестром искала.
А Ивана молодого
В солдаты забрили:
Уважать господ, как видно,
Ты не научила.
Где приют себе отыщешь?
Ни души на свете! . . .
Поклонись хоть добрым людям,
Может, лаской встретят.

Пан, вернувшись, занедужил,
Умирает, бредит.
А она набрала зелья
И пошла в усадьбу.
Не проклясть его хотела,
Только помощь дать бы.
Не помогла болящему —
К нему не пустили. . .
Умер пан. Она за пана
Богу помолилась,
А потом дивчат учила:
Не любить, не знаясь
Ни с какими господами, —
Людей не чураться.
— Бог за это покарает,
Еще больше — люди;
Люди злы, несправедливы,
Своим судом судят. —
Так она их поучала,
Болящих лечила,
И с убогим последнею
Коркою делилась.
Люди умные, незлые
Ее уважали,
А все-таки покрыткою
И Ведьмою звали.

7 марта 1847, Седнев —

6 марта 1858, Нижний-Новгород

В КАЗЕМАТЕ

Моим союзникам посвящаю

* * *

Припомним, братия моя. . .
Чтоб той беде не возвратиться!
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы
И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?»
Нет, братья, ни в какие годы
Не встанем вместе над Днепром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем
Среди людей как люди. . .
А пока то будет,
Друг друга вы, друзья мои,
Украину любите,
За нее, несчастную,
Господа молитесь.
А его забудьте, други,
И не проклиняйте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте.

1847, Орская крепость

I

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле,
Позабыл меня бог,
Не дал счастья и воли.
Только дал мне красу,
Дал мне карие очи,
Но их слезы сожгли
В одинокие ночи.
Я не знала родных,
Я не знала участия,
Я росла средь чужих
И не ведала счастья!
Где же он, где дружок;
К чьей груди мне прижаться?
Никого... Я одна,
А дружка — не дожждаться!

1847, в каземате

II

Лес, овраг, буерак,
А там степь да могила.
И выходит казак
Из могилы унылый.
Он выходит в ночи,
В степь идет, идучи
Песню грустную тянет:
«Наносили земли
Да по хатам пошли, —
Нас никто не вспомянет;
Нас тут триста пришло,
В поле чистом легло!
Ни один и не встанет.
Гетман, славный наш пан,
В рабство сдал христиан.
Мы их гнали, как стадо.
Кровь в родимом краю
Мы разлили свою
И зарезали брата.
Пили кровь твою, брат,

И легли все подряд
Здесь в могиле проклятой».
Замолчал, унялся,
На копье оперся,
На кургане-могиле
Стал и Днепр озираю,
Тяжко плакаю, рыдал,
Волны выли, голосили.
Через Днепр из села
Эхо ночь донесла,
Петухи закричали,
Провалился казак,
Задрожал буерак,
А могила застонала.

1847, в каземате

III

Мне безразлично, жить я буду
На Украине или нет,
И вспомнит кто или забудет
Меня на дальней стороне, —
Все это безразлично мне.

В неволе вырос меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плачущий, умру,
И все с собою заберу, —
Бесследно, навсегда покину
Просторы славной Украины,
Своей и не своей земли.
И пусть отец не скажет сыну,
Припомнив обо мне: «Молись
О нем: ведь он за Украину
Замучен от нее вдали».

Мне безразлично это — будет
Тот сын молиться или нет...
Но то не безразлично мне,
Что Украину злые люди

Смирят лукавством. . . И в огне
Ее, ограбивши, разбудят. . .
Ох, как не безразлично мне!

1847, в каземате

IV

— Останься с матерью! — сказали,
А ты покинула, ушла.
Мать все искала — не нашла
Тебя, бедняга; перестала
Искать и умерла. Давно
Безлюдно там, где ты играла.
Собака — да и та сбежала,
И в хате выбито окно.
В заглохшем садике ягнята
Весь день пасутся. А в ночи
Колдуют совы и сычи,
Спать не дают соседним хатам.
И твой барвиночек крещатый,
Тебя к себе не залучив,
Среди бурьяна погибает,
Прудочек чистый высыхает,
Где некогда купалась ты.
И грустно клонятся кусты. . .
И птица в них не распевает.
Не ты ль ее с собой взяла?
В яру криница завалилась,
Засохла верба, покривилась;
И тропочка, где ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда ты сгнула, где скрылась?
В какой ты край переселилась?
В чужой семье чужой земли
Кого ты радуешь? К кому же
Твои объятья приросли?
Вешает сердце, что в хоромях
Живешь ты праздно, и не жаль
Тебе покинутого дома. . .
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила

И в тех палатах не нашла...
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.

1847, в каземате

▼

«Зачем ты ходишь на могилу? —
В тревоге мать ей говорила. —
Зачем напрасно горевать?
Зачем тебе ночей не спать,
Моей голубке сизокрылой?» —
«Так, мама, так!» И вновь ходила,
А мать в слезах ждала опять.

Не сон-трава на могиле
В ночи расцветает —
То дивчина, то невеста
Калину сажает,
И слезами поливает,
И господу просит,
Чтоб послал дожди ночами
И густые росы,
Чтоб калина принялася,
Распустила ветви.
«Может, пташкою вернется
Милый с того света.
Совью ему я гнездышко,
Прилечу и сяду
Вместе с милым на калине,
Защебечем рядом.
Будем плакать, изнывая,
Тихо напевая,
Вместе утром раным-рано
На тот свет летая».
И калина принялася,
Ветки распустила,
И три года на могилу
Дивчина ходила.
На четвертый... Не сон-трава
В ночи расцветает —
То невеста с калиною

Говорит — рыдает:
«Широкая, высокая,
Калина моя,
Не водою до рассвета
Поливанная!
Широкие реки-слезы
Тебя полили, —
Их славою лукавою
Люди доняли.
Обижают подруженьки
Подругу свою,
Обижают высокую
Калину мою.
Обвей мою головушку,
Росою умой
И ветками широкими
От солнца укрой!
Утром найдут меня люди,
Меня осмеют;
Широкие твои ветви
Дети оборвут».
Раным-рано при долине
Пташка щебетала,
Под калиною дивчина
Спала, не вставала;
Утомилась молодая,
Навек опочила. . .

Вставало солнце над могилой,
Все принимались за дела,
А мать уснуть и не пыталась,
Домой все дочку дождалась
И слезы тяжкие лила.

1847, в каземате

VI

Три широкие дороги
Пролегли куда-то. . .
С Украины на чужбину
Шли-ушли три брата.

Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Милую дивчину.
Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине. . .
А дивчина молодая —
Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.
Не уйдут назад три брата, —
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину. . .
А дивчину молодую
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

1847, в каземате

VII. П. КОСТОМАРОВУ

Златое солнышко скрывалось
В весенних облаках златых;
Гостей закованных своих
Злосчастным чаем угощала
И часовых тюрьма сменяла,
Синемундирных часовых.
Уже к засовам каземата,
К решетке на моем окне

Привык я малость, было мне
Не жаль пролившихся когда-то,
Вдаль унесенных без возврата
Моих кровавых тяжких слез,
А их немало пролилось
В бесплодном поле. Хоть бы мята, —
Ведь ни травинки не возшло!
И вспомнил я свое село. . .
Кого я там, когда покинул?
Отец и мать в могиле ныне. . .
И сердце скорбью запеклось.
Меня никто не пожалеет!
А что же с матерью твоею,
Мой брат, — как снятая с креста,
Идет она, земли чернее. . .
И бога я благодарю,
За то готов ему молиться,
Что я ни с кем не разделю
Моих оков, моей темницы. . .

1847, в каземате

VIII

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют,
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает;
Ворчала б мать, да вот беда-то —
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребятток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все. . . Олни дивчата
Да соловейко не затих.

1847, в каземате

IX

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя. . .
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменялось.
Только крайняя, пустая
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одиноко бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит. . .
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались,
И узорами, шелками
Платки вышивались.
Думал, будут жить в согласьи
Да господу славить,
А пришлось ему навеки
Надежды оставить,
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

1847, в каземате

X

В неволе тяжко, хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.

Но все же кое-как жилось
Хоть на чужом, а все ж на поле.
Теперь и этой — жалкой — доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее, и к ней взываю,
Свой глупый разум проклиная,
Что нас позволил с толку сбить,
Свободу в луже утопить.
Подумаю — и сердце стонет,
А вдруг не дома похоронят,
Не на Украине буду жить,
Людей и господу любить.

1847, в каземате

XI. КОСАРЬ

Над полями идет,
Не покосы кладет,
Не покосы кладет — горы.
Стонет суша, стонет море,
Стонет и ревет!

Над покосом в ночи
Пролетают сычи;
А косарь не отдыхает,
Никого не замечает —
Хоть и не проси.

Не моли, не проси,
Не наточит косы;
Город, пригород ли малый —
Словно бритвой бреет шалый,
Коси да коси:

Мужика, шинкаря,
Сироту кобзаря;
Припеваает старый, косит,
Мечет горами покосы,
Не минет царя.

И меня не минет:
На чужбине смахнет,
За решеткою задавит,
Креста никто не поставит,
И не вспомянет.

1847, в каземате

ХII

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли?
Пускай и так!.. Мать не родную
Пришлось нам уважать — чужую!
То — воля божья! Нужно ждать!
Смиряться и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,
Друг другу обещанье дать
Любить свою Украину... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать!

*30 мая 1847, в каземате —
18 марта 1858, Москва*

* * *

Не спится мне, а ночь — как море. . .
Душа и ум угнетены
Неволей. Для глухой стены
Рассказа не начнешь про горе
И про младенческие сны!
Ворочаюсь и жду рассвета,
А часовые у дверей
Толкуют о судьбе своей,
Припоминая то да это.

Первый

Такая баба — ой-ой-ой!
И меньше белой не дарила.
А барин бедненькой такой!
Меня-то, слышь ты, и накрыли,
Свезли в Калугу и забрали.
Так вот те случай-то какой!

Второй

А я. . . со страхом вспоминаю!
Ведь я в солдаты сам пошел.
Я девушку в селе нашел.
К ней зачастил. Соединяет
Нас мать-вдова, благословляет,
Но пан проклятый не дает:
Твердит — мала, пускай дождусь я.
Я ж знай хожу к своей Ганнусе.
Год кончился — я за свое:

Мы с матерью пошли с поклоном,
А он — все просьбы ни к чему,
Пятьсот рублей давай ему. . .
Не верит ни слезам, ни стонам:
Где ж взять-то столько! Занимать?
Никто не даст, хотя б и были. . .
Трудом пошел их добывать.
Где только ноги не носили! . .
Пока я деньги раздобыл,
Пожалуй, года два ходил
По Черноморью и по Дону. . .
Подарков разных закупил
Своей Ганнусе. . Возвращаюсь
В деревню к девушке в ночи, —
Лишь мать-старуха на печи,
И та, бедняга, умирает;
Хатенка жалкая гниет,
Огонь скорее зажигаю,
Смотрю — старуха умирает,
Она меня не узнает!
Я — за попом, бужу соседа. . .
Привел попа, да опоздал —
Мертва старуха. Нет и следа
Моей невесты. Но узнал
Я у соседа про Ганнусю:
— Ты разве до сих пор не слышал?
В Сибирь несчастная ушла.
Она ведь к паничу ходила,
Потом ребенка родила
И здесь в колодце утопила! —
Беда мне сердце обожгла. . .
Шатаясь, вышел я из хаты. . .
С ножом в господские палаты
Я шел, не чувствуя земли. . .
Но панича уж отвезли
Учиться в Киев. . . Вот как, друже!
Отец и мать мои всё тужат,
А я сюда пошел служить,
Хотел, со страхом вспоминаю,
Я дом господский подпалить
Иль самого себя убить,
Но бог помиловал. . . А, знаешь,

К нам панича перевели
Из армии, видать.

Первый

Так что же?

Ну вот, теперь и приколи!

Второй

Зачем? Господь забыть поможет:
Те дни давно уже прошли.

Солдаты долго говорили.
Я на рассвете стал дремать;
И тут мне паничи приснились
И не дали, злодеи, спать.

1847, в каземате

* * *

Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Вы меня хоть не покиньте
В эти годы злые.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
В этот край пустынный
Погулять среди киргизов,
Хоть они убоги,
Хоть и голы. . . Да на воле
Еще молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

1847, Орская крепость

КНЯЖНА

Поэма

Звезда моя вечерняя!
Взойди над горою —
Поговорим тихонечко
В неволе с тобою.
Расскажи, как за горою
Солнце догорает;
Как радуга днепровскую
Воду набирает;
Как высокий тополь ветви
Раскинул красиво. . .
А над самую водою
Наклонилась ива, —
На воду бросая тени
От ветвей зеленых,
А на ветвях баюкает
Детей некрещеных;
Как средь поля на кургане
Вурдалак ночует;
Как сычи кричат по лесу —
Недоброе чуют;
Как сон-трава по долинам
В ночи расцветает;
А про людей — ну их вовсе!
Кто же их не знает?
Я-то знаю! . . Звезда моя!
Ты мой друг единый!
Ведь кто знает, что творится
Там — на Украине. . .

Расскажу тебе что знаю,
Я и спать не стану,
А ты богу тихонечко
Скажешь утром рано.

Село! Пришел конец кручине...
Село на нашей Украине —
Пестрее крашенки село,
Зеленой рощей поросло;
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты
Как диво дивное; кругом
Кудрявых тополей вершины;
А там и лес, — леса, долины,
Холмы синеют за Днепром.
Сам бог витает над селом.

Село! Село! Веселье в хатах!
Веселье, издали, в палатах —
Чтоб вы бурьяном поросли!
Чтоб люди следу не нашли,
Чтоб не искали вас, проклятых!
И в это тихое село
На нашей славной Украине
Невесть откуда занесло
Когда-то князя, с ним — княгиню,
Людей не старых; им жилось
Привольно, мирно и богато:
На горке светлые палаты,
Пруд многоводный на лугу,
Зеленый сад на берегу,
    И тополя, и ивы,
    И мельниц ряд шумливый,
А там широкой полосой
Село тянулось над рекой.
Там шел бывало пир горой.
Бывало летом и зимою
Гром музыки, вино рекою:
Гостей без удержу поят...
А князь среди гостей гуляет,
Несмелым чаши наливает,

А то еще «виват» кричит.
Гуляет князь, гуляют паны.
Вот повалились на пол спьяну...
А завтра снова прежний вид,
Опять шумят, опять гуляют,
И так за днями дни мелькают.
По селам мужики кряхтят...
Приказный шлет молитву богу...
Гуляки знай себе кричат:
— И патриот и брат убогих!
Наш славный князь! Виват! Виват! —
А патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика, — и бог не знает...
А может, знает, да молчит.

Княгиня взаперти сидит.
Ее и в сени не пускает
Убогих брат. Себя вини:
Сама бежала, обвенчалась;
Отец и мать не отпускали:
— Зачем высоко забралась? —
Так нет, — за князя! Вот и князь!
Вот и гордись теперь, княгиня!

Погибнешь, милая, в пустыне,
Цветком подснежника весной
Засохнешь, радости не зная,
Жизнь проживешь, не понимая,
Как люди любят всей душой.
А жить так, господи, хотелось,
И любви отдаться,
Хоть годочек, хоть часочек
Миром любоваться!
Не пришлось — а все ведь было,
Мать для дочки милой
Ничего не пожалела,
Красой наделила, —
Хоть молись перед тобою
Как перед святою...
Краса моя молодая,
Горюшко с тобою!

Жить бы, жить да славить бога
Добрыми делами,
Чтобы люди любовались
Юными очами, —
Не придется! Очам карим
Назначена доля
В одиночестве зачахнуть...
Божья ль это воля?
Боже, боже! Волю, разум,
Красу посылаешь,
Сердце чистое, а сердцу
Жить не позволяешь!
Не даешь на рай веселый,
На мир бесконечный
Наглядеться, намолиться
И заснуть навечно.

Невесело на свете жить,
Коль сердцу некого любить.
Вот так и ей пришлось отныне,
Моей молоденькой княгине,
Красу и сердце засушить,
Напрасно гибнуть как в пустыне, —
Не страшно ль? А она молилась
И жить у господ просилась.
Казалось, есть кого любить:
Она уже дитя носила,
И тем гордилась и любила
Младенца. Дал ей бог дожить
До лучшей радости на свете:
Увидеть и поцеловать
Свою единственную дочь
И первый крик ее услышать.
Ох, дети! Дети! Дети!
Великая вы благодать!

Слезы высохли, пропали,
Солнце засияло,
И княгиня с дочуркою
Словно новой стала.
Словно вновь на свет родилась —
Пела, веселилась...

И княжне своей малютке
Рубашечки шила,
И малые рукавчики
Шелком вышивала,
И купала, и качала,
И сама кормила.
Ведь княгини — уж известно —
Лишь родить умеют,
А выкормить да вынянчить
И не порадеют,
А после стонут: — Ах, забудет
Меня мой Поль или Филат! —
За что ж тебя он помнить будет?
За то ль одно, что родила?
А моя свою дочурку
Сама воспитала,
А пьяного мужа-князя
И не подпускала.
Словно яблочко в садочке,
Дитя вырастало,
Лепетало понемногу.
И княгиня стала
Учить ее слову м а м а.
П а п а — не учила. . .
И разных книг с картинками
В Ромнах накупила,
Рассказами забавляла;
Стала дочь учиться
И азбуке по картинкам
И богу молиться.
Каждый день ее купала,
Спать пораньше клала,
Ни пылинке на малютку
Упасть не давала
И всю ноченьку над нею
Очей не смыкала,
Все глядела, любовалась
Княжною своею. . .
Уж о свадьбе стала думать,
Радовалась с нею
И плакала: вот и косы
Расплетут ей вскоре. . .

Да пьяного мужа-князя
Вспомнила на горе —
Вспомнила. . . И зарыдала,
И глаза закрыла.
А девушка словно знала,
Словно говорила:
— Не плачь, мама! Кос девичьих
Расплетать не надо:
Посекутся. . . — Дни за днями
Великую радость
Дочь-красавица приносит
Матери счастливой.
Словно тополь, вырастает
Всем людям на диво.
Вырастает. . . Да недолго
Мать повеселится:
Бог княгиню покарает,
Грозой разразится. . .
А за что? Чудно нам, людям,
Ведь люди не знают,
Зачем добро умирает,
А зло оживает.
Расхворалась княгиня,
И князь встrepенулся,
За бабами-знахарками
По селам метнулся.
    Наехали. Суетились.
    Лечили, лечили
    До тех пор, пока беднягу
    В гроб не положили.
И нет уже княгини кроткой,
И снова гусли что ни ночь.
Ее единственная дочь
Осталась на селе сироткой,
Как лист, слетевший с ветки прочь.
Полуголодная, босая,
Рубашку носит, не снимая,
На солнце жарится весь день,
И ест щавель, в песок играет,
С детьми полощется в воде. . .
Дружок, умойся! Мать родная
Взглянула б — не узнать бы ей

Свое дитя в толпе детей,
Сказала б: что с тобою стало...
Дружок, умойся, чтоб узнала
Единственную дочь свою...
И гóспода б благословляла
За добрую судьбу твою.
Умылась. Постарались люди,
Одели, в Киев, в институт
Отправили. А там что будет —
Посмотрим.

Гусли вновь ревут... .

Гуляет князь с гостями вместе,
В его палатах крик и песни.

А в селах голод, люди мрут... .

И стонет он, стонет по всей Украине.
Божья кара, голод; тысячами гибнут
Голодные люди. А скирды гниют.
А паны мякину купцам продают
Да молятся богу — так голоду рады, —
Чтоб хлеб хоть бы год еще не выросал, —
Тогда б и в Париже и всюду, где надо,
Наш брат-хуторянин себя показал!
И бог это знает? Ведь было бы диво —
И слышать, и видеть, и не покарать.
Да, видно, он слишком долготерпеливый... .

Проходят годы; люди гибнут;
Терзает голод Украину,
В селе у князя люди мрут,
И скирды у него гниют,
А он беспечно пьет, гуляет,
Купца-еврея поджидает;
Купца все нет... . Хлеба растут;

Крестьяне рады, бога просят... .

Как вдруг из Киева привозят

Княжну. Не солнце ли взошло

Над обворованным селом?

Черной бровью, карим оком

Мать напоминает;

Все вздыхает и тоскует, —

О чем же вздыхает?

Или, может быть, такую
Она уродилась?
Или, может, молодая
Сердцем полюбила
Кого-нибудь? Нет, не это. . .
Весело гуляла,
Как ласточка из гнездышка,
Весь свет озидала
Из Киева, пока дома
На нищие села
Не взглянула; с той минуты
Стала невеселой.

Сизокрылою голубкой
Село облетела;
У всех была, всех видела,
Все повеселело.
Тех словами обласкала,
Того напитала.
Каждый божий день ходила
В село. Помогала
Всем и каждому; сироты
У нее в покое
Толпились, и матерью
Своею святою
Ее звали, и все село
За нее молилось. . .
А меж тем в селе евреи
С казной появились.
Князь доволен, продает им
С мякиною жито,
На работу выгоняет
Людей недобитых.
Люди всё обмолотили
За один часочек
И всё как есть провеяли. . .
К той же самой ночи
Князь опять гостей сзывает,
И пьет, и гуляет
С ними в роще: нельзя дома —
Дочка засыпает.

Гремят, гудят, галдят буяны
Срамные песни; верещит
Визгливый хохот бабы пьяной.
— Гуляй! — хозяин им кричит, —
Покуда наша дочка спит.

А дочка взаперти сидит
В своей светелке одинокой
И смотрит: над горой высоко
Луна багряная горит,
Из тучи тихо выплывает,
И горы словно оживают;
Дубы в долину из лесов
Отходят, привидений тише,
И много филинов и сов
В ночь вылетает из-под крыши,
Лягушек крик со всех сторон. . .
Смотрите, очи, как светлеет,
Как полн огнями небосклон,
Как, восходя, луна алеет;
Смотрите же, пока вас греет;
А звезды отгоняют сон.

Низко голову склоняя,
У окна сидела
И до полночи печально
На звезды глядела
Княжна моя. . . Нагляделась,
Да и плакать стала. . .
Верно, сердце о невзгоде
Тихо прошептало?
Все равно уж! Поплакала
Малость, усмехнулась,
Помолилась и спать легла,
И тихо заснула.

А в парке влещку все лежало —
Бутылки, гости: где упало,
Там и легло. А сам стоял,
Стакан до капли допивал,
Допил. Идет не запинаясь
В покои. . . Гадина дрянная!

Куда же лезешь ты? Очнись!
Нет, не очнулся, вынимает
Ключи и двери отмыкает,
И лезет к дочери. . . Проснись,
Проснись же, чистая, проснись!
Убей гадюку — искушает!
Убей — и бог не покарает!
Как Ченчи, за кинжал возьмишь.
Отца зарезав, кардинала,
Она небес не испугалась.
Нет, не проснулась, крепко спит!
А бог хоть видит, да молчит,
Грехам великим попускает. . .
Все тихо. . . Время пролетает,
А после крик, а после гвалт
И плач слышали из палат, —
Слышали совы. . . После снова
Все стихло. . . В этот тихий час
Солома в клуне занялась,
Померкли звезды. Хоть бы слово,
Хоть голос бы отозвался.
Но паны в парке все храпели,
Сбежались люди и смотрели,
Как дым до неба поднялся. . .
Проснулись утром гости,
Видят — дело плохо;
Покинули они князя
Без слова и вздоха. . .
Так и мы его покинем,
Так и бог покинет.
Тебя только не покинет
Невзгода отныне,
Княжна моя, горемыка,
Поломанный цветик!
Грехов тяжких искупленье —
Удел твой на свете,
Грехов отчих. Доля, доля,
Лукавая доля!
Покинь ее хоть под старость,
Хоть на чужом поле,
На безлюдье. Не покинешь,
Повсюду нагонишь,

Не останешь до могилы,
Сама похоронишь.

Никто не видел и не слышал,
Куда она делась, —
Думали, что на пожаре
Бедняга сгорела.

Стоит село невесело,
Стены почернели
У палат. И князь хворает,
Не встает с постели.
Никто к нему не заглянет,
Не придет на помощь,
Без призора старый грешник
В проклятых хоромах.
Чуть пришли в себя крестьяне,
Бога умоляют,
Чтобы к ним княжна вернулась,
Откуда — не знают.
Но святая не вернется...
Куда ж она скрылась?
В древнем Киеве навеки
В черницы постриглась.
На свет родиться — жить, любить,
Сиять господней красотой,
Парить над грешными святою
И всякому добро творить,
А кончить вот чем: понапрасну
Себя в монастыре сгубить...

Скитаяся по Украине,
Забрел я как-то в Чигирин,
В тот монастырь, что за песками,
Среди болота, меж кустами
В уединении стоит.
Вот там-то мне и рассказала
Черница старая о том,
Как год тому назад пришла
В их монастырь из-за Днепра
Одна княжна. Заночевала —

И богу душу отдала.
— Она скончалась молодою
И хороша была собою,
От солнца жаркого смугла;
Да вот занемогла — лежала
Недолго, лишь недели две,
И все до крошки рассказала
Сестрице Ксении и мне
И умерла. Где не ходила!
В каких-то праведных местах...
А здесь, сердечная, почила...
Вон в стороне ее могила...
Еще не ставили креста.

*1847, Орская крепость —
24 февраля 1858, Нижний-Новгород*

NN.

Солнце заходит, горы чернеют,
Пташки стихают, поле немеет;
Отдых приходит — люди довольны.
А я лишь гляну... и сердцу больно,
И на Украину стремлюсь неволью,
Думаю думу, вдаль улетаю,
И словно сердцем я отдыхаю.
Поле чернеет, и лес, и горы,
Звезда восходит в синих просторах.
Звезда святая! Лью слезы тайно.
Уже вошла ль ты и на Украине?
Карие очи тебя нашли ли
В просторе синем? Иль позабыли?
Если забыли — лучше бы спали,
Про мою долюшку и не слышали.

1847, Орская крепость

NN

Тогда мне лет тринадцать было.
 За выгоном я пас ягнят.
 И то ли солнце так светило,
 А может, просто был я рад
 Невесть чему. Все походило
 На рай небесный. . .
 Уже давно на полдник звали,
 А я в бурьяне, в тишине,
 Молился богу, и едва ли
 Хоть раз еще на свете мне
 Так сладко, радостно молилось,
 Так сердце весело цвело,
 Казалось, небо и село
 И даже стадо веселилось,
 И солнце грело — не пекло!

Да недолго солнце в небе
 Ласковое было:
 Поднялось, побагровело,
 Этот рай спалило.
 Осмотрелся как спросонок:
 Село почернело,
 Божье небо голубое,
 И то потемнело.
 На ягнят я оглянулся —
 Не мои ягнята!
 Оглянулся я на хату —
 Нет у меня хаты!

Ничего господь мне не дал! ..
Горький и убогий,
Я заплакал! .. А дивчина
Рядом у дороги
Посконь дергала, родная.
Она услышала,
Увидала, что я плачу,
Пришла, приласкала,
Слезы вытерла ребенку
И поцеловала.
И словно солнце засияло,
И словно все на свете стало
Моим. . . дуброва, поле, сад! ..
И мы, шутя, смеясь, погнали
На водопой чужих ягнят.

Пустяк! А вспомню, и сегодня
Тоска наполнит грудь мою, —
Ведь не пришлось в таком раю
Мне жить по милости господней.
Пахал бы я родное поле,
Не слыл юродивым, своей
Не знал бы горемычной доли,
Не проклял бога и людей! ..

1847, Орская крепость

* * *

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.
Мне было очень тяжело
И там — на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
Блуждал тихонечко, молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
Глухие, давние лета:
Тогда повесили Христа,
Его бы и теперь казнили!
Теперь мне счастья нет нигде,
А может, счастья и не будет
И на Украине нашей, люди,
Как на чужбине! Как везде!
Но мне хотелось бы другого,
Чтоб люди сделать не могли
Мне гроб из дерева чужого. . .
Чтобы хоть горсточку земли
Ко мне из-за Днепра святого
Святые ветры принесли,
И это все. Вот так-то, люди,
Хотелось бы. . . Да что гадать. . .
Зачем и бога утруждать,
Когда по-нашему не будет!

1847, Орская крепость

СОН

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые,
В дымке, издалика —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана,
Вы виднеетесь как тучи
За Днепром туманным.

Иду я тихо над рекою,
Любуюсь — вот передо мною
Как будто призраки всплывают:
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак,
Наш Днепр, среди полей сверкает.
А дальше, дальше за Днепром,
Часовней маленькой маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.
Все стоит и ожидает
Запорожца с Луга. . .
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу.
И тускнеют окна храма;

Так мертвец упрямо
Даль степную озирает
Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Твои люди ограблены,
А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы? !.

И Трахтемиров под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
Как нищий пьяненький куски.
Монастырище — вон, когда-то
Казацье старое село.
А так ли было, так ли шло? . .
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства:
Все осквернили, разнесли! . .
А вы, вы, горы, не спасли! !.
Дай бог вовек не любоваться
На вас. Проклятые! . . Нет, нет. . .
Не вам проклятье! . . Окаянным
Магнатам и панам поганым! . .
Простите же, простите мне,
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь. . .
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляню святого бога
И душу за нее сгублю!

Над Трахтемировом высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына.
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом.

Старик столетний возле хаты
Сидит, а солнышко к закату
Уже склонилось над Днепром.
Сидит старик, и зреют думы,
И слезы капают. — Ай, ай! —
Промолвил старый. — Недоумы!
Испакостили божий рай! . .
    Гетманщина!! — И старое
    Сердце загрустило. . .
    Может, чем-то тяжким-тяжким
    Вылиться просилось?
    И не вылилось. . .
— Блуждал я по свету немало,
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
    Ей же богу, жить привольней,
    Чем нам на Украине.
    Может, потому — киргизы
    Всё не христиане? . .
    Зла принес Христос немало,
    А переиначил
    Людей божьих? Ведь катились
    Глупые казачьи
    Наши головы за правду,
    За веру Христову,
    Упивались и своею
    И чужою кровью! . .
    Стали лучше разве? Где там!
    Куда хуже стали.
    Без ножа и аутодафе
    Людей заковали
    И терзают. . . Ой, ой, паны,
    Паны христиане! . . —
Затих мой старый, убит тоскою,
Поник седою буй-головою.
Под вечер солнце лес золотило,
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы в лучах сияет,
Курган Богданов, грустя, мечтает;
Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трех Братьев склонились ивы,

Трубайло с Альтой между речною
Слились осокой, как брат с сестрою,
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хочет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;
Выступает ясный месяц
С сестрою-звездою;
Веселея и яснея,
Тучи расступились,
А старик на небо глянул,
Слезы покатались. . .
— Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко!
Что вложил ты в сердце силу
Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
Одинокю поселиться
И тебе молиться,
И твоею красотою
Сердцу веселиться,
И, прибитое грехами
Тяжкими, людскими,
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними. . . —
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
И припомнил, старый, годы
Давние, благие. . .

Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что приснилось?
Моря какие повидал?
Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,
И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
Святого бога восхвалял;

И это все на Украине! ..
И усмехнулся старый дед. . .
Знать, некуда ту правду деть,
Что справить свадьбу собирались,
Да разошлись, не повенчались. . .
Ушла, и он на склоне лет
Один и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;
Ходил в раздумьи до заката,
Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне, боже, приютиться
В старости глубокой
На тех кручах ограбленных
В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На днепровы горы.

1847, Орская крепость

ПРЖАВЕЦ

Было время, добывали
Себе шведы славу,
Убегали с Мазепою
За Днестр из Полтавы,
А за ними Гордненко...
Раньше бы учиться,
Как повыкосить пшеницу,
К Полтаве пробиться.
Выкосили б, если б дружны
Меж собою были,
Да с фастовским полковником
Гетмана сдружили, —
У Петра тогда б у свата
Копий не забыли
И, с Хортицы убегая,
Силу б не сгубили.
Их не предал бы прилуцкий
Полковник поганый...
Не плакала б мать божья
В Крыму об Украине.

Когда бежали день и ночь,
Когда бросали запорожцы
Родную мать Сечь и прочь
Спешили, — только мать божью
С собою взяли и пошли,
И в Крым к татарам принесли,
К другому горе-Запорожью.

Туча черная, густая
Белую закрыла.
Пановать над казаками
Орда порешила.
Хоть позволил хан селиться
Им на голом поле,
Только церковь запорожцам
Строить не позволил.
И поставили икону
В палатке высокой
И украдкою молились. . .

Край ты мой далекий!
Роскошно цветущий, прекрасный, богатый!
Кто только не мучил тебя! Если взять
Да вспомнить злодейства любого магната,
То можно и пекло само испугать.
Последний приказчик большого вельможи
И Данга жестокостью б мог поразить.
И все, мол, все беды — от бога! О боже,
Зачем тебе нужно невинных губить?
Замучены дети Украйны сердечной.
За что они гибнут и в чем они грешны?
И ты ль осудил их оковы носить?

Пели кобзари про войны,
Битвы и пожары,
Про тяжкое лихолетье,
Про лютые кары,
Что терпели мы от ляхов, —
Обо всем пропели.
А что было после шведов! . .
Словно онемели
С перепугу горемыки,
Слепые умолкли.
Так Петровы воеводы
Рвали нас, что волки. . .
Издалека запорожцы
Ухом уловили,
Как в Глухове зазвонили,
Как пушки палили;
Как людей погнали строить
Город на трясине,

Как заплакала седая
Мать о милом сыне,
Как сыночки на Орели
Линию копали,
Как в холодном финском крае
В снегу погибали.
Услыхали запорожцы
В Крыму на чужбине,
Что и гетманщина гинет,
Неповинно гинет.
Услыхали горемыки,
Да только молчали,
Потому что рты им крепко
Мурзы завязали.
Убивались бедняги,
Плакали, и с ними
Заплакала мать божья
Слезами святыми.
Заплакала пресвятая,
Словно мать над сыном.
Бог увидел эти муки,
Пречистые муки!
Отдал он царя-злодея
Лютой смерти в руки.
Воротились запорожцы,
Принесли чудесный,
Чудотворный старый образ
Царицы небесной.
И в Иржавце ту икону
Поставили в храме.
И доньне она плачет
Там над казаками.

*1847, Орская крепость —
14 марта 1858, Москва*

NN.

О думы мои! О слава злая!
Из-за тебя я напрасно страдаю
В краю далеком... все же не каюсь!
Люблю, как подругу, как дорогую,
Бедную Украину свою родную!
Что хочешь делай с темным, со мною,
Не покидай лишь, — я за тобою
Готов хоть в пекло...

Ты принимала
Нерона лютого, Сарданапала,
Ирода, Каина, Христа, Сократа.
О непотребная! Кесаря-ката
И грека доброго ты полюбила —
Всех одинаково... они платили.
А я, убогий, что принесу я?
Меня за что же ты поцелуешь?
За песню, что ли? Пели напрасно
Певцы получше, чем я, несчастный.
И лишь подумаю, грусть подступает:
Буйные головы ведь с плеч слетают
Всё из-за славы... Как псы грызутся
Родные братья — не разойдутся!
А эта слава с ее дурманом —
В шинке блудница, а люди пьяны!

1847, Орская крепость

* * *

Когда мы были казаками,
Еще до унии, — тогда
Как весело текли года!
Поляков звали мы друзьями,
Гордились вольными степями;
В садах, как лилии, цвели
Дивчата, пели и любили,
Сынами матери гордились,
Сынами вольными. . . Росли,
Росли сыны и веселили
Печальной старости лета,
Покуда с именем Христа
Ксендзы, придя, не подпалили
Наш край, пока не потекли
Моря большие слез и крови,
Сирот же именем Христовым
Страданиям не обrekli. . .

Поникли головы казачьи.
Как будто смятая трава
Украина плачет, стонет, плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: T e d e u ! A л л и л у й я ! . .
Вот так, поляк, и друг и брат мой!
Несытые ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели, —
Мы до сих пор бы рядом шли.

Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!
И снова именем Христовым
Возобновим наш тихий рай.

*1847, Орская крепость —
14 марта 1858, Москва*

ЧЕРНЕЦ

На киевском на Подоле
Так бывало... и уж боле
Этого не будет. Было,
Было это все, да сплыло,
Позабылось... А я, братцы,
Буду все-таки стараться
С тем, что было, повидаться,
Буду грусти предаваться.

На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана,
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

На киевском на Подоле
Козаки гуляют,
Словно воду ушатами
Вино разливают.
Погреба с вином, с медами
Откупили всюду
И устроили гулянье
Киевскому люду.
А музыка все играет,
Веселясь, народ гуляет.

Из окошек за весельем
Бурса наблюдает.
Нету голой школе воли,
А то б удружила. . .
Кого ж это с музыкою
Толпа окружила?

В штанах атласных меж народом,
Мотню по пыли волоча,
Идет казак. Ох, годы! годы!
Что с вами делать! Сгоряча
Старик ударил каблуками,
Да так, что пыль взвилась! Вот так!
Еще и подпевал казак:

«По дороге рак, рак,
Пускай будет так, так,
Если б нашим молодежи
Сеять один мак, мак!
Бей землю каблуками,
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам.
Чтоб за теми каблуками
Пыль ходила облаками,
Бей землю каблуками!
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам!»

Так до Межигорского спаса
Шел вприсядку сивый,
А за ним и казачество
И весь честной Киев.
До ворот дошел танцуя,
Крикнул: — Пугу! Пугу!
Принимайте, черноризцы,
Товарища с Луга! —
Монастырские ворота
Перед ним открылись,
Потом снова затворились,
Навек затворились.
Кто же этот поседель
В битвах да в несчастьях?

Семен Палий, казак, вздумал
С волей попрощаться.

Ой, высоко солнце всходит,
Низенько заходит,
В длинной рясе седой чернец
По келии бродит.
Идет, бредет он в Вышгород
Ближнюю дорогой,
Чтобы посмотреть на Киев,
Погрустить немного,
К Звонковой идет кринице,¹
Чтоб воды напиться,
Жизнь свою он вспоминает
В яру над криницей.
И опять идет он в келью,
Под немые своды,
Вспоминать веселые
Молодые годы.
Священное писание
Громко он читает,
А мыслями чернец седой
Далеко летает.

И тихнут божии слова,
И голос Сечи снова зычен,
Свобода давняя жива;
И старый гетман, как сова,
Глядит в глаза. Монаха кличут
Музыка, танцы и Бердичев...
Оковы лязгают... Москва...
Леса. снега и Енисей...
И покатались из очей
На рясу слезы... Бей поклоны!
Плоть стариковскую смирай,
Писанье божие читай
Под монастырские трезвоны,
А сердцу воли не давай.
Оно тебя в Сибирь водило,
Весь век тебя в обман вводило.

---

¹ Звонковой называется криница недалеко от <Межигорского> монастыря.

Сдави ж его, не вспоминай
Своей Борзны и Фастовщины.
Все смертны, и твоя кончина
Близка, тебя забудет свет. . .
И мыслям грустным он в ответ
Заплакал, книгу отодвинул.
Ходил по келии, ходил
И тяжко на скамью склонился:
— Зачем же я на свет родился,
Свою Украину любил?

Уж колокол завыл бессонный,
Зовя к заутрене святой.
И встал чернец, заслыша звоны.
Надел клобук, взял посох свой. . .
И в храм побрел он — бить поклоны,
Молиться за свой край родной.

*1847, Орская крепость —
1858, Москва*

* * *

Один другого вопрошаем:
— Зачем нас породила мать?
Для зла, добра? Не разгадать!
Зачем живем? Чего желаем?
И, не дознавшись, умираем,
Чтоб дело жизни покидать.

Дела какие, боже милый,
Меня бы осудить могли?
О, лучше б дети не росли,
Тебя, святого, не гневил,
Что в злой неволе родились,
Твой стыд с тобою разделив.

1847, Орская крепость

* * *

Сам удивляюсь. Кто ответит —
Что делать мне, с чего начать?
Людей и долю проклинать
Напрасно. Но как жить на свете
В цепях, в далекой стороне?
Вот если перегрызть бы мне
По силам было цепи эти, —
Грыз понемногу б. . . Так не те,
Не те их кузнецы ковали,
Не так железо закаляли,
Чтоб перегрызть их. Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!

1847, Орская крепость

* * *

Ой, строчечку да к строчечке
Я шью-строчу три ноченьки,
Работаю, вышиваю, —
В воскресенье погуляю!

Ой, клеточки на плахотке
Любуйтесь-ка, дивчаточки,
Любуйтесь, пареньки,
Запорожцы-казаки!

Вы любуйтесь, удивляйтесь,
А с другими обручайтесь, —
Уж поданы рушники. . .
Вот так-то вот, казаки!

1847, Орская крепость

ПЛАТОК

Иль на то господня воля?
Иль такая ее доля?
Росла внаймах, век трудилась,
Сиротину полюбила.
¶ Был бедняк, как голубь, с нею,
С бесталанною своею.
От зорюшки до зорюшки
Сидят себе у вдовушки,
Сидят себе, рассуждают,
¶ Пречистую поджидают.
Дождалися... Из Чигрина
По всей славной Украине
Колокола гудеть стали,
Чтобы все коней седлали,
Чтобы сабельки точили
Да на свадьбу выходили,
На веселое гулянье,
На кровавое свиданье.

В воскресеньице да ранехонько
Горны-трубы заиграли,
В поход, в дорогу славных компанийцев
На рассвете провожали.
Провожала вдова своего сына
На далекую чужбину.
Провожала сестра своего брата,
А сироту сиротина
Провожала: пить коню давала

До денницы из криницы,
Выносила сбрую, саблю золотую
И рушницу-гаковницу.
Провожала три мили, три поля,
Прощалася у раздолья.
Вышитый шелком платочек дарила,
Чтоб не позабыл, говорила:

— Ой, платок ты, платочек мой,
Узорами шитый!
Вся и слава казацкая —
В седельце покрытом.

Возвращалась, тосковала,
На дорогу взгляд бросала,
Наряжалась, прибиралась,
Каждый день все дожидалась.
В воскресенье раным-рано
Поджидала у кургана.

Год прошел, другой и третий —
И летят с чужбины
Преславные компанейцы,
Дети Украины.
Идет войско, и другое,
А за третьим вскоре —
Не смотри, не жди, бедняга! —
Везут тебе горе:
Гроб казачий расписанный,
Китайкой покрытый,
А за ним со старшиною
Идет знаменитый
Сам полковник в черной свитке,
Колдун старый с Сечи,
За ним идут есаулы.
Идут они, плачут,
Несут паны есаулы
Казашкую сбрую:
Литой панцырь порубанный,
Саблю золотую,
Три рушницы-гаковницы
И три самопала. . .

На оружьи... казацкая
Кровь позасыхала.
Ведут коня вороного,
Разбиты копыта...
А седельце казацкое
Платочком покрыто...

*1847, Орская крепость —
8 марта 1858, Нижний-Новгород*

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

Бывало в школе я когда-то,
Лишь зазевается дьячок,
Стяну тихонько пяточок.
Ходил тогда я весь в заплатках,
Таким был бедным — и куплю
Листок бумаги. И скреплю
Я ниткой книжечку. Крестами
И тонкой рамкою с цветами
Кругом страницы обведу,
Перепишу Сковороду
Или «Три царие со дары»
И от дороги в стороне,
Чтоб обо мне кто не судачил,
Пою себе и плачу.
И довелось снова мне
Под старость с виршами таиться,
Опять исписывать страницы,
И петь, и плакать в тишине.
И тяжело плакать. Я не знаю,
За что меня господь карает?
Я под муштрою в муках рос,
Мне под муштрой стареть пришлось,
Так под муштрой и закопают.

Все это из-за пяточка,
Украденного у дьячка.
Вот так господь меня карает.

Слушай же, мой голубь сизый,
Орел мой, казак мой!
Как страдаю я в неволе,
Как томлюсь на свете.
Слушай, брат, и накажи ты
Своим малым детям.
Накажи, чтоб с малолетства
Стихов не писали.
Если же кому придется —
Чтоб люди не знали;
Пусть себе он в уголочке
И плачет и пишет,
Чтоб и бог его не видел,
Чтоб и ты не слышал,
Чтоб ему не привелось
Маяться, страдая,
Как страдаю я в неволе
Без конца, без края.

А в день воскресный я за валами,
Как вор, прокрадываюсь в поле.
Талáми выйду я вдоль Урала
В простор широкий, как на волю.
И разбитое, больное
Сердце встрепенется,
Словно рыбка над водою,
Тихо усмехнется.
И полетит голубкою
Над чужим раздольем,
И я словно оживаю
На поле, на воле.
И на гору высокую
Взойти тороплюся,
Вспоминаю Украину
И вспомнить страшуся.
И там степи, и тут степи,
Да тут не такие —
Рыжие да красные,
А там голубые,
Зеленые, расшитые
Нивами, полями,

Высокими курганами,
Темными лугами.
А тут — талы, песок, репей. . .
Хоть где б нибудь курган-могила
О давнем прошлом говорила.
Здесь будто не было людей.
С начала мира и поныне
Таилась от людей пустыня,
Но все же добрались мы к ней.
Остроги возвели повсюду,
А значит, и могилы будут,
Теперь дела пойдут быстрее!
О, край родной мой! Моя судьбина!
Когда я вырвусь на Украину?
Иль, может, о боже,
Тут я и сгину!

И почернеет рыжее поле. . .
— Айда в казармы! Айда в неволю! —
Как будто крикнет кто надо мною.
И вдруг очнусь я, и под горою
Крадуся воров я за валами
И возвращаюсь вновь вдоль Урала.

Вот так-то праздную в мученьи
Я здесь святое воскресенье.

А понедельник? . . Но покуда
Всю ночь в казарме душной будут
Тревожить думы. Разобьют
Надежду, сердце вместе с нею
И то, что вымолвить не смею. . .
И все на свете разметут.
Ночь остановят. И веками
Часы глухие потекут,
И я кровавыми слезами
Не раз подушку омочу.

Дни и года пересчитаю —
Кому добро я сотворил?
Кого я, где, когда любил?
Добра не делал, любви не зная.

Как будто по лесу ходил!
Была когда-то воля, сила,
Долгами силу задавило,
А воля пьяной напилась,
У Николая очутилась. . .
И напиваться зареклась.

Не поможет милый боже,
Не дождешься: — Кайся, —
Так говорит пословица, —
Да не зарекайся.

Молю я бога, чтоб светало,
И, как свободы, солнца жду.
Сверчок замолкнет; зорю бьют.
Молю я бога, чтоб смеркалось, —
Ведь дурня старого ведут
Солдатским шагом поле мерить,
Чтоб знал он, как в свободу верить,
Чтоб знал, что дурня всюду бьют.

Пора минула молодая,
Минуло счастье, но святая
Надежда силу придает.
А горе вновь меня терзает,
Покоя сердцу не дает.
А может, все ж увижу волю?
Слезами горе перемою?
Да из Днепра воды напьюсь,
К тебе, товарищ мой, вернусь
И обниму тебя, родного,
И в нашей старой хате снова
Мы время проведем. Боюсь!
Боюсь о том промолвить слово!
Совершится ли все это,
Иль с небес высоких
Я взгляну на Украину,
На тебя, мой сокол?
И иногда так бывает,
Что слез вдруг не станет,
И просил бы я о смерти. . .
Так ты и Украина,

Днепр с крутыми берегами,
Надежда святая,
Господа просить о смерти
Мне не позволяют.

*1847, Орская крепость —
16 марта 1858, Москва*

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ

Я. Кухаренку

— Зачем, ей-богу, жить на свете! . .
— Что ж, утопись. . . А как же дети,
Жена? — Ну то-то, не бреши,
А сядь-ка лучше, запиши
Одну бывальщину. . . Быть может,
Она кой-что понять поможет.

Пиши вот так: цвело
Село. . .
Да чтоб не шляться по чужбине,
Пиши: у нас, на Украине.
А в том селе вдова жила,
А у вдовицы дочь была
И сын семилеток.
Имеючи деток
При достатке, хвалишь бога. . .
А вдове убогой
Где молиться много? . .
Ну, словом, так вдове досталось, —
Едва не пропала:
Думала — в черницы
Или утопиться,
Так жаль ей малых деток стало!
Известно, мать, что и сказать,
Быть может, снился ей и зять:
Уже Катруся подрастала. . .
Что ж, ей без пары вековать,
Напрасно молодость теряя? . .
Нет, девушка она не та!

В селенье том же, у хозяев
(Сироты, говорят, — лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный. Хоть жилось несладко,
Но так и сяк
Поднакопил батрак деньжат,
Одежу справил для порядка.
Да не отсель и не оттоль —
С того сиротского достатка
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль
И за науку добрым людям,
Да к вдовой дочке напрямиком
Тотчас же и пустился.
Не то что барин — не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с попом
И обвенчался сиротина —
Вот чудеса! — за три полтины! . .

Глаза просохли у вдовы.
Вот так-то и живите вы,
И весело на свете будет,
И будет толк на свете жить,
Когда научишься любить.
Хоть и твердят тебе, быть может:
Люби себя, и бог поможет.
А как придется умирать?
Сдыхать над золотом? Нет, все же
Любовь — господня благодать.
Люби, мой друг, жену, ребяток,
Дели с убогими достаток,
Так легче будет добывать.

П е р в ы й

Передохнем немного, что ли.
Что, яровое не взойшло?

В т о р о й

Откуда бы оно взялось,
Когда под рожь лишь пашем поле?

Вот в том и суть, что в темноте
Вы век свой прожили, не знали,
А если знали, забывали.
В журнале пишут. . .

Первый
Те! Те! Те!

Второй
Да что вы думаете, польский
Или хозяин тот московский?
Не то, не то! Журнал «Ревю»
Или. . . «Ла Мод», купил для Паши
В Ромнах его. . .

Первый
(Тихо.)
Так вот как наши!
Не знал, как на земле живут.

Второй
Ну вот, из этого журнала
Моя Пашета и узнала,
Как немцы сеяли траву
И жали ту траву серпами! . .
И все написано стихами,
Да не такими, как у нас. . .

Первый
Когда б свиной ты, братец, пас. . .
Не обессудь меня. . .

Второй
(Будто и не слышал)
Гей, хлопчик!
(Ходит, пошвыстывает, потом запекает.)
«Малый удалый
С карими очами,
Зачем тебе жинка --
Камень за плечами? . .»

Первый

Ну ладно, хватит напевать!

Второй

Никак, желаете кончать?

А я надумал тут такое. . .

Первый

А я так думаю другое:

Что выпьем да передохнем,

И вновь, не мешкая, начнем.

Пиши себе, работы много,

А кончим — как угодно богу.

Повенчались горемыки,
Удивлялись люди:
Как безродный, бесталанный
Жить на свете будет?
Год прошел, другой проходит —
Снова удивлялись,
Что сиротские достатки
Быстро умножались.
И на поле, и в застолье,
И в дому обновы;
И сыночки, как цветочки,
Сами чернобровы,
Принаряжены гуляют,
Нищих зазывают
На обед, а богатеи
Их так посещают.
Посещали себялюбцы,
Сирот осуждали,
Что сироты таким добром
Нищих угощали.
— Если гниет, так продали б.
У них-то ведь дети! . .
Ты послушай-ка, что часто
Делают на свете
Люди в зависти несытой!
Ходили, ходили,
Да, жалея, темной ночью
Хату подпалили.

Немудрено, что злоба гложет
Панка, ученого вельможу,
Не диво и не жаль — ведь так?
Так нет же, серый наш серяк
Лютует тоже. Брат, несладко
Седым узнать людей повадку.
Горше смолоду поддаться
На гадючьи чары:
Очарует, околдует
Карими очами.
Фу ты, пропасть! Забыл дурень,
Что смерть за плечами.

Хата, дети — все сгорело;
Ни добра, ни сада.
А соседи — и богатый
И бедные — рады.
Богатеи, вишь, довольны,
Что богаче стали,
Ну, а бедные довольны,
Что с ними сравнялись!
Собрались на пепелище,
Охали, рядили:
— Жалко, жалко! Кабы знали,
Деньги бы копили,
Вот и было б так и этак.
Что ж, Максим, тужить-то?
(Сироту Максимом звали.)
Продавай пожиток,
Приходи рядиться внаймы,
Что будет, то будет,
Снова, брат, зачумакуем,
Пока выйдешь в люди,
А там вновь... — Сказал спасибо
Максим за советы:
— Погляжу, как дальше будет,
Подожду с ответом;
Не уладится — придется
Наниматься снова...
Посоветоваться б с Катрей
Моей чернобровой,

Что всегда мне помогала
И теперь рассудит! . .
Но совет ее последний
Мне помехой будет.
Волы твои и коровы
Вскоре разом пали,
А солдаты Катерину
В поход с собой взяли.

— Теперь вот так напишешь: что же
Максим? Погоревал немного,
Подумал, помолился богу,
Промолвил дважды: — Боже, боже!
Ни слова больше. . .

От царицы
Пришел указ —идти служить.
— Не дал вдовице утопиться,
Не дам же и с сумой ходить! —
Сказал Максим, село покинул;
У той вдовы-то, видишь, сына
В солдаты община сдала.
Такие темные дела
Творят везде тишком и ладом,
А вас, ученых, бить бы надо,
Чтоб не кричали: — Ах, аллах!
На этом свете нет отрады! —
Что ж темный не начнет кричать?

В т о р о й

Так что ж: живут они и знают,
Как вы сказали, — благодать,
Любовь. . .

П е р в ы й

Что? Что? не понимаю. . .

В т о р о й

Они, скажу вам, прозябают,
Или, по-вашему, растут,
Как бы капуста в огороде.

Первый

Ты так надумал? Чуть городишь!
Пускай они и не живут,
А я скажу: в ученой дурн
Ваш брат им жизни не дает,
А только для себя живет,
Глаза на наше горе жмурит.

Второй

Ну, если будем так писать,
То и до вечера не кончим.
А где же горемычный зять?

Вернулся вдовий сын обратно,
А зять в солдатчину идет.
Никто не пожалел, понятно,
Смеялся велел ему народ.

Только точно я не знаю,
На селе бывала
Катерина у вдовницы
Или запропала.
Слышал: стриженую будто
В Умани водили:
Кого-нибудь обокрала. . .
Потом утопилась.
Все едино — знаешь, люди
Доведут, задушат,
А быть может, это правда
Как на вербе груша.
Только знаю, что сложили
Песенку дивчата.
Слышал сам, на вечерницах
Распевали в хатах:
«Шум в дуброве шире, шире.
Шапки хлопцы обронили;
А батрак не обронил —
Вдовью дочку полюбил. . .»
Да бог с ней — с песнею такою,
Шли годы тихой чередою,

И за грехи (напишешь так)
Карался господом поляк,
Пугач явился на Урале,
Пииты в одах восхваляли
Войну, царицу, — только мы
Сидели тихо, слава богу!

В село после большой зимы
Вернулся и Максим убогий.
В походе ногу потерял,
С крестом домой приковылял.

— Зачем он приплелся? Не ждет его хата,
Ни друга, ни брата — один меж людьми.
Зачем он тащился? Пойди вот пойми!
Слыхал ты, что легче и смерть и утрата
Хоть на пепелище в родной стороне,
Чем в чужой — в палатах. Смекнул или нет?
Эх, дядя, не кончим писать до заката!
И вам на покой бы скорее и мне.

Затужил солдат. Калеку
Некому приветить.
Вдовиченко в пикинерах,
Нет вдовы на свете.
Где ж он голову приклонит,
Где перезимует?
Уже осень. Скоро в поле
Вьюга забушует.
Нет ему на свете доли,
Потеряна в поле. . .
Попросился на зимовку
У дьячка при школе.
Ведь письму его, спасибо,
В полку научили.
В парике ходил — солдаты
Как один носили
Парики; была с кудрями
Коса привязная,
И мукою посыпали,
Для чего — бог знает!

А Максим бывало в церкви
Дьячку помогает,
И на клиросе подтянет,
И псалтырь читает
По умершим; приношенья
С школярами носит,
А в филипповки, бедняга,
Христа ради просит.
Ну ладно, знай себе пиши,
Да добрым людям не бреши:
От калеки злого слова
Не слышали даже. . .
«Счастье людям и несчастье —
Все от бога», — скажет. . .
И не охнет, не заплачет
Тихий, нелюдимый.
И собаки не кусали
Солдата Максима.
В воскресенье или в праздник
Словно оживает,
Посмотреть на вдовью хату
Тихо ковыляет.
И сидит себе в садочке. . .
Ближих вспоминает,
На помин души вдовицы
Псалтырь почитает.
И о здравье Катерину
Шепотом помянет,
Утрет слезы: — Все от бога, —
И веселым станет.
В пост петровский и успенский
Не задремлет в школе:
Берет заступ и лопату,
Ковыляет в поле.
У дороги, при долине —
И не угадаешь,
Что калека замышляет, —
Колодец копает!
Да и выкопал. В то лето
Колодец святили,
На самого Маковея
И дуб посадили

На примету всем проезжим.
Во второе лето
В балке мертвого солдата
Увидали дети,
Возле самого колодца.
Бедняга-голода
Вышел глянуть напоследок
На свою работу.
Миром сирого в долине
В землю закопали
И Солдатовым колодец
И лужок назвали.
Будет память. . . И на спаса
И на Маковея
До сих пор там святят воду,
И дуб зеленеет.
И никто не объезжает
Зеленого дуба,
Сядет в тени, отдыхает,
Да тихо, да любо,
Ключевой воды отведав,
Максима помянет. . .

Так вот, дети, жить учитесь --
И жизнь не увянет.

1847, Орская крепость

* * *

Привыкнет, говорят, собака
за телегой бежать, так побегит
и за санями.

Вот так и я теперь строчу:
Бумагу порчу да чернила...
А прежде! Врать вам не хочу,
Лишь вспомню — так и накатило:
До слез бывало доходило.
И словно вдруг перелечу
На час хоть тайно на Украину,
Взгляну, увижу, умилюсь —
И словно чью-то жизнь продлю,
Душе легко необычайно.
Добро б сказать, что не люблю,
Что Украину забываю,
Что недругов я проклинаяю
За все, что я теперь терплю;
Ей-богу, братья, все прощаю
И милосердному молюсь:
Не поминайте лихом, братцы!
Хоть я вам и не делал зла,
Но с вами жил, — и ведь могла
Заноза где-нибудь остаться.

1847, Орская крепость

А ну-ка вновь стихи писать!
(Тишком, конечно.) Ну-ка снова,
Покуда пряжа на основе,
Старинку божью лицевать,
А сиречь... Как бы вам сказать,
Чтоб не солгать... А ну-ка снова
Людей и долю проклинать!

Людей — чтобы нас узнали
Да нас уважали;
Долю — чтоб она не спала
Да нас охраняла.
А то, глянь, что натворила:
На распутьи кинув,
Прочь ушла — и горя мало,
А он, сиротина,
Молодой да седоусый —
Все еще мальчонка! —
Он побрел себе тихонько
Чужою сторонкой
За Урал. И очутился
В пустыне, в неволе...
Как тебя не проклинать мне,
Лукавая доля?
Проклинать тебя не стану,
А буду скрываться
За валами, да тихонько
Песней утешаться,

Тосковать и дожидаться,
Как гостя, в неволю
Из-за Днепра широкого
Тебя, моя доля!

1848, Орская крепость

ВАРНАК

Скитаясь по чужим краям,
Над Елеком я встретил деда.
Седой и старый — наш земляк
И недомученный варнак
Он был. Однажды, в праздник, в поле
Мы встретились и поневоле
Разговорились. Вспомянул
Старик свою Волюнь святую
И волю-долю молодую,
Свою бывальщину. В траве
За валом мы разговорились,
Поисповедались, открылись
Один другому. «Долог век! —
Старик промолвил. — Все от бога!
От бога все! А сам немного
И стоит глупый человек!
Я сам вот зря, как видишь, все.
Сам искалечил я свой век.
Не жалуюсь уж никому я,
И ни о чем уж не прошу я,
Мне ничего не надо. Так,
Мой сын и друг ты мой единый,
Так и погибну на чужбине,
В неволе». И седой варнак
Заплакал. И хотел сказать я:
«Мой брат, пока надежда в хате,
Пускай живет, не выгоняй.

Пускай нетопленные стены
Нагреет порою,
И глаза твои заплачут
Слезой молодой,
И, умытое слезами,
Сердце улыбнется,
В край родимый из чужбины
Птицей понесется».

«На свете многого не стало! —
Сказал старик. — Воды немало
Из Иквы в <море> утекло...
Над Иквой помню я село;
И в том селе, среди простора,
Как на погибель, вырос я...
Лихая долюшка моя!
У старой пани в эту пору
Папята малые вдвоем
Росли — ровесники со мною.
Она взяла меня в покон,
Сынком в забаву. День за днем
Росли папята, подрастали,
Ну как щенята. Покусали
Папята на веку своем
Не одного меня. Потом
Их грамоте учили. С ними
И я учился, и своими
Слезами, кровью заплатил.
Учиться нам, когда собаки
Дешевле мы?!

Молиться богу
Да за ралом спотыкаться ---
Вот и все. Не много
Должен знать бедняк-невольник, --
Такая уж доля!
Вот я и выучился, вырос,
Прошу себе воли —
Не дает. Хотя б в солдаты
Отпустила, что ли, —
Не пускает, — что тут делать?
Пошел я за ралом...

Панычей же в гвардию
Поопределяла.

Година тяжкая настала!
Настали тяжкие лета!
Я все работаю за ралом.
Я был ведь круглый сирота;
А у соседа вырастала
В батрачках девушка. И я...
О доля, долюшка моя!
О боже, милосердный боже!
Она была ребенком тоже...
Не нам судить твои дела,
О господи, в твоей мы власти!
И вот она мне на несчастье
И на погибель подросла.
Да не пришлось налюбоваться...
А я уж думал обвенчаться,
Сыграть бы свадьбу да и жить,
Людей и господу хвалить...
А довелось...

Понакупили
Покупок, пива наварили, —
Не довелось только пить.
Приказчик старый и блудливый
Украл покупки, вылил пиво, —
Пустил покрыткой... Все прошло...
И хватит... Даже нет охоты
Припоминать. Все утекло,
Все миновало и пропало...
Оставил ниву я и рало,
Оставил хату, огород, —
И словно черт шепнул мне что-то,
Пошел я писарем работать.
То так, то сяк, проходит год,
Второй, пишу, с людьми братаюсь,
Хороших хлопцев подбираю.
На третье лето господу
Сосватанные посъезжались
И, что ни день, навеселе
Гуляли, в карты всё играли,
Веселых свадеб ожидали

Да молодых дивчат в селе,
Как бугаи, перебирали —
Известно, господа. И мы,
Мы тоже этой свадьбы ждали. . .
И вот дни троицы настали,
И повенчались господа
В домашнем собственном костеле
(Они поляки были). Боле
Сам бог не видел никогда —
Не то что люди не встречали —
Таких, как эти, молодых. . .
Вот музыканты заиграли,
Вот из костела повели
Их в обновленные покои.
Тогда мы повстречали их;
Княжат, панят и молодых
Всех перерезали. Густою
Их кровью свадьбы день зацвел,
Никто не спасся, не ушел:
Все полегли в болотной яме,
Как поросята в грязь. А мы,
Управившись, искать с друзьями
Пошли мы хату, и нашли —
С зеленой крышей, под дубами
В лесу дремучем. По лугам,
В глухих оврагах, по степям —
Повсюду хата перед нами!
В той хате было где с друзьями
И погулять и отдохнуть.
И главарем меня избрала
Моя семья. Она росла
И уж до сотни вырастала.
Как поросычья, кровь лилась, —
Я резал все, что паном звалось,
Без милосердия и зла, —
А резал так. . . И сам не знаю,
Зачем хотелось мне резни?
Ходил три года я с ножами,
Как перепившийся мясник.
К слезам, и крови, и пожару —
Я ко всему, всему привык.
Как жабу, на копье наденешь

И жжешь ребенка на огне,
Или где панночку разденешь,
Распнешь бывало на коне
И пустишь в степь...
Всего, всего тогда бывало —
И так все надоело мне...
Обезумел, тятко стало
По пещерам крыться,
Думал сам себя зарезать,
Чтобы не томиться,
И зарезал бы... Но чудо
Чудное вдруг случилось
Надо мной, не человеком...
Как-то рассветало.
Я из Броварского леса —
В голенище ножик —
Вышел, чтоб себя зарезать,
И утром погожим
Вижу Киев наш великий.
В вышине сияют
Храмы божьи так, как будто
Бога прославляют.
Посмотрел и обомлел я.
Тихо зазвонили
В Киеве, как будто в небе.
О боже мой милый!
Как чудесен ты!.. Я плакал,
До полудня плакал...
Так легко мне сразу стало:
Никакого знака
Старой скуки не осталось —
Как переродился...
Посмотрел вокруг себя я —
И, перекрестившись,
Пошел себе тихо в Киев —
Не святым молиться,
А суда просить людского,
Людям поклониться.

* * *

Топор был за дверью у господ-бога.
(А бог тогда с Петром ходил
И чудеса везде творил.)

Беды-кары строгой
Кайсак не предвидел,
Топор он похитил
У господ-бога
И решил в дубrove
Дровец заготовить;
Наметил дерево — и тюк!
Как вырвется топор из рук —
И страх и горе: косовица
Тут началась, и валиться
Деревья разные пошли,
Дубы столетние легли,
Как травы под косою; а пламя
И дым закрыли облаками
Святое солнце от земли.
И стала тьма, и от Урала
И до Тангиза, до Арала ¹
Кипела в берегах вода.
Пылают села, города,
Рыдают люди, звери воют,
Спешит укрыться все живое
В снега сибирские. Семь лет
Косьба господня бушевала,

---

¹ Аральскѣе море.

Пожарище не угасало,
И мерк от дыма божий свет.

. . . . .

В воскресный день восьмого лета
Над степью в дальней дали этой
Святое солнышко взошло,
Все в белом, как дитя, одето.
Где город был или село —
Теперь их и в помине нету,
И пепел ветром разнесло,
Пустыня, как цыган, чернела;
Но, колыхаясь, зеленело
В пустыне дерево одно.

И краснеет средь пустыни
На обожженной красной глине
Колючий всяческий сорняк,
Да кое-где ковыль с осокой
Чернеют в рытвине глубокой,
Да дикий изредка кайсак
Проедет в гору на убогом,
Измученном верблюде тут.
И сразу чудеса пойдут:
Заговорит пустыня с богом,
Верблюд заплачет, а кайсак
Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бутак,¹
Сингич-агач² кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы,
И сгинет в глиняной пустыне. . .

Лишь одинокое в долине,
В степи, при дороге
Дерево стоит большое,
Позабыто богом,
И топором не тронуто
И божьим пожаром,
И шепчется с долиною
О времени старом.

---

¹ Небольшая река.

² Одно дерево.

И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленой листвою
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

1848, Орская крепость

* * *

Ой, гляну да погляжу я
На степь и на поле:
Может, даст бог милосердный
Хоть под старость волю?
Пошел бы я на Украину,
К родимому дому,
То-то были б дома рады
Бедняге седому! —
Смог бы малость отдохнуть я,
Богу помолиться;
Там бы... да подумать страшно:
Этому не сбыться.
Как в неволе, без надежды
Жизнь прожить — не знаю.
Друзья мои, научите, —
Голову теряю!

1848, Орская крепость

* * *

Не дай ты никому того же,
Что мне, старому, дал, боже, --
На чужбине, без свободы
Понапрасну тратить годы.

По лугам-степям пойду я,
Разгоню кручину злую.
Только вот беда какая —
Погулять-то не пускают.

1848, Кос-Арал

ЦАРИ

Сестра седая Аполлона,
Старушка, если б хоть на час
Желали вы проведать нас
И так же, как во время оно,
Возвысили б свой божий глас
До оды, изощряясь в лести,
Приятно было бы нам вместе
Царей и прочих воспевать.
И то, по правде вам сказать,
Мне самому невероятно
Наскучили все мужики,
Покрытки все и барчуки,
И сбить оскомину приятно
На коронованных главах —
На них, помазанниках божьих. . .
Так что ж? Нет сил! А вот сможешь,
Покажешь нам, как их шипать,
Подобных птиц, и мы, быть может,
Тогда смогли бы потаскать
За чуб такого господина.
Покиньте ж свой святой Парнас
Хотя бы лишь на час единый,
Хоть старенький, но божий глас
Возвысьте, тетя! В стиле строгом,
Хорошим слогом, хоть на час,
Хотя б на полчаса у нас
Двух-трех царей поставим рядом,

Покажем спереди и сзади
Незрячим людям. В добрый час!
Начнем. За дело взяться надо.

І

Не видно народа в Иерусалиме.
Врата на запоре, как будто сама
Давидов тот град, небесами хранимый,
Чума посетила. Нет, то не чума!
Сильнее печаль у Израиля ныне,
Другое несчастье: царева война.

Князя царевы и все силы
Замкнули в городе кивот,
И в поле вышел весь народ,
Но слабых сил их не хватило —
И поле стало их могилой,
Осиротел родимый дом.
А в городе молодые вдовы
В своих светлицах, чернобровы,
Укрывшись, плачут, а кругом
Сироты, дети их. . . Пророка
Давида, жадного царя,
Все проклинают, только зря:
Пророк не слышит их. Высоко
На кровле царственных палат
В багряной ризе выступает
И, словно кот, свой взгляд бросает
На сало — на зеленый сад
Соседа Гурия. В прохладе
В своем зеленом вертограде
Вирсавия купалася,
Как Ева в долине,
Жена Гурия соседа,
Царская рабыня,
Купалася в речке тихой,
Грудь белую мыла,
И царя святого вскоре
В дурня обратила.

Уж солнце померкло, и тьма голубая
Окутала грустный Иерусалим,

Все дремлет. Не спит только царь, он шагает
По горницам, сердце свое распалая,
Себе говорит он: — Я, мы, повелим!
И царь и бог я для народа,
Владыка всей своей земли!
Я — все! . . — И вот рабами подан
Владыке ужин. Принесли
Сикер: он и пророку нужен.
И царь сказал, чтобы на ужин
Рабы рабыню привели —
Вирсавию. . . И точно к сроку
К царю и божьему пророку
Сама Вирсавия пришла,
Пожинала и сикеру
С пророком выпила. Пошла
Прилечь с царем за крепкой дверью.
А Гурий безмятежно спал.
Ему, несчастному, не снилось,
Что дома в тишине случилось,
Что царь жену его украл,
Не золото, не серебро,
А лучшее его добро —
Его Вирсавию украл.
А чтобы он не злился слишком,
Царь Гурия убил — и крышка.
А после царь перед народом
Всплакнул маленько и псалмом
Пленил седого Анафана
И вновь веселый, снова пьяный
Увел свою рабыню в дом.

II

Давид, святой пророк и царь,
Не слишком был благочестивый.
Дочь у него была Фамарь
И сын Амон, — ну что за диво?
Бывают дети у святых,
Не то что у людей простых,
Такие вот. . . Амон счастливый,

Красивый первенец его,
Лежит — хворает. Отчего?
Давид и стонет, и рыдает,
Свою порфиру разрывает,
И сыплет пепел на главу:
— Я без тебя не проживу
Ни дня — без дорогого сына.
Ужели ты меня покинешь?
Тогда я солнца не узрю!
Я без тебя умру, умру! —
Рыдая, он приходит к сыну,
Он ковыляет, он бежит.
А тот бугай, совсем здоровый,
Во храмине своей кедровой
Лежит, — все стонет, но лежит,
Все притворяется. Гундосит
И воеет плут — отца он просит,
Чтобы Фамарь к нему пришла:
— Отец и царь, вели Фамари —
Тебе я буду благодарен, —
Чтобы опреснок мне спекла,
Чтобы сама и принесла.
Вкусив опреснока, я встану
С одра болезни. . . — Утром рано
Фамарь спекла и принесла
Опреснок брату. Он за руку
Берет ее, к себе ведет
В хоромы темные, кладет
Сестру на ложе. С плачем руки
Она ломает: — Постыдись, —
Кричит ему, — остановись,
Амон, мой брат, мой брат лукавый,
Мой брат родимый, это я,
Сестра родимая твоя!
Куда я денусь? Грех, бесславье
И стыд! Тебя за дело злое
И бог и люди проклянут! —
Но ничего не помогло ей. . .
Вот как царевичи живут,
Резвись на белом свете.
Запоминайте, дети.

III

И долго жил Давид на свете,
И старость встретил.
И одряхлел, и покрывали
Тремя одеждами его,
И все-таки не согрели
Кота блудливого того.
Тогда-то способ отыскали
(Его натуру волчью знали),
Чтоб греть царя: к нему ввели,
Милей царевен красотою,
Прекрасных девушек земли:
Своею кровью молодую
Царя пусть греют. И ушли,
Замкнувши двери за собою.

Облизнулся кот блудливый,
Распускает слюни
И протягивает лапы
К деве самой юной.
А сунамитянка эта
Всех была милее
Прочих девушек, как сельный
Крин других белее
Всех цветов. И эта дева
Старика собою
Согревала, а подруги
Кружились толпою
Голенькие. Как там она
Грела — я не знаю.
Знаю только, что царь грелся
И... и не познаю.

IV

По своему двору гуляет
Веселый старый Рогволод.
Дружина, отроки, народ —
Все в чистом золоте сияют.
У князя праздник. Ожидают —

Сейчас приедет из Литвы
Прекрасный князь — жених Рогнеды.

Перед богами Лель и Ладо
Огонь Рогнеда развела,
Драгим елеем полила
И сыпала на пламя ладан.
И, как валькирии, играют,
Танцуют вокруг нее дивчата,
Припеваючи:

«Гой, гоя, гоя!
Новые покои!
Венки заплетайте
Да гостей встречайте!»

За Полоцком, как будто туча,
Чернеет пыль. Выходит рать,
Все отроки в одежде лучшей,
Чтоб с честью жениха встречать.
Сама Рогнеда с Рогволодом
Пошла с подругами, с народом,

Да не едет князь ожидаемый,
Не знакомый князь, всеми чаемый.
А из Киева туром-буйволом
Идет веприщем за Рогнедою
Володимир-князь с киевлянами.

Пришли — и город обступили
Кругом и город подпалили.
Владимир-князь перед народом
Убил седого Рогволода;
Потя народ, княжну поя,
Отыде в волости своя.
Отыде с шумом и растли ю,
Рогнеду эту молодую.
И прогони ю, и княжна
Блуждает по свету одна,
Землей враги владеют злые.
Так вот какие все святые
Они, цари!

Пусть палачи царей карают.
Конец им, палачам людским!
Мученье с ними, кто не знает!
Мы дураки, что служим им
И все танцуем перед ними,
Хотя известно нам их имя:
Все негодяи, палачи!
Сестра, подруга Аполлона,
Скажи, голубка, научи,
Как увиваться возле трона!
А там я денег накоплю,
Монисто я тебе куплю!
И пострижемся мы в лакеи
И ревностно, надев ливрею,
Научимся царей любить.
Зачем же карандаш тупить:
Где нет священной нашей воли,
Там добрых дел нам ждать отколе?
Что ж голову себе дурить,
Идем в селения: там люди.
Где люди — хорошо там будет,
Там будем жить, людей любить,
Святого господа хвалить. . .

*1848, Кос-Арал —
1858, Петербург (?)*

* * *

Когда есть дом родной, а дома
Сестра родная или мать —
Какая это благодать!
Она мне, правда, незнакома,
Ее не знал я никогда,
И кое-как прошли года.

. . . . .

Но довелось однажды мне
В чужой далекой стороне
Заплакать, что судьба сурова,
Что ни хозяйки нет, ни крова!

. . . . .

Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью, на якорь стали.
С Ватаги письма принесли,
И все тихонько их читали,
А мы с коллегою легли,
Беседовали, вслух мечтали.
Я думал: где б ту благодать —
Письмо иль мать добыть на свете?
— А ты один? — Жена и дети,
И хата, и сестра, и мать!
А писем нет...

. . . . .

1848, Кос-Арал

ДОЧЬ КТИТОРА

То было в давние года,
Когда по деревням ходили
Борцы, дивчат с ума сводили,
Мир изводили, хлопцев били
И верховодили всегда, —
Точь-в-точь гусары на постое;
Еще при гетманах такое
Бывало в давние года.

Был воскресный день в селе,
И в корчомке на столе
Слепые лирники играли,
А за танец брали грош.
Там пыли облака вставали!
Дивчата танцевали
И хлопцы. . . — Все одно и то ж!
— Другой начнем! — Хорош и этот!
И снова лиры залились,
Трещат дивчата-щеголихи,
И хлопцы, подбоченясь лихо,
Вприсядку понеслись.

. . . . .
Стоит красавец в серой свите, —
Нет равных на селе Никите.
Красивый малый, да байстрюк,
Байстрюк да и бедняк при этом.
И позабыт он целым светом!

Стоит в ряду, как тот. . .
А плечи — потолку подпора.
Он оторвать не может взора
От дочки ктитора, неровни.
Та в лентах и цветах стоит,
Вся нарисованная словно. . .
Взглянула на него — горит! . . .
Горит Никита в серой свите.

Грошик вынимает
И на медный, на последний,
Слепцов нанимает,
Дочку ктитора, неровню,
Плясать приглашает!!
— Прочь отсюда, прочь, приبلуда! —
И захохотала
Дочка ктитора. — Батрачек
Для тебя не стало? —
Осрамила, да при людях,
Гордячка Никиту,
Осрамила оттого, что
Носит хлопец свиту.
Дочка ктитора, ты будешь
Наказана строго
За насмешку! . . .

Где ж Никита?

Далекой дорогой
Он ушел! С тех пор ни слуху,
Ни духу о малом. . .
Дочка ктитора покою
С той поры не знала! . . .
Домой рыдаючи пошла
И спать рыдаючи легла,
Но не спала — глаз не смыкала.
Какой легла, такой и встала,
Как в одури! Что делать ей?
Сама не знает! А Никита,
Как сыч нахохлясь, в серой свите
Стоит все время перед ней,
Как привиденье! . . . Оказалось,
Что над неровней ты смеялась
В недобрый час. И стало жаль
Тебе его. . . Тоска, печаль

И стыд — все душу обступило.
Ты зарыдала . . . Отчего?
Да оттого, что полюбила
Никиту бедного того!

Диво дивное на свете
С тем сердцем творится!
Глядишь, вчера чуралось,
Сегодня томится,
Так томится — на край света,
Только прикажите, —
И пошло бы! . . . Так и нынче
Не знает, как быть ей,
Дочка ктитора: пусть в воду,
Но лишь бы к Никите. . .

. . . . .

Берегитесь над неровней,
Дивчата, смеяться,
Чтоб и вам, как той горячке,
С бедой не спознаться!

Она былинкой сохла, вяла,
Отца и мать перепугала, —
На богомолье повезли,
Святыми травами поили —
И все-таки не помогли!
Дорожку протоптав к могиле,
Она встречать его ходила,
Ходила на курган-могилу,
Но вот слегла и встать не в силах. . .
К чему насмешка привела!
Он же — канул, провалился;
Может, где и бродит,
Да забыт он. Год за годом
Три года проходит.

— — —

На четвертый год настали
Те же праздники в селе.
Снова, сидя на столе,
Лирники в корчме играли;

По грошику брали
И так же играли,
Как в позапрошлом. И дивчата
Всё так же дробно танцевали,
Как в позапрошлом. . .
Вдруг в богатом
Жупане, в шапке темносиней,
В штанах пунцовых, как калина,
Вприсядку залетел казак,
Да припевал еще вот так:

«Да спасибо матери,
Да отцу, спасибо им,
Что добыли нас!
А как добывали,
Жито рассыпали
В ночи на печи. . .»

— Горилки! Меду! Ставь стаканы!
Мне видеть надо атамана!
Эй, погань, — как пристало людям,
Бороться или биться будем?
Борец пред вами! . . —

Вот не ждали!
И много дней без перерыва,
Как злой болячке, как нарыву,
Всем миром угождали
Тому борцу. Разборчив был он,
Что твой панич. . . Откуда зло
Взялось такое? Все село
Проклятого б не накормило!
А он поет, гуляет, пьет
Да хлопцам жару задает
Перед дивчатами. Дивчата
По нем все высохли совсем:
Такой хороший и богатый!
Уже не борется ни с кем,
А так себе гуляет,
Да часто ктитора садочек
Ночами посещает.
А дочь в садочке поджидает,
Припевает, прибавляет:

«То не ты ли, Никита,
Не твоя ль эта свита?»
Это он, кого при всех
Подымала ты на смех!
А теперь сама в садочке
Его поджидаешь,
Байстрюку сама, как пану,
Теперь угождаешь!
И не день, не два, как пану,
Ему угождала,
И не день, не два Никиту
В саду поджидала!
Поджидала, дождалася:
Горе близко бродит, —
Не очнешься!

Дни проходят,
Месяцы проходят,
Лето, а за летом осень,
Семь уже проходит, восемь,
Пришел девятый за восьмым,
Пришел он с горюшком твоим!

. . . . .

Есть у ктитора в садочке
Колодец-криница
Под ракитой... К той кринице
Не воды напиться
Едва ходит дочь ктитора —
Горем поделиться,
Да поплакать, да подумать —
Как жить одинокой?
От стыда в какой ей скрыться
Стороне далекой?

. . . . .

Зимним вечером однажды
Вышла в свитке тонкой
Дочка ктитора босая,
Вынесла ребенка;
То приблизится к колодцу,
То вновь отступает...

А в калине, как гадина,
Байстрюк поджидает!
И бедняжка на колоду
Положила сына —
И скорей бежать. . . Никита
Вылез из калины,
Как щенка, дитя родное
В колодец он кинул!
А сам пошел он к сотскому,
Распевая звонко,
Сказать, чтоб шел со всем миром,
Чтоб искал ребенка!

Только солнышко взошло,
Собиралось все село,
Ведро в воду опускали
И ребеночка искали.
Долго, долго хлопотали —
В темном иле отыскивали.
Горемычную забрали
И в оковы заковали,
Исповедав, причастили
И родителей срамили,
И всем миром осудили,
И с ребенком положили
В гроб. . . Живую закопали!
И землю засыпали,
Столп высокий возводили,
Чтобы все о ней узнали,
Детям правду рассказали;
Молодых дивчат учили,
Коль родители забыли.

—
Борца в селе не стало больше.
Проезжие встречались в Польше
С каким-то паничем. Спросил:
— Жива ли та, что над неровней
Смеялась? — Это он, негодный, —
Так это он! Господь казнил

Его за грех: наказан был
Не смертью, нет! Он будет жить,
И сатаною-человеком
По свету будет он ходить
И вас, дивчачочки, губить
Вовеки.

1848, Кос-Арал

* * *

Ну что, казалось бы, слова
И голос — что же в них такого?
Но вот услышишь их едва —
И сердце бьется. Может, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..

На борт склоняясь,
Не то, чтоб грусти предаваясь,
А так на палубе стоял,
Стоял я, на море взирал,
Как на Иуду... Из тумана
Тут стала, видите ль, всплывать
Румяноликая Диана...
Я было собирался спать,
Да вот остался: круглолицей
Залюбовался молодой,
То бишь, девицею!.. Матрос,
Земляк из Островной,¹ с тоскою,
На вахте стоя
(Он в это время вахту нес),
Вдруг начал петь. Он пел покуда
Негромко: не было бы худа
(Строг капитан, хоть нам земляк).
И пел матрос как тот казак,
Что вырос в наймах сиротою,
Солдатом горемычным стал!..

---

¹ Оренбургской губернии.

Когда-то я слышал,
Как под ракитою дивчина
Ту песню старую несмело
Про казака-беднягу пела;
И я, малец, его жалел,
    Что он уморился,
    К тыну прислонился, ---
Люди смотрят, говорят:
— Может быть, напился! —
Малец, я плакал над судьбою,
Над горькой долей сироты.

. . . . .
О чем теперь-то плачешь ты?
О чем грустишь, старик? Седого
Какие думы тяготят?
Что счастье от тебя сокрыто?
Что ты и сам теперь солдат?
Что сердце вдребезги разбито?
Что разлилось без следа
Все доброе, что в сердце было?
Что вот и старость наступила? . .
Не так ли, голубок мой? . . --- Да . .

1848. Кос-Арал

* * *

Как за подушным, правый боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, с начала,
Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб как солдат
Не лезла в душу. . . Стражник лютый
Не отстает ни на минуту.

1848, Кос-Арал

II. С.

Я вовсе не сержусь на злого:
Молва при нем, как страж, стоит.
Сержусь на доброго такого,
Что ту молву перехитрит.

И вспомнить тошно мне бывает
Готический с часами дом,
Дом над ободранным селом,
И шапочку мужик снимает,
Лишь флаг завидит. Значит, пан
По саду с челядью гуляет.
Гуляй, откормленный кабан!
Гуляй, бездельник! Добрый пан,
Потомок дурня с булавою,
Он чистокровный патриот,
И он христианин душою:
Он в Киев ездит каждый год,
Он в свитке ходит меж панами,
В шинке сидит он с мужиками
И корчит вольнодумца здесь.
Хоть напечатай, — вот он весь!
А там в селе своем дивчаток
Перебирает он, а там
Своих же байстрюков с десяток
В году крестить он носит в храм,
И только-то. Житье паскуде!
Зачем не так его зовут?
Зачем его не заплюют?

И не затопчут? Люди, люди!
Вам колбасы гнилой подать —
Вы и свою родную мать
Уступите. . . Что мне до злого,
До пьяного Петра хромого!
Сержусь безмерно на людей,
Людей — юродивых детей!

1848, Кос-Арал

Г. В.

Нет горше доли, чем в неволе
Про волю вспоминать. А я
Все помню, волюшка, тебя,
Все о тебе тоскую. Воля,
Ты никогда не мнилась мне
Такою свежо молодою
И привлекательной такою,
Как нынче — в дальней стороне,
К тому ж в неволе. Доля! Доля!
Воспетая ты моя воля!
Хоть погляди из-за Днепра,
Хоть улыбнись из-за <лимана>.

И ты, моя единая,
За далью морскою
Встаешь из мглы туманною
Розовой зарею!
И ты, моя единая,
Ведешь за собою
Годы мои молодые,
И передо мною
Расстилаются, как море,
Широкие села
С вишневыми садочками,
С народом веселым.
И те люди, то селенье,
Где меня, лаская,
Братом звали. Мать, родная,
Старая, седая!

Собираются ль доселе
Веселые гости
Погоулять у тебя дома,
Как бывало, просто,
По-давнему, по-былому,
Сойдьясь спозаранку?
А вы, мои молодые
Милые смуглянки,
Веселые подруженьки,
У старой, как прежде,
Танцуете? А ты, радость!
Ты, моя надежда?
Ты, мой праздник чернобровый,
И теперь меж ними
Ходишь плавно и своими
Очами, такими,
Ну, дочерна голубыми,
И теперь чаруешь
Души все? Небось, доселе
Любуются все
Станом гибким? Ты, мой праздник!
Праздник мой единый!
Как обступят тебя, радость,
Подружки-дивчины, —
Словно пташки, защебечут, —
Таков их обычай;
Может, кто-нибудь случайно
В той гурьбе девичьей
И меня припомнит. Может,
Помянет и лихом.
Улыбнись ты, мое сердце,
Тихонечко-тихо,
Чтоб никто и не заметил. . .
И не думай много. . .
А я, долюшка, в неволе
Помолюся богу.

1848, Кос-Арал

* * *

Когда бы встретились мы снова,
Ты испугалась бы иль нет?
Какое тихое ты слово
Тогда промолвила бы мне?
Нет. Ты меня и не узнала б,
А может, вспомнив, и сказала б,
Что все приснилось лишь во сне!
А я бы радовался снова
Подруге, доле чернобровой!
Когда бы вспомнил и узнал
Веселое и молодое
Былое, горькое такое,
Я зарыдал бы, зарыдал,
Молился б я, что не правдивым,
А сном лукавым разошлось!
Водой-слезами разлилось
Далекое святое диво!

1848, Кас-Арал

<МАРИНА>

Как гвоздь в груди кровоточащей
Марину эту я ношу.
И написал бы о пропащей,
Так ведь сказали б, что грешу,
Что это я по злобе вящей
Нарочно про господ пишу,
Про то, как душу баре тешат...
Сказали бы, что дурень брешет, —
Ведь сам он крепостной,
Необразованный, простой.
Но, видит бог, мужик не брешет;
Стыдиться ль мне, что я не пан?
Но стыдно мне, стыд сердце гложет
За просвещенных христиан.

. . . . .

Зверь сотворить того не может,
Что вы, кладя поклоны,
Творите с братьями... Законы
Писали палачи за вас...
А вам-то что... Вы в добрый час
Спешите в Киев, чтоб получше
Грех замолить на всякий случай
У схимника!..

И то сказать,
Что плакаться буду!
Ведь уже мне не увидеть
Ни добра, ни худа.

А уж если кто не видит,
Все тому едино. . .
Так спеши ко мне скорее
С милой Украины,
Моя дума пречистая, —
Прилети, поведай,
Верная моя подруга,
О Марине этой,
Что у пана злого с нею,
С беднягою, случилось,
Да шепотом, чтоб чужие
Люди не дознались.
А то скажут, что мы грабить
На дорогах стали. . .
И зашлют еще подальше,
Поминай как звали. . .

. . . . .
. . . . .
. . . . . На днях в краю одном
Справляли свадьбу всем селом,
А из костела ехал
Приказчик, пан — кто разберет!
Сменялся пляской хоровод,
За гиком да за смехом
Никто не видел, как проехал
Тот управитель остроглазый.
А он, проклятый, сразу
Приметил молодую!
За что же милует господь
Дрянную тварь такую,
Как этот лях? Второй лишь год,
Как он с немецкими плугами
Худым приехал из худых
Сюда, а девушек простых
Пустил по свету с байстрюками
Немало, хоть женат. . . К тому же
Имеет миленьких таких
Двух деток — вылитых
Двух ангелочков. Встретить мужа
Выходит пани молодая,
За ручки деточек ведет.
А пан из брички вылезает,

Слугу за новобрачным шлет,
Потом детей своих ласкает,
Жену, голубку молодую,
Три раза, бедную, целует.
Беседуя, домой пошли.
Злодей не ожидает кары.
Вот молодого привели
    <Из-под венца — в гусары>,
Наутро в город отвезли,
В солдаты сдали — в москали!
Вот так, недолго размышляя,
    У нас порой кончают!
А молодая? Что ж без пары
Растратить ей судил господь
Красу и молодость? Как чары,
Распалось все и растеклось...
Так что же, вновь ей довелось
Батрачить? Нет, не довелось!
При пане место ей нашлось.
Уж не Мариною зовут
Ее — Марисей, не иначе...
Всплакнуть сердечной не дают,
Она ж забьется в угол, плачет,
Чудная! Жжет ее печаль,
Ей мужика простого жаль.
А оглянулась бы, взгляделась —
И рая бы не захотела:
Чего угодно пожелай,
Всего дадут, да и помногу.
— Не надо, — скажешь, — мне, убогой,
И в хате рай... — И не мечтай,
Самой смекнуть об этом можно...
Смотри, как ходит жеребцом
Вокруг тебя сам пан вельможный:
Как хочешь — худом иль добром —
А будешь панскою роднею,
Хоть в петлю полезай!.. С мольбою
    В панские палаты
    К пану мать ходила.
    Бить велел проклятый,
    Гнать старуху силой...
    Что тут делать было?

Рыдаючи в село пошла.
Одна лишь доченька была —
И та погибла...

. . . . .
Как ворон в поднебесье кричат,
Суля дожди и неудачи,
Так я про слезы и печаль
О тех — без племени, без роду —
Пишу, хотя кому их жаль?

И слезы лью без счету.
Мне жаль несчастных! Боже милый,
Ты дай словам святую силу —
Людское сердце пробивать,
Людские слезы источать,
Чтоб милость душу осенила,
Чтоб тихая легла печаль
На их глаза, чтоб стало жаль
Моих дивчаток, чтоб учились
Пусть добрыми ходить,
Святого господя любить
И брата миловать...

Насилу

Домой старуха дотащилась:
Цветы — за образом святым,
И на окне стоят цветы,
На стенах красками кресты,
Как будто добрая картина,
Понамалеваны... Марина!
Марина это, все она.
И нет Марины, мать — одна!
И поплелась она из хаты,
Чтоб вновь на барский дом проклятый
С пригорка глянуть; подошла
К хоромам, подле тына села
И всю-то ноченьку сидела
И плакала! Вот из села
Отару пастухи погнали,
А мать сидела и рыдала;
Уже и солнышко взошло,
Зашло и сумерки сгустились —
Все не идет она в село,

Сидит под тыном... Гнали, били,
Собаками ее травили,
Сидит — и все тут...

А Марина в платье белом,
Невестой Христовой
Плачет под замком, возносит
К всеблагому слово.
Никому войти в светлицу
Пан не позволяет,
Сам ей пить и есть приносит.
Просит, умоляет,
Чтобы на него взглянула,
Чтоб утерла очи...
И взглянуть она не хочет,
Пить и есть не хочет.
Приступиться к ней не может,
Бесится проклятый.
А Марина вянет, сохнет
В палатах богатых.
Уже лето миновало,
Зима наступила,
А Марина сидит себе,
Все слова забыла
И уже не плачет даже...
Вот так втихомолку
Пан допек ее, а все же
Не добился толку.
Хоть зарежь ее — упряма,
Горда не по чину...

Поздно вечером зимою
Глядела Марина,
Как за черным лесом, в небе
Красною бадьею
Луна всходит... — И я тоже
Была молодою, —
Прошептала, задумалась,
А потом запела:
«Хата — что палаты.
Гости пришли в хату,

Расплетали косы,
Ленты вынимали,
А пан просит сала,
А черт хлеба просит.
А гуси, гусята
В теплый край куда-то
За море стремятся!..»

. . . . .
Собаки лают, злятся,
Гогочут на дворе псари,
А пан побагровел, горит
От ярости, идет к Марине,
Как Кирик пьяный. . .

А у тына,

Не чуя стужи, мать Марины
Как в хате знай себе сидит.
Совсем старуха одурела,
Мороз от ярости трещит,
Луна из красной стала белой,
С опаской сторож в било бьет —
Не потревожить бы господ. . .
Пожар! Пожар! Повеярастал
Вдруг люди, словно из земли. . .
А может, здесь они росли,
Как будто волны, прибывали
И не напрасно удивлялись! —
Ведь было видно людям тем:
Марина голая совсем
Со старой матерью плясала
Перед хоромами! — и страх! —
Запела вдруг, держа в руках
Нож окровавленный. . .

«То не ты ли, кумася,
Так разубралася! . .
Как была я пани,
Ходила в жупане,
Паны увивались,
Руку целовали!»

(К матери.)

— А вы с того, должно быть, света
Марину обвенчать пришли?

Уже мне косу расплели,
Да пан приехал. . . Гуси это!
Совсем не гуси, а паны
Летят в края, где стужи нету, —
Их в пекле ждут у сатаны.
Гей, тега-тега! Слышишь? Слышишь?
Все церкви в Кіеве звонят.
Смотри, а там огонь горит,
А пан лежит себе, читает
И просит пить. . . А ты не знаешь,
Ведь я зарезала его? . .
А он, хоть обгорел, хохочет. . .
Смотри — вон, на трубе? . . Чего,
Чего глядит, как будто хочет
Сожрать тебя! Мать, берегись!
На, выкуси, на, подавись!

(Показывает фигу и поет.)

«Я москалика люблю, —
Даже сердце веселю!
Москали, москали
Юбок нам навезли,
Барчуки —
Денежки,
А сыночки поповы —
Ожерелья, обнови! . .
В колокол бей!
Тучи развей,
Неси яром
К злым татарам,
А солнышко — к христианам!
В колокол бей!»

М а т ь

Мариночка, пора домой!

М а р и н а

Пора домой, ведь завтра рано
Мне надо в церковь; глянь, поганый!
Вновь лезет, тянется за мной,
На. . . выкуси! . .

М а т ь

Пора домой.

(К людям.)

Ой, люди добрые, спасите!

М а р и н а

Берите же меня, вяжите,
Скорее в дом ведите к пану!
А ты не хочешь разве глянуть,
Какою панною Марина
В палатах под замком сидит?
Как гибнет, гибнет неповишно,
Как вянет, сохнет беспричинно
Твоя Мариночка. . .

(Поет.)

«Ой, тега-тега, серые гуси,
Тева, на Дунай!

Повязала головоньку —

Теперь думай да гадай».

И пташкам воля в чистом поле,

И пташкам весело летать,

А я завяла в злой неволе.

(Плачет.)

Мне ожерелье бы достать,

Да и повеситься. . . Иначе

Теперь беда. . .; хоть утопись!

Чего же ты, голубка, плачешь?

Не плачь, родимая, взглядишь,

Здесь я, Мариночка твоя!

Взгляни-ка: черная змея

Ползет по снегу. . . Захочу,

На юг как пташка полечу,

Ведь я уже кукушкой стала. . .

А на побывке он и не был?

Убили, может, на войне?

А знаешь, что приснилось мне? —

Что в небе днем луна сияет,

А мы над морем с ним гуляем.

И вдруг гляжу — не понимаю:

Все звезды покатались в воду,

Лишь одинешенька-одна

Осталась на небе, а я-то,
Как бы рассудка лишена,
Бреду, ищу в Дунае броду,
В лохмотьях с байстрюком бреду:
Смеются люди надо мною,
Зовут покрыткой и чудною. . .
И ты смеешься, а я плачу,
Да нет, не плачу, хохочу. . .
Взгляни: сейчас я полечу,
Ведь я сова. . . — И замахала,
Как будто крыльями, руками
И тотчас убежала прочь,
Завыв, как волк в глухую ночь.
Заковыляла мать за нею,
За дочкой бедною своею.
Все баре смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята.
Сгорели белые палаты,
А люди тихо разошлись.
Марины с матерью не стало.
Уже весной, когда пахали,
Два трупа на поле нашли
И на кургане закопали.

1848, Кос-Арал

ПРОРОК

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка —
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли,
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили. . . и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята — горе вам! —
На стогнах камнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И — род лукавый и жестокий! —
Взамен смиренного пророка. . .
Он повелел царя вам дать!

*1848, Кос-Арал
18 декабря 1859, Петербург*

* * *

На рожь несжатую в ночи
По придорожным пожням
Слетались осторожно
    Сычи
    И пошутить
    И рассудить,
Как бедных пташек отстоять,
Гнездо орла огню предать,
    С землей сровнять,
Орла ж повесить на осине
И навсегда отныне
    Республику создать!
И все бы, кажется? Ан нет!
Чтобы пресечь отравы вред,
    И было бы не диво,
Когда бы кто иной на ниве
Силки поставил, а то вишь:
Мужик голешенький-голыш
Поставил тихо и пошел
Под стог вздремнуть. И, рано
    Продрав глаза, зашел
Гостей проведать. А в капканы
Набились сплошь одни сычи!
Изволь — вари, пеки в печи!
Чтобы домой улова
Не приносить, одних убил,
Других воронам на смех сбыл,
Все рассудив толково,
И никому ни слова.

1848, Кос-Арал

* * *

Меж скалами, подобно вору,
Во мраке над Днестром идет
Казак. Во тьму бегущих вод
Он смотрит неподвижным взором,
Как бы во вражеские очи,
Как будто он промолвить хочет:

— Мутный Днестр, вода седая,
Вынеси на волю!
Или смерть найди, река, мне,
Коль такая доля!

И, одежду сняв на камне,
Он в воду бросился, плывет,
И синяя волна ревет.
И, ревя, на дальний берег
Казака бросает.
И бедняк, босой и голый,
Воду отряхает —
И на воле. . . И от бога
Больше не желает
Ничего. . . Постой, быть может,
В чужедальнем поле
Счастья ты себе попросишь,
Ты попросишь доли. . .
И пошел он рощей темной,
И поет на воле:

«Ой, за горой да за кручей,
За телегой скрипучей,
Шла смуглянка, горько плача
Над бедой неминучей».

Как вам угодно: хоть ругайте,
Хоть не ругайте, не читайте, —
Мне все равно. Я не прошу —
Сам для себя я напишу,
И карандаш опять потрачу.
Бог даст, быть может, и заплачу,
И хорошо. . .

Продолжим вновы!

Семья и мать вдали остались,
Жену оставил — жалость, жалость!
Вдоль бессарабских берегов
Идет казак. Доводит горе
До моря. Скажем мы, не споря:
Уж только б плеть в руках была,
А там холопа, как вола,
В ярмо загнать совсем нетрудно.

. . . . .

Не правда ли, что так?
Еще в младенчестве с сумою
Скитался с матерью казак,
Да так и вырос сиротою,
Все в людях. Сказано — батрак.
Семью завел он кое-как:
Красивую, да без достатка
Взял сироту. . . А господин
(Несчастье, счастье бог один
Присудит, говорится гладко)
Приметил — разгорелись очи,
И ну — гостинцы посылать.
Она гостинцы брать не хочет,
Не хочет пана приласкать.
Ну что же? Муж пойдет к ответу!
И скоро он не взвидит свету. . .
С женой же можно совладать.
Чуть-чуть не совершилось так.
Ведь до сумы дошел казак,

И все на барщине проклятой,
А был хозяин. . .

. . . . .

И — господи! — как он любил,
Как нянчился с женою,
Ее как дитяtko какое
В монисто нарядил!
Да и выбился из силы,
Хоть продавай хату
Да иди батрачить! Вот как
Пан его, проклятый,
Допек знатно. Жена только
Будто и не знает
И в монистах щеголяет,
По саду гуляет
Словно краля. . . «Что тут делать? —
Бедняк размышляет, —
Их оставить — да на волю?
Кто их пропитает,
Защитит? Одна — старуха,
Ей и встать нет мочи,
А другая — молодая,
Гуляет, хохочет!
Как тут быть? Как поступлю я?
Горе мое, горе!» —
И пошел, пошел с сумою
За синее море
Искать счастья. Думал жену
Захватить с собою —
Мать-старуха дома будет
Воевать с бедою,
Хозяйничать! . .

Да, вот так-то

На земле вершится!
Думал жить да поживать он,
Господу молиться,
А пришлось вот на чужбине
Слезами облиться —
Да и только. Тяжко, скучно
В чужедальнем поле!

Было все у работяги,
Кроме счастья-доли —
Этого святого дара. . .
Душа истомилась.
Тяжко ему на чужбине,
И ничто не мило.
Хоть бы раз окинуть глазом
Край родимый, милый,
И высокие могилы,
И степные дали,
Садик, где жена гуляет
Черноокой кралей.
И поплыл домой обратно,
Бросил даже волю:
Вновь — бродяга. . . О мой боже,
Каково-то поле,
Свое поле! Каково ты —
Широко, широко,
Словно воля! . .

. . . . .
Добрался до дому в ночи.
А мать стонала на печи,
А в горнице жена дремала.
(Пан болен был.) Жена тут встала,
Пиявкой в него впилась
И зарыдала, залилась
Неудержимыми слезами.
И так бывает между нами,
Что в сердце нож готов вонзить,
А сам целует! . . Ожила
Моя бедняжка-молодица!
Не чудом ли смогла явиться
В их дом богатая еда!
Сама ж склонилась головой
К нему на грудь. . . И напоила.
Вкусно накормила
И спать его, веселого,
В клетки уложила!
Лежит, дремлет горемыка,
Думает, гадает:
Каково в дороге будет?
Лежит, засыпает.

А жenuшка молодая
К пану поспешила
Рассказать, что муж явился.

. . . . .
Тихонько и мило
Пришли, взяли горемыку,
Из дома угнали
Проходимца, прощелыгу
И в солдаты сдали.

Не забыт и там судьбою:
Наградили чином.
И в село, оставив службу,
Вернулся с чужбины.
Мать похоронили люди
Миром на кладбище,
И пан умер. . . А жена-то. . .
Солдаткою. . . Рыщет
Всюду. . . Служит у богатых,
У панов. . . босая. . .
Нашел ее, глянул старый —
Ишь, беда какая!
Искалеченные руки
Поднял к небу, тяжело
Зарыдал он, как ребенок, —
И простил бедняжку!

Так прощать учитесь, люди,
Сердцем умиляться,
Как простак мой!

Где ж нам, грешным,
Доброго набратся?!

. . . . .
. . . . .

1848, Кос-Арал

* * *

И сонные волны, и небо уныло,
И, словно пьяный, вдалеке
Камыш над берегом к реке
Без ветра гнется. Боже милый!
Иль долго так придется мне
Вот здесь, в незапертой тюрьме,
Скитаться в горести над этим
Никчемным морем? Нет ответа!
Молчит и гнется, чуть жива,
В степи пожухлая трава;
Не хочет правды мне сказать,
И негде правду мне узнать.

1848, Кос-Арал

И вырос я в краю чужом,
И на чужбине я страдаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина. . .
Там хорошо лишь, где нас нет, —
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
Заехать мне на Украину,
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала;
Поклоны тяжко кладучи,
Перед иконою молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка. . . Славно, мама,
Что ты так рано спать легла,
А то б ты бога прокляла
За мой удел.

Как неприглядно
Все в благодатном том селе!
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды травой заросли.

Село как будто погорело,
Как будто люди поглупели,
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!

. . . . .
И я заплакал и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село —
Везде на славной Украине
Лихое панство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хорошим —
Несут последние штаны...

. . . . .
И очень тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!

Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно,
Куда бы ты ни кинул взор,
И старый Днепр меж тихих гор,
Что мчится пенною стремниной,
Красуется, любитесь
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Может, так оно б и случилось,
Если б не осталось
Злых папов на Украине!

. . . . .
1848, Кос-Арал

* * *

Не для людей и не для славы
Свои стихи, что так кудрявы,
Я сочиняю — для себя
Пишу их, братия моя!

Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая;
Будто с дальней Украины
Слова прилетают
И ложатся на бумагу,
Плачут и смеются,
Будто дети, и радуют
Забытую душу —
Несчастную. Хорошо мне,
Хорошо мне с ними,
Как отцу в богатой хате
С детками своими.
И доволен я и весел,
Бога умоляю,
Не забыл бы моих деток
В чужедальнем крае.
Пускай домой слетаются
Легонькие дети
И расскажут, как им тяжело
Было жить на свете.
И в семье веселой тихо
Детей приласкают,
И седую голову
Отец покачает,

Мать промолвит: — Лучше б детям
Не родиться было. —
А девушка подумает:
«Я их полюбила».

1848, Кос-Арал
1858, Петербург (?)

* * *

На кургане возле роши,
Где вольная воля,
Будто борются друг с другом
Два тополя в поле.
Ветра нет, но гнутся оба,
Будто ветер дует.
Это сестры-чародейки
Меж собой враждуют.

Они обе полюбили
Одного Ивана.
Как водится, были обе
Казаку желанны.
То одну он звал любимой,
То другую милой...
Но однажды над рощею
Солнце заходило —
И сошлись в овраге трое.
— Это не годится!
Издеваешься над нами! —
Пошли чаровницы,
Чтобы отравить Ивана,
За злою травую.
Нашли траву, варить стали
Зелье колдовское.
Заплакали, зарыдали,
Да дело такое:
Надо варить! Наварили;

Хлопца отравили,
На кургане возле рощи
В поле схоронили.
И довольны? Нет, не больно:
Всё они ходили
На курган тот утром рано
Плакать над Иваном.
Да и сами отравились
Проклятым дурманом.
А всевышний для примера,
Карая их злобу,
Превратил сестер в деревья;
И деревья оба
В чистом поле, на кургане,
Над Иваном этим
И без ветра склоняются,
И клонит их ветер.

*1848, Кос-Арал —
1858, Петербург (?)*

* * *

Мне б сапожки, я бы тоже
Танцевала, да сапожек
У бедняжки нет.
Музыканты играют,
Только горя прибавляют,
И немил мне свет!

Ой, пойду босая в поле,
Поищу иную долю,
Долюшка моя!
Ты не будь ко мне суровой,
Родилась я чернобровой,
Бесталанная!

Девушки-дивчата наши —
Все в сапожках красных пляшут,
Я одна брожу.
Без богатства, без любви я
Брови черные, густые
В наймах изношу!

1848, Кос-Арал

* * *

И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого, —
Знать, несчастна я.
Тяжко мне на свете жить
И никого не любить,
Аksamитные жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я,
Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою —
Да неволя моя!
Мать, отец всё не спят,
Всё на страже стоят
И одну гулять на воле
Не пускают в сад!
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым,
С ненавистным тем, богатым,
С моим ворогом злым!

1848. Кос-Арал

* * *

Повстречалася я,
Обвенчалася я
С бесталанным сиротою —
Вот и доля моя!

Люди взяли — навряд
Он вернется назад:
Люди лоб ему забрили, —
Рад не рад, а солдат!

И солдаткою я,
Одинокою я
Доживаю в чужой хате —
Вот и доля моя!

1848, Кос-Арал

* * *

Мать моя была богата,
Родила меня в палатах,
Нежила меня.

В бархате, в шелках, алмазах,
Тайно от чужого глаза
Подрастала я.

Час пришел. И я на диво
Стала до того красива, —
Краше не сыскать!

Но ведь вот беда какая:
Полюбила бедняка я,
И вмешалась мать.

И теперь, хотя богато,
Да одна живу в палатах,
Да ночей не сплю —

Как трава я полевая
Никну, никну, увядаю,
Жизнь едва терплю.

На свет божий не гляжу я,
Никого уже не жду я. . .
А старуха мать —

Уж пускай она потерпит —
Я ее до самой смерти
Буду проклинять.

1848, Кос-Арал

* * *

Муженька я дорогого
В дорогу послала,
А сама тропу от дома
К шинку протоптала.
За пшеном к куме ходила,
Чтобы успокоить
В хате с печкой ледяною
Деточек едою.
    Накормила малых,
    Спать им приказала
И пошла к дьячку потом,
Чтоб разжиться пятаком,
    Да заночевала.
А из Крыма муженек
Еле ноги приволок;
    Волы надорвались,
    Телеги сломались,
С кнутиками чумаченьки
    Домой возвращались.
Как вошел муж в хату,
И не взвидел света:
Дети ползают за печкой
Несыты, раздеты.
Говорит он: — Где же, дети,
Ваша мать родная? —
Отвечают ему дети:
— Мать в шинке гуляет.

1848, Кос-Арал

* * *

Ой, наточу товарища —
Да за голенище,
Да пойду искать я правды
И доли почище.
Ой, пойду я не лугами
И не берегами,
Не привычными путями,
Другими путями!
Поговорю с кабатчиком,
Да с богатым паном,
Да со шляхтичем поганым
В жупане поганом,
Да с монахом, коль придется, —
Пускай не гуляет,
Жития святых читает,
Людей поучает,
Чтоб друг друга не резали
И не обирали,
Сына вдовьего в солдаты
Чтоб не отдавали.

1848, Кос-Арал

* * *

По улице ветер веет
И снег наметает.
По улице вдоль забора
Вдова ковыляет
На паперть, сердешная,
И просить пошла-то
У тех самых, у богатых,
Что сына в солдаты
Позапрошлый год забрали.
Думалось иное:
Хоть в старости у невестки
Пожить на покое.
Не пришлось. Вот вымолила
Копейку с поклоном. . .
Да за сына поставила
Свечку пред иконой.

*1848, Кас-Арал —
1858, Петербург (?)*

* * *

Присяду я на крылечке,
На улицу гляну,
Вижу, как там недалече
Дивчата без Ганны,
Без моей, без Ганнусеньки
В «хрещика» играют.
И что-то им невесело,
И что петь — не знают,
Голубоньки. А моей-то
Нет голубки-птицы.
У свекрови все воркует,
Ждет меня, томится.

1848, Кос-Арал

* * *

Куковала кукушечка
Во зеленом лесочке,
Заплакала девченокка —
Нет у ней дружочка.
А девичьи молодые
Годы пропадают,
Как цветочки по теченью,
От нас уплывают.
Были б мать, отец родные
Да были б богаты,
Было б с кем и погулять мне,
Было б кому сватать.
А то нет, и одинокой
Так вот я и сгину —
Горемыкой-сиротиной
Где-нибудь под тыном.

1848, Кос-Арал

ШВАЧКА

— Ой, не пьется горилочка,
Не пьются меды,
Как бы шинкарям проклятым
Не нажить беды!
Ой, не пьется горилочка,
А я буду пить;
Не будете, вражьи паны,
На Украине жить.
Братья, утром в воскресенье
На Фастов нагрянем,
Ляхов резать станем —
Бить их не устанем.
Казацкого полковника
Своего помянем.
У Перепяти поспали,
До света вставали,
И в Фастове утром рано
Казаки гуляли.
Приди к нам из Межигорья,
Палий, поскорее,
Погляди-ка ты на Швачку,
На его затеи.
В славном городе Фастове
(Есть такие вести)
Там головушек скатилось
Не сто и не двести,
А из тысяч шляхетская
Их кровь заструилась,

Залила шинки, костелы
И все потопила.
Только церковь небольшую,
Церковку святую
Не залило, и в ней Швачка
Поет а л л и л у й ю.
Хвалит господа, веселый, —
А Швачке седлают
Коня его вороного —
Он гулять желает
В славном городе Быхове
Да с Левченком вкупе
Топтать трупы шинкарские,
Шляхетские трупы.

1848, Кос-Арал

* * *

Ой, не пьются мед и пиво,
Не пьется вода,
Приключилась с чумаченьком
В дороге беда:
Заболела головушка,
Заболел живот,
Упал чумака у телеги,
Упал, не встает.
Из Одессы прославленной
Завезли чуму;
Покинули товарища, —
Пропадать ему!
Волы его у телеги
Понуро стоят;
Стаей вороны степные
К чумаку летят.
— Ой, вороны, вы оставьте
Мертвеца в покое:
Наклюетесь и умрете
Вы рядом со мною.
Сизокрылые, летите
В далекие дали,
Моему отцу скажите —
Меня б отпевали,
Надо мной псалтырь читали,
А дивчине милой
Передайте, прикажите,
Меня бы забыла.

1848, Кос-Арал

* * *

На улице невесело,
А дома ругают
И к вдове-соседке в гости
Меня не пускают.
    Как свободы мне добиться,
    Дома не томиться,
Иль в другого мне влюбиться,
Или утопиться?
Ой, надену я сережки,
Бусы я надену,
В воскресенье на ярмарку
Пойду непременно.
Прикажу ему посватать
Или отступить! . .
Чем мне дома оставаться —
Лучше утопиться.

1848, Кос-Арал

* * *

Как у той у Катерины
Хата на помосте;
Из славного Запорожья
Наехали гости.
Один — Семен Босый,
Другой — Иван Голый,
Третий — славный вдовиченко
Иван Ярошенко.
«Объехали Польшу
И всю Украину,
А нигде мы не видали
Лучше Катерины!»
Один молвил: «Братья!
Если б стал богат я,
То отдал бы все золото
Этой Катерине
За часок единый».
Второй молвил: «Други!
Мне бы силу в руки,
Всю бы, всю ее я отдал
За часок единый
Этой Катерине».
Третий молвил: «Дети!
Нет того на свете,
Чего сделать не хотел бы
Я для Катерины
За часок единый».
Катерина задумалась,

Гостю отвечает:
«У меня есть брат любимый, —
В неволе страдает —
В Крыму где-то пропадает!
Кто его достанет,
Тот мне сразу, запорожцы,
И суженым станет!»
Коней поседлали,
Вместе поскакали,
Чтоб вернуть домой с чужбины
Брата Катерины.
Один утопился
В Днепровском лимане,
Другого в Козлове
На кол посадили;
Третий, Иван Ярошенко,
Славный вдовиченко,
Из лютой неволи,
Из Бахчисарая,
Брата вызволяет.

Заскрипели утром двери,
Кто-то входит в хату.
«Вставай, вставай, Катерина,
Повстречайся с братом!»
Посмотрела Катерина
И заголосила:
«Я неправду говорила,
То не брат, а милый!..» —
«Обманула!..» И на землю
Девичья скатилась
Головушка... «Выйдем, брат мой,
Из хаты проклятой!»
Едут братья, догоняют
Ветер-вихрь крылатый.
Катерину молодую
В поле закопали,
А славные запорожцы
В степи побратались.

1848, Кос-Арал

* * *

Из-за рощи солнце всходит,
За рошу садится.
Казак бродит по долине,
Тоскует, томится.
Битый час он бродит,
Второй начинает, —
Чернобровую напрасно
Казак поджидает.
Не выходит изменница. . .
Из темного леса,
Из оврага выезжает
С дворней пан-повеса.
Травят казака борзыми,
Назад вяжут руки,
И казак тот принимает
Смертельные муки.
Пан в подполье, молодого,
Его запирает. . .
А девушку покрыткою
По миру пускает.

1848, Кос-Арал

* * *

Ой, пошла я в овраг за водою,
Вижу, милый гуляет с другою.
    А эта другая,
    Разлучница злая —
Богатая соседушка,
    Вдова молодая.
    А я-то вчера-то
    С гадюкой проклятой
В поле дергань убирала
    И все рассказала,
    Как он меня любит,
    Как свататься будет,
И к себе такую суку
    На свадьбу просила.
    Иван ты мой милый,
    Голубь сизокрылый!
Побей тебя сила божья
Среди раздорожья.

1848, Кос-Арал

* * *

Не так недруги твои,
Как добрые люди —
И обкрадут, жалеючи,
И, плача, осудят,
И попросят тебя в хату,
На ласку богаты,
О твоём здоровье спросят,
Чтоб потом смеяться,
Над тобой смеяться,
Добить смехом этим. . .
Проживешь на белом свете,
Недруга не встрети,
    А доброму люду
    Тебя найти всюду, —
И на том свете добряги
Тебя не забудут.

1848, Кос-Арал

* * *

Ой, баю-баю, качаю сына
И день и ночь.
Пойдешь ты, сын мой, по Украине,
Нас проклянешь.
Сын мой, сыночек, лихом отца ты
Не помяни.
Я виновата, мне и расплата, —
Меня кляни;
Меня не станет — ступай не к людям,
В рощу ступай.
Роща не спросит и не осудит,
Там и гуляй!
Увидишь в роще калину, милый,
Остановись,
Калину эту я так любила,
Ей поклонись.
А как в селенье ты к хатам выйдешь,
То не томись,
А как с ребенком ты мать увидишь,
То отвернись.

1848, Кос-Арал

* * *

Отчего ты почернело,
Зеленое поле?
— Почернело я от крови
За вольную волю.
Вкруг местечка Берестечка
На четыре мили
Меня хлопцы-запорожцы
Трупами покрыли.
Да еще меня покрыло
Воронье с полночи...
Клюет очи казацкие,
А трупа не хочет...
Почернело, зеленое,
Я за вашу волю...
Снова я зазеленею, —
Вам иная доля:
Не вернетесь вы на волю ---
Ее вспоминая,
Вы меня пахать пойдете,
Долю проклиная...

1848, Кос-Арал

* * *

Туман плывет долинами,
Любо жить нам с родимыми,
Еще лучше за горою
Быть женою молодою.
Обойду я всю округу,
Поищу себе я друга:
— Где мой добрый, где мой милый,
Где мой сокол сизокрылый? —
Пусть бы отец выслеживал,
Мол, куда вы, да где же вы, —
Ночка темная укроет
Нашу свадебку с тобою.
Вышла замуж — вся изныла.
Лучше б я и не любила.
Лучше б жить, любви не зная,
Чем с тобою жизнь такая.

1848, Кос-Арал

* * *

То пасхальное воскресенье
Помнят люди и поныне:
До рассвета в достославном
Городе Чигрине
В медный колокол звонили,
Из пушки стреляли
И почтенных запорожцев
На совет скликали.
С хоругвями, с крестами
И с пречестными образами
Народ с попами
На гóру из церквей спешит,
Словно божья пчела гудит.
Архимандрит святую
Обитель покидает,
Он в золоте сияет,
Акафист читает,
Народ благословляет.
Спокойно и тихо
В рассветную пору
На крутую гору
Сходились полковники,
И войско, как море,
Шло рядами, с бунчуками,
С Луга выступало,
И труба пророкотала,
И недвижно войско стало.
Замолкли и пушки,

И звон отдаленный, —
Бьет казачество смиренно
Земные поклоны.
Молебствие архимандрит
Перед войском правит,
Святого бога просит, хвалит,
Чтобы послал им указанье
И облегчил бы им избранье.
И гетмана единогласно
Избрали утром рано-рано:
Преславного Лободу Ивана,
Рыцаря седого,
Брата войскового.
И трубы затрубили;
Церкви зазвонили,
Пушка загремела;
Знаменами, бунчуками
Гетмана укрыли.
Гетман слезы проливает
И руки к небу вздымает.
Славный гетман отвечает,
Поклонившись трижды,
Точно звон могучий
Над кручей:
— Спасибо вам, спасибо, родные,
Запорожцы удалые,
За славу, честь и уваженье,
Что сегодня оказали, —
Только лучше б вы избрали
Не меня, уже седого, —
Вы избрали б молодого
Запорожца записного,
Преславного, удалого
Павла́ Кравчѣнка-Наливайка.
Я стар человек, не смогу сражаться,
Будет со мною он совещаться,
По-сыновьи научаться,
Как за ляха взяться.
Тревожно, братья, стало ныне
На нашей славной Украине.
Нет, не мне воевать с ляхом,
Быть вам головою,

Не под силу мне, седому,
Сладить с булавою, —
Пускай правит Наливайко
К нашей вящей славе,
Чтоб от страха лях проклятый
Задрожал в Варшаве. —
Как шмель, казачество гудит,
Все церкви зазвонили,
И пушка вновь гремит.
Знаменами укрыли
Преславного запорожца
Павла́ Кравчѣнка-Наливайка.

1848, Кос-Арал

* * *

В лес-дуброву я ходила
По орехи,
Мельника я полюбила
Для потехи.
Мельник мелет, в ус не дует,
Обернется, поцелует
Для потехи.

В лес-дуброву я ходила
По опенки,
Шорника я полюбила
В той сторонке.
Шорник сбрую подшивает,
Меня крепко обнимает
Он в сторонке.

За дровами я ходила
В лес-дуброву,
Бондаря я полюбила —
Черноброва.
Бондарь ведра подбивает,
Меня к сердцу прижимает,
Черноброву.

Мама спросит дочь родную

Молодую: .

— Кто же раньше зятем будет —

Знать хочу я?

— В воскресенье святое

У тебя их будет трое, —

Ей скажу я.

1848, Кос-Арал

* * *

В воскресеньице да ранехонько
Еще солнышко не всходило,
А я, молодая,
На путь, на дорогу
Невеселая выходила.
Выходила я за рощу в долину,
Чтобы мать не видала.
Друга молодого —
Чумака с дороги
Я встречала.
Ой, встречалась я
В степи за кустами
Да с чумацкими возами:
Идут его волы,
Волы серые,
Идут и вздыхают,
А мой молоденький чумаченько
За волами не шагает.
Ой, копали ему в степи при дороге
Да притыками яму.
Завернули его в простую рогожу —
И опустили Ивана
В ту яму глубокую
На кургане могильном.
Ой, боже милый! Милый, милосердный!
А я так его любила. . .

1848, Кос-Арал

* * *

То не тополь ветер буйный
К земле нагибает,
То дивчина счастье-долю
Корит, упрекает:
— Лучше б тебе, доля,
В море утопиться,
Отчего ты не даешь мне
С кем-нибудь слюбиться!
Как дивчата целуются,
Как их обнимают,
Что тогда бывает с ними —
Я так и не знаю...
Не узнаю ввек. Ой, мама,
Страшно жить на свете,
И любви на белом свете
Никогда не встретить.

1848, Кос-Арал

* * *

Протоптала стежечку
    Через яр,
Через гору, миленький,
    На базар.
Продавала бублики
    Казаку,
Радовалась выручке —
    Пятаку.
Я два гроша, два гроша́
    Пропила,
За один дударика
    Наняла.
Ой, ду-ду, дударик мой,
    Ой, ду-ду!
Я руками горюшко
    Разведу.
Вот ведь я какая,
    Да не твоя!
Сватай меня, миленький,
    Выйду я!

1848, Кос-Арал

* * *

И широкую долину,
И высокую могилу,
И тот вечер соловьиный,
И что снилось, говорилось —
    Не забуду я.

Только что ж? Не повенчались,
Разошлись, как и не знались.
А в ту пору дорогие
Наши годы молодые
    Смутно протекли.

Постарели мы с тобою:
Я — в неволе, ты — вдовою,
Не живем, а доживаем,
Только годы вспоминаем —
    Те, что отошли.

1848, Кос-Арал

* * *

В огороде, возле брода
Барвинок не всходит.
Почему дивчина к броду
По воду не ходит?
В огороде, возле тына
Сохнет на жердине
Хмель зеленый; не выходит
Из дому дивчина.
В огороде, возле брода
Наклонилась ива, —
Стало грустно чернобровой,
Стало сиротливо.
Плачет, плачет и рыдает.
Словно рыбка бьется...
А над нею, молодою,
Негодник смеется.

1848, Кос-Арал

* * *

Кабы мне монисто, родная, —
Завтра б утром в город пошла я.
Там играют старым и малым
Громкий бубен, скрипка, цимбалы.
А девушки с молодцами
Милуются... Мама! Мама!
Как несчастна я!

Ой, пойду я богу помолюся,
Да пойду я в батрачки наймуся,
Черевички новенькие справлю,
Музыкантов я играть заставлю.
Вы не удивляйтесь, люди,
Как плясать дивчина будет!
Долюшка моя!

Ты не дай мне одной остаться, —
Косам расплетаться-заплетаться,
Без дружка вековать черноокой
И до гроба жить одинокой.
На чужой работе, знаю,
Брови черные линияют, —
И несчастна я!

1848, Кос-Арал

* * *

— Не хочу я обручаться,
Не хочу жениться,
Не хочу я, не желаю
С детворой возиться.
Не хочу я, мать родная,
С пахотою знаться,
В своем бархатном жупане
В поле красоваться!
А пойду я обвенчаюсь
С моим верным другом,
С славным батьком запорожским
Да с Великим Лугом.
На Хортице, в отчем доме,
Буду жить я паном —
Щеголять своим жупаном,
Напиваться пьяным. —
Пошел казак неразумный
Славы добиваться.
Довелось его родимой
Сиротой остаться.
— Ой! — вздыхала в воскресенье
Мать его седая. —
Нету моего Ивана,
И где он — не знаю. —
И не два, не три года
Прошло, миновало.
Воротился запорожец
Больной и усталый.

Оборванный, в заплатках весь,
Выплаканы очи. . .
Вот тебе и Запорожье,
Вот тебе дом отчий!
Не с кем грусть ему развезать,
Горем поделиться, —
Надо было б казаченьку
Смолоду жениться!
Прошли года веселые,
Горе подступило. . .
Кто же нынче обогреет
Сердце, что остыло?
Некому раздуть лучину
На пустом ночлеге,
Даже некому водицы
Поднести калеке.

1848, Кос-Арал

ЧУМА

Чума с лопатою ходила
Да всё могилы рыла, рыла,
Да трупом, трупом начиняла,
За упокой не поминала;
    По городу и по селу
    Метет подобно помелу.
Весна. Сады цветут в селе,
Как будто полотном покрыты,
Росою божьею умыты,
Белеют. Весело земле:
Цветет, красуется цветами,
Садами темными, лугами.
А люди бедные в селе,
Как всполошенные ягнята,
Позаперлись с испуга в хатах
И мрут. На улицах волю
Ревут без корма; в огороде
Пасутся кони; не выходит
Никто загнать их, корму дать, —
Должно быть, людям сладко спать.
Заснули, крепко, зная, заснули,
Воскресный день не помянули, —
Их звоном в церковь не зовут.
И трубам горестно без дыма;
За огородами, за тыном
Могилы черные растут.
За хатами, между садами,
Зашиты в шкуру и в смоле,

Гробокопатели в селе
Волочат мертвецов цепями
За край села и зарывают
Их без гробов. Дни пролетают,
Проходят месяцы. Село
Навек замолкло, онемело
И все крапивой поросло.
Гробокопатели ходили —
И те под хатами легли.
Никто из хат не встал с зарею,
Сердешных не укрыл землею —
Гниют под хатами в пыли.

Как оазис в чистом поле,
Село зеленеет.
Никто в него не заходит,
Только ветер веет,
Листья желтые разносит
По желтому полю.
Долго оно зеленело,
Пока люди с поля
Злого огня не пустили
Да не подпалили
Села того зеленого.
Сгорело, сотлело,
Пепел ветром разметало,
И следу не стало.
Вот какое людям горе
Чума причиняла.

1848, Кос-Арал

* * *

И снова мне не привезла
Ни слова почта с Украины...
Знать, за греховные дела
Караюсь я в такой пустыне
Сердитым богом. Нет, не мне
Об этом знать, за что караюсь.
Зачем и знать об этом мне?
А сердце плачет, вижу снова
Дни невеселого былого
В той невеселой стороне,
В своей Украине, — надо мною
Они когда-то пронеслись...
Тогда божились и клялись,
Братались, сестрились со мною,
Потом, как туча, разошлись,
Не окропаясь слезой святою.
И довелось снова мне
Людей на старости... Нет, нет!
В холеру все поумирали,
А то хотя б клочок прислали
Бумаги той . . . . .
. . . . .
Ой, с досады да с печали,
Чтоб не видеть, как читают
Эти письма, погуляю,
Погуляю по-над морем,
Да развею свои горе,
Украину вспоминая
Да песенку напеваю.

Люди злые, люди сгубят,
Она ж меня приголубит.
Посоветует, уважит
И всю правду мне расскажет.

1848, Кос-Арал

* * *

В неволе я один скучаю,
Мне не с кем душу отвести.
Ищу и сам того не знаю,
Где собеседника найти.
Ищу я бога, а встречаю
Такое... господи, прости...
Вот что со мной свершили годы
Да горе, да и то еще,
Что пасмурно, не горячо
Мое святое лето было,
Что жизнь моя прошла уныло,
И нечего мне вспоминать.
А душу надо развлекать,
Ведь ей так хочется, так просит
Привета... Не слетает с губ.
И словно в поле снег заносит
Еще не охладевший труп.

1848, Кос-Арал

* * *

-- Мой отец старый умер.
Мать-старуха скончалась, --
Без совета, без помощи
Я на свете осталась.
    Где я горе спрячу,
    Где найду удачу?
    Пойду ли батрачить,
    Дома ли поплачу?
Ой, пойду, пойду в дуброву.
Посажу я мяту.
Если примется, не брошу
Я родимой хаты.
Придет в хату мой желанный.
    Хозяйничать будем.
А если нет, то я пойду
    На работу к людям. --
Принялась в дуброве мята,
Растет-зеленеет.
А девушка на работе
На чужой дурнеет.

1848, Кос-Арал

* * *

Из похода не вернулся
Гусарик-москаль.
Чем он так мне приглянулся?
За что его жаль?
Что гусарик черноусый,
Что в жупан одет он куцый,
Что Машею звал?
Нет, не это грусть наводит, ---
Красота моя уходит,
Замуж не берут.
А дивчата, как сойдутся,
Всё проклятые смеются,
Гусаркой зовут.

1848, Кос-Арал

* * *

Во граде Вильно достославном
Вот что произошло недавно...
Тогда стоял... Но трудно мне
В поэму втиснуть это слово...
Тогда в просторный и суровый
Он превращен был лазарет,
А бакалавров разогнали
За то, что шапок не ломали
Пред Острой брамой... Что дурак,
Заметно сразу, но никак
Назвать не смею, правый боже,
Того студента — ну так что же?

То был сын ясновельможный
Литовской графини:
Мать заботилась о милом,
Единственном сыне.
Не как пан дитя училось
И шапку снимало
В Острой броне; было б ладно,
Да беда настала!
Он влюбился не на шутку,
Был молод, сердечный,
Выбрал юную еврейку
И хотел, конечно,
Чтоб не знала мать родная,
Тайну соблюдая,
На красавице жениться.

Вот была такая
Та еврейка. Все сидела
До глубокой ночи
Пред окном и утирала
Печальные очи...
И она его любила,
И страх как любила.
На бульвар гулять ходила
И в школу ходила
Все с отцом. И что тут делать
С долею проклятой?
А банкир один из Любска¹
Евреечку сватал.
Что же делать тут влюбленным
И несчастным детям?
Утопиться? Без еврейки
Не житье на свете
Паничу. Старик проклятый
Знать того не знает,
Дочь единственную крепко
Дома запирает.
Как идет он утром в лавку —
Сторожила б строже,
Нанимает Рухлю. Что же?
Рухля не поможет.
Где девушка эту книгу,
Где роман читала —
С тонкой лестницей из шелка, —
И Рухля не знала.
Может, сама догадалась,
Только так случилось,
Что себе сплела такую ж
И в ночи спустилась
Вниз, на улицу, к студенту.
Тут бы им скрываться,
А они (понятно — дети)
Сразу — целоваться
У ворот немедля стали.
А отец тут вскоре

---

¹ Любск — замок над Вилней.

Как безумный выбегает
С топором. Ой, горе,
Горе матери несчастной!
Сына не зови ты:
На улице валяется
Сынок твой убитый.
Он погублен изувером,
Горе приключилось!
Евреечка (что за сила
В дитяти открылась?)
Бросилась, топор схватила
И по обух живо
В грудь отцовскую всадила.

Вот такое диво
Было в городе преславном,
В Вильне приключилось.
И дивились долго люди,
Где же притаилась
Евреечка та, гадюка,
Что отца убила.
В Вилни она тихонько
Ночью утопилась.
И нашли ее в Закрете;
Там и закопали.
А графиня без сыночка
Осталась в печали,
В Рим уехала, я слышал,
Да там и осталась,
Да с маркизом неким нищим
Будто обвенчалась.
Может, люди лгут — не знаю,
На то они люди,
И вдовицу не забудут
И всегда осудят!

1848, Кос-Арал

* * *

Не домой спеша, расставшись
С кумой поздновато,
Не ложиться спать собираясь,
Вспомни, брат, меня ты!
А заглянет скука в гости
И забьется в угол —
Вот тогда-то на беседу
Позови ты друга.
Ты, живущего в пустыне,
Далеко над морем,
Друга вспомни веселого,
Как он спорит с горем,
Как свои скрывает думы
Он в сердце убогом,
Как он ходит, как он бродит
И молится богу,
Вспоминает Украину,
Тебя, друг сердечный!
Погрустить порой неплохо —
Не сильно, конечно,
А немножко. . . На дворе уж
Праздник наступает.
Горько тем, кто этот праздник
В пустыне встречает
Одиноко. . . Завтра рано
Звоном колокольным
Загудит вся Украина,

И люд богомольный
Хлынет в церковь. . . Завтра ж рано
Завоеет голодный
Зверь в пустыне, и подует
Ураган холодный,
И шалаш — мое жилище —
Закачает ветер.
Так, дружище, мне придется
Этот праздник встретить.
Как же быть? На то и горе,
Чтобы с ним сражаться!
И как станешь, друг-товарищ,
Грусти предаваться,
Прочитай мое посланье.
Знай — тяжкая доля
У того, кто прозябает
В пустыне, в неволе,
Да и там живут, хоть плохо,
Что делать? Не знаю.
Умереть бы! Так надежда,
Брат, не умирает!

*24 декабря 1849,
Кос-Арал*

* * *

Как днем осенним чумаки,
Минуя версты, вдаль проходят, —
Так и мои проходят годы;
А мне и горя нет! . . . Листки
Расписываю, заполняю
Стихами их. И развлекаю
Дурную голову свою
И кандалы себе кую.
(Вдруг эти господа узнают!)
Да что ж, пускай хотя б распнут,
А я стихам не изменяю,
Уже два года сочиняю
И третий в добрый час начну!

1849, Кос-Арал

<СОТНИК>

Под Оглавом. . . Кому знаком,
Скажите, Оглав белостенный?
Немногим! Поясню смиренно,
Чтоб вас не насмешить, грехом.
Недалеко от Борисполя —
А в Оглав путь не тяжелей —
И посейчас в пустынном поле
Приметна купа тополей.
Ну, впрямь из Оглава дивчата
Овечек вывели куда-то —
И стали. Было то давно. . .
Вот тут обычно из-за тына
Вился горох по хворостине;
И застекленное окно
В садочек летом открывалось,
И хата, видите, была
За тыном, сотникова хата.
А сотник был старик богатый,
Так у него в доме росла,
Воспитывалась, как родная,
Подкидыш-дочка. Или так,
В приемыши, седой казак
Сиротку взял и, надзирая,
Ходя за нею день и ночь,
Растил себе чужую дочь.
А сына (сотник был женатый,
Да овдовел) он в бурсу сдал
Учиться, в Киев — прочь из хаты.

А сам Настусю поджидал,
Сиротку ту, отроковицу,
Готовый с ней соединиться:
Не сына с ней соединить,
А в голову ему, седому,
Взбрело под старость подурить.
Но, сор не вынося из дому,
Не говорит ни с кем чужим,
Лишь сам с собою рассуждает...
А уж бабенки... бес их знает!
Смеются за спиной над ним!
Они поживу носом чуют.

. . . . .

Сидит сотник возле хаты,
В тиши размышляет,
А Настуся по садочку
Пташкою порхает.
То подсядет, возьмет руку,
Прильнет к ней губами,
То седыми, страшными
Играет усами, —
Ну, понятно, как ребенок,
Ласкает седого.
А седому не до шуток —
Хочется много:
Греховного наслажденья
Плоть, дряхлая, просит.
И пальцами старый сотник
Настусины косы,
Словно две змеи большие,
В одну заплетает,
То расплетет, да вокруг шеи
Трижды обмотает! . .
А она, моя голубка,
Ничего не знает, —
Словно кошечка за печкой,
Резвится, играет. . .

Сотник

Да отвяжись ты, баловница.
Все одни проказы,

Как русалка, растрепалась...
А зачем ни разу
Ты ленты не вплела в косицы,
Тесьму, что тетка привезла?..

Н а с т у с я
Пустили бы на вечерницы,
Тогда б и ленты я вплела,
Сумела бы принарядиться,
Другие башмачки б взяла,
Барвинком убрала бы косы... .

С о т н и к
Беда с тобой — простоволосой!
Да где бы ты его нашла,
Чтоб им украситья богато?

Н а с т у с я
А возле тына! Там такой
Зеленый вырос да крещатый,
Да синий! Сине-голубой
Зацвел... .

С о т н и к
Скажи «прощай» дивчатам!

Н а с т у с я
Что ж, разве я умру?

С о т н и к
Ну, нет!
А снилось осенью, мой свет,
Когда мы саженцы садили, —
Как примутся... мне так приснилось... .
Как примутся, так в тот же час
Ты выйдешь замуж.

Н а с т у с я
Вот те раз!!!
И саженцы вам поломаю... .

С о т н и к
А как барвинок даст цветы... .

Н а с т у с я

Я и барвинок посрываю!

С о т н и к

А не уйдешь от свадьбы ты!

Н а с т у с я

Нет, нет, уйду, мне, право, стыдно!

(Плачет.)

С о т н и к

Глупа ты, Настя, сразу видно:
С тобой шутить — и не проси!
Не видишь разве, что шучу я?
Ступай-ка скрипку принеси,
Ты с горя славно потанцуешь,
А я сыграю. . .

Н а с т у с я

Ладно, тату. . .

И радостная — мигом в хату.

С о т н и к

Нет, малость погодим тогда!
Повременим! Да вот беда-то:
Года не ждут! летят года!
А мысль проклятая змеею
Глубоко к сердцу приросла. . .
А, ты уж скрипку принесла?
Так что же нам сыграть с тобою?

Н а с т у с я

Э, нет! Пойдите! Чур молчать.
А то не стану и плясать,
Пока барвинка не нарву.
Я мигом, я сейчас управлюсь!

Отходит недалеко, рвет цветы, убирается ими и поет,
а сотник настраивает скрипку.

С о т н и к

Смотри, одна уж оборвалась.
Постой, и эту оборву. . .

Н а с т у с я

(возвращается, убранный цветами, напевая)

«Ой, когда б мне крылья, крылья
Соколиные,
Полетела бы за милым
На чужбину я.
Полетела бы в лесочек,
В мой зеленый гай, —
Полетела бы, дружок,
За тихий Дунай!»

В то время как она поет, в садик входит молодой хлопец в соломенной широкополой шляпе, в коротком синем жупане, зеленых шароварах, с котомкой за плечами и с плетью.

П е т р о

День добрый! Бог на помощь!

Н а с т у с я

Тату! Тату! Петро! Петро! Из Киева пришел!

С о т н и к

А, видом-видать, слыхом-слыхать! Волею или неволею?

П е т р о

Волею, тату, да еще и богословом.

С о т н и к

Ого!

Н а с т у с я

Богословом? Страх какой!

С о т н и к

Глупая, чего ты боишься!

(Подходит к сыну, крестит его и целует.)

Боже тебя благослови, дитя мое! Настуся! Отведи его в горницу да накорми, а то он еще, пожалуй, и не обедал.

П е т р о

Да оно так.

(Идет в горницу с Настусей.)

Сотник

(один)

И даровал же мне господь
Такую ветвь, такого сына!
И богослов уже. Причина,
Причина мудрая.

(Задумывается.)

Ну вот,
О чем тут думать? В иереи,
А не захочет, так на Сечь —
И там, небось, не сломит шен.
И все... Еще забота с плеч:
Заставить надо богослова,
Чтоб дома он баклуш не бил,
А между делом обучил
Настусю заповедям, — снова
Дьячка тогда не нанимать,
Как для покойницы. А знаю —
Иначе нас не обвенчает
Отец Хома... Пойти сказать,
А то забуду...

(Идет в дом.)

Жить бы, жить да славить бога,
Детьми любоваться, —
Так нет: надобно под старость
Начать бесноваться,
Надо старому жениться
На малом дитяти!
Эй, очнися, не женися:
И ей не жить в хате,
И сам, дряхлый, посмешищем
В своей семье станешь,
Станешь проклинать женитьбу,
Горевать устанешь,
Будешь плакать, только слезы
Никто не осушит
Старческие. Не женись же!
Одумайся, друже!
Погляди: все зеленеет,
И дети в расцвете,

За что ж ты им, молоденьким,
Не дашь жить на свете? . .
Нет, его так зависть мучит,
Что смотреть наскучит!
А Настуся с богословом
Заповеди учит.
Вот смотрите: в тихий садик
Вышли и гуляют,
Словно голубок с голубкой,
Вдвоем рассуждают.
А седого нету дома,
Вот они и рады
Порезвиться. Поглядите:
Около ограды
Стали рядом, любятися
Один и другая.
В небе ангелы святые
На бога взирают,
Как те двое друг на дружку.
Вот голос Петруся:

Петро

Отчего ты не читаешь,
Скажи мне, Настуся?

Настуся

Да что я, школяр, что ли? Не хочу — и все!

Петро

Хоть одну маленькую заповедь нынче выучи, хоть пятую.

Настуся

Ни пятой, ни шестой — никакой не хочу.

Петро

Ну, так поп и не повенчает никогда, ежели не выучишь!

Настуся

Все равно, пускай не венчает.

Петро

А со мною?

Настуся

И с тобою пускай. . . Э, нет! Пускай повенчает! . .

Петро

Так читай же! А то. . .

Настуся

А то. . . Что ты сделаешь?

Петро

Поцелую. Вот увидишь!

Настуся

Как хочешь, целуй, а я читать не стану!

Петро

(целует ее и приговаривает)

Вот тебе раз! Вот тебе два!

А сотник выглядывает из-за плетня и входит в дом, не подав виду.

Настуся

(отбивается)

Хватит уже, хватит! Скоро отец придет, надо вправду читать.

Петро

А! Теперь и читать!

Сотник

(выходит из дому)

Дети! Будет вам учиться! Не пора ли обедать?

Петро и Настуся молча идут в хату.

Сотник

(один)

Ученье, нечего сказать!

Ай да ребенок! Нет, Настуся!

Теперь я за тебя примуся,

Теперь, дружок, иная статья!

Пока сто раз не поцелует,
Читать не хочет! А бурсак!
Собачий сын, какой мастак!
Сейчас тебя я помуштрую —
Не то, что в бурсе! . . Помелом!
Чтоб. . . позабыл, где двери в дом!
Чай, свет велик, найдет дорогу!
Смотри-ка, пес какой, ей-богу!
Вот это вправду богослов —
Отца обворовал! Ну, чадо!
Как люди стали жестоки! . .
А что творится за оградой?
Там снова, знать, ученики
Читают. . . Разогнать их надо.

Такие-то отцы детям!
Для чего, скажите?
Посмеянье перед богом.
А туда же — чтите,
Уважайте его, дети:
Отец справедливый,
Отец мудрый! Хорошо им,
Сиротам счастливым,
Что отцов таких не знают
И в грех не впадают!

Н а с т у с я

(выбегает заплаканная из дому)

Не дает и пообедать,
В Киев прогоняет.
А, боже мой милостивый!
Где найти защиты?
Убегу с ним!

(Смотрит в хату.)

Замахнулся!
Ух, какой сердитый!
Не ударит. . . А я таки
В Киев за Петрусем
Побегу, делай что хочешь!
Я не побоюсь, —

Темной ночью идти буду...
А ведьма поймает?!
Нет, не страшно!

(Заглядывает снова.)

Бедняжечка!

Книжки собирает,
Шапку взял, мешок на плечи.
Прощай же, мой любый,
Мое сердце!.. Так под вечер?
У заставы?.. Буду!
Раньше буду! Вот на, лови!

(Кидает через плетень цветок.)

Слышишь? Дождись!

Выходит сотник. Настуся поет.

«Не ходи, не ходи, не увивайся!
Не сватай, не пойду, не собирайся!»

Сотник

Спокойна! Будто не слыхала!
Хохочет и сорокой скачет.
Настуся! Что же ты не плачешь?
Ведь ты Петруся потеряла.

Настуся

Смотрите, вот еще печаль!
Ну и заплачьте, если жаль...

Сотник

Жалеть не буду.

Настуся

Что же мне
Жалеть — я вовсе в стороне;
А я уж заповеди знаю,
Все выучила!

Сотник

Все? Сама?

Настуся

Пускай хоть нынче проверяет
Горластый ваш отец Хома!

Сотник

Так, значит, свадьба в воскресенье?

Настуся

Нет, надо ответить; терпенье!
Как отовеемся — тогда.

Сотник

(целует ее)

Моя пригожая голубка!
Моя ты ягодка!..

(Пляшет и приговаривает.)

«За селом

Вчетвером

Средь ночи ходила!

А в ночи

Идучи

Монисто забыла».

Настуся

Далось вам то монисто! Шли бы скорее к отцу Хоме да уговорились. Вот что!

Сотник

Правда, правда, мой цветик! Побегу ж я скоренько, а ты тут, моя любя, погуляй тихонечко! Да уберись цветами! Да не жди меня, а то, может, останусь и на вечерню.

(Целует ее и уходит.)

Настуся

Ладно, ладно! Ждать не стану,
Ждать не стану, ждать не стану,
Соберусь я раным-рано
Да в монисто уберуся,
Догонять пойду Петруся.

Обнимемся, поцелуемся, возьмемся за рученьки, да и пойдем вдвоем прямо в Киев. Надо убраться цветами, — может, в последний раз! Ведь он сказал: в Броварах и повенчаемся.

(Убирается цветами и поет.)

«Ой, пойду я не берегом — лугом,
Повстречаюсь с несуженым другом.

Здравствуй, здравствуй, несуженый милый!
Поклялись мы в любви до могилы;
Любились мы, да не повенчались,
Только с горем, с печалью спознались».

Вот вспомнила какую! Чур ей, какая нехорошая! Побегу-ка я скорее. Прощайте, мои высокие тополя и красноты мой барвинок!

(Уходит.)

Идет нетвердою стопой
Подпивший сотник, сам с собой,
В ночи, веселый, рассуждает:
— Пускай и наших люди знают!
Пускай и старый и горбатый,
А мы. . . Хе! Хе! А мы женаты!
А мы! . . — Добравшись еле-еле,
Прокрался он к своей постели,
Чтоб Настю, вишь, не разбудить,
Постыдного не натворить.
Уже к «Достойно» отзвонили,
Уже народ идет домой, —
Не видно Насте молодой!
Насилу старца разбудили,
Растолковали: так и так!
Перекрестился наш чудак,
Коня отменного седлает
И скачет в Киев. — В Броварах,
Повенчана уже, гуляет
Его Настуся, не одна!
В усадьбу сотник мой вернулся,
Три дня, три ночи не вставал,
Ни с кем словечка не сказал,
Про свой позор не заикнулся.

. . . . .
. . . . .

Люди барыши считают,
А того не знают,
Что под старость поглупеют
И все растеряют.

Вот так теперь и с сотником
Неразумным сталось:
Разогнал детей по свету,
А добро осталось, --
Добром не с кем поделиться.
И пришлось бесславно
Промотаться, разориться,
Счастья не доставив
Никому ни на копейку,
Притчей во языцех
Слыть в народе, и в холодной
Горнице томиться
Под тулупом; никто близкий
Не паче хаты,
Не подметет. . . Среди грязи
Слоняйся, горбатый,
Пока филин над стрехою
В окно не завоет,
А батрачка холодного
Трупа не накроет
Потрешанной овчиною,
Ключа от коморы
Из-за пояса не вынет. . .

Такое-то горе
С тем сотником приключилось.
Не прошло и года,
Как Настусенька пропала,
А на огороде
Не осталось и травинки —
Телята да свиньи
Вытоптали. . . А барвинок
Крещатый да синий,
Потоптаный, возле тына
Засыхает, вянет!
А сам сотник в старой свитке,
Опухший да пьяный,
Мимо клуни ковыляет.
А стога не крыты,
И горницы не мазаны,
И полы не мыты,
И челяди нету дома,

И скот пропадает. . .
И теперь уже батрачка —
И та помыкает
Дряхлым паном. . . Так и надо:
Не гони ребяток,
Старый дурень! Мало прожил
На былой достаток
Пьяный сотник. Еще лето
Люди пережили.
А к осени на улице
Сотника убили!
Или помер, возвращаясь
Из шинка. . . Не стали
Узнавать, как было дело.
И онучи взяли
Люди добрые, а старца
Здесь похоронили
На лужайке. Крест поставить —
И тот позабыли.
Вспомнить горько: жил в достатке,
Есть родня и дети,
А вот крест ему поставить
Некому на свете!
Умер сотник, и хоромы
Сгнили, покосились;
Все пропало, все сгнуло.
Только сохранились
Тополя в пустынном поле:
Стоят, как дивчата,
Что из Оглава овечек
Водили когда-то.

1849, Кос-Арал

* * *

За солнцем облачко плывет,
Краснеет, полы расстилат,
И солнце спать оно зовет
В морскую синь — и прикрывает
Розовую пеленою,
    Как ребенка к ночи.
    Любо глазу. Хоть часочек,
    Хоть один часочек
    Сердце словно отдыхает
    С богом в разговоре. . .
    А туман, как враг лукавый,
    Закрывает море
    И облачко розовое,
    И тьму за собою
    Он выводит, расстилат,
    И тьмою немою
    Обовьет твою он душу,
    И грустишь о свете —
    Ждешь его, как мать родную
    Ожидают дети.

1849, Кос-Арал

* * *

Не стану я печалиться,
Досаждая людям,
Уйду куда глаза глядят,
А там — будь что будет!
Выйдет счастье, так женюсь,
А нет — утоплюся.
Никому я не продамся,
В наймы не наймуся.
Пошел куда глаза глядят...
Счастье схоронилось,
А волюшка людям добрым
И во сне не снилась.
Хоть не снилась, а людьми же
Брошена в неволю:
Чтоб и не всходило это
Зелье в нашем поле.

1849, Кос-Арал

* * *

Зачем буду я жениться,
Зачем обручаться?
Надо мной, женатым, будут
Казачи смеяться.
«Оженился, — они скажут, —
Голодный да голый;
Загубил он, неразумный,
Молодую волю».
Да и правда. Что ж мне делать —
Научите, люди!
Может, к вам идти батрачить?
Разве лучше будет?
Нет, чужих волов не буду
Пасти, загонять я;
Уважать не буду тещу
Я в хозяйской хате.
А буду я красоваться
В голубом жупане
На коне на черногривом
Перед казаками.
Найду себе чернобровку
В степи при долине —
Найду курган-могилушку
Я на Украине.
Казачи придут на свадьбу
С друзьями моими.
С ними пушки, самопалы,
Кременницы с ними.

Как понесут товарища
В новую светлицу,
Застрекочут самопалы,
Грянут кременницы.
В той светлице атаману
Спать, беды не зная.
Грянет пушка, завывая,
Словно мать рыдая.
Закричит, запричитает
О погибшем сыне,
Разнесет далеко славу
По всей Украине.

1849. Кос-Арал

* * *

Ой, серые кричат гуси
У пруда во рву.
По всему селу гуляет
Слава про вдову.
Не так слава, не так слава,
Как тот разговор,
Что заехал запорожец
Ко вдове во двор.
С ней поужинал в светлице.
Мед, вино текли.
Вместе в хате на кровати
Почивать легли.
Не минула злая слава,
Даром не прошла:
Та вдовица белолица
Сына родила.
Выпестовала сыночка
И в школу свела,
А из школы его взявши,
Коня привела.
А коня ему купивши,
Седельце сама
Чистым шелком вышивала,
Золотом ткала.
И жупаном одарила
Красным дорогим.
Посадила на коника —
Гляньте-ка, враги!

Полюбуйтесь! — И повела
Коня вдоль села.
Да и привела к обозу,
В войско отдала. . .
А сама на постриг в Киев
В монашки пошла.

1849, Кос-Арал

* * *

— Если бы тебе досталось
Пожить вместе с нами,
Знал бы ты тогда, приятель,
Какими словами
Называть своих несчастных
Девушек-покрыток,
А то мелет чертовщину
И думает: мы-то!
Мы-то людям всем покажем
Этих бесталанных
И учтивости научим
Паничей поганых.
Жаль труда! Покуда баре
Власть имеют в селах,
Будет много собираться
Покрыток веселых
По шиночкам с солдатами.
— Не тревожься, братец!
Ладно, говорю! а все же
Быль-побаску нате,
Да последнюю, барчата!
Послушайте кстати!

Дивчата на лугу гребли,
А хлопцы сею в копны клали,
Да всё на солнышко взирали,
Да всяческую чушь несли
Ребьячась. Хлопцам, как сороки,

В ответ дивчата стрекотали
И часто к роднику спускались
В овражек глубокий.
Та, что красивей всех была,
Уже давно в овраг ушла,
Кувшин забрав, да и пропала,
А старосте — заботы мало,
Не видит будто. Не впервой
Лукавому кривить душой, —
Матерый пес да и ученый.
Из балки вдруг донесся крик, —
На помощь хлопцы в тот же миг,
И видят: в балке разъяренный
Насилье барский сын творит,
Дивчину бедную терзает.
Сердешная вопит, кричит;
Примчались хлопцы; не спасают,
Боятся пана. Тут один,
Юнец безусый, оглянулся
И — вилами пана!
Проколол его, как жабу. . .
Застонал поганый,
Да и умер. Пошумели,
В город весть помчалась:
Суд наехал, поглядели
И выпили малость
Судьи; в цепи заковали
Парня молодого
Да в острог замуровали,
Не молвив ни слова.

На шляху, в широком поле,
Корчма под ветлою
Стоит, в тени пристроилась, —
Ну, а под корчмою
В ряд колодники расселись.
В тени приютиться
Позволили горемыкам,
Водички напиться.
Сидят они, рассуждают,
Быль припоминают.

Из-за горки поезжане
На шлях выезжают.
Их три тройки; и случайно
У корчмы той стали
Покормить коней усталых,
И дружки устали
Распевая; вот и стали;
Встала молодая
И, горилки кварту взявши,
Пошла, оделяя
И невольников несчастных,
И конвой унылый.
Вдруг взглянула, обомлела:
Боже, боже милый!
Меж колодников, закован,
Тот самый единый.
Несет мститель бесталанный,
Несет с Украины
Кандалы в Сибирь глухую.
Тебя ж, молодую,
Будут холить, и не будешь
Ты слышать, тоскуя,
Его плача всedневногo...
Потчевать не стала
Мстителя она святого
И не привечала —
Лишь взглянула на родного,
Не молвив ни слова.

Постояли поезжане
И — в дорогу снова.
И колодники за ними,
Цепями бряцая,
Потянулись. И настала
Тишина немая
Вокруг корчмы. Корчма одна
С хозяйкой осталась
При дороге. А над нею
Дымом расстилалась
Пыль дорожная...
И смерклось.

И век пролетает,
Не только день! На хуторе
Музыка играет
До полуночи. Подружки
Стлать постель в светелку
Собрались... А молодая
Вышла втихомолку
И пропала... Ночь искали,
До свету искали —
И не нашли! Где ж бедняга?
Где? Ушла, в печали,
За невольником убогим
В сибирские дали...

1849, Кос-Арал

* * *

И тернистый и колючий
Путь на Украину.
Видно, я ее навеки,
Навеки покинул.
Верно, мне на Украину
Не вернуться боле?
Верно, самому придется
Мне читать в неволе
Эти думы? Боже милый,
Тяжело мириться
С этой жизнью, если сердцем
Не с кем поделиться!
Не дал ты мне, человеку,
Доли человека!
Я не знал ее вовеки!
Вовеки! Вовеки!
Не дал ты с девичьим сердцем
Моему сродниться!
Промелькнули дни и ночи.
Темной вереницей,
Без любви, без радости
Они промелькнули
На чужбине! Не нашел я,
С кем бы подружиться.
И теперь мне даже не с кем
Словом поделиться!
Тяжело носить, о боже,
Сердцу молодому
Одному такие думы.

Никому родному
Не сказать святого слова,
И души убогих
Не радовать, и не корить
Человека злого,
И умереть! . . . О господи!
Дай хотя бы глянуть
На народ порабощенный,
На мою Украину!

1849, Кос-Арал

* * *

Зацвела в долине
Красная калина,
Будто рассмеялась
Юная дивчина.
Любо, любо стало,
Пташка вострепнулась
И защебетала.
Проснулась дивчина
И, свитку накинув,
Из беленькой хаты
По травам несмятым
Спешит на долину.
Из рощи зеленой
Выходит, встречая,
Казак чернобровый,
Целует, ласкает.
Идут по долине,
Идут, напевают,
Как деточек двое.
Пришли к той калине,
И заулыбались,
И поцеловались.

Какого мы рая
Еще ожидаем?
Рай перед глазами,
А мы в божьем храме
Бога умоляем:
Поддай ты нам рая!

Сказал бы я правду,
Да что толку будет?
Себе лишь на горе,
А попам и людям —
Им все равно будет.

1849, Кос-Арал

* * *

И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивой,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.
Бывает иногда: смотрю я,
Любуюсь ею, и печаль
Охватит сердце вдруг; и жаль
Ее мне станет, и, тоскуя,
Пред нею голову склоню я,
Как перед образом святым
Марии — матери прекрасной,
Что в мир наш бога принесла. . .

Теперь ей все легко, все любо.
Она в ночи не спит, встает,
Свое богатство стережет,
И только ночь пойдет на убыль,
Она опять над ним, и губы
Любовно шепчут: — Вот он, вот. . .
Мой сын — и за него с тревогой
Молитву посылает богу,
На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей,
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!
И если кто на сына глянул —

Нет большей радости! Домой
Приносит своего Ивана
И думает, что все село
Ее лишь сыном любовалось,
Что вместе с ними все ушло
И ничего там не осталось.
Счастливая! . .

Года проходят,
И дети взрослые уходят,
Кто в ту, кто в эту сторону:
На заработки, на войну.
И ты осталась сиротою,
И дома никого с тобою
Уж больше не осталось. Плеч
Укутать нечем. Стынет печь,
Не топленная по неделям,
И встать не можешь ты с постели.
Но всё — и думы, и мечты,
И все твои молитвы богу —
О них, о деточках. . .

А ты,
Другая мать, глухой дорогой
Бредешь, боясь глаза поднять,
Великомученица-мать;
Несешь дитя, от всех скрывая.
Ведь пташка малая любая —
И та увидит и поймет:
«Вон девушка свой грех несет».

Бесталанная! А где же
Красота былая,
Та, которой любовались,
Девушку встречая?
Все взяло дитя родное,
Тяжкий стыд да горе.
Бесприютная, идешь ты
Из села в позоре.
Сторонятся все при встрече,
Как от прокаженной.
А сынок — такой он малый,
Такой несмышленный.
И когда еще он скажет,

Когда пролепечет
Слово м а м а. Великое
Слово человечьё!
Подрастет, ему расскажешь,
Как была дивчиной,
Как тебя панич лукавый
Обманул и кинул.
Ненадолго легче станет —
Срок не за горами:
В люди сын уйдет мальчишкой
Бродить со слепцами.
А тебя оставит нищей,
Чтоб собак дразнила,
Да еще и обругает —
Зачем породила,
Да зачем еще так крепко
Его ты любила.
И любить, бедняга, будешь
До самой кончины.
А свою кончину встретишь
Где-нибудь под тыном.

1849, Кос-Арал

1858, Петербург (?)

* * *

В светлый праздник на соломе
Крашенки катали
Дети на припеке в полдень
И хвалиться стали
Обновами. Той рубашку
С вышивкою сшили
К празднику. А этой — ленту,
Той тесьму купили.
Кому шапку из мерлушки,
Сапожки с подковкой,
Кому свитку. Лишь сиротка
Сидит без обновки,
В рукава ручонки прячет
И глядит уныло.
— Мне обнову справил батько.
— Мне мамка купила.
— А мне крестная рубашку
Гладью вышивала.
— У попа я обедала, —
Сиротка сказала.

1849, Кос-Арал

* * *

Бывало думаю, гуляю,
Сижу за работой,
Все о милом вспоминаю
И страшусь чего-то.
Глупа была молодая
И все дожидалась —
Вот придет за мною сватов...
И не догадалась,
Что смеялся он над глупой.
А сердце болело,
Будто знало, что так будет,
Сказать не умело.
Если бы оно сказало,
Его не любила б,
К роднику тогда, быть может,
В рошу не ходила б.
А то утром и вечером
Ходила туда я...
Доходила. Одинокой
Вяну, увядаю.
Стариться в отцовской хате
Жребий мой проклятый,
А своих уже не будет
Ни двора, ни хаты!
Вот и нынче за работой
Сижу иль гуляю,
Все о милом вспоминаю,
И сама не знаю,

Что я думала, зачем я
В рощу ту ходила?
И за что его так долго,
Так тяжело любила?

1849, Кос-Арал

* * *

Бывает, иногда старик
Негаданно помолодеет,
И пусть от ленья он отвык,
Но даже петь старик затеет...
И встанет ясно перед ним
Надежда ангелом святым,
И словно молодость к нему
Вернется и крылом своим
Его овеет. Что же с ним?
Чему же рад старик? — Тому,
Что дело доброе задумал
Он, видите ли, совершить.
Вдруг совершит? Как славно жить
Тому, кто и душой и думой
Умеет доброе любить!
Не раз он радоваться станет,
Не раз барвинком расцветет.
Не так ли вот в глухую яму
Святое солнышко заглянет,
И в ней, глухой, на вызов тот
Трава зеленая взойдет.

1849, Кос-Арал

* * *

Не самому ль мне написать
Послание себе в отраду
И дочиста в нем рассказать
Все то, что надо и не надо.
Ведь не дождешься ты его,
Того писания святого,
И нет нигде живого слова,
И правды нет ни у кого!
Уж, кажется, и срок настал.
Уж десять лет свой круг свершили,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня,
Как будто не было меня.
Не похвалы я жду от света —
И без нее свой путь найду, —
А только доброго совета;
Да, верно, ссыльным я сойду
В могилу, прежде чем дождусь!
Бывало сердце так болело, —
О боже правый, как хотелось,
Чтобы мне кто-нибудь сказал
Хотя бы слово; чтоб я знал,
Кому пишу я песни с жаром,
За что Украину люблю, —
Огонь святой не трачу ль даром?
Я, верно, прежде стану старым,
Чем буду знать, за что терплю.

Чтобы напрасно не томиться,
Пишу порою просто так,
А иногда седой казак
Почудится или приснится;
Усатый видится он мне
На черном вороне-коне!
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и погибаю
Теперь в далекой стороне.
Иль так судьба моя сложилась?
Иль богу мать не помолилась,
Как понесла меня, — что я
В степи, как лютая змея,
Лежу растоптан, издыхая,
Заката солнца ожидая?
Вот так живу я и терплю,
И смерти жду, в степи страдая.
За что? Ей-богу, сам не знаю.
А все-таки его люблю —
Простор Украины широкий,
Хотя там был я одиноким
(Подруги там я не нашел)
И вот до гибели дошел.

Пустое, братец, не томися!
Себя в железо, в сталь закуй
Да хорошенько помолися,
На свет же, на людей наплюй, —
Они глупей капусты. Впрочем,
Ты, братец, поступай как хочешь.
Есть ум, так сам все обмозгуй.

1849, Кос-Арал

* * *

Мы чванные, пустые люди,
Где б ни были, везде и всюду!
А хвалимся, что вот-де мы
И над землею и водою,
И от дворцов и до тюрьмы —
Везде цари, а над собою —
Тираны — до того цари,
И на престоле и в неволе.
И это все — по доброй воле,
По воле разума горит,
Как бы маяк в открытом море,
То есть в житейском. Точно так
И в черепе, как на просторе,
Горит сияющий маяк,
А мы лишь масло подливаем
Да песни тянем, напеваем
И при удаче и в напасть.

Все сизокрылые орлы вы,
Пока вам горе не приснилось,
Хоть маленькое, хоть на час!
А там — опять в шинок спешите,
Под лавкой пьяные лежите.
И тот огонь святой погас,
И тот маяк уже не светит,
И свиньи, будто бы из клетки,
Как в лужу, в череп ваш бегут.

Ну и прекрасно, что куют
Для вас железные оковы
И чарки в руки не дают
Или ножа, а то бы снова
Вы с горя напилась вина,
А после от тоски рыдали,
Родителей своих спьяна,
Своих вы крестных проклинали,
А после — нож. . . И потекла б,
Кровь потекла бы, как смола,
Из туши вашей поросычьей.
А после? . .

1849, Кос-Арал (?)

* * *

И золотую и родную
Мне вспомнить, знаете, не жаль
Всю молодость мою былую.
А все же иногда печаль
Найдет, и плачешь от обиды.
Особенно, когда увидишь
В деревне мальчика, и он —
Как лист, что с веткой разлучен,
Один хоронится под тыном
Босой, в заплатанной холстине.
Мне кажется, что это я,
Что это молодость моя.
И думаю, в широком поле
Он никогда не встретит воли,
Привольной волюшки: что так
Напрасно, даром пролетят
Все лучшие его года;
Что бесприютным будет где-то
По вольному скитаться свету,
Пойдет батрачить; а потом,
Чтоб с грустью не был он знаком,
Чтоб у него был стол и дом,
Служить погонят с бритым лбом!

1849, Кос-Арал

* * *

. . . . .
Мы некогда росли вдвоем,
Детьми друг друга мы любили,
А матери нам говорили,
Что будет время, подрастем, —
Поженится. Не угадали!
Родители поумирали,
Мы с нею разошлись потом,
Да так и не встречались боле.
Меня по воле и неволе
Носило всюду. Принесло
Лишь стариком к родному дому.
Когда-то светлое село
Теперь мне, старому такому,
Казалось темным и немым,
Таким же, как и я, седым.
Казалось мне: в селе унылом
(Так мне казалось) все как было —
Не сгнило и не подросло,
Как будто время и не шло.
Овраг, и тополя, и поле,
И над водой у ручейка
Склонилась верба, как тоска
В далекой каторжной неволе.
Прудок, плотина, и ветряк
За рощей крылья колыхает.
И дуб зеленый, как казак,

Из рощи вышел и гуляет
Под горкой; а на горке сад,
Садочек темный, а в садочке,
Как будто в райском холодочке,
Мои родители лежат.
Кресты дубовые склонились,
И все слова дождем посмылись. . .
И не дождем, и не слова —
Все начисто Сатурн стирает. . .
Пусть со святыми почивают
Родители. . . «А что, жива
Вот та. . . Оксаночка?» — «Какая?» —
Мне отвечает брат. «Да та,
Еще курчавая такая,
Играла с нами. . . Ты забыл? . .
О чем же, брат, ты загрустил?» —
«Я не грущу. Она попала
В обоз к солдатам и в поход
Ушла за ними и пропала.
Вернулась, правда, через год,
С ребенком на руках вернулась,
Остриженная. Так, в ночи
Сидит под тыном и кукует
Кукушкой или кричит,
Или тихонько напевает
Да словно косы расплетает.
Она потом опять ушла,
Никто не знал, куда девалась,
Умом рехнулась; потерялась.
А что за девушка была, —
Красавица! Да вот не много
Удачи в жизни бог ей дал. . .
А если дал, то вор украл
И обманул святого бога. . .»

1849, Кос-Арал

* * *

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.

1849, Кос-Арал

* * *

Мы осенью и впрямь похожи
Хоть капельку на образ божий, —
Понятно, что не все, а так,
Хоть кое-кто.

Вот буерак,
Как бы цыган угрюмый, голый,
Что пал убитым или спит.
А по долине, по раздолью
Из степи перекасти-поле
Ягненком рыженьким бежит
К реке, чтобы воды напиться.
А реченька его взяла
И в Днепр широкий понесла;
А Днепр и дальше, на край света
Былинку море покатило,
В чужой забросив стороне.

И былинку пожалеешь
И в тоске-кручине
Пойдешь себе, задумавшись,
Рощей по долине.
Плачут вербы и березы,
Тихо гнутся лозы. . .
Думы душу осаждают,
И капают слезы.
И так хочется открыться,
Каждого приветить;
И так хочется. . . о боже!
Жить на белом свете,

Говорить лишь правду людям,
Не делать им злого!

Благо, если ты родного
Не лишился крова,
Если есть под милым кровом
С кем промолвить слово.
И младенец бессловесный —
И тот угадает
Твои думы веселые. . .
Сам господь вещает
Непорочными устами.

А тебе, мой одинокий,
Мой друже единый,
Тяжело тебе и горько
На дальней чужбине.
Кто тебя приветит словом
Ласковым, желанным?
Распростерлась пред тобою
Трупом бездыханным
Помертвелая пустыня,
Кинутая богом. . .

1849, Кос-Арал

* * *

Считаю в ссылке дни и ночи —
И счет им теряю.
О господи, как печально
Они уплывают!
А года плывут меж ними,
И тихо с собою
Доброе они уносят
И уносят злое! . .
И не спросят, всё уносят
В дальнюю дорогу!
Не молись, твоя молитва
Не дойдет до бога.

В болотах тусклыми струями,
Меж камышами, за годами
Три года грустно протекли;
Всего немало унесли
Из горницы моей унылой
И морю тайно обрекли;
И море тайно проглотило
Мое не золото-серебро —
Мои года, мое добро,
Мои незримые скрижали;
На них в часы моей печали
Незримым я писал пером.
Пускай унылыми струями
Текут себе меж камышами
Года невольничьи. . . А я!

Таков обычай у меня:
И посижу, и погуляю,
На степь, на море погляжу,
Былое вспомню, напевая,
И в книжечке вовсю пишу
Как можно мельче. Начинаю.

1850, Оренбург — 1858

* * *

Запели мы и разошлись
Без горьких слез, без слова.
Сойдемся ли мы снова,
Чтоб снова песни полились?
Сойдемся, может... Но какими?
И где? И запоем о чем?
Не здесь и, верно, не такими!
И не такую запоем!
И здесь невесело певали,
И здесь печально время шло,
Но как-то все-таки жилось —
Здесь мы хоть вместе тосковали,
Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе! . .
И молодой наш грешный рай!

1850, Оренбург

* * *

Не молилась мать за сына,
Поклонов не клала,
А так себе, как придется,
Меня пеленала,
Напевая: «Пусть растет он
Да здоровым будет!»
И вырос я, слава богу,
Да не вышел в люди.
Лучше мне бы не родиться
Либо утопиться,
Чем гневить в неволе бога,
Самому томиться.

А я ведь не казны богатой
Просил у бога! Только хату,
Лишь хатку мне б в родном краю,
Да два бы тополя пред нею,
Да горемычную мою,
Мою Оксаночку; чтоб с нею
Вдвоем глядеть с крутой горы
На Днепр широкий, на обрыв,
Да на далекие поляны,
Да на высокие курганы
Глядеть и думать и гадать:
Когда тут землю люди рыли?
Кого-то в ней похоронили?
И вместе тихо напевать
О рыцаре непозабытом,

О гетмане том знаменитом,
Которого живьем сожгли.
Потом бы мы с горы сошли
И над Днепром бы погуляли,
Пока не потемнели дали,
Пока мир божий не заснул,
Пока с вечернею звездою
Не встал бы месяц над горою,
Туман полян не затянул.
Мы б умилились, помолились,
А там бы ужинать пошли
В свою, а не в чужую хату.

Ты, господи, панам богатым
Даешь сады в своем раю,
Даешь высокие палаты,
Паны ж — и жадны и пузаты —
На рай твой, господи, плюют,
А нам и глянуть не дают
Из маленькой убогой хаты.

В раю лишь хатку небольшую
Просил и до сих пор прошу я,
Чтоб умереть мне над Днепром,
Хоть на пригорке небольшом.

1850, Оренбург

ПЕТРУСЬ

Поэма

На хуторе с женою жил
Помещик — барин небогатый.
И дочь одна у них росла.
И вот, как только расцвела,
То генерал ее посватал.
Она красавица была,
А генерал был пребогатый.
Уж, видно, счастье бог послал
На хутор бедный. . . Их печали
Утешил. Как только могли,
В наряды дочку облекли
Да в воскресенье обвенчали,
И генеральшею назвали,
И цугом в Киев повезли.

И был на хуторе у пана
Безродный мальчик — пас свиней.
Петрусем звался; он приданым
Пошел за панною своей —
У генерала средь полей
Пасти свиней в одежде рваной.

За балом бал у генерала,
За генеральшей хвост немалый
И знатных бар и барчуков:
Ей каждый услужить готов.
Она ж ночами плакать стала:
— Мать сделала меня несчастной,

В богатстве гибнет понапрасну
Краса и молодость моя.
— Ты плачешь, милая? — Кто? Я?
Нет, я не плачу. . . — Знаешь, Маня?
Здесь в городе теперь армяне:
Купи себе цветную шаль.
— Не нужно никакой мне шали!
— Не изводи себя в печали!
Купи, голубка! Не печаль
Ты сердца моего. Весною
В Париж поедем мы с тобою
Или в именье к нам, в село,
Как ты сама захочешь.

Вскоре

Прошла зима; подкралось горе
Да в самом сердце улеглось
Змеей у юной генеральши.
Уехали зимой пораньше;
Балы в именьи веселей,
А генеральша молодая
Грустит, а генерал не знает
Того, что знают на селе.

Вот раз, не усидевши дома,
С тоски одна гулять пошла
И за околицу зашла.
И видит, мальчуган знакомый
Там по жнивью пасет овец.
— Ох, горе извело вконец!
Покою нет мне с самой свадьбы!
А! Это ты, Петрусь? — Да, да. —
— Идем, Петрусь, ко мне в усадьбу;
Там будешь жить, как жил тогда,
На хуторе. . . — И побледнела,
И грустно, грустно так глядела!
Ведь одинешенька-одна
Век девичий свой вековала.
За старика за генерала
Насильно выдали ее,
Продали, пропили — и все. . .
Не выдержала, зарыдала.

— Со мною в сад гулять пойдем.
Пойдем в наш дом. Я буду рада.
— А кто ж здесь будет пастухом —
Стеречь, пасти вот это стадо?
— Пускай кто хочет. — Повела
Его в палаты, а в палатах
Одежу новую дала,
А после в школу отдала.
И любо ей. Пусть будет рада,
Пока надежда — ей награда,
Пока из этого зерна
Растет иль куколь, иль пшеница,
Ведь мы не знаем, что творится
Там в сердце. А оно ведь нам
Не выдаст тайны. Если б знала
Мать участь горькую твою,
Не отдала б за генерала
Единственную дочь свою.
Не отдала б. . . Хотя не знаю. . .
Любые матери бывают. . .
Проходят дни. Петрусь на воле
Все ходит в школу да из школы,
Читает книжки да растет, —
А генеральша молодеет,
И генерал доволен ею
И радуется в свой черед,
Что дело доброе свершили.

Петра на волю отпустили,
И скоро с барского двора
Зимою увезли Петра
Учиться в Киев. Обучили.
Вернулся к пани наш Петрусь,
Стал зваться Петр и стал панич,
И кудри длинные до плеч,
И над губою черный ус.
И. . . но об этом дальше речь.
Успеем рассказать потом
О думах и о снах Петровых.
А генеральше чернобровой
Что снилось? И об этом мы
Сейчас расскажем.

Пред образом, перед пречистою
Лампада ночью зажжена.
Одною думой смущена,
Молилась пани и нечистую
Горячую слезу лила.
Молила деву пресвятую,
Чтобы она ее спасла,
Ей обезуметь не дала,
Пренепорочная. И все —
Молитва ей не помогла:
Сердечная ума лишилась:
Она, бедняга, полюбила
Петра, Петруся. . . Где покой
Души невинной, молодой!
Бороться не хватает силы!
Любовь ума ее лишила.
Да как одной прожить, святые,
Свои годочки молодые?
Их не вернуть! Ты на ходу
Перескочи через беду,
Не то задавит! Генеральша
Не справилась с своей бедой,
Хотелось жить ей, молодой!
Хотелось. . . Густая каша,
Да каша, видно, та не наша.
У нас не посолён кулеш, —
Как хочешь, так его и ешь.

— Петрусь! Сынок мой! Друг мой милый!
Спаси меня! О дай мне силы!
Из сердца выгони тоску!
О мать божия! Раскуй
Мою ты душу! — И рыдала,
Отца и мать — все проклинала
На белом свете. А Петрусь,
Невинный сын ее приемный,
В саду в аллее полутемной
Прогуливался поутру,
Мурлыча арию. Не знала,
Что делать пани, все страдала,
Все мучилась: ну как ей быть
И что поделать ей с собою!

Проститься с жизнью молодою,
В колодец броситься, разбить
О стену голову. . .
— Поеду в Киев, там, быть может,
Мне облегченье принесет
Молитва пресвятая. . . Боже,
Меня молитва не спасет!
Я брошусь в Днепр, — он мне поможет.

Молите господа, дивчата,
Чтоб не могли вас так просватать.
Чтоб замуж мать не отдала
За генерала, за палаты
Насильно вас не продала.
Влюбляйтесь, милые, весною!
На свете есть кого любить
И без корысти. Молодою
Пренепорочною, святою
И в тесной хате будет жить
Любовь простая ваша, будет
И средь могильной темноты
Стеречь покой ваш. Что же будет
С превосходительной? Что ж ты,
Что ж сделаешь теперь с собою,
С своею божьей красотою?
Кто охранит покой твой, сон,
Украденный твоим Петрусем?
Иль сам архистратиг? И он
Не охранит теперь. Боюсь,
И рассказать боюсь теперь
Твое грядущее. . .

Ты в Киев ездила, молилась
И у Почаевской была,
Да не спасла она от зла —
Не помогла святая сила.
Ты долго плакала, молилась
И бросила. И увезла
Змею на сердце — не отраду,
Да в пузырьке немного яду.

Три дня не ела, не пила,
И не смыкала глаз три ночи,
И карие ввалились очи,
И губы ссохлись, и, шепча,
Смеясь, в ночной бродила час.
Неделю так себя томила,
А после яду развела
И генерала напоила,
А после спать она легла.
«Могила старому готова,
А я приму здесь молодого
Да буду жить себе да жить,
Петруся милого любить», —
Подумала или сказала,
Хотела спать, глаз не смыкала,
Ждала рассвета и дожить
До света божьего боялась.
И колокол ударил глухо,
Гудит заупокойный звон;
Среди народа ходят слухи,
Народ спешит со всех сторон
Проститься с паном. Гул гудит,
Народ к покойнику валит.
Все шепчутся про отравленье.
Не иначе — судейских ждут.
Вот все притихло на мгновенье.
Приехали; ножи берут
И тело мертвое вскрывают
И в животе находят яд.
Народ толпою присягает,
К допросу приступает суд:
— Теперь скажите, христиане,
Кто отравил его? — Гудят,
Как звон далекий: — Пани, пани! —
В один все голос говорят.
Тут на крыльцо Петрусь выходит
И говорит при всем народе:
— Один я отравил его,
Не знаете вы ничего. —
И вот Петруся молодого
Забрали, заковав в оковы,
И тут же в город увезли.

Его недолго продержали
В тюрьме, в суде, и в добрый час
В оковы крепко заковали,
Да и обрили про запас.
Так снаряжен к дороге дальней,
Петрусь в цепях под звон кандалный
Пошел в Сибирь. . .

1850, Оренбург

* * *

Мне кажется — я сам не знаю, —
Впрямь человек не умирает,
А под личиною иной
Он, обернувшись свиньей,
Весь погрязает в мерзкой луже,
Как раньше погрязал в грехах.
И правда, так! Кому он нужен,
Удел бездомных и бедняг!
Они самим забыты богом!
Как помогу, коль не помог он?
А богачи? Ужели в хлевах
Откармливают их на сало?
Наверно, так! Добра немало
Они на землю принесли:
Реками слезы здесь текли,
А кровь — морями. Люди знают,
Кому утробу набивают.
Скажи — в погоне ли за славой
Им нужен был поток кровавый?
Не для себя ли? Нет, для нас!
И мир для нас они громили,
Пока их в хлев не засадили.
Когда б не так, их свинопас
Попрежнему бы пас, проклятых!
Где ж ваша слава? На словах!
Где ваше золото, палаты,
Да власть великая? В гробах —
В гробах, повапленных руками
Таких же палачей, как вы. . .

Вы жили лютыми зверьми,
А стали свиньями! . .

Где ж ты,
Пророк, что сделался святым,
Великомученик? Ты с нами,
Ты, присносуший, всюду с нами
Витаешь ангелом святым.
Ты с нами говоришь, не споря,
Тихонько-тихо. . . про любовь,
Про бесталанную, про горе,
Или про бога и про море,
Про даром пролитую кровь
На плахах злыми палачами.
Заплачешь горько перед нами —
И мы заплачем. . . Ведь жива
Душа поэта — и, святая,
Она горит в его речах,
И мы, читая, оживаем
И слышим бога в небесах.

Тебе спасибо, друг мой бедный,
За то, что лепту разделил
Единую свою. . . Пред небом
Ты много, много заслужил.
Ты переслал ко мне в неволю
Поэта нашего. . . на волю
Ты будто двери отворил!
Спасибо, друг! Я почитаю
Немного. . . Сердцем оживу. . .
Опять надежду окрыляя,
Тихонько-тихо напевая,
Я бога богом назову.

1850, Оренбург

* * *

Когда б вы знали, господа,
Где плачут люди, вы тогда
Своих элегий не творили б,
И бога всуе не хвалили б,
Не умилялись бы всегда!
За что, не знаю, называют
Мужичью хату божьим раем. . .
Там, в хате, мучился и я,
Там первая слеза моя
Когда-то пролилась! Не знаю,
Найдется ли у бога зло,
Что в хате той бы не жило?
А хату раем называют!

Ее такую не считаю,
Не называю тихим раем —
Ту хату на краю села.
Там мать моя мне жизнь дала,
И с песней колыбель качала,
И с песней скорбь переливала
В свое дитя. Я в хате той
Не счастье и не рай святой —
Я ад узнал в ней. . . Там забота,
Нужда, неволя и работа
И помолиться не дают.
Там ласковую мать мою
Свели в могилу, молодую,
Труд с непосильною нуждою.

Отец поплакал, вторя нам
(Голодным, маленьким ребятам),
Но панщины ярем проклятый
Носил недолго он и сам.
Бедняга умер. По дворам
Порасползлись мы, как мышата.
Таскал я воду школярам.
Покуда братьев не забрили,
Они на панщину ходили.
А сестры. . . Сестры! Горе вам,
Мои голубки молодые!
Куда, бездомным, вам лететь?
Росли в батрачках, всем чужие,
В батрачках до седины дожили,
В батрачках вам и умереть!

Дрожу, когда лишь вспоминаю
Ту хату на краю села!
Такие, боже наш, дела
У нас в раю, страшной не знаю
На праведной земле твоей!
Ад сотворили мы на ней
И чаем неземного рая!
В ладу мы с братьями живем,
Руками братьев нивы жнем,
Слезами нивы поливаем.
А может быть. . . не утверждаю,
Мне кажется лишь. . . сам еси. . .
(Ведь без твоей же воли, боже,
В раю нам мучиться негоже!)
Быть может, сам на небеси
Смеешься, отче наш, над нами,
Совет держа тайком с панами,
Как править миром! . . . Глянь туда:
Вон, видишь, вербы у пруда,
А вон из-за ветвей сверкает
Вода, белеет полотном,
А вербы никнут над прудом
И ветви легкие купают,
И тихо шепчут. . . Правда, рай?
А приглядишь к нему, узнай,
Что там творится, что бывает!

Конечно, радость и хвала
Тебе, единому, за святость,
За дивные твои дела!
Нет, боже, не хвала, не радость,
А кровь, да слезы, да хула,
Хула всему, всему! Не знают
Святого люди ничего!
Уже — ты слышишь! — проклинаяют
Тебя, владыка, самого!

1850, Оренбург

* * *

Бывает, в неволе мечтать начинаю
О собственном прошлом. Не знаю, не знаю,
Чем хвастаться, право, хоть жизнь я видал,
Хоть все-таки богу хвалы воздавал.
Не знаю, не знаю. . . яви ты мне милость —
Напомни мне, боже! И бог патолкнул
На такие страсти, что я и заснул,
Молитвы не кончив. . . И вот мне приснилось
(По-свински уснувши, спокойно не спишь, —
Мерещатся страхи). . . будто у могилы
Я пасу ягняток, а сам я малыш.
Смотрю, а могила разверзлась, и вижу,
Из нее выходит как будто казак,
Уже седоусый, в морщинах. . . да так
Прямо и шагает на меня. . . все ближе. . .
Я перепугался (малым был) и вмиг,
Как щенок, свернулся. А меня старик
С земли поднимает и несет в могилу.
Она еще шире, страшнее раскрылась.
Гляжу, а в могиле лежат казаки:
Один — безголовый, другой — без руки,
А третий — безногий. Кто их сосчитает?
Словно в теплой хате, хлопцы отдыхают.
— Дитя мое, видишь, лежат казаки, —
Сказал седоусый. — По всей Украине
Могилы-курганы красуются ныне,
Такие ж курганы, и все высоки,

Начинены нашим трупом благородным,
Нашими телами. Это — воля спит!
Легла она славно, легла со свободным
Казачеством нашим! Видишь, как лежит,
Будто спеленали! Тут пану не место!
Все мы жили вольно, на равных правах,
Все мы тут за волю полегли во прах,
Все мы и восстанем, да богу известно,
Когда это будет. Смотри, сиротина,
Смотри да запомни, а я расскажу,
За что Украина зачала невинно,
За что я в могиле казацкой лежу.
А вырастешь, людям поведай причину.
Так вот, сиротина! И снова ягнята
Приснились мне в жите. Приказчик бежит
И будто колотит меня он, проклятый,
Одежу срывает. . . Все тело болит,
Лишь сон этот вспомню. . . А только припомню
Казака седого в могиле той темной,
И сам я не знаю, то правда иль так —
Одно наваждение. Но мне тот казак
Рассказывал вот что:

— Не знаю, как теперь живут
Поляки с вольными братьями, —
Мы были с ляхами друзьями,
Покуда третий Сигизмунд
С проклятыми его ксендзами
Нас не поссорили. . . Вот так
Случилось то несчастье с нами!

Во имя господи Христа
И матери его — лихою
Паны пошли на нас войною.
Святые божи места
Ксендзы-злодеи оскверняли.
Весь край казацкий запылал,
И весь он кровью истекал,
В степях курганы вырастали,
Как будто горы чередой
На нашей, сын, земле родной!
Я жил на хуторе с. . . .

Был стар я, немощен. Послал
Я табунок коней к обозу,
Мушкеты, пушку и два воза
Пшена, пшеницы, что собрал.
Я все пожитки передал
Своей Украине. Пряча слезы,
Трех сыновей послал. Пускай, —
Я, грешный, думал, — боже, боже!
Хоть лепта и скудна, но все же
Пойдет за наш родимый край,
За церковь, за народ, покуда
Я тут за всех молиться буду,
Коль сам я слаб, не в силах встать
И руку на врага поднять! . .

Нас дома трое лишь осталось:
Данило, мой подручный, я
Да Прися, доченька моя.
Она лишь только подрастала,
Лишь созревала, наливалась,
Моя черешенка! . . Не дал
Мне дочерью налюбоваться
Святой владыка, — может статься,
За прежние грехи карал
Меня, седого! . .

Не ходили
Ксендзы, а люди их возили,
Как кони, из села в село.
Творилось этакое зло!
Однажды ночью их, проклятых,
Ко мне на хутор занесло.
Разнузданная челядь — каты,
Драгуны с ними. . . Дай же мне
Когда-нибудь, мой боже милый,
В твой мир вернуться из могилы —
Изжарю шляхту на огне!
Не трепещи, сынок мой, в страхе. . .
Все изверги — ксендзы, все ляхи
Перепились и Присю — хватъ!
И с нею заперлися в доме.
А пьяная вся челядь спать
Свалилась в клуне на соломе.

Драгуны тоже. . . Мы с Данилой
Соломы в сени наташили
И дом и клуню подпалили.
Проклятым больше уж не встать,
Детей казачьих не терзать!
Мы катов в пепел превратили.
И Прися, бедная моя,
Сгорела с катами. . . А я. . .
На пепелище водрузили
Мы крест с Данилой, помолились,
Поплавав, боль перемогли,
Да на коней, туда — к обозу!
Трех сыновей моих нашли,
Да, в добрый час, и полегли
Все вместе тут! . .

. . . . .

А как мы бились, умирали,
За что мы головы теряли,
За что — в курганах? . . Поживешь ---
Дознаешься, быть может, тоже.
Ведь слава-то грохочет все ж
О наших головах. . . Быть может,
И про курганы и про нас
Калики-лирники по селам
Правдивой думой невеселой
Расскажут людям. . .

1850, Оренбурге

* * *

И станом гибким и красую
Пренепорочно молодою
Я старый взор свой веселю.
Бывает так, что я смотрю
И — дивно! — как перед иконой
К тебе свою молитву шлю.
И жалко, старому, мне станет
Твоей девичьей красоты.
Что с нею делать будешь ты?
На белом свете кто же станет
Святым хранителем твоим?
Где тот, кто на тебя повеет
Отрадой в горести, в беде?
Кто охранит тебя, согреет
Огнем сердечным? Кто он? Где?
Ты сирота. Кто, кроме бога,
Тебя согреет хоть немного?
Молись же, сердце. Помолюсь
И я. Но некое прозреньё
Вдруг наступает: ясно зреньё,
И я молитвы не творю,
И на тебя я не смотрю.
Мне снится: матерью ты стала,
И вот передо мной предстало
Не в бархате твое дитя. . .
И вянешь ты. А дни летят,
Все увлекая за собою.
Надежда — скрылась и она,
Ты на земле, как перст, одна.

Своей обласкана судьбою
Была ты, только и всего,
Пока дитя твое росло,
Покуда силы набиралось.
И выросло — и ты осталась
Стара и немощна. Людей,
Людей бездушных умоляешь,
И христа ради простираешь
У глухо замкнутых дверей
Худые руки.
Вот так же иногда тобою,
Тобою, сердце молодое,
Свой старый взор я веселю.
На стан твой гибкий я смотрю,
Молитву богу посылаю,
Я небо за тебя молю.
Молись и ты, моя родная,
Пока еще твою судьбу
Святое небо не решило.

1850, Оренбург

* * *

Огни горят, оркестр играет,
Оркестр рыдает, завывает.
Алмазом добрым, дорогим
Сияют очи молодые,
Блестят надежды золотые
В очах веселых, — любо им,
Очам негрешным, молодым.
И все хохочут, все смеются,
И все танцуют. Только я
Гляжу, и слезы тихо льются.
О чем, о чем так плачу я?
О том, быть может, что тоскливо,
Как день дождливый, сиротливый,
Минула молодость моя.

1850, Оренбурге

* * *

Неволя, или горе злое,
Иль пролетевшие года
Разбили душу? Иль с душою
Я вовсе не жил никогда?
А жил с людьми и опаскудил
И душу чистую? . . А люди!
(Смеются люди без стыда.)
Зовут ее и молодою,
И непорочной, и святою,
Как вздумают. . . Из вас любой —
Мой враг! И лютый! Вы украли
И в грязь поганую втоптали
Алмаз мой чистый, дорогой —
Мою вчера святую душу!
А вам смешно! Нехристиане!
От вашей грязи я заране
И грязным стал, и не узнать,
Был чистым я иль, может, не был,
Когда меня на землю с неба
К себе вы взяли и писать
Стихи дрянные научили!
Вы на дороге положили
Тяжелый камень и разбили
О камень, господу страшась,
Мне сердце, ставшее убогим,
А в прошлом чистый мой алмаз!
Теперь иду я без дороги,

Без троп проторенных. . . А вы
Удивлены, что спотыкаюсь,
Что вас и долю проклинаяю.
И плачу тяжело, и, как вы. . .
Души измученной чуждаюсь,
Своей несправедливой души!

1850. Оренбург

* * *

Какого дьявола я трачу
Бумаги столько, перья, дни!
А то бывает и заплачу,
Да как еще! Но не одни
Дела мирские тут причиной;
Я плачу словно старичина,
Который, выпив, слезы льет,
Что в мире сиротой живет.

1850, Оренбург

* * *

Все снится мне: вот под горою
Белеет хатка над водою,
В тени под вербами стоит.
И все я вижу: дед сидит
Совсем седой и забавляет
Дитя кудрявое, ласкает
Родного внучка своего.
Все снится мне: неторопливо
Выходит мать, смеясь счастливо,
И деда и дитя свое
Три раза весело целует,
Малютку кормит и милует
И спать несет; а дед сидит,
Тихонько молвит улыбаясь:
— Да где же это доля злая?
Печали эти да враги?

И старый шепотом читает,
Перекрестившись, «Отче наш».
Сквозь вербы солнышко сияет
И тихо гаснет. День погас,
Все смолкло. Помолившись богу,
Побрел себе и дед к порогу.

1850, Оренбург

* * *

Опять настало время злое! . .
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Своим невольникам оковы. . .
Но глянь! . . Опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.

1854

Новопетровский форт (?)

СОЛДАТОВ КОЛОДЕЦ

Поэма

*Я. Кухаренку на память
7 мая 1857 года.*

Не на Украине, а далече,
Там, за Уралом, за Елеком,¹
Один старик, бывлой варнак,
Мне рассказал однажды так
О том солдатовом колодце,
А я, тоскуя, записал
Да потихоньку срифмовал
Без ухищрений, как придется
(Сворованное) и послал
Тебе рассказ на вспóмин вечный,
Мой друг единственный, сердечный!

I

Однажды после злой зимы —
То было при Екатерине —
Колодец, всем известный ныне,
Солдат нам выкопал, а мы
О нем расскажем по порядку,
Да не мешает и в тетрадку
Такую повесть записать, —
Она еще жива в народе,
И все в ней правда, так сказать.

---

¹ Е л е к — небольшая река уральская по ту сторону, вливается в Урал между Оренбургом и Уральском.

Пишите, значит, — был колодец...
Нет, не колодец, а село —
Пишите! — в старину цвело
Между садами, при долине,
У нас-таки, на Украине;
То было божие село,
И в том селе вдова жила,
И дочка у вдовы росла
И сын-малолеток.
Ништо иметь деток
Богачам; хвалить им бога
Трудно ль! А убогой
И двух деток много.
Ну, словом, так вдове досталось —
Едва не пропала.
Думала идти в черницы,
Удавиться, утопиться,
Так жаль ей малых деток стало.
Известно, мать! Что и сказать!
Да, может, ожидался зять:
Уже Катруся подрастала
(Катрусей дочь вдовы звалась), —
Что ж, ей без пары вековать,
Напрасно молодость теряя?
За то одно, что сирота?
А красота-то, красота!
О, боже! Хоть и молодая,
А работающая какая,
И тихая! Вишь — сирота,
А всем на радость вырастала;
Из хаты выглянет бывало —
Так смотрит цветик под росой,
Так солнце из-за туч блистает:
Застыну, будто неживой
Стою бывало... Кара злая,
Годы, сын мой, муки,
Кандалы — всё это
Сил моих не утомило...
Сгину так со света,
Так и сгину. Ведь смотри-ка:
Смерти ожидаю,
А рыдаю как ребенок,

Когда вспоминаю
Катерину. Слушай, сын мой,
Друг мой на чужбине!
Все записывай, что слышишь,
Да на Украине,
Если быть там придется,
Всем скажи, пусть знают,
Что здесь дьявола ты видел
Своими глазами. . .

II

Так, видишь ли, девица та
Росла себе; и у хозяев
(Сироты, говорят, лентяи.
Неверно!) вырос сирота
Прилежный. Хоть жилось несладко,
Однако завелись достатки.
Работая и так и сяк,
Поднакопил батрак деньжат!
Одежу справил для порядка.
Да не отсель, да не оттоль,
Сад небольшой купил и хатку,
Сказал спасибо за хлеб-соль
И за науку добрым людям
Да к вдовой дочке напрямиком
Тотчас же и пустился;
Не как богатый — не рядился
Со сватами, договорился
Без торга всякого с попом.
И обвенчался сиротина
На диво всем — за три полтины,
Так, попросту, как привелось. . .
Вот тут-то, голубок мой сизый,
Вот тут-то зло и началось.

III

Уж после покрова я с Дона
В село спешил к себе и снова
(Уж я два раза посылал
За полотенцами к той Кате)

Послать и в третий замышлял,
Да получилось так — некстати
Я с чумаками да с волами
На свадьбу Катрину попал.
Пропало, все добро пропало,
И ни щетишки не осталось. . .
Пропал и я, хоть пить не стал.
Зато «кобылу» я узнал.
На свете горя много, сын мой,
Но вот такого, мой единый,
Такого лютого никто
Не видывал, не ведал горя,
Как я, лукавый. Той порою
Спокойней стало жить убогой
Вдове. И, как в раю у бога,
У зятя да сына
Старая покой находит;
С милой Катеринной,
Дочерью своей единой,
Живет — поживает.
А я в шинке с пьяницами
Душу пропиваю. . .
Пропил все! Запродал душу,
И душу и тело:
Тело — палачу, а душу. . .
Господи! на белом
Свете жить бы так хотелось. . .
Да учиться. Дети
С малых лет должны учиться,
Как нам жить на свете,
А не то придется туго!
Я не знаю, друг мой, —
Сатана мне козни строил,
Взят я был недугом,
Иль меня толкнул на это
Черт, судьбина злая?
Так и до сих пор не знаю,
Ничего не знаю;
Знаю только, что был трезвый.
(Уж тогда мне в глотку
Ни меда, мой сын, не лезли,
Ни вино, ни водка!)

Вот как это все случилось:
Мать, отец скончались,
Схоронили их чужие,
А я все скитаюсь,
Прячусь всюду, как Иуда,
Что людьми отринут
И навеки проклят богом, —
Дьявол меня двинул,
Чтобы я, подкравшись ночью,
Максимову хату
(Ведь его Максимом звали,
Вдовиного зятя)
Подпалил! Сгорела хата,
А душе проклятой
Не найти покоя, друже
И любимый брат мой,
Не сгорела, а осталась
И доньше тлеет.
И когда она дотлеет,
Когда свет покинет?
Бог весть.

IV

Умерла с испуга
Скоро Катерина;
А Максим на дом сгоревший
Да на пепелище
Поглядел: чем тут поможешь!
Только ветер свищет
И в трубе и в дымоходе...
Что на свете делать?
С чего начать, за что приняться?
Подумал и, перекрестясь,
Пошел в работники рядиться,
Чтоб вновь с голодной долей знаться.
Вдова осталась не одна,
А с сыном; осенью жениться
Ему советовала мать.
Да стой! От матушки-царицы,
Да прямо-таки из столицы,
Пришел указ — в солдаты брать;

И в первый раз такой указ
Дошел с Московщины до нас, —
На Украине ведь бывало
Охотою в казаки шли;
А в пикинеры, правда, брали,
Да все ж охочих. Как тут быть?
Всем обществом совет держали —
Кому в солдатах послужить?
И надумали все вместе
Взять сына вдовицы
И отдать его в солдаты.
В колодки забили,
Повезли его к приему
Да там и забрили.
Вот на свете что бывает
У людей, мой сыне! . . .
Я думаю, что доселе
Так на Украине;
Правды лучшей и не будет
Там, где в рабстве люди.

▼

Через год как раз большая
Зима наступила:
Не растаял снег в апреле,
В логах все белели
До троицы снега, — тогда
И Очаков брали
Солдаты, а Запорожье
Раньше разогнали.
Кош весь рыцарский разбрелся. . .
А уж что за люди
Были эти запорожцы!
Не было, не будет
Им подобных!

Под Очаков

Гнали и Максимма;
Там-то был он искалечен
И на Украину
Он пришел с отставкой чистой:

Правую, вишь, ногу,
Левую ли подстрелили.
У меня тревога
Началась: снова злая
Гадина впиалась
В сердце самое, вокруг тела
Трижды обвилася,
Словно Ирод. Что тут делать?
Кто теперь поможет?
У Максима же хромого
Все одно и то же:
На костыль опершись, бродит,
Обо мне не знает;
И в христово воскресенье
Мундир надевает
И медаль и крест прицепит,
Косу заплетает,
Да еще мукой посыплет. .
И досель не знаю,
Для чего тогда солдаты
Косы заплетали
Как дивчата, да мучицу
Даром рассыпали?
Так себе то было, в шутку
Или на забаву?!
Вот, как генерал, бывало
Наш Максим на славу
Нарядится в воскресенье
Да приковыляет
В божий храм и там, на клирос
Ставши, распевает
Он с дьячком, а то так выйдет
Да и прочитает
Апостола среди церкви
(Учился в солдатах
Он читать). А все ж какой-то
Он чудаковатый.
Хоть трудился, работающий;
Ни на что сурово,
Тихий, добрый, он не глянет.
Никому дурного
Он не сделает веки,

Не зацепит словом.
— Счастье людям и несчастье, --
Говорит, — от бога
Вседержителя; без бога
Ведь ни до порога. —
А Максим. . . ну что ж, понятно,
Был хромой да хилый.
А я! а я! . . Как сказать мне,
Сынок ты мой милый!
Я. . . убил! . . Ох, погоди ты,
Отдохну немного
И тогда уж. . .

VI

Говоришь ты,
Что видал колодец
Тот солдатов? Что и ныне
Из него пьют воду?
Крест, вишь, около дороги
И досель господень
Там стоит на перекрестке. . .
А не рассказали
Ничего тебе там люди?
Уж повымирала
Те свидетели, те люди,
Праведные люди;
Я ж доньше все терзаюсь,
Так терзаться буду
И за гробом. . .
Вот послушай,
До чего доводит
Сатана-то душу нашу:
Если не очнется
Кто да к богу не вернется,
Так он и вопьется
В сердце самое когтями. . .
Слушай же, что стало
С этим праведным Максимом.
Отдыха бывало
Он не знал, а в воскресенье,

В праздники ль иные
С псалтырем идет в садочек
И слова святые
Он читает. Там, в садочке,
В тихом уголочке
Катерину схоронили.
Оттого в садочке
Он за упокой Катруси
Псалтырь прочитает;
А потом себе тихонько,
Тихо напевает
«Со святыми» и заплачет,
А потом помянет
Он за здравье тещу с сыном! —
И веселым станет.
— Все от бога, — тихо скажет, —
Что укажет, делай! —
Так-то праведно он прожил
Здесь на свете белом.
А уж в будни так и вовсе
Не сидит он в хате;
На дворе все суетится:
— Леность нам некстати! —
Или скажет по-московски: —
Как бы, лежа в хате,
Не опухнуть. — Взял он как-то
Заступ и лопату
И пошел, сердешный, в поле,
Колодец копает.
— Пусть, — сказал, — приходят люди,
Чтоб воды напиться,
За грешную мою душу
Господу молиться.

Вышел в поле, за дорогой
В балку он спустился
Да и выкопал в долине
Колодец-криницу
(Не один трудился: люди
Ему помогали,
Люди добрые, — колодец
Вместе с ним копали).

Обложил его он срубом,
Над дорогой в поле
Высоченный крест поставил:
Со всего раздолья
Далеко тот крест был виден
В чистом поле, в логе,
Чтобы знали: есть колодец
Около дороги,
Приходили бы водицы
Из него напиться
И за сделавшего это
Богу помолиться.

VII

До чего же, слышь, доходят
Дьявольские ковы?
Что сгубить я замышляю
Максима святого.
Так-то вот! За что же это?
За то, за что Каин
Убил праведного брата
В светлых рощах рая?

Было ль это воскресенье,
Иль иной был праздник. . .
Слушай, как проклятый учит
Сатана и дразнит!
Говорю: — Максим, пойдем-ка
Напьемся водицы
Из колодца! — Молвит: — Ладно,
Хорошо напиться
Из него воды прохладной. —
И пошли тропюю,
И ведрце и веревку
Понесли с собою.
Вот приходим мы к колодцу,
Я тут подивился:
Как глубокий — гляжу. — Ну, Власыч,
Ты бы потрудился,
Черпать воду не умею. —

Он и наклонился,
Опускаючи ведро;
Я тогда без слова
За ноги схватил и бросил
Максима святого
В тот колодец. . . Вот как было,
Что я сделал, сыне!
Не творилось такого
По всей Украине
И вовек не сотворится
В целом мире, брат мой!
Всюду люди, и один я —
Сатана проклятый! . .

VIII

А потом через неделю
Максима достали,
В балке той же при народе
В землю закопали.
Часовенку поставили
И звать порешили
Солдатовым тот колодец. . .
Ну вот и вся повесть.
    О солдатском том колодце
    Правдивая повесть.

А я. . . пошел я в гайдамаки,
В Сибирь судьба меня вела
(Сибирь когда-то здесь была).¹
И, как Иуда, как собака,
Я сгину. . . Чтоб мои дела
Простил мне бог, молися, сыне,
Там, на преславной Украине,
В веселой нашей стороне, —
Быть может, легче станет мне! . .

16 мая 1857
Новопетровский фбрт

---

¹ Не так давно посылали каторжников на Елек или Елецкую защиту ломать соль.

ПЕОФИТЫ

Поэма

*М. С. Шепкину на память
24 декабря 1857 года.*

Сия глаголет господь: со-
храните суд и сотворите прав-
ду, приближися спасение
мое прийти, и милость моя
открыется.

Исаия, глава 56, стих 1

Любимец вечных муз и граций!
Я жду тебя и тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоей душе передаю.

Так прими же благосклонно
Думу-сиротину,
Наш великий чудотворец,
Друг ты мой единый!
Если примешь — убогая,
Сирая, с тобою
Не потонет в водах Леты,
И огнем-слезою
Упадет она на землю,
И уроком станет
Угнетателям народным,
Грядущим тиранам.

Уже давно томлюсь в неволе
Я, как преступник, под замком.
На торный путь смотрю, на поле
Да на могильный крест. На нем
Сидит ворона. Из острога
Не вижу дальше; славлю бога
Я и за то. Еще живет
И богу молится и мрет
Народ крещеный.

Крест высокий

Там на погосте, у дороги,
Расписан золотом, стоит, —
Не бедный, видно, там лежит!
На нем изображен распятый
За нас сын божий на кресте.
Спасибо сиротам богатым,
Что крест поставили. А я...
Такая, знать, судьба моя!
Сижу один и все гляжу я
На крест высокий из тюрьмы.
То погляжу, то повторю я
Слова молитвы, и тоска,
Как убаюканный ребенок,
Слегка притихнет. И тюрьма
Как будто шире; запеваet
И плачет сердце, оживает,
И бога и его святых
И праведников вопрошает:
Что он им сделал, тот святой,
Тот назарей, тот сын единый
Богоизбранницы Марии, —
Что он им сделал? И за что
Его, святого, истязали,
В цепи заковали
И главу его честную
Терном увенчали?
И с разбойниками вместе
На Голгофу стражи
Возвели и там распяли,
И за что? Не скажет
Ни всевышний седовласый,

Ни его святые
Помощники, поборники,
Кастраты немые!

Благословенная в женах,
Святая, праведная мати
Святого сына на земли!
Не дай в тюремной мне ограде
Свои года бесцельно тратить;
Скорбящих радость, ниспошли
Ты мне свое святое слово,
Нетленной правды голос новый!
И слово разума, любви
И просвети и оживи!
Поведаю я людям горе
Той матери, что реки, море
Кровавых горьких слез лила,
Как ты. О том, как приняла
В живую душу свет незримый
Распятого безвинно сына! . .
Ты, мать бога на земли!
Ты слезы матери, страдая,
До капли пролила! Рыдаю,
Молю, рыдая: ниспошли,
Подай душе убогой силу,
Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило
И по Украине понеслось,
И на Украине свято чтилось
То слово — божие кадило,
Кадило истины! Аминь.

I

Не в нашем крае, богу миллом,
При гетмане иль при царе,
А при языческом дворе
То беззаконие творилось.
Кто был там в Риме — Деций-царь
Или Нерон — злой государь, —

Я точно не могу ответить.
Ну, скажем так: Нерон!

На свете

России не было тогда,
Когда в Италии росла
Подросток-девочка. Красною,
Своею прелестью святою
Она, как лилия, цвела.
Мать с гордостью на дочь глядела,
Сама, казалось, молодела,
И вскоре мужа ей нашла
И, помолившись Гименею
В своем веселом гинекее,
В чужой веселый отвела.
И срок пришел тому свершиться,
И матерью отроковица
Уж стала. Сына родила,
Молилась горячо пенатам
И в Капитолий принесла
Немало жертв. Она молила
Капитолийский весь синклит,
Чтоб к первенцу благоволили
Святые идолы. Горит
И день и ночь огонь лампы,
Хранят ее очаг пенаты,
Алкидом сын ее растет.
Растет. . . И льнут к нему гетеры
И перед образом Венеры
Лампы жгут.

II

Тогда всходила уж звезда
Над Вифлеемом. Правды слово,
Любви, учения святого
Звезда всемирная взошла
И мир и радость принесла
На землю людям. Фарисей,
Вся мерзостная Иудея
Свой гнусный голос подняла,
Как гадов скопище в болоте,

И сына божия во плоти
На крест Голгофы возвела
С разбойниками вместе. Спали,
Упившись кровью, палачи —
Твоею кровью. Ты в ночи
Восстал из гроба, слово встало,
И слово правды понесли
Тогда из края в край земли
Твои апостолы святые.

III

Как раз тогда, среди дубрав,
Алкид, гетеры молодые
И козлоногий пьяный фавн
Над самым Аппиевым трактом,
Одежды скинув, разлеглись,
Хмельным вином перепились
И жертвы принесли Приапу.
Как вдруг апостол Петр идет:
Он в Рим шел с вестью преблагою,
Хотел водою ключевою
Он освежиться. — Благо вам! —
Сказал апостол утомленный
И оргию благословил.
И тихим, добрым, кротким словом
Поведал об ученье новом:
О правде, истине, добре,
Добре, что нет его превыше, —
О братолюбии. И, слыша
Слова святые, пьяный фавн,
И сын Алкид твой, и гетеры
Склонились низко, до земли,
Перед Петром. И повели
На вечерю с собою в термы
Они апостола. . .

IV

И в термах оргия. Горят
Чертоги пурпуром и златом.

Куруются амфоры. И рядом,
Едва не голые, стоят
Перед Кипридой девы; в лад
Слагают гимны. Приготовлен
Веселый пир, и возлегли
На ложа гости. Хохот, говор! . .
Гетеры гостя привели
Седобородого. И слово
Из уст апостола святого
Елеем дивным потекло.
И стихла оргия. А жрица
Киприды, оргии царица,
Поникла радостным челом
Перед апостолом. И встала,
И гости, бросив шумный пир,
Вслед за апостолом пошли
Вниз — в катакомбы. И любимый
Твой сын Алкид пошел за ними
И за апостолом святым,
Как за учителем своим.
Оставив домик свой убогий,
Ты вышла из лесу к дороге,
Чтоб встретить сына. Даль темна. . .
Нет сына больше! Ты одна
Помолишься своим пенатам,
С тобой за трапезою рядом
Никто не сядет. . . Проклинать
Судьбу ты будешь и рыдать,
И так состаришься! И — горе! —
Как прокаженная, в беде
Умрешь, забыта!

У

На кресте
Повесили вниз головою
Петра-апостола, а их,
Их — неофитов — в Сиракузы
В оковах отвезли. И сын,
Твой сын Алкид, дитя родное,
Единственное, дорогое,

Любовь единая твоя, —
Гниет в неволе в кандалах.
А ты, скорбящая, не знаешь,
Где он страдает, погибает, —
Идешь искать его в Сибирь,
Иль то бишь . . . в Скифию . . . И ты . . .
Одна ты разве? Богоматерь,
Спаси от бед вас и укрой!
Нет ни одной семьи иль хаты,
И нету ни сестры, ни брата,
Чтоб слезы не лились рекой,
Чтобы не мучились в тюрьме
Или в далекой стороне
В британских, галльских легионах
Их не терзали в дни Нерона.
Нерон жестокий! Божий суд,
Внезапный, праведный, в дороге
Тебя застигнет. Приплывут
И прилетят — на белом свете
Их много — мученики, дети
Святой свободы. Вкруг одра,
Вкруг смертного одра предстанут
В оковах. И . . . тебя простят:
Они ведь братья, христиане,
А ты — мучитель, во сто крат
Собаки хуже ты!

VI

Кишат

Невольниками Сиракузы —
В подвалах, в тюрьмах. А Медуза
И голытьба в трактире спят.
Но скоро грозная восстанет
И кровью вашею, тираны,
Похмелье справит.

Мать повсюду

Искала сына. Не нашла . . .
И в Сиракузы приплыла.

И там уже его в оковах
Нашла, несчастная, в тюрьме.
Но к сыну мать не допускали,
И у острога на бульваре
Должна была сидеть. И ждать,
Как милости, пока опять
Погонят стражи сына мимо,
Закованного, в кандалах,
Мести бульвар.

        Был праздник в Риме,
Великий праздник! Тьма народу,
Со всех провинций воеводы,
Преторианцы и сенат,
Жрецы и ликторы стоят
Вкруг Капитолия. И хором
Царю хвалу возносят, дым
Из амфор вьется. И с собором
Идет сам кесарь. Перед ним
Из бронзы статую литуую
Его же — кесаря — несут.

VII

Предивной выдумкой богаты
Патриции-аристократы
И мудрый кесаря сенат.
Так знать Нерона восхваляла,
Что и самой уж тошно стало
Болвана вечно возносить.
И вот, чтоб с делом порешить,
Они советом присудили:
Нерона-кесаря назвать
Самим Юпитером и — все там!
И написали воеводам
По всем краям: мол, так и так,
Отныне кесарь равен богу!
И дали мастеру ковать
Из бронзы кесаря, и сбоку
(Так, нотабене, на полях)
Прибавили, что идол будет
Прощать и миловать. И люди,
Как птицы в южные края,

В Рим потянулись. Приплыла
Из Сиракуз и мать Алкида
Просить у кесаря защиты.
Она одна ли? Нет, о боже!
Пришли их тысячи в слезах,
Со всех концов страны. . .
О горе!

Кого вы умолять пришли?
Кому вы слезы принесли,
К кому в несчастье и позоре
Пришли с надеждой? Горе! Горе!
Рабы незрячие! Кого,
Кого вы молитесь, благие,
Рабы незрячие, слепые?
Палач не слышит ничего!
Лишь бога истинного чтите,
Молитесь правде на земле,
Другим богам не возносите
Своей молитвы! Все обман:
И поп и царь. . .

VIII

Перед Нероном,
Пред этим новым божеством,
Вчера молитвенно склонялась
Вся знать — и щедро изливалась
Вчера господня благодать.
Тем — деньги, тот — повышен в чине,
Тому — аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому —
Благоволили лично дать
Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного
Нет ничего: должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких. . .
Преторианцы помолились —

Преторианцам дан указ,
Чтоб все, что захотят, творили,
А мы — помилуем уж вас.
А вам, плебеи-гречкосеи,
Хоть и молились вы, не ждать
Помилованья. Не умеют
Вам даже милость оказать!

IX

На третий день лишь разрешили
Молить царя за христиан.
Ты приходила и молилась,
И милосердный истукан
Из Сиракуз велел доставить
В Рим заключенных христиан.
Весела ты и довольна,
Без конца готова
Ты Юпитеру молиться,
А кумир твой новый
Удивительный затеял
Праздник в Колизее.
Ты увидишь! А покуда
Иди же скорее
Сына встретить. Да не слишком
Радуйся ты много:
Ты еще его не знаешь —
Ласкового бога!
В это время с матерями
Вышла мать Алкида
Встретить лаской и дарами
Сына. Позабыты
Все обиды. Ты у Тибра
Чуть не запеваешь
И кесаря-Юпитера
Хвалишь — прославляешь:
«Вот Юпитер так Юпитер!
Не зря носит титул
Юпитера, я-то сдуру
Принесла молитву
В храм Юпитера афинский».
И, идя дорогой,

Втихомолку помолилась
Кесарю, как богу.
И пошла тропой болотной,
Взор на Тибр бросает,
А по Тибру из-за леса
Барка выплывает
Иль галера. На галере
Увидала сына
С неофитами в оковах,
А твой сын безвинный
К мачте накрепко прикован.
Неофит ли новый? —
Нет, апостол великого,
Пламенного слова.
Вот какой он! Иль не слышишь,
Как поет в оковах
Твой страдалец:

«Новый мы псалом владыке
И новую славу
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
Во псалтыри и тимпаны
Славим бога, зная,
Как карает бог неправых,
Правым помогает.
Преподобные во славе
И на тихих ложах
Радуются, превозносят,
Хвалят имя божье.
Меч в руках святых двуострый
Защищает веру,
На отмщение языкам,
Людам для примера.
Закуют царей насытых
В железные путы
И оковами двойными
Руки им окрутят.
И неправедных осудят
Осуждением правым,
И навеки будет слава,
Преподобным слава!»

Х

А ты на берегу стояла,
Как будто темная скала,
Не слушала и не рыдала,
Лишь «аллилуйя» вознесла,
Покуда христиане пели.
Оковы звонко загудели
На неопитах. Твой же сын,
Любимый твой, апостол новый,
Перекрестившись, возгласил:

— Молитесь, братия, молитесь
За злого палача. Его
В своих молитвах помяните;
Перед гордынею его
Своих колен не преклоните!
Молитва — богу! А Нерон —
Пусть на земле владыка он,
Пускай пророков убивает,
Пускай он всех нас распинает,
Уже зачаты внуки те,
Что станут некогда мужами,
Не мстителями-палачами —
Святою ратью во Христе!
И без огня и без ножа
Стратеги божии восстанут
И тьму язычников поганых
Своей молитвой сокрушат!
Молитесь, братия! —

Молились,
Молились пред святым крестом
Закованные неопиты,
Молились радостно. Хвала!
Хвала вам, души молодые,
Хвала вам, рыцари святые,
На веки вечные хвала! . .

ХІ

И в Рим галера приплыла.
Прошла неделя. Пьяный кесарь,

Постригший сам себя в Зевесы,
Справлял Зевеса юбилей.
Ликует Рим. Везут к кумиру
Возами ладан, смирну, мирру
И к Колизею христиан
Гуртами гонят. Кровь струится,
Как будто в бойне. Весел Рим!
И гладиатор и патриций
От крови пьяны. Кровь и дым
Дурманят их. Остатки славы
Рим пропивает, тризну правит
По Сципионам. Гнусный, злой,
Развратный старец, наслаждайся
В своих гаремах! Из-за моря
Уже встает звезда и вскоре
Не громом праведным, святым
Тебя сразит — ножом тупым
Тебя зарежут как собаку,
Иль обухом убьют!

XII

Два дня

Ревет арена. На арене
Лидийский золотой песок
Уже пурпурным стал болотом,
Невинной кровью обагрясь,
А сиракузских назареев
Еще не видно в Колизее.
На третий день и их в оковах
С мечами наголо на бойню
Толпою стража привела.
Арена ревом изошла.
А сын твой гордо на арену
С псалмом молитвенным ступил.
И пьяный кесарь, брызжа пеной,
Захохотал. И леопард
Из ямы выскочил на сцену,
Сверкнул зрачком. . . И полилась
Святая кровь. По Колизею
Раскатом грома пронеслась
И стихла буря.

Где ж была?
Где скрылась ты? Была ль готова
Тогда на кесаря святого
Ты броситься? Иль знала ты,
Что в три шеренги окружили
Зевеса ликторы? За ним,
Твоим Юпитером святым,
Ворота накрепко закрыли,
И вот — осталась ты одна.
Одна, с отчаяньем во взоре.
И что ты можешь? «Горе, горе!
О горе страшное мое!
Как жить без сына, без Алкида,
Что буду делать? Кто защитой,
Опорой будет? . . .» Непокрытой
Седую, старой головой
Она об каменную стену
Ударилась и трупом пала
У Колизея.

XIII

Возвратясь из цирка к ночи,
В термах укрывался
Кесарь под охраной стражи.
Колизей остался
Без кесаря и без римлян
И точно заплакал
Одинокий. Темной глыбой,
Как гора, чернеет
Колизей на стогнах Рима. . .
Тихо, тихо веет
Из-за Тибра, из Альбано
Ветерок над Римом,
А над черным Колизеем,
Словно в легком дыме,
Выплыл месяц круглолицый.
Мир весь перевозданный
Опочил на лоне ночи,
Только мы — Адама
Преступные, злые чада —

Отдыха не знаем
Ни на миг, до самой смерти,
В утраченном рае.
Мы грыземся, как собаки
Над куском червивым,
И тебя еще ругаем,
Праотец ленивый! . .

XIV

Еле сном забылась
Чуть живая мать-старуха,
Иссякшие силы
Сила ночи оживила.
Встала, походила,
У ворот закрытых
Что-то все шептала.
Не кесаря ли святого
Тайно проклинала?
Может быть, и так. Тихонько
К воротам подкралась,
Послушала, усмехнулась
И пробормотала
Про себя чуть слышно что-то. . .
    У ворот присела,
    Пригорюнилась. И вскоре
    Открылись ворота,
Потянулись вереницей
Из Колизея колесницы
На Тибр. И повезли тела,
Как с бойни туши. . . А телами
Святых, растерзанных зверями,
Рабы для царского стола
Кормили рыбу.

    Мать Алкида
Вдруг огляделась, поднялась,
Взялась за голову руками
И тихо, молча за возами,
Как черный призрак, побрела.
Возницы — скифов серооких
Потомки и рабов рабы —

Подумали: сестра Морока ¹
Из пекла вышла провожать
Обратно римлян. И швырнули
В пучину трупы и назад
С возами скифы повернули.
И вот осталась ты одна
У Тибра. Пристально следила,
Как расходились и сходились
Круги широкие над ним,
Над сыном праведным твоим! . . .
Смотрела ты, пока не стала
Совсем спокойною вода,
И засмеялась ты тогда,
И тяжко, страшно зарыдала,
И помолилась в первый раз
За нас распятому.

И спас
Тебя распятый сын Марии,
И ты слова его живые
В живую душу приняла,
По торжищам, дворцам, чертогам
Живого истинного бога
Ты слово правды понесла.

8 декабря 1857
Нижний-Новгород

---

¹ М о р о к — скифский Плутон.

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили:
Немало в рекруты забрали
Сатрапы эти унтера.
Особенно капрал Гаврилыч
С ефрейтором своим меньшим,
Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Шагистикой и всем другим
И «благосклонный пребывали
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Скребли в безмолвии чубы —
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного. Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона? .

Авось, дождемся, будем ждать!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших чинных киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап-капрал.
Вам горя мало. А меж вами
Нашелся все же некий малый,
Такой чудак-оригинал,
Что в церкви... в морду дал капралу —
И зажило как не бывало,
Как на собаке.

Так-то так!

Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил:
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, покуда
Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря. А бывый
Фельдфебель ваш, Сарданапал,
Послал на каторгу святого,
А для побитого седого
Сатрапа «вечно» пребывал
Преблагосклонным.

И другого

Не вышло ничего, и драму
По закоулкам темным самым
На свалку вынесли. А я...
О ясная звезда моя!
Меня из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю
И светишь, и горишь над ним
Огнем невидимым, святым,
Животворящим. В смрадном хламе
Встают передо мной столпами
Его безбожные дела...
Безбожный царь, источник зла,
Гонитель истины жестокий,

Что натворил ты на земле!
А ты, всевидящее око!
Ты видело ли издалека,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых,
Когда терзали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в киоте, а цари. . .
Да чур проклятым тем Неронам!
Пусть тешатся кандалным звоном, —
Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и в норы,
Без дна глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
Из тьмы, из смрада, из неволи,
Царям и людям напоказ,
Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах. . .

Декабрь 1857
Нижний-Новгород

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною;
Ты другом стала и сestroю
Мне, бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку
И к пьяному дьячку свела,
И отдала ему в науку.
«Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдем в люди», — ты сказала.
Я и послушался, глядишь —
И выучился. Ты ж солгала!
Да зря! Куда уж в люди нам?
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя,
О друг мой бедный, нелукавый,
Пойдем все дальше: дальше слава,
А слава — заповедь моя.

*9 февраля 1858
Нижний-Новгород*

МУЗА

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье
Седым туманом повила,
И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля!
Из казармы душевной, грязной
Чистою, святою
Пташечкою вылетела —
И вдруг надо мною
Полетела и запела...
Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.
И я живу, и надо мною
Своею божьей красотой
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая!

Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная! — схорони
Сама ты горемыку сына
И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

9 февраля 1858
Нижний-Новгород

СЛАВА

А ты, чумазая торговка,
Пьяная шинкарка!
Почему меня лучами
Не целуешь жарко?
Или с воров под Версалею
Ты на новоселье?
Иль с другими путаешься
С тоски да с похмелья?
Ты подсядь ко мне поближе,
С горя ли, от злости —
Выкинем с тобой такое, —
Удивятся гости.
Мы обнимемся, сойдемся,
Будем жить не споря,
Потому что, дорогая,
Тот же до сих пор я,
За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слыхал немало,
Как ты с пьяными царями
По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем
В Крыму в злые ночи.
Но об этом я не плачу
И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться!
Под крылом твоим хочу я
В тишине забыться.

*9 февраля 1858
Нижний-Новгород*

СОН

На барщине пшеницу жала,
Устала; все ж не отдыхать
Пошла в снопы, заковыляла
Ивана-сына покачать.
Дитя повитое кричало
В тени, в прохладе за снопом.
Распеленала, приласкала
И накормила; а погом,
Над сыном сидя, задремала.
И снится ей, что сын Иван
Такой красивый и богатый,
Уже не холостой, женатый —
На вольной, кажется, — и сам
Уже не барский, а на воле;
И на своем веселом поле
Вдвоем они пшеницу жнут,
А деточки обед несут!
И тут бедняга улыбнулась
От радости и вдруг проснулась —
Нет ничего! Она взяла
Тихонько сына повила,
Боясь бурмистра, оглянулась
И дожинать урок пошла.

*13 июля 1858
Петербург*

Музыкальная библиотека
Музыкальный.

Паннонскіх Актіоніст.

КОБЗАРЬ

Б. Губинин

1860.

* * *

Я, чтоб не сглазить, не хвораю,
Но за собою замечаю —
Неладно с сердцем у меня.
Как бы голодное дитя,
Чего-то ждет оно, рыдает,
Не спит. Быть может, ожидает
Дурного? Доброго не жди, —
Напрасно воли поджидаем, —
Она заснула, Николаем
Усыплена. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До страшного суда заспится, —
Паны помогут крепко спать:
Всё будут храмы воздвигать,
Да всё царя, пьянчугу злого,
Да византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

*22 ноября 1858
Петербург*

ПОДЪЯЗВАННЕ 11 ПСАЛМУ

Мой боже милый, как их мало,
Святых людей, на свете стало!
Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердца, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут? . .
А ты, о господи единый,
Скуешь лукавые уста
И тот язык велеречивый,
Сказавший: — Мы не суета! —
И возвеличим мы на диво
И разум наш и наш язык. . .
И где же тот, кто нам укажет
Не думать так, не говорить?
— Воскресну! — вам он грозно скажет. —
Воскресну ныне ради них,
Людей закованных моих,
Убогих нищих. Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово. . . И поникнут,
Как бурей смятая трава,
И мысли ваши и слова.
Как серебро, что гнуто, бито
И семикратно перелито
Огнем в горниле, — словеса
Твои, о господи, такие.

Раскинь же их, слова святыя,
По всей земле! И в чудеса
Твои уверуют на свете
Твои страдающие дети.

15 февраля 1859
Петербург

МАРКУ ВОВЧКУ

В память 24 января 1859

Еще недавно за Уралом
Блуждал я, бога умолял,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наша речь не умирала,
И вымолил! Господь послал
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
И ненасытных. Жизнь моя!
Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Свети и обогрей меня,
И оживи немолодое
Ты сердце бедное, больное,
Голодное. И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову;
И думу вольную. . . О доля!
Пророк наш! Дочь земной юдоли!
Твоею думу назову! . .

*17 февраля 1859
СПб.*

ИСАИИ. ГЛАВА 35

Подражание

Радуйся, нива неполитая!
Радуйся, земля, не повитая
Цветущим злаком! Распустись,
Невинным крином расцвети!
И расцветешь, благоуханна,
И, словно берег Иордана,
Сверкнешь убранством молодым.
И честь кармилова и слава
Ливанова, что нелукава,
Тебя укроет дорогим,
Золототканым, хитросшитым,
Добром и волею подбитым
Своим покровом пресвятым,
Чтобы слепцы твои прозрели,
На божьи чудеса смотрели.

Рабских рук изнеможенных
Пройдет утомленье,
И закованные в цепи
Отдохнут колени.
Радуйся же, нищий духом,
Не страшися дива!
Судит бог, освобождает
Долготерпеливых,
Вас, убогих! Воздаст он
Злодеям за злая.

Лишь только, господи, святая
На землю правда прилетит
И краткий отдых возвестит —
Слепцы прозреют, а хромые,
Как серны из лесу, умчатся,
Немых отверзнутся уста,
Прорвется слово, как вода,
И ширь пустыни неполитой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опяшут мир; не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой, —
И пустыней завладеют
Веселые села.

25 марта 1859
Петербург

XX.

Как ты, лилеею такую ж
Когда-то дева расцвела
На Иордане и несла
Святое слово над землею.
Когда б и ты, днестровский цветик...
Нет, нет! Помилуй бог! Распнут,
В Сибирь в оковах поведут,
И ты, мой беззащитный светик...
Не вымолвить...

Веселый рай

Пошли ей, господи, подай!
Ей счастье дай на этом свете,
Иного ей ты не давай!
Да не бери ее весною
В небесный рай, но в нашей мгле
Ты дай твою красоюю
Налюбоваться на земле!

*19 апреля 1859
Петербург*

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРНЕНКУ

На память 22 сентября 1859 г.

Ой, на горе яр-хмель цветет,
А под горой казак идет.
Узнать казак пытается,
Где же счастье скрывается?

То ли в шинках с богачами?
То ли в степях с чумаками?
То ли ветром в чистом поле
Развеено по раздолью?

Не там, не там, друг-приятель, —
У дивчины, в чужой хате,
В полотенце да в холстине
Запрятано в новой скрыне.

*7 июня 1859
Лихвин*

* * *

Ой, мама, мама, как я страдаю!
Есть очи ясные, а я не знаю,
С кем обменяться мне взглядом, не знаю!

Ой, мама, мама, беда какая!
Есть руки белые, да не ласкаю,
Да никого-то вот я не ласкаю.

Ой, мама, мама, ты дорогая!
Есть ноги легкие, да вот, родная,
С кем танцевать-то мне, мама родная?

10 июня 1859
Пирятин

СЕСТРЕ

Так, проходя по бедным селам
Понадднепровским невеселым,
Я думал: где приют найду,
Где скроюсь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка, стоит
На горке невысокой хата,
И Днепр наш, водами богатый,
Родной сияет и горит!
И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишнею ветвистой
Моя родимая сестра,
Многострадальная, святая,
В прохладе рая поживает,
Из-за широкого Днепра
Меня, бедняга, поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
И вновь скрывается меж волн...
— О братец мой! Моя ты доля! —
И просыпаемся вдруг: ты...
На барщине, а я в неволе!
Вот так с младенчества идти
Пришлось нам по колючим нивам!
Молись, сестра! Коль будем живы,
Бог нам поможет их пройти.

*20 июля 1859
Черкассы*

* * *

Я, глупый, размышлял порою,
Я думал: «Горюшко со мною!
Как на земле мне этой жить?
Людей и господ хвалить?
В грязи колодою гнилою
Валяться, стариться и гнить,
Уйти — следа не оставляя
На обворованной земле?..»
О горюшко! о горе мне!
Где спрятаться — и сам не знаю:
Везде пилаты распинают,
Морозят, жарят на огне!

21 июля 1859
Черкассы

* * *

Во Иудее во дни оны,
Во время Ирода-царя,
Вокруг Сиона, на Сионе
Пьянчужек-римлян легионы
Паскудили. А у царя,
Там, где толклось народу много,
У Иродова, бишь, порога
Стояли ликторы. А царь,
Самодержавный государь,
Лизал усердно голенища
У ликтора, чтоб только тот
Хоть полдинария дал в ссуду.
Мошною ликтор наш трясет
Да сыплет денежки оттуда,
Как лобирушке подает,
И пьяный Ирод снова пьет!
Но вот, не в самом Назарете,
А где-то, в некоем вертепе,
Мария сына родила,
С дитятей в Вифлеем пошла...
Бежит почтарь из Вифлеема
К царю и молвит: так и так,
Бурьян, да куколь, да будяк
Растут в пшенице! Злое семя
Давидово у нас возшло!
Дави, пока не поднялось!
«Так что же! — молвил Ирод пьяный, —
Пусть всех детей в стране убьют,

А то я знаю: род поганый, —
Доцарствовать мне не дадут». —
Почтарь, да бог с ним, был нетрезвым,
Сенату передал приказ,
Чтоб только в Вифлееме резать
Малюток. . .

О, спаси же нас,
Младенец праведный, великий,
От пьяного царя-владыки!
От горшего ж тебя спасла
Преправедная мать божья.
Где ж взять ее нам в бездорожьях?
Мы сердцем голы догола!
Рабы, чьи с орденами груди,
Лакеи в золоте — не люди,
Онучи, мусор с помела
Его величества. . .

Ну, будет! . .

24 октября 1859
Петербург

МАРИЯ

Радуйся, ты бо обновила
еси зачатая студно.

Акаф. П. Б., Икос 10.

Все упование мое,
Пресветлая царица рая,
На милосердие твое —
Все упование мое,
Мать, на тебя я возлагаю.
Святая сила всех святых!
Пренепорочная, благая!
Молюсь, и плачу, и рыдаю:
Воззри, пречистая, на них,
И обделенных и слепых
Рабов, и ниспошли им силу
Страдальца сына твоего —
Крест донести свой до могилы,
Не изнемогши от него.
Достойно петая! Взываю
К тебе, владычица земли!
Вонми их стону и пошли
Благой конец, о всеблагая!
А я, незлобный, воспою,
Когда вздохнется легче селам,
Псалмом спокойным и веселым
Святую долюшку твою.
А ныне — плач, и скорбь, и слезы...
Души, убогой от рыданий,
Убогой данью предстою.

У плотника иль бочара,
Иосифа того святого,
Жила Мария и росла.
Росла в батрачках, подрастала,
И выданья пришла пора;
Мария, словно розан алый,
В убогой хате расцвела.
Невзрачно было в бедной хате,
Но рая тихого светлей.
Бочар, батрачкою своей
Любуясь, как родным дитятей,
Бывало знай глядит в упор,
Забыв рубанок и топор;
И час пройдет, и два пройдет,
А он и глазом не мигнет
И размышляет:

«Сиротина!

Одна, ни дома, ни семьи!
Вот если б... Но года мои...
Да свет ведь не сошелся клином!»
А та стоит себе под тыном
И белую волну прядет
Ему на свитку к именинам,
Или на берег поведет
Козу с козленочком болезным
И попасть и напоить.
Хоть то и даль, в краю окрестном
Ей по душе был божий пруд,
Широкая Тивериада.
И как она бывало рада,
Что нет запрета ей, и тут
Дозволено без всяких пут
На пруд ходить. Идет, смеется...
А он попрежнему сидит
И за рубанок не берется.
Коза напьется и пасется,
А девушка одна стоит,
И, на широкий пруд с пригорка
Поглядывая зорко-зорко,
Она печально говорит:
— Тивериада, посоветуй,
Скажи мне, царь озер, открой,

Что дальше будет в жизни этой
С Иосифом и бедной мной? —
И, молвив, сникла, как раина
От ветра клонится в яру.
— Как дочь, его я не покину,
Плечами юными своими
Я плечи старца подопру. —
И так взглянула облегченно,
Так выпрямилась сгоряча,
Что край заплатанный хитона
Спустился с юного плеча.
Такой красы земное око
Еще не видело ничье.
Но черное бездушье рока
По терну повело ее,
Над бедною смеясь жестоко!
Вот доля-то!

Она пошла
Вкруг пруда медленной походкой,
Лопух у берега нашла,
Покрыла сорванной находкой,
Как шляпой, бедную свою
Головку, горькую такую,
Свою головоньку святую,
И скрылась в роще на краю.

О, свет ты наш незаходимый!
О ты, пречистая в женах!
Благоуханный крин долины!
В каких полях, в каких лесах,
В расселине какого яра
Ты можешь спрятаться от жара
Огнепалящего того,
Что сердце без огня растопит
И без воды зальет, затопит
Твое святое существо?
Где скроешься от доли слезной?
Нигде! Огонь прорвался, — поздно!
Разбушевался он, и вот
Напрасно сила пропадет.
Дойдет до крови, до кости
Огонь тот лютый, негасимый,

И, недобитая, за сыном
Должна ты будешь перейти
Огонь геенский. То пророча,
Уже заглядывают в очи
Тебе грядущего огни!
Не сокрушайся. Отверни
Глаза от страшного обличья,
И лилии вплети в девичью
Косу, иль мак, и ляг в тени
Под старый явор и усни,
Покамест время.

Из рощи, краше звезд ночных,
Выходит ввечеру Мария.
Вдали пред ней Фавор-гора,
Литая как из серебра,
Вздымает ввысь бока крутые
И ослепляет.

Подняла
На тот Фавор свои святые
Глаза Мария — и козла
С козой из рощи увела.
Потом запела:

«Рай без краю, —
Темный лес!
Я не знаю,
Молодая,
Долго ль, боже,
Погуляю
Средь твоих чудес?»

И замолчала.
Кругом рассеянно взглянула,
Козленка на руки взяла,
Тоску минутную стряхнула
И зашагала, весела.
И, как младенца-недотрогу,
Того козленка, что ни шаг,
Трясла и тискала дорогой
И вскидывала на руках.
Укачивала, щекотала,
К груди, целуя, прижимала

И сыром козым угостила,
Водой криничной из ведра.
Сама же не пила, не ела,
Но втихомолку, как сперва,
На гостя из угла глядела
И слушала его слова.
И те слова его святые
На сердце падали Марии,
И у бедняжки то и дело
От них кружилась голова!

— Во Иудее искони
Того, — сказал он, — не бывало,
Что вы увидите! Равви,
Равви великого начала
На свежевспаханной нови
Посеяны, и мы не чаем,
Каким богатым урожаем
Взойдут и вызреют они.
Я возвестить иду мессию. —
И помолилася Мария
Перед апостолом.

Горит
Костер, тихонько дотлевая.
Иосиф праведный сидит
И думу думает.

Ночная
Звезда на небосклон взошла.
Мария встала и пошла
К колодцу по воду с кувшином,
И следом гость, покуда мгла,
Догнал ее на дне лощинном. . .
С благовестителем часок
Прошли втроем ночью тишью
И двинулись домой, не слыша
От счастья под собою ног.

Все ждет и ждет его Мария,
Все ждет и плачет. Молодые
Глаза и щеки и уста
Заметно вянут.

— Ты не та, —

Иосиф говорит с заботой, —
Не та, Мария, цветик мой,
С тобой случилось, дочка, что-то.
Венчаться надо нам с тобой.
А то... (Не приведи бог худа,
Подумал, но не молвил вслух.)
Обладим это, милый друг,
И скроемся скорей отсюда.
Навзрыд, собираясь второпях,
Мария плачет и рыдает.

И вот они в пути шагают.
Старик с котомкой на плечах
Идет продать на рынке кружку
И свадебный платок цветной
Купить в подарок молодой
И за венчанье дать полушку.

О старец, правдою богатый!
Не от Сиона благодать,
А из твоей смиренной хаты
Нам воссияла. Если бы
Пречистой ты не подал руку,
Рабами, бедные рабы,
Доселе гибли б мы...

О, мука!

О, тяжкая души печаль!
Не вас мне, горемычных жаль,
Слепые, нищие душою,
А тех, кто видят над собою
Топор возмездья — и куют
Оковы новые. Убьют,
Зарежут вас, душеубийцы,
И в окровавленной кринице
Напоят псов!

Куда ж пропал
Таинственный тот гость недавний?
Зачем взглянуть не пожелал
На брак тот славный и преславный
И подмененный! Не слышать
Ни о самом, ни о мессии.
А люди ждут и будут ждать

Неведомо чего.

Мария,
Среди несчастья твоего
На что надеешься еще ты?
На бога ли твои расчеты
И на апостола его?
Не жди спасенья ниоткуда,
Благодари и чти за чудо,
Чтоходишь венчанной женой
В дом плотника, что он с порога
Тебя не выгнал на дорогу
И ты за каменной стеной.
А то бы кирпичом убили. . .
В Ерусалиме говорили
Тихонько, что в Тивериаде
Кого-то будто бы казнили
Или распяли на кресте
За проповеди о мессии.
— Его! — промолвила Мария
И, радуясь своей мечте,
Пошла домой.

И рад особо
Старик, что девушки утроба
Скрывает праведную душу
За волю распятого мужа.
И так они идут домой.
Приходят в дом, живут неделю,
Но в доме нет у них веселья.
Он трудится над колыбелью
Своей работы, а она,
На поле глядя из окна,
Сидит за кройкою и строчкой
И крошечную шьет сорочку —
Кому еще?

— Хозяин дома? —
Спросили со двора. — Указ
От кесаря, чтоб сей же час
Вы шли без всяких отговорок
Для переписи в Вифлеем! —
И, закатившись за пригорок,
Тот окрик стихнул вслед за тем.

Мария — тотчас печь лепешки.
Запас опрессноков спекла,
Сложила молча их в лукошко,
Со старым в Вифлеем пошла.
Идут они.

— Святая сила!

Спаси нас, боже, и помилуй! —
Взмолилась, утерев слезу.
Идут, смирясь перед судьбою,
Идут, и тропкой пред собою
Козленка гонят и козу.
Их бросить дома нелегко;
И бог пошлет в пути, быть может,
Ребенка, — вот и молоко.
Не отбегая далеко,
Скотина рядом ветки гложет.
За ней идут отец и мать
И начинают толковать.
— Протопресвитер Симеон, —
Не торопясь Иосиф начал, —
Мне сказывал: святой закон,
Что людям Авраам назначил,
Восстановят мужи ессеи
В той силе, как при Моисее.
И верь, — прибавил, — не умру,
Пока мессии не узрю!
Ты слышишь ли, моя Мария?
Придет мессия!

— Он пришел,

И мы уж видели мессию! —
Мария молвила.

Нашел

Старик в своей суме лепешку
И говорит:

— Поешь немножко!

Пока что будет, подкрепись!
Дорога дальняя, садись.
И я умаялся, присяду! —
И сели при пути в прохладу
Полудновать.

А солнце вниз
Все шибче катится — и село.
И вдруг — невиданное дело,
Аж вздрогнул плотник: только мгла
На поле дальнее сошла,
Горящая метла с востока,
Над самым Вифлеемом, сбоку,
Метла косматая вошла
И степь и горы осветила.
И в этот миг, теряя силы,
Мария сына родила,
Того единственного сына,
Который нас от рабства спас,
И, непорочный, неповинный,
На крест пошел за грешных нас!
Дорогой тою гнали стадо.
Их увидали пастухи
И взяли мать к себе, и чадо
Эммануилом нарекли.

А на рассвете в Вифлееме
На площади гудит народ:
Последнее приходит время,
Беда — напасть на нас идет.
В толпе то громче пересуды,
То, стихнув, ловят новый слух.
Как вдруг, вбегая: — Люди, люди! —
Кричит на площадь всю пастух. —
Пророчество Иеремии
Сбылось; пророк Исайя прав!
У нас, у пастухов, мессия
Вчера родился! .. —

Прокричав:
— Мессия! .. Иисус! .. Осанна! .. —
Толпа остыла и неожиданно
Рассеялась.

А через час
По Иродову приказанью
Введен был в город легион.
Тогда свершилось злодеянье,
Неслыханное испокон.

Еще в кроватках дети спали,
В купелях воду нагревали,
Зря матери старались, знать:
Их больше не пришлось купать.
Уж в их крови легионеры
Ножи омыли, изуверы.
Как то могла земля принять?
Так вот, иная мать, смотри,
Что Ироды творят цари!

Мария и не хоронилась
С своим младенцем.

Слава вам,
Убогим людям, пастухам,
Что сберегли ее и скryми
И нам спасителя спасли
От Ирода! Что накормили
И, напоив, не поскупились
Ей дойную ослицу дать,
Хотя и горемыки сами;
И с сыном молодую мать
Пустились ночью провожать
Кружными тайными путями
На путь Мемфисский.

А метла,
Метла горящая светила
Всю ночь, как солнце, и плыла
Перед ослицей, что несла
В Египет кроткую Марию
И в мир пришедшего мессию.

Когда б на свете где хоть раз
Царица села на ослицу,
Сложили б про нее рассказ
И стали б на нее дивиться!
А эта на себе несла
Живого истинного бога!
Тебя, родная, копт убогий
Хотел купить у старика,
Да пала ты: видать, дорога
Тебе не выдалась легка.

Вот, в Ниле выкупанный, спит
В пеленках малый у обрыва.
Мать колыбель плетет из ивы,
Сидит, не утирая слез,
И колыбель плетет из лоз.
Иосиф наш трудолюбивый
Постройкой занят шалаша
Из срезанного камыша,
Чтоб было где укрыться ночью.
Вдоль Нила сфинксы, как сычи,
Таращат неживые очи,
И, выстроясь по нитке в ряд,
Отряды пирамид стоят
В песках сторожевым кордоном,
Давая фараонам знать,
Что божьей правды благодать
Означилась под небосклоном,
Чтоб фараонам не дремать.

Мария шерсть пошла мотать
У копта, а Иосиф старый
Взялся пасти овец отару,
Чтоб денег на козу собрать.
Проходит год.

Не унывая,
Святой наш старец день-деньской
Сбивает бочки в мастерской,
Устроенной в углу сарая,
И знай мурлычет.

Ну, а ты?
Не плачешь ты, не напеваешь,
Гадаешь, думаешь — гадаешь,
На путь как сына навести,
Как в правде воспитать высокой,
Как уберечь от тьмы порока
И от житейских бурь спасти. . .

Еще проходит год.

На травке
Коза пасется, а малыш
С козленком возится под лавкой.

А на крыльце с куделью мать
Не может взора оторвать
От их веселья.

Вдоль забора
Старик едва плетется в гору.
Был в городе, сбывал заказ
И по гостинцу всем припас.
Для сына пряник есть медовый,
Для матери — платочек новый,
К своим сандалиям ремни, —
Давно изношены они.
Вошел, передохнул с устатку
И говорит:

— Не плачь, касатка,
Какую новость я узнал:
Жить Ирод долго приказал.
Наелся на ночь до отвалу —
И поутру его не стало.
Такие, видишь, ли, дела.
Вернемся в сад наш за оградой.
Пойдем домой, моя отрада!
— Идем! — сказала и пошла
На Нил стирать белье ребенку.
Паслась коза, прильнув к козленку,
Иосиф сына забавлял,
Пока Мария в водах Нила
Ребенку рубашонки мыла.
Потом в избе ремни размял
И пару добрых сплел сандалий.
Потом они котомки взяли,
В далекий путь направив шаг
С младенцем малым на руках.

Вот кое-как дошли до дому.
Не дай бог взору никакому
Наткнуться на такой разгром!
На что уж глушь! Ведь под защитой
Тенистой рощи хата скрыта,
А в хате этой все вверх дном!
Придется спать среди развалин.
Мария кинулась от них
К ключу, но как и он печален!

Здесь некогда в счастливый миг
С ней встретился тот гость красивый.
Как изменилось все! Родник
Порос бурьяном и крапивой.
Мария, горю нет границ!
Молись и волю дай молениям!
В слезах кровавых павши ниц,
Вооружись долготерпением!
С отчаянья Мария там
Едва тогда не утопилась.
Что было б непрозревшим нам?
Дитя б без матери томилось,
И мы по сей на свете час
Не знали б правды, душегубы...
Но во-время остановясь,
Мария горько сжала губы
И, прислонившись к стенке сруба,
Свободно выплакалась всласть.
В те времена Елизавета,
Вдова, в предместье Назарета
С Иваном маленьким жила
И приходилась им роднею.
Вот ранней зорькою одною
Мария мальчика взяла
И с мужем в Назарет пошла
К той родственнице и вдовице
Внаймы из милости проситься.

Тем временем дитя растет,
Растет себе и подрастает,
Растет, не ведая забот,
И с мальчиком вдовы играет.
Играли раз они у рва,
Две палки подобрали с краю
И тащат матерям к сараю
С преважным видом на дрова.
Знай наших, мол (известно, дети),
И просто загляденье эти
Веселых мальчугана два.
И вот меньшей берет неожиданно
Вторую палку у Ивана
(Иван скакал на ней верхом)

И складывает их крестом,
Чтоб дома, видите, похвастать,
Что он уж мастер хоть куда. . .
Мария обмерла, когда
В руках у сына увидала
Тот крестик-виселицу.

— Стой! —

Вскричала мать, — недобрый, злюка
Тебя подбил на эту штуку.
Брось палки прочь, сыночек мой! —
И мальчик, материнским страхом
Ошеломлен и с толку сбит,
Святую виселицу махом
Швырнул и зарыдал навзрыд.
Он плакал в первый раз. Впервые
Лил эти слезы ей на грудь.
Поглубже в сад под тень Мария
С ним поспешила завернуть.
Там пестовала, целовала
Его без счету, тормоша,
И коржик в рот ему совала,
И маленькому легче стало,
Угомонила малыша.
Разнежившись от утешений,
Зевнул он, растянулся, лег
На материнские колени
И задремал, как ангелок.
Он спит, и беспокойным оком
В слезах на сына смотрит мать,
Чтобы не всхлипнуть ненароком
И сна его не разогнать.
Крепилась, да не тут-то было:
Сама ту дрему прервала.
Слезой упавшей разбудила.
Кипящей каплей обожгла.
Свою печаль от сына прячет,
Но мальчика не обмануть:
Все понял он — и, к ней на грудь
Упавши, вместе с нею плачет.

Из заработков ли скопила,
Взаймы ли у вдовы взяла,

За четвертак букварь купила,
Ребенка в школу отвела.
Сама б растила грамотеем,
Да неученая была.
Учиться он ходил к ессеям,
А душу сына мать блюла.
С ним в класс Иван был отдан вдовин.
Всем выдался Иван в него,
И как росли ребята вровень,
Так и учились.

Баловство

Не коренилось в мальчугане.
Он детских не любил проказ.
Бывало в стороне держась,
Забьется где-нибудь в бурьяне
И тешет клепку, — так мальцу
Хотелось помогать отцу.

Ему пошла весна седьмая
(Постиг уже он мастерство).
Лежал Иосиф, отдыхая,
И любовался на него.
Какие у него задатки?
Каким займется ремеслом?
Вот как-то, ведра взяв и кадки,
Они отправились втроем
На ярмарку, да прямо в самый
Что ни на есть Ерусалим.
Хоть далеко, — они упрямы:
Там цены выгоднее им.
Пришли, расставили посуду.
Куда ж девался баловник?
Мать мечется и ищет всюду.
Нет сына, хоть кричи на крик.
Бежит в испуге в синагогу
Защиты попросить у бога,
И тут — сокровище благих!
Попав на сборище к раввинам,
Сидит он с личиком невинным
И, крошка, поучает их,
Как в свете жить, людей любить,
За правду стать, за правду сгинуть.

Без правды горе!

— Горе вам,

Учители архиереи! .. —

И удивлялись фарисеи

И книжники его речам,

А радость матери Марии

Неизреченна! Ведь мессия

Воочию пред нею сам.

С утра продавши весь товар,

Во храме помолились богу

И вышли холодком в дорогу,

Когда остыл полдневный жар.

Так и росли, так и учились

Святые деточки вдвоем,

И ими матери гордились.

Они тернистые пути

Избрали, вышедши из школы,

Освобожденья путь тяжелый,

Во имя божьего глагола

Не устрашась на крест пойти.

Иван в пустыне жил неведом,

А твой пошел в народ.

За ним,

За сыном праведным своим,

Пошла и ты покорно следом,

Иосифа на склоне лет

Совсем покинув; сыну вслед

И ты пошла навстречу бедам,

Пока, скитаясь, не пришла

К самой Голгофе.

Ибо всюду

Святая мать за сыном шла,

На речи сына и дела

Смотрела и, дивясь как чуду,

Издалека, наедине

От счастья млела в стороне.

Бывало он, на Елеоне

Присев, вздохнет.

Ерусалим

В красе раскинется под ним,

И блещет в золотом виссоне

Израильский архиерей
И римский золотой плебей!
И так он, сидя, заглядится
На иудейскую столицу,
Что час пройдет, не вспомнит мать,
И два пройдет, забудет встать,
И вдруг заплачет беспричинно.
Заплачет и она, в лощину
К ключу спускаясь за водой.
С водой вернется, успокоит,
Стопы усталые омоет,
Даст пить, возьмет хитон худой,
Зашьет его, и удалится,
Чтоб за смоковницей седой
От сына в стороне таиться
И охранять его покой.
А вот из города ребята.
Его любила детвора
И с ним по улицам с утра
Толпой ходила до заката.
Сбегались и на Елеон.
Вот и сейчас пришли резвиться.
— Святые! — тихо молвил он,
Навстречу встав их веренице,
И подошел, благословил,
И с ними сел, как встарь, играть,
В ребенка превратясь опять.
Потом, повеселев душой,
Спустился с ними на закате
На проповедь в Ерусалим
Спасенье возвещать глухим.
Не вняли — предали распятью.
Как распинать его вели,
Вокруг тебя на перекрестке
Стояли дети и подростки,
А взрослые ученики
Поразбежались, как от плети.
— Пускай идет, пускай идет!
Вот так и вас он поведет! —
Сказала ты. — Смотрите, дети! —
И наземь грохнулась с тоски.
Без сына опустел весь свет.

Ночуя под плетнями, позже
Вернулась ты в свой Назарет.
Вдову похоронили божью,
Чужими труп ее зарыт.
Иван давно в тюрьме убит,
Иосифа не стало тоже,
Одна, как перст, лишь ты одна
Осталась в эти времена.
Уж так талант твой, видно, латан.
Трусливые ученики
Ушли от пыток в тайники,
И, выведав, где кто попрятан,
Ты стала собирать бедняг.
Однажды ночью в полном сборе
Они с тобой сидели в горе,
И ты, великая в женах,
Их малодушие и страх
Дыханьем огненного слова
Развеяла, как горсть половы,
И дух в их бранные тела
Святой свой вдунула. Хвала
И слава ввек тебе, Мария;
Воспрянули мужи святые
И в разные концы земли
Во имя мученика сына
И памяти его невинной
Любовь и правду разнесли.
Ты ж после с голоду у тына
В полыни умерла. Аминь.
А после смерти чернецы
Тебя одели в багряницу
И золоченые венцы
Тебе дарили, как царице.
Прибили и твою к кресту
Поруганную простоту,
И оплевали и растлили.
А ты, как золото в горниле,
Такой же чистой, как была,
В душе невольничьей взошла.

*11 ноября 1859
Петербург*

ПОДРАЖАНИЕ ЭДУАРДУ СОВЕ

Посажу я возле дома
Для подружки милой
И яблоньку и грушеньку,
Чтобы не забыла.

Бог даст, вырастут. Подруга
Под густые ветки
В холодочке сядет, с нею
Маленькие детки.

А я стану груши с веток
Рвать для милых деток. . .
С подругою любимую
Перемолвлюсь этак:

«Помнишь, друг, я перед свадьбой
Их сажал весной. . .
Счастлив я!» — «И я, мой милый,
Счастлива с тобою! . . .»

*19 ноября 1859
Петербург*

ПОДРАЖАНИЕ НЕЗЕКИИЛЮ

ГЛАВА 19

Восплачь, пророче, сыне божий,
И о князьях, и о вельможах,
И о царях земных! И рцы:
Зачем та сука, ваша мать,
Со львами снюхалась когда-то?
И вы, щенята, родились?
И множился ваш род проклятый?
А вы, зубастые щенята,
В львов превратились. Вы людей,
Незлобных, праведных детей,
Все время жрете!.. Жадный коршун
Вот так клюет и рвет цыплят,
Как вы людей.. А что же люди?..
Хоть видят люди, да молчат.
Ну и щененок — дикий, лютый! —
Но тут его подстерегли,
И, заковавши крепко в путы,
В Египет люди отвели
На каторгу. А сука снова
Спустила на людей другого
Лихого сына своего.
Земное это божество
И города и села жрало...
Земля тряслась и трепетала,
Едва заслышав злобный рев...
И этот не избег оков, —
Он схвачен был, тот пес на троне,

В тюрьму посажен в Вавилоне
Глубокую, чтоб бедный люд
Не слышал яростного рыка
Самодержавного владыки,
Царя несытого. . .

Пройдут —
Уж понемногу отступают —
Дни беззакония и зла.
Но правды этой львы не знают,
Растут себе, как бы лоза
В лесу дремучем, уповают
На омертвевший корень свой,
Уже червивый, и гнилой,
И худосочный. Ветер с поля
Дохнет, сметет, очистит путь,
И ваше злое своеволие
Купаться будет и тонуть
В своей крови. И плач великий,
Совсем не схожий с львиным рыком,
Услышат люди. Этот плач —
Никчемный, долгий и поганый —
Народной притчей скоро станет!
Самодержавный этот плач!

*6 декабря 1859
Петербург*

* * *

Девушка, мила, красива,
Шла по двору с пивом,
А я глянул — удивился,
Даже рассердился. . .
Кому она пиво носит?
Почему босая?
Боже сильный, твоя сила
Тебе же мешает.

*15 января 1860
СПб.*

* * *

Ой ты, темная дуброва!
У тебя обновы
Трижды в год... Богаты, видно,
Сундуки отцовы.
Разукрасит тебя старый
Зеленым покровом, —
А сам глядит, любится
Своею дубровой...
Насмотревшись на милую,
Дочку молодую,
Возьмет ее, закутает
В ризу золотую
И укроет дорогою
Белой пеленою, —
Да и ляжет, утомившись
Заботой такую.

15 января 1860
СПб.

ПОДРАЖАНИЕ СЕРЬСКОМУ

Сваты въехали во двор,
И жених — за ними.
Договариваться в хату
Пошли с отцом сваты.
Я тогда у молодого
Хлопца-чернобровца
Беру коня — и ни слова!
Отвожу к колодцу.
Конь — заезженный: копыта
Стерты и побиты;
А узорное седельце
Ничем не покрыто.
— Ты скажи, скажи мне, коник,
Куда вы так мчались?
— К чернобровке мы какой-то
Всю-то ночь скакали.
— Станешь пить ли, коник, воду
Нашего колодца?
Чернобровке молодежи
Стать нынче придется ль?

*4 мая 1860
СПб.*

МОЛИТВА

* * *

Царям, всесветным шинкарям
Дукаты, талеры, рубли
И путы лютые пошли!

Рабочим головам, рукам
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Поддай любовь, сердечный рай
И больших благ мне не давай!

*24 мая 1860
Петербург*

Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли
Свою ты силу ниспошли.

А чистых сердцем — возле них
Поставь ты ангелов своих,
Чтоб чистоту их соблюли!

Мне ж, господи, любовь подай
К заветам праведным земли
И друга верного пошли!

*25 мая 1860
Петербург*

Злоначинающих сдержи,
Ты их в оковы не закуй,
В глубокий склеп не замуруй!

А доброзидущим рукам
И укажи и помоги,
Святую силу ниспошли!

А чистых сердцем? — Возле них
Постави ангелов своих
И чистоту их соблюди.

А всем нам, детям сей земли,
Единомыслие подай
И братолюбие пошли.

*27 мая 1860
Петербург*

Тем несатым очам,
Тем царям-божествам
Корабли, и плуги,
Все богатства земли,
И хвалы, и псалмы —
Этим мелким богам!

Работающим умам,
Работающим рукам —
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать
Работающим рукам.

Кротким сердцем, простым,
Миролюбцам святым,
Царь небес и земли, —
Долголетье живым,
А усопшим твоим
Рай небесный пошли!

Все на свете — не нам,
Все богам, все царям!
Им плуги, корабли,
Все богатства земли,
Друг мой милый!.. А нам —
Нам любовь меж людьми!

31 мая 1860
СПб.

* * *

В былые дни, во время оно,
Помпилий Нума, римский царь,
Тишайший, кроткий государь,
Уставши сочинять законы,
Пошел однажды в лес гулять,
Чтоб там, для отдыха поспавши,
Додумать, как бы заковать
Всех римлян в цепи. И, нарвавши
Лозы зеленой по пути,
Из прутьев петлю стал плести
На чью-то шею. Вдруг нежданно
Он видит, что в тени платана
Спит девушка среди цветов...
Дриады стройные лесов
Померкли пред ее красою,
Перед богинею такою!
Пред ней Эгерия в тоске
В петле повисла на суке.
Но на цветы взирает Нума
И на девицу, мудр и тих,
А в голове одна лишь дума:
«Как подданных сковать своих?»

*28 мая 1860
С.-Петербург*

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

В Путивле-граде раным-рано
Тоскует-плачет Ярославна,
Кукушкой жалобно поет,
Словами за сердце берет.
«Полечу ли я зегзицею,
Словно чайкой-вдовицею,
Да по-над Доном полечу,
Рукав бобровый омочу
В реке Каяле. И на теле
На княжьем белом, омертвелом
Кровь рукавом я оботру,
Глубокие омою раны...»

Тоскует-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
«Ты ветер, ветер мой, ветрило!
Ты господин мой легкокрылый!
Зачем ты взмахом крыл своих
На милых воинов моих,
На князя-ладу неустанно
Все мечешь злые стрелы хана?
Иль мало неба и земли,
И моря синего? На море
Качай громады-корабли!
А ты, сердитый... Горе! Горе!
Мое веселие украл,
В степи ковыльной разметал!»

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна.
И молвит: «Вольный и седой,
Широкий Днепр, своей волной
Пробил еси крутые скалы,
Течешь ты к землям Половчана,
Носил еси на байдаках,
На половчан, на Кобяка
Дружину князя Святослава! . .
О мой Славутич достославный!
Ко мне ты ладу принеси!
Чтоб я постель ему постлала,
Чтоб в море слез не посылала, —
Слезами море не долить!»

И плачет, плачет Ярославна
У стен Путивля раным-рано —
Святое солнышко взошло.
И молвит: «Солнце пресвятое!
На землю радость принесло
Всем людям, мне лишь, золотое,
Моей тоски не отвело.
Огнем палящий господин мой,
Спалил еси траву степей,
Спалил и князя и дружину, —
Спали меня в тоске моей!
Иль вовсе не свети, не грей. . .
Погиб мой князь . . . И я погибну!»

*4 июня 1860
С.-Петербург*

В Путивле-граде раным-рано
Тоскует, плачет Ярославна:
«Полечу ли я кукушкою,
Под-над Дунаем полечу!
Рукав бобровый омочу
В реке Каяле. И омою
На княжеском, на белом теле
Сухую кровь и оботру
Глубокие на милom раны».

И плачет, плачет Ярославна
В Путивле-граде.

И зовет:

«Ветрило-ветер, господин мой,
Зачем и вешь и несешь
На легких и могучих крыльях
Ты стрелы хана?»

14 сентября 1860
Петербург

От рассвета до вечера,
А с вечера до рассвета
Летит стрела каленая,
Звенит сабля о шеломы,
Трещат копыя точеные
В степи, в необозримом поле,
Где лежит земля Половецкая.

Черна-земля копытами
Распахана, разрытая,
Костями земля засеяна,
А кровию политая.
И тоска-печаль на том поле
На землю русскую сошла.

Что там шумит, что там звенит
Перед зарей? То на подмогу
Буй-туру Всеволоду брату
Князь Игорь рать ведет обратно.

Так бились день,
Другой все бились,
И в час полуденный на третий
Поникли Игоревы стяги.
Вот так на берегу Каялы
Расстались братья: не достало
Крови-вина! . . Допировала
Дружина русичей свой пир,
Сватов напоили,
А сами костями легли

За землю русскую. В печали
Клонилась, плакала трава,
И низко гнулись деревья...
До долу гнулись, горевали!

6 июня 1860
С.-Петербург

* * *

Умре муж велий в власянице.
Не плачьте, сироты, вдовицы!
А ты, Аскоченский, восплачь
Во утрие на тяжкий глас!
И Хомяков — Руси ревнитель,
Москвы, отечества любитель,
Об юбкоборце ты восплачь.
И вся, о «Русская беседа»!
Во глас единый исповедуй
Свои грехи.
И плачь! И плачь!

17 июня 1860
Петербург

ГИМН ЧЕРНИЦ

Гром, ударь над божьим домом,
Домом тем, где смерти ждем мы,
Тебя, боже, проклиная,
Проклиная, распевая:
Аллилуйя!

Коль не ты бы, мы б любили,
Замуж мы бы выходили,
Мы бы деточек растили,
Хором пели, выводили:
Аллилуйя!

Обманул нас, бедных, боже,
Обокрал ты нас... Ну что же!
И тебя мы обманули,
Обманувши, затанули:
Аллилуйя!

Хоть постриг ты нас в черницы,
А мы все же молодежи...
Мы танцуем, припеваем,
Припевая, повторяем:
Аллилуйя!

*20 июня 1860
Петербург*

* * *

Над днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою, меж тонкою,
С калиною и елкою.

Вода берег роет, роет,
Яворовы корни моет.
Наклонился он угрюмо,
Горькую задумал думу.

Так казак грустит унылый,
Что без счастья и без милой
Он один живет на свете,
Одиноким старость встретит.

Явор молвит:— Наклонюся
Я к Днепру да окунуся. —
Казак молвит: — Погуляю,
Любимую повстречаю.

А та елка с калиною,
Вместе с тонкой лозиною,
Как дивчата, выступают,
Выступая, распевают.

Разубраны, наряжены,
С счастьем-долей повенчаны,
Дум-забот они не знают,
Вьются-гнутся, распевают.

24 июня 1860
Петербург

* * *

Играли вместе, подросли;
К веселью в юности остыли,
Как будто вправду разошлись! . .
Да вновь сдружились, поженились;
И тихо, весело дошли
С душою непорочной оба,
С сердцами чистыми до гроба.
А по земле ведь оба шли!

Ты дай и нам, всещедрый боже!
Вот так цвести, вот так расти!
Так пожениться и идти,
Не ссорясь меж собой в дороге,
На тот свет тихий перейти.
Не плач, не ярость, не стенанья —
Любви бессмертное дыханье
На тот свет тихий пронести.

25 июня 1860
Петербург

* * *

Свете тихий! Свете ясный!
Свете вольный и прекрасный!
Что ж тебя, мой свете милый,
В твоём доме придавило?
    За что тебя опутали,
    Сковали, сжали путами
И покрывами закрыли,
И распятием добили?

Не добили! Встрепенися
Да над нами засветися! . . .
На онучи будем, милый,
Смело рвать покров постылый,
Закуривать от кадила,
Печь топить святыми смело,
Подметать же будем, милый,
В новых горницах кропилом.

*27 сентября 1860
Петербург*

ЛИБЕРИИ

На память 5 августа 1860 г.

Моя голубка! Друг мой милый!
Нам не поверит без креста,
Нам не поверит без попа
Невольник или раб унылый!
Заснул в неволе он постылой,
Как боров в луже!! Друг мой милый,
Моя голубка! Не крестись,
И не клянись, и не молись
Ты никому! Солгут все люди,
И византийский саваоф
Обманет! Не обманет бог, —
Карать и миловать не будет:
Мы не рабы его — мы люди!
Моя голубка! Улыбнись
И вольную святую душу
И руку вольную, друг милый,
Мне протяни. И перейти
Нам эту лужу даст он силы,
Поможет горе донести
И скрыть боль горечи тяжелой
В светлице тихой и веселой.

*5 августа 1860
Стрельна*

Н. Я. МАКАРОВУ

На память 14 сентября.

Барвинок цвел и зеленел,
Вился, расстился;
Да морозец на рассвете
В садочек забрался.

Потоптал веселый цветик,
Побил... Поморозил...
Жалко, жалко барвиночка, —
И морозца жалко!

*14 сентября 1860
Петербург*

* * *

И Архимед и Галилей
Вина не видели. Елей
Достался пресвятым монахам!
А вы по всей земле без страха,
Предтечи светлые, прошли
И хлеб насущный понесли
Царям убогим. Будет бито
Царями сеянное жито.
А люди вырастут. Умрут
Цари и те, что не зачаты...
И на воспрянувшей земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

*24 сентября 1860
Петербург*

Л.

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу.
И посижу и похожу
В моем владеньи небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спится.
Во сне приснятся дети мне,
И мать веселая приснится.
Давно забытый, молодой
Приснится ясный сон. И ты,
Нет, спать мне вовсе не годится,
И ты приснишься мне. В земной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

27 сентября 1860
Петербург

* * *

Нет, бога я не упрекаю,
Я никого не порицаю,
Сам обмануть себя спешу,
Вдобавок с песнею. Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожая жду святого.
А вдруг сберу. Вот так спешу
Я обмануть себя! Но знаю,
Других в обман я не ввергаю.

Земля моя, распашися
Ты в степи просторной!
Ты прими в себя, родная,
Ясной воли зерна!
Распашися, развернися,
Расстелися полем!
Ты засейся добрым житом,
Ты полейся долей!
На все стороны раздайся,
Нива-десятина!
Ты засейся не словами,
А разумом, нива!
Выйдут люди. Время жатвы
Настанет счастливой.
Расстелись же, развернись же,
Убогая нива!!!
А может, странным этим словом
Себя обманываю снова?

Обманываю! Дело в том,
Что лучше лгать себе, я знаю,
Чем правду разделять с врагом,
Напрасно бога упрекая!

5 октября 1860
Петербург

САУЛ

В непробудившемся Китае,
В Египте темном и у нас,
Над Индом или над Евфратом
Паслись ягнята и телята;
Стада на вольном поле пас
Пастух, живя как в райском крае.
Он, думы-думушки не зная,
Пасет себе, доит, стрижет
Свою скотину, распевая...
Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.
В ночи подкрались, увели
Отары с поля, а пасущих,
Шатры, изодранные куши
И всякие дары земли,
Сестер и жен уволокли,
Растлили все и осквернили,
И оскверненных, слабосильных
И нищих сердцем обрекли
Работе каторжной. Бежали
За днями дни. Рабы молчали.
Цари плодились и росли
И Вавилоны созидали...
А маги, бонзы и жрецы
(Как все духовные отцы)
В церквах и пагодах питались

(Не кабаны ль царям на сало
Иль на колбасы?). А цари
Себе самим сооружали
Кумирни, храмы, алтари —
Рабы немые поклонялись.
Завидно иудеям стало,
Что хоть плюгавого царя,
Навозного хоть алтаря
Нет у сердешных. Попросили
Дряхлеющего Самуила:
Где хочет, чтоб искал не зря
И дал бы, старый, им царя.
И вот премудрый прозорливец,
Помозговавши, взял елей,
Отняв от козлиц и свиней,
Саула нашего, верзилу,
Помазал сразу же в цари.
Саул, не будучи дурак,
Набрал гарем себе, и стал он
Спокойно царством управлять.
Дивились пастухи немало
И говорили, простаки:
Видать, и мы не дураки,
Уж если господя святого
Мы умолили дать такого
Нам самодержца. А Саул
Берет и город, и аул,
Отроковицу, и ягницу,
Из кедра строит он светлицы,
Престол из золота кует,
Благоволенье раздает
Рабам всеподданнейшим голым
И в багрянице долгополой
По храму ходит одинок,
Пока (был лоб недаром низок),
Уединясь, средь одалисок,
С ума не спятил голубок.

Старейшины сошлись в покоях:
— Панове, общество честное,
Что делать нам? Наш мудрый царь,

Самодержавный государь
Свихнулся, бедненький. Панове!
Ну стои́т ли его лечить?
Не лучше ли заполучить
Царя поздоровей? — На слове
На этом встали, разошлись
Печально пастыри.

В кедровых
Палатах новых царь не спит,
Не ест, не пьет и не шумит,
Лишь молча государь могучий
Дерет порфиру на онучи
К лаптям, как будто бы всерьез
Бечевки ладит, надевает.
Про отчего осла вопрос
Он к новым стенам обращает
Иль, скипетр взявши, заиграет
Как на свирели.

Пастухи,
Вениаминовы внучата,
Тельца лакеям принесли,
Чтоб разрешили, не в палатах,
А хоть в сенях, запеть. Ревет
Седоборода, волосата
Родня Саулова пузата
И гусляра с собой ведет,
Еще безвестного Давида.
— И выйдет царь Саул, и выйдет, —
Пастух поет им, — на войну. . . —
Саул очухался — и ну,
Что твой солдат, отборным матом
Всех родственников волосатых
И вдоль и поперек честить.
А гусляра того, Давида,
Чуть не убил. Когда бы знал,
Беда какая после выйдет
Из-за лукавого Давида,
Не только б гада растоптал,
И ядовитую б растер
Слюну змеи. Ведь до сих пор
То поле плугом не распашешь,

Проклятое: все заросло
Репьем колючим. Горе наше:
Мельчают люди, и — смотри —
Растут и высятся цари!

13 октября 1860
Петербург

И молодость моя минула,
И от надежд моихдохнуло
Холодным ветром. Зимний свет!
Сидишь один в доме суровом,
И не с кем даже молвить слова
Иль посоветоваться. Нет,
Ну никого совсем уж нет!
Сиди один, пока надежда
Глупца обманет, засмеет,
Глаза морозом закует
И гордость дум, что были прежде,
Как снег, развеет по степи.
А ты сиди в углу, терпи.
Не жди весны — счастливой доли, —
Она уж не вернется боле,
Чтоб садик твой позеленить,
Твою одежду обновить,
И мысль свободную на волю
Не сможет выпустить. Сиди,
Сиди и ничего не жди!

*18 октября 1860
Петербург*

* * *

Титаривна-Немиривна
Платок вышивает. . .
И ребенка-солдатенка
Малого качает.

Титаривна-Немиривна
Пред людьми кичилась. . .
А с военным-прощельгой,
Гляньте-ка, слюбилась.

Титаривна-Немиривна
Хорошего рода. . .
Ждет-пождет, когда вернется
Юнкер из похода.

*19 октября 1860
Петербурге*

* * *

Хотя лежачего не бьют,
Лежать, однако, не дают
Ленивому... Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

20 октября 1860
Петербург

* * *

Нигде ни в чем отрады нету.
Душа, поднявшись до рассвета,
Направ немного, вновь легла.
А воля душу сторожила, —
Беднягу снова подняла.
Дрянная малую смутила:
— Рыдай! — сказала. — Солнца нет!
Не загорится правды свет! —
Но душу обманула воля.
Уж солнце всходит над землей
И день приводит за собой,
Зашевелились на престоле
Крепкохребетные цари. . .
И правды свет горит вдали.

30 октября 1860
Петербург

* * *

О люди, бедные, слепые!
К чему, скажите, вам цари?
К чему, скажите, вам псари?
Вы все же люди, не борзые!

Иду. И холодно и сыро.
И снег и темень. И Нева
Тихохонько из-под моста
Выносит тоненькую льдинку.
А я шагаю над Невой
Да кашляю в ночи сырой.
Вдруг вижу: кротки, как ягнята,
По грязи шлепают дивчата,
А дед (несчастный инвалид) .
Плетется сзади, ковыляет,
В овчарню будто загоняет
Чужое стадо. Где же стыд?
И где тут правда?! Горе! Горе!
Сирот, голодных, чуть не голых,
Погнали к матери дивчат. —
Последний долг отдать велят,
И гонят, как овец отару.
Когда же суд! Падет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти, ведь солнце встанет,
Сожжет все зло — и день настанет.

*3 ноября 1860
Петербург*

* * *

Вот если мне бы все же хлеба
Отведать с другом довелось,
Тогда бы мне на свете белом
Хотя бы как-нибудь жилось.
Да не с кем! Свет такой широкий,
Людей на нем не сосчитать,
А доведется одиноко
В холодной хате кривобокой
Или под тыном помирать.
А то. . . Нет, надобно жениться
Хотя б на чертовой сестре!
Не то один в своей норе
Рехнусь, пожалуй. Рожь, пшеница —
На доброй почве семена
Взошли. А люди — вот те на! —
Пожнут плоды чужой землицы
И скажут: — В дальней стороне
Погиб бедняга. — Горе мне!

*4 ноября 1860
Петербург*

* * *

И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь: когда ж придет
Апостол правды и науки!

5 ноября 1860
Петербург

* * *

Течет вода от явора
Яром на долину.
Красуется над водою
Красная калина.
Красуется калинушка,
Явор молодеет,
А вокруг них верболозы,
Лозы зеленеют.

Течет вода из-за леса
Под самой горою,
Плещутся утяточки
Меж речной травой.
А уточка выплывает
С селезнем за ними,
Ловит ряску, рассуждает
С детками своими.

Течет вода в огороде,
Вода прудом стала.
Девушка пришла брать воду,
Брала, запевала.
Вышли мать, отец из хаты,
В садике гуляют.
Зятем им назвать кого **бы**
Думают, гадают.

7 ноября 1860
Петербург

* * *

Однажды над Невой иду
В глухой ночи. . . И на ходу
Так размышляю сам с собою:
— Когда б, — я думаю, — когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невою
Не возвышалось бы палат.
Была б сестра, и был бы брат.
А то. . . Лишь слез и горя много,
И нет ни бога, ни полбога. . .
Псари с псарятами царят,
А мы с ухваткой доезжачих
Борзых собак растим и плачем. —
Вот так, шагая над Невой,
И размышлял я сам с собой,
Тяжелой думой озадачен.
А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят — то фонари горят
Возле апостольского храма.
Тут спохватился и крестом
Я осенился, трижды плюнул,
И снова думать стал о том —
О том, о чем и раньше думал.

*13 ноября 1860
Петербург*

* * *

Сраженья были, распри — все бывало:
Галагань, и Кисели, и Кочубей-Ногаи, —
Видали мы добра немало.
Минуло все, да не пропало, —
Остались червяки: грызут,
Сверлят и точат сердце дуба,
А от него спокойно, любо
Побеги юные растут
И вырастут; и без секиры
Все загудит и заревет,
Казак безверхий упадет,
Раздавит трон, порвет порфиру,
Низложит вашего кумира,
Людские червяки! Родня,
Друзья отечества чужого,
Не станет идола святого,
И вас не станет. И одна
Крапива, ничего другого
На вашей не взойдет могиле.
Над грудой груды встанет гнили,
Но и навоз зловонный тот,
Развеян ветром, пропадет.
И не богаты, не убоги,
Молитвой мы прославим бога.

*26 ноября 1860
Петербург*

И. Т.

Великомученица дева!
Твой нрав, кума, достоин гнева!
В раю веселом ты росла
И пышным цветом расцвела,
Но рая светлого не знала,
А потому, что не желала
Взглянуть на ясный божий день,
На дивный свет животворящий!
Слепой была еси, незрящей,
Ленивой сердцем; ночь и день
Ты все спала. А жизнь земная
Кругом тебя росла, цвела
И, нашу радость прославляя,
Хвалу создателю несла;
А ты, кума, всю жизнь дремала,
Себя ты чванно соблюдала
И поджидала жениха,
И целомудрие хранила,
И страх боялася греха
Прелюбодейного. А сила
Сатурнова идет, идет,
И грех тот праведный плетет,
В седые косы заплетая.
А ты живешь себе, зевая,
Усердно молишься и спишь,
И мать божию гневишь
Своим смирением лукавым.
Кума, проснись скорей, не жди!

На мир прекрасный погляди,
Плюнь на свою девичью славу
И всей душою, не лукаво,
Хоть раз, бедняга, соблуди!

2 декабря 1860
Петербурге

* * *

Сошлись, слюбились, обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
Друг друга будто и не знали.

*5 декабря 1860
Петербург*

* * *

Кума моя и я
Петропольским шли лабиринтом.
Блуждали мы — и тьма и тьма...
— Заглянем, куме, в пирамиду,
Зажжем лампаду. — И вошли.
Елей и мирро принесли,
И жрец смазливенький Изиды,
Ее слуга, потупил взор
И смирно длань свою простер,
И хор, по манью лакея,
Или жреца: «Во Иудее
Бысть царь Саул». А после хор
Рванул Бортнянского «О скорбь,
О скорбь моя! Ты столь велика!..»

1860, Петербург

* * *

Так не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу
Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
Довольно с нас — пойдем-ка спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали...

Ой, не надо, друг, не надо,
Рано нам прощаться;
Нам еще ходить бы рядом,
Свету удивляться.
Посмотри же, моя доля,
Он такой широкий,
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.
Что ж, звезда моя, побродим,
Поднимемся в горы.
Будут звезды — твои сестры —
Светить в эту пору —
Бесконечные, по небу
Поплывут, мерцаая...
Подождем, сестра родная,
Подруга святая!

И правдивыми устами
Помолимся богу,
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летой
Мы пойдем с тобою.
И меня благословишь ты
Славою святою!

14 февраля

Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдем
Мы к Эскулапу на прием:
А вдруг обманет он Харона
И Парку? . . Мы тогда с тобой,
Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да всё б гекзаметры плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мыши их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь.

Товарищ мой,
Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.
Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую. . .
Впрочем, друг мой милый!
Обойдемся и без славы.
Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном,
Над Стиксом, речкою в раю,
Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою, —
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.

Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях
И песню весело затынем. . .

15 февраля 1861
Петербург

**ПОЭМЫ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

СЛЕПАЯ

Поэма

«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?
Угасну, бедный, я в неволе!
Тоску мою, печаль мою
О прежней воле, прежней доле
Немым стенам передаю.
О, если б стон моей печали
И звук заржавленных цепей,
Святые ветры, вы домчали
На лоно родины моей
И в мирной куще повторили,
Где мой отец и мать моя
Меня лелеяли, любили!
А братья? Грешная семья!
Иноплеменникам за золото
От стад, еля и вина
Родного продали вы брата,
Как на закланье овна.
О боже, боже Иудей,
Благий творителю земли,
Не наказуй родных злодеев,
А мне смирение пошли!»

Такую песню тихо пела,
Сердечной грусти предана,
Слепая нищая; она

У барского двора сидела,
У незатворенных ворот.
Но из ворот никто нейдет,
Никто не едет, опустели
Хоромы барские давно;
Широкий двор порос травой;
Село забвенью предано;
С патриархальной простотою,
С отцовской славою святою
Забыто все. Село молчит;
Никто села не посетит,
Не оживит его молвою.
Как у кладбища, у ворот
Сидит скорбящая слепая
И псалму грустную поет.
Она поет, а молодая
Дочь несчастливицы моей
Головкой смуглою прильнула
К коленям матери своей;
Тоски не ведая, заснула
Сном непорочной простоты.
В одежде грубой нищеты
Она прекрасна; полдень ясный
Моей Украины прекрасной
Позолотил, любя, лелея,
Свое прекрасное дитя.
Ужели тщетно пролетят
Дни упоения над нею
И светлой радостью своею
Ее тоски не усладят?
Она прекрасна, мать — калека,
Кто будет ей руководить?
Придет пора, пора любить,
И злое сердце человека
Ее любви не пощадит.

. . . . .
. . . . . невинным сном
Оксана спит, а мать слепая,
Уныло-тихо напевая,
И каждый шорох сторожит.
И если ветер, пролетая,
Упавший лист пошевелит,

Она немеет, и дрожит,
И робко к сердцу прижимает
Свое единое дитя,
Свою единую отраду,
Незрящей памятью следя
Давно минувших дней усладу
Печальной юности своей.
Она изведала людей!
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадят;
Они готовы растерзать
Ее дряхлеющие руки. . .
Для них невнятен стон разлуки,
Чужда им матери любовь.
Они твердят — закон таков:
— Не должно в прахе пресмыкаться
И подаянием питаться
Прекрасной юной сироте;
И мы ее оденем золотом,
Внесем в высокие палаты
И поклонимся красоте,
Раскроем мир иных видений,
Иных страстей высокий мир.
Потом. . . потом. . . — И ваш кумир,
Богиня ваших поклонений,
От фимиама упилась
И закоптела от курений;
А ваша мудрость отреклась
От обещанья; горстью злата,
Великодушно бросив ей,
Затмили блеск ее очей.
И вот она в грязи разврата
Во славу дряхлых ваших дней
Перед толпою черни пьяной
Пьет кубок. . .
И запивает сердца раны.
Не вы виновны, но она!
Вы дали все, что должно было
Наложнице презренной дать.
А сон девичий обновили
И возвратили ль благодать
Ее невинных помышлений?

Ее невинную любовь,
И радость тихих упоений,
И целомудренную кровь
Вы обновили ль? Не могли!
Но, чада грешные земли!
Вы дали ль ей восторг объятий
Родного, милого дитяти,
Кому бы, бедная, она
Себя в сей мир переливала
И тайну жизни открывала,
Сердечной грусти предана?
Развратной, бедной вашей кровью
Вы не могли ей повторить
Восторги девственной любви;
Ее пустили вы влачить
Остаток дней в мирской пустыне;
И о родном едином сыне
Ей не придется получить
Отрадной весточки сдалека.
Чужие дети напоят
Ее в предсмертный час жестокий,
И одинокий гроб с упреком
Чужие дети понесут.
Но если ей судьба судила,
Чтобы родимая рука
Очи уснувшие закрыла,
Тесна ее тогда могила,
Постеля вечная жестка!
Ее малютка за позором
Безмолвно по миру пойдет,
И в светлый праздник у забора
Яичко красное возьмет,
И со слезами и укором
Свою родную помянет.

Осенний полдень, полдень ясный
Родимой, милой той земли,
Мои где годы расцвели,
Где так напрасно, так несчастно
В недоле бедной протекли, —
Осенний полдень, полдень ясный,
Как друга юности любя,

Чужими звуками тебя
Позволь приветствовать, прекрасный!
Ты тот же тихий, так же милый,
Не знаешь времени, — а я!
Не то я стал, что прежде было,
И путь унылый бытия
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно изменили.
Я тайну жизни разгадал,
Раскрыл я сердце человека,
И не страдаю, как страдал,
И не люблю я: я калека!
Я трепет сердца навсегда
Оледенил в снегах чужбины,
И только звуки Украины
Его тревожат иногда.
Как эхо памяти невинной,
В них узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И в них я таю, в них тону.
И сердца тяжкие недуги,
Как благодатною росой,
Врачую ими, и молюся,
И непритворною слезой
С моей Украиной делюся.
Но глухо все в родном краю!
Я тщетно голос подаю,
Мне эха нету из дубровы
Моей казачки чернобровой.
Там все уснуло! Пустота
Растлила сердце человека,
И я на смех покинут веком —
Я одинокий сирота!

Осенний полдень, догорая,
Поля нагие освещал,
И лист увядший, опадая,
Уныло грустное шептал
О здешней жизни человеку.
Такой порой моя калека,
Слепая нищая моя,
И дочь красавица ея —

Она спала, а мать сидела
И тихо, грустно тихо пела,
Как пел Иосиф про свой род,
Сидя в египетской темнице.
А в поднебесье вереницей
С дубрав украинской земли
На юг летели журавли.
Чему ж бы ей, как вольной птице,
Туда, где лучше, не лететь
И веселее не запеть?
Какая тайна приковала
К жилищу мрачной тишины?
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пела и грустила,
Но звуки дочерних речей
В ней радость тихую будили,
Быть может, прежних светлых дней.
Или ограда и тополи,
Что грустно шепчут меж собой,
Свидетели минувшей доли,
Или дубовый пень сухой,
Плющом увянувшим повитый,
Как будто временем забытый,
Ее свидетель? Все молчит!
Она поет, она грустит
И в глубине души рыдает,
Как будто память отпевает
О днях минувших, молодых,
О прошлых радостях святых.
И эти звуки выходили
Из сердца бедного ея.
И в этих звуках много было
Ее земного бытия.
И в сотый раз она кончала
Псалом невольничий глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздыхнула тяжело и сказала:

— Ах песня, песня, песня горя,
Ты неразлучная моя,

В моем житейском бурном море
Одна ты тихая струя!
Тебя, и день и ночь рыдая,
Я всякий час пою, пою
И в край далекий посылаю
Тебя, унылую мою!
Но ветер буйный, мягкокрылый,
Что прежде весело летал,
Теперь так тихо, так уныло,
Как будто друга потерял,
Как будто люди научили,
Чтобы не слушал он меня
И не домчал он в край далекий
Тебя, унылая моя!
Не видя вас, не зная дня
В моей печали одинокой,
Чем оскорбить я вас могла?
Что я вам сделала? Любила,
За ваши грешные дела
Творца небесного молила,
Молила, плакала. . . А вы
В моей тоске, в моей печали,
Как кровожаждущие львы,
Упреком сердце растерзали,
Растлили ядом мою кровь
И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное,
Тяжелым словом понесли,
И непотребницей слепую
Меня со смехом нарекли!
Я вам простила, я забыла,
Я вашей славы не взяла,
Я подаяннем кормила
Мое дитя! — И залилась
Слезами, горькими слезами.
Она рыдает, а Оксана
Раскрыла черные глаза;
Скорбящей матери слеза
Прервала сон отроковицы;
С улыбкой черные ресницы
Она закрыла. — Какой сон
Смешной и глупый, и как живо! . . —

И покраснелася стыдливо,
Сама не зная отчего.
— Как холодно, а ты все плачешь!
Уж скоро вечер; для чего
Ты мне печали не расскажешь?
И я бы плакала с тобою.
А то. . . — И хлынули рекою
Слезы невинной красоты.
— И ты заплакала. . . Прости,
Что о моих сердечных ранах
Я не беседую с тобой.
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
Я не прерву твой сон прекрасный.
И о судьбе моей несчастной
Узнаешь ты не от меня:
Тебе расскажут злые люди,
Они тебя не пощадят,
И много, много горя будет,
А горе даром не пройдет:
Озlobит сердце пустотою,
Оно возьмет любовь с собою
И все наилучшее возьмет.
Не плачь, Оксано! — И, рыдая,
Она Оксану утешает:
— Не плачь, дитя мое, усни!
Ты рано плакать начинаешь;
Придет пора твоей весны —
И тайну слез моих узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна бездомной сиротою,
И будет то моя вина,
Что не поделишь. . . — А с тобою?
Разве тебя я не люблю!
Ах, мне с тобой и горе люблю;
Я все с тобою разделю.
Не понесу я чужим людям
Мою сердечную слезу —
К тебе на грудь я принесу.
Только не плачь! Делись со мною
Своею тяжкою тоскою.

Не плачь одна, откройся мне,
И будет легче. Ах, послушай;
О том, что видела во сне,
Я расскажу тебе.

Чаще, гуще

Как будто лес, а мы вдвоем
Так наобум себе идем.
Потом темно, потом светло.
Потом гляжу — тебя не стало;
Я — ну бежать, кричать, устала,
Села и плачу. Вдруг село;
Большая улица, большая,
И я по улице иду.
Мне грустно так, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду;
Мне тяжело, мне давит грудь,
А люди смотрят и смеются.
Мне больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюсь.
Потом отáман мне кричит:
— Вот я тебя! — Я испугалась,
И ну бежать. . . Бегу. . . упала.
А сын отáмана стоит,
Как будто грустный, над водою
И тихо машет мне рукою.
Вот я к нему и подошла,
А он схватил меня руками.
— Зачем в лесу ты не жила?
Зачем ты в поле не росла? —
Такими он сказал словами. —
И мне нельзя тебя любить,
Нельзя с тобою мне венчаться:
Над нами будут все смеяться,
А без тебя мне скучно жить.
Я утоплюся! — он сказал
И так меня поцеловал!
Не так, как ты. . . И я проснулась.
Не правда ли, мудреный сон?
Должно быть, худо значит он.
Или не худо — ты не знаешь?
Мне страх как хочется узнать.
О чем же снова ты вздыхаешь?

Или боишься рассказать,
Что значит сон? Ах, расскажи!
Ну что же делать? Если худо —
Мы в лес уйдем и будем жить
С тобой вдвоем, и будет любо
С тобою вместе мне грустить.
Ну что ж? Расскажешь?

— Да, — сказала,

Вздыхнув, слепая, — рассказать
Тебе должна я. Я устала,
Устала горе выливать
Неразделенными слезами.
Тебе уже пятнадцать лет.
Твой сон зловещий, сон ужасный.
Ты встретишь горестный привет
Своей весне, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости
И на просторе и на воле
С унылым ветром погрузи,
Как я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль
Как я лишь ветру поверяла.
Но и ему меня не жаль!
Он даже слез сушить не хочет,
А их так много сердце точит.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой деве в час прискорбный
И за него и за меня.
Неправдой люди все живут,
Ты их не слушай! Сказкой злою
Они мой жребий понесут
И посмеются над тобою.
И ты не будешь правды знать;
На суд ты будешь призывать
Свою родную, — а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я расскажу, не потаю,
С ее весельями и мукой, —
Да будет для тебя наукой!

Своих родных не знала я,
В чужой семье я выростала,
Чужая добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала вырастать,
Что мать родная, умирая,
Просила их не покидать —
Меня, малютку, покидая.
Но кто она, ее как звали, —
Потом узнать я не могла.
И я росла себе, росла;

Меня сироткой называли,
Потом красавицей слыла;
Меня любили, и ласкали,
И даже сватали! Но я...
Ах, знать, моя такая доля!
Перед людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Девичью волю, берегла.
Как тяжело люди отплатили!
Недолго косу я плела —
Ее накрыли. Вот как было.
Весною умер дидыч старый,
А летом дидыч молодой
В село приехал. Злые чары
Он из Московщины с собой
Привез, красавец, для меня;
И я веселье разлюбила...
И маковеевого дня
Я не забуду до могилы.
Как ясно солнышко светило,
Как закатилось... и ночь!..
Мое дитя! моя ты дочь!
Не обвиняй меня, несчастной!..
Я стыд и горе понесла,
И маковеев день ужасный
И день рожденья прокляла.
Мы были в поле, жито жали;
Окончив жатву, шли домой;
Подруги пели и плясали,
А я с распущенной косой,

В венке из жита и пшеницы
Вела перед, была царица.
Нас встретил дидыч молодой.
Никто так мной не любовался!
Я трепетала, тихо шла,
А он смотрел и улыбался.
О, как я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
Забилось сердце у меня. . .
На третий день. . . О мой покою!
Зачем покинул ты меня?
На третий день. . . и я в палатах
Была, как пани на пиру.
Недолго я была богата —
Зимую рано поутру
Проснулась я — все пусто было.
И сердце холодом заняло.
А слуги. . . бог им судия!
С насмешкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я села здесь, под этим пнем,
И долго плакала. . . Потом
Едва протоптанной тропой
В село забытое пошла
И долю горшую нашла:
Меня и в хату не пустили,
Все посмеялись надо мной
И хусткой черною, простой
Косу шелковую накрыли.
И я, рыдая, из села
Иной дорогою пошла
В село чужое. Ах, Оксано!
И в шитом шелковом жупане
И в серой свите люди злы!
Я из села в село ходила,
А горе шло передо мной,
Я горько плакала, молилась,
И все смеялись надо мной;
Покрыткой, дурой называли,
И даже нищие чуждались.
Во всей Украине родной
Мне места не было одной.

В лесу дремучем, в чистом поле
Я не боялась ночевать:
Там без свидетелѣй, на воле
Могла свободно петь, рыдать.
А песня горе облегчает,
Хоть и унылая она.
Спасибо, нищая одна,
Такая же, как я, слепая,
Меня учила песню петь;
И я пою ее, рыдая,
И до могилы буду петь.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни песню ты мою
И пой ее, как я пою:
Она умалит сердца рану.
Пришла и красная весна,
Запели пташки, все проснулось,
Все засмеялось — я одна
Святой весне не улыбнулась...
Она мне слезы принесла.
Занемогла я на дороге,
Кой-как до хутора дошла.
И ты на хуторе убогом
Узрела милый божий свет.
О, сколько радостей у бога
Для наших слез, для наших бед!
Твой первый звук... Ах, нет, не стану...
Нет... Поцелуй меня, Оксано!
Я не умею рассказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать, —
То выше счастья людского.
И как несчастлива, убога
Жена бесплодная!.. С тобой
Мне снова счастье возвратилось.
Я любовалася весной,
Цветы я снова полюбила,
Цветы я снова берегла.
С восходом солнца я вставала.
Ты на груди моей спала.

Никем невидима бывало
Прокрадусь в лес, найду цветок
И сяду у цветка с тобою.
Ты тихо спишь, а сн цветет,
И я гордилася тобою
Пред распускаявшимся цветком.
Бывало я сорву тайком
Листочек розовый, румяный,
И тихо, тихо положу
Тебе на щечку. . . Погляжу
И оболью тебя слезами.
Была ты розовой цветка
И утренней зари румяней.
Так мне господь добро творил
В тебе и розовых листках.
Но. . . как тебя ни забавляла,
Какие песни ни певала,
Как ни играла я с тобой, —
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мне было не с кем поделиться
Твоею детскою красой.
Ты слово «мамо» лепетала,
Но слова лучшего не знала,
Как и теперь не знаешь ты.
Я не могла с тобой идти
Через село; я не стыдилась —
Пусть люди смотрят как хотят!
Я стыд любовью заменила.
Тебе боялась показать,
Как дети меж собой играют,
Боялась видеть, как дитя
Отца усталого ласкает.

Так время шло; ты вырастала,
И любо было мне смотреть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе-горькое терпеть
Судил господь мне до могилы
За юность грешную мою.
Свет гаснуть стал. . . О боже милый,
Я над могилою стою,

Пошли мне мудростью своею
Взглянуть на милый божий свет,
Проститься с грешною землею,
Хотя на место посмотреть,
Где я усну, усну навеки!

. . . . .
И я ослепла. Слезы-реки,
Молитвы теплые — ничто,
Ничто творца не умилило,
И все, что душу веселило,
Как будто в гробе заперто.
Потом что было, я не знаю:
Смеялись люди или нет.
Мои беды вспоминая,
Мне только жаль, что божий свет
Не скрылся в юности беспечной;
Тогда б не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь к печали бесконечной
Пристала горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мне жаль —
Твой сон недобрый очень рано
Тебе приснился.

О к с а н а

Разве он
Какое зло нам предвещает?

С л е п а я

Он для меня всех бед страшнее,
А для тебя еще ужасней.
И ты погибнешь от людей,
Как я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встретишь между ними
Змею, ужасную змею!
И ты пойдешь за нею следом,
Покинешь голову мою,
Как я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.

Оксана

Ведь ты не знала, что так будет,
Что насмеются злые люди,
Что он недобрый человек,
Что он покинет. Мамо, мамо!
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Где же он,
Мой злой отец? Ты говорила,
Что здесь увижу я его.
И сколько лет уже с тобою
Сижу я здесь — его все нет.
Он не приедет, он покинул:
Тебя он, видно, не любил.
Зачем же ты его любила?
Уйдем из этого села —
Мне страшно стало. . .

Слепая

Ах, Оксано!
Куда уйдем мы от людей?
Где молодость твою укрою?
А он приедет. . . и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слепая грустно замолчала;
Оксана с детскою тоской
К ней на колени тихо клала
Головку смуглую свою.
— Усни, Оксано! — говорила, —
Я тихо песенку спою,
Спою любимую твою,
Как братья брата продавали
В чужую дальнюю страну. —
И отходящую ко сну,
Лелея, нежно целовала,
Читая тихо ей псалом:

«Храни тебя святая дева
От злых напастей, бурь земных!
Да будет сон твой сладок, тих,
Как непорочные напевы

Небесных ангелов святых!
Да не дерзает искуситель
В сердечну хранину войти,
И по терновому пути
Да волит ангел-охранитель
На лоно рая привести.
Храни тебя святая дева
От злых напастей, вражьих ков,
Свой найбожественный покров
Пошли тебе святая дева,
Мое дитя, моя любовь!»

Наутро юная Оксана,
Как утро осени в тумане,
Скорбя невинною душой,
У ног страдальицы слепой
Уныла, бледная сидела.
Слепая ту же песню пела,
И тот же в сердце непокой!
Не скоро дни текут над ними,
Не ясно солнышко горит.
Пришла весна, и двор пустынный
Вдруг оживился, все кипит
Веселой жизнью, как бывало.
Приехал дидыч на покой.
Чету страдалиц разлучили:
Оксана в доме заперта,
А одинокую слепую
Одеть велели и прогнать
С наказом строгим: не шататься
Вокруг господского двора.
И рада, бедная, была,
Что так сбылось, как мечтала.
«Теперь, — так думала слепая, —
Теперь Оксаночка моя
Укрылася от непогоды,
Будет счастливою. . .» И шла
С любимой песнью из села,
Из обновленного села,
Моля небесную царицу,
Да благо дщерино хранит.

. . . . .
Оксана грустная сидит
В роскошно убранной светлице,
Одета бархатом, парчой,
И не любит себя
Перед большими зеркалами.
Проходят месяцы за днями;
Как панне, все готово ей,
И ходит сторож у дверей.
Сам дидыч сласти ей приносит,
Дарит алмазом, жемчугом
И на коленях ее просит
Не звать ни паном, ни отцом.

. . . . .
Зачем все это? И рыдала. . .
Запел весною соловей,
Запел не так, как он бывало
Поет пред утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашик делает с бурьяну,
Чтоб маму солнце не пекло;
Когда ходила умываться
Она в долину и потом
Барвинком, рутей наряжаться
И ненароком повстречаться
С черночупринным казаком.
Печальный вечер ночь сменила
Еще печальней. Тяжко ей;
Она сидела и грустила
О прошлой бедности своей.
И слышит песню за оградой,
Знакомый голос ей поет
Печально, тихо:

«Текла речка в чистом поле,
Орлы воду пили;
Росла дочка у матери,
Казаки любили.
Все любили, все ходили
И все сватать стали,
И одного между ними
Казака не стало.

Куда скрылся, дивилися,
И никто не знает.
Поселился в темной хатке
За тихим Дунаем».

Оксана молча трепетала,
Ей каждый звук рождал мечту.
— Он не забыл, — она шептала, —
Он не покинет сироту. . . —
За каждым звуком вылетает
Из сердца черная тоска,
Она себя воображает
Уже в объятьях казака,
Уже за садом, за оградой,
Уже на поле. . . воля. . . рай. . .

. . . . .
— Держи, держи! Лови, стреляй! —
Раздался хриплый голос пана,
И выстрел поле огласил.
— Убили! — вскрикнула Оксана. —
Убили! Он меня любил!
Любил!!! — и замертво упала.
То был не сон. То пел казак,
Удалый, вольный гайдамак.
Оксана долго дождала
Любимца сердца своего —
И не дождалася его.
Отрадный звук не повторился.
Надежды вновь не прошептал,
Он только снился, часто снился,
И юный разум разрушал
Мечтой бесплодную.

«Птицы вольные, сестрицы,
Полетите в край далекий,
Где мой милый, кароокый,
Где родная край дороги!
Болят руки, болят ноги,
А я долю проклинаяю,
С поля воли ожидаю!»

Так пела бедная Оксана
Зимой в светлице у окна.
Неволя стерла цвет румяный,
Слезую смылась белизна.
— Быть может, здесь, — она шептала, —
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ее... а я... —
И, содрогаясь, замолчала.
Темнело поле, из тумана
Луна кровавая взошла;
Взглянула с трепетом Оксана
И быстро молча отошла
От неприветного окна,
Страшась кровавого светила.

. . . . .

Завыли псы, рога трубили,
И шум и хохот у ворот —
Охота с поля возвратилась,
И пан к страдалице идет
Бесстыдно пьяный...

. . . . .

Слепая бедная не знала
Недоли дочери своей,
С чужим вожатым спотыкалась
Меж неприязненных людей.
Ходила в Киев и Почаев
Святых угодников молить
И душу страстную, рыдая,
Молитвой думала смирить.
И возвратилась зимою
В село страдания тайком.
Сердце недобрым чем-то ныло,
Вещало тайным языком
Весть злополучия и горя.
Со страхом в сердце и тоскою
Тихонько крадется она
Давно изведанной тропюю;
Кругом, как в гробе, тишина;
Печально бледная луна
С глубокой вышины сияла
И белый саван озаряла

На мертвой грешнице — земле.
И вдруг открылась вдали
Картина страшная пожара.
Слепая, бедная, идет,
Не видя наших зол и кары,
И очутилась у ворот,
Весною кинутых. О боже!
Что она слышит? Треск и гром.
И визг, и крик, и гул протяжный,
И жаром хлынуло в лицо.
Она трепещет. Недалеко
Вдруг слышит голос. . . Боже мой!
Чей это голос ты узнала?
Узнала. . . страшно. . . то Оксана!
На месте том, где столько лет
Они вдвоем, грустя, сидели,
Она, несчастная, сидит;
Едва одетая, худая,
И на руках, как бы дитя,
Широкий нож в крови качает.
И страшно шепчет:

— Молчи, дитя мое, молчи,
Пока спекутся калачи;
Будем медом запивать.
Будем пана поминать.

(Поэт.)

«А у пана два жупана,
А третья свита,
За то пана
Утром рано
В дуброве убито.
А убили гайдамаки,
Жупаны делили;
Тому жупан, тому жупан,
А третьему свита,
И остался без свиты пан,
В снег белый зарытый.
Ай да гайдамаки!»

С л е п а я

Оксано! Где ты?

Оксана

Ах, молчи!
Дай убаюкать мне сынка!

(Поет.)

«Баю, баю, дитя мое,
В дремучем лесу,
А я тебе с поля волю,
Долю принесу.
Баю, баю, дитя мое,
Во сыром бору,
А я пойду погуляю,
Ягод наберу.
Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
Переломят люди руки
И белые ноги.
Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовом
Полиняют кари очи
И черные брови.
Усни, дитя, усни, дитя,
Усни ты навеки,
А я одна на базар пойду,
У жида крови наточу
И тебя полечу».

А... уснул! Теперь возьми.
У! Какой черный... посмотри!

С л е п а я

Оксано! Где ты? Что с тобою?

Оксана

(быстро подходит к ней)

А ты где ходишь? Посмотри,
Какой веселый пир у пана!
Да пан не будет пировать —
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожду, пойдем плясать.

(Поет и медленно плачет.)

«Гой, гой, не беда!
Слезы тоже вода,

Слезы гасят печаль,
А печали мне жаль,
Жаль мне грусти моей,
Жаль подруги моей,
Моей черной тоски».
Моей... моей... Ах, нет, не то!
Теперь так весело, светло.
А я как будто на поклонах.

(Поет и пляшет.)

«Посеяла лебеду на беду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змен-серьги в ушах.
Через плечи висят
И шипят и шипят.
Казак верно любил,
Казак серьги дарил.
Мать в могиле спала,
А я знай себе шла.
Шла дорогой большой;
А за мной, все за мной
По четыре по три
Косари, косари
Бурьян косят, поют».

С л е п а я

Оксано бедная, молися,
Молися богу, ты поешь
Всё песни страшные такие!

О к с а н а

А ты смеяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лет
Ты хохотала, я смеялась, —
Поплакать можно одну ночь.

С л е п а я

Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грех тебе, Оксано,
Ты насмеялася.

Оксана

Кто? Я?

Не насмеялася! Смотри,
Смотри, как падают стропила,
Гу! .. гу! .. гу! .. Ха, ха, ха, ха!
Пойдем плясать, его уж нет,
Он не разлучит нас с тобою.

(Поет и пляшет.)

«По дороге осокá,
А в болоте груши,
Полюбила казака,
Запродала душу;
    А казак
    Так и сяк,
    Не любил,
    Задушил,
В сыру землю зарыл.
В темной хате сырой
Спать ложилась со мной!
Ведьма черная.
    И смеялася,
    Обнималася,
Ела, грызла меня,
Подложила огня,
И запела, заплясала,
И скакала, и кричала:
Жар, жар, жар!
    Через яр
    На пожар
Все слетались,
    Любовались
    И смеялися:
Хи, хи, хи, тра, ла, ла, ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная черту свечка!
Через яр идет овечка.
Не ходи, казак, в дуброву.
    Не ходи, Ивашечко,
    Торною дорожкой,
    Не носи гостинчики
    Змее, черной гадине!

Чародейка лютая
Сотрет брови черные,
Выжжет очи карие».

С л е п а я

Опомнись, дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдем в село: здесь страшно стало!

О к с а н а

Пойдем в село: здесь душно мне,
Я босиком, как на огне,
На розовом снегу танцую.
Пойдем в село, переночуем.
А кто нас пустит ночевать?
Ведь люди, знаешь, нас боятся.
Пойдем мы в лес волков ласкать;
Ведь люди врут, что волки злые,
Волки нас любят — право, так!
А помнишь, ты мне говорила. . .
Ах, нет. . . не то. . . постой, забыла!
Я все забыла. . . Мой казак,
Мой кароокий. . . Я любила,
И он, казак, меня любил,
И темной ночью он ходил
В зеленый сад, где я гуляла.
Ах, как там весело бывало!
Как он, лаская, целовал,
Какие речи он шептал!
Ты так меня не целовала,
Как он, мой милый, дорогой,
Мой ненаглядный, мой сердечный!
. . . . .
Ты говорила, он не злой!
А он, твой пан бесчеловечный,
Твой пан-палач его убил
За то, что я его любила,
За то, что он меня любил.
Злодей, в железа заковал.
Об этом я не говорила
С тобою даже. Он пропал. . .

Пропал без вести, как пропала
Моя девичая краса.
А ты слыхала чудеса?
Он в гайдамаках атаманом
И этот нож мне подарил.
Он приходил. . .

С л е п а я

Пойдем скорее!

Веди меня!

О к с а н а

Куда вести?

В болото, в лес? Постой, постой!
Я поведу тебя в село,
Где все бурьяном поросло,
Где вместо хат кресты, могилы,
Где поселился друг мой милый
В светелке темной и сырой.

С л е п а я

Пойдем скорее. Бог с тобой!
Перекрестися!

О к с а н а

Я крестилась,

Я горько плакала, молилась,
Но бог отверг мои кресты,
Мои сердечные молитвы.
Да, он отверг. А помнишь ты?
Нет, ты не помнишь, ты забыла!
А я так помню, ты учила
Меня, малютку, кровь сосать
Да «Отче наш» еще читать.

С л е п а я

Оксано, боже мой, молися,
Ты страшно говоришь!

О к с а н а

Да, да.

Я страшно говорю, так что же?
Ты не боялася сидеть
Осенней ночью у забора

И просидела двадцать лет, —
Пойдем опять туда сидеть.
Пойдем же, мама, будем петь,
Пока народ не пробудился.
И будем петь, как снаряжился
Казак с ордою воевать,
И как покинул он дивчину,
И как другую полюбил.
Ведь это весело — покинуть
В чужой, далекой стороне
Листок с любистка на огне.

(Поет тихо.)

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай»
За Дунаем погуляю молада
С казакáми мертвецами,
С казаками молодцами мертвыми».

Чур меня! Чур меня! Чур меня!
Пойдем скорее. Ах, постой!
Я потеряла башмаки.
А башмаки ведь дорогие,
Да ноги жгли мне, все равно
Мне их не жаль, и босиком
Дойдем до гроба. . .

(Поет.)

«Полстела пташечка
Через поле в гай,
Уронила перышко
На тихий Дунай.
Плыви, плыви, перышко,
Плыви за водой! . .»

Я все молчала, все молчала,
А он шептал и целовал.
Сулил намисто с дукачами.
Зачем ты не велела брать?
Ведь им бы можно удавиться.
А знаешь что? Пойдем к реке
Купаться просто и утонем,
И будем щуками в воде.
И пташкам воля в чистом поле,
И пташкам весело летать;

А мне так весело в неволе
Девичью молодость терять.
Я разве грешница какая?
Отраву, что ли, я варю?
Нет, я не грешница; ты знаешь,
Всему я верила, всему!
Но кто поверил моей вере?
Теперь не то. Летит, летит!
Нет, ты не вылетишь, проклятый.
Я задушу тебя! Держите —
Красный змий! Красный змий!
Он рассыпается. . . Потом. . .
Га! га! га! . .

И будто мщение живое,
Она с распущенной косой,
С ножом в руках, крича, летела
И с визгом скрылася в огне.
Вдруг крик пронзительный. Вздрыгнула
Слепая молча и, крестясь,
— Аминь, аминь, аминь! — шептала.
И крик сменил протяжный гул,
Стена упала, гул ревел
И смолк в долине безучастной,
Как в глубине души бесстрастной.
Пожар, лютея, пламенел;
Слепая, бедная, стояла
В дыму и пыли снеговой,
Она Оксаны дожидала.
И «Со святыми упокой»
Неволью с трепетом шептала.
И не дождалася слепая
Своей Оксаночки; ушла
Из погорелого села,
Псалом любимый напевая:

«Кого, рыдая, призову я
Делить тоску, печаль мою?
В чужом краю кому, тоскуя,
Родную песню пропою?»

1812, Петербург

ТРИЗНА

*На память 9 ноября 1843 года
княжне Варваре Николаевне Репниной*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Душе с прекрасным назначеньем
Должно любить, терпеть, страдать
И дар господний, вдохновенье,
Должно слезами поливать.
Для вас понятно это слово! . .
Для вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова
И слезы в звуки перелил.
Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами
И тихостройными речами
Мечты о рае пробудил.

11 ноября 1843, Яготин

Души ваши очистивше в послушании
истины духом в братолюбии нелицемерно,
от чиста сердца друг друга любите при-
лежно: порождени не от семени исленна,
но не исленна, словом живаго бога и пре-
бывающаго во веки. Зане всяка плоть, яко
трава, и всяка слава чловеца, яко цвет
травный: изше трава и цвет ея отпаде.
Глагол же господень пребывает во веки. Се
же есть глагол, благовестованный в вас.

*Соборное послание первое
святого апостола Петра, I, 22—25.*

Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят;

И час уж проходит,
Никто не приходит;
Должно быть, друзьями
Забыты они.

Они не забыты — в урочную пору,
Обет исполняя, друзья собрались
И «вечную память» пропели собором,
Отправили тризну — и все разошлись.
Двенадцать их было; все молоды были,
Прекрасны и сильны; в прошедшем году
Найлучшего друга они схоронили
И другу поминки в тот день учредили,
Пока на свиданье к нему не сойдут.
— Счастливое братство! Единство любви
Почтили вы свято на грешной земле;
Сходитесь, друзья, как ныне сошлись,
Сходитесь долго и песнею новой
Воспойте свободу на рабской земле! —
Благословен твой малый путь,
Пришлец убогий, неизвестный!

Ты силой господа чудесной
Возмог в сердца людей вдохнуть
Огонь любви, огонь небесный.
Благословен! Ты божью волю
Короткой жизнью освятил;
В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.
Когда брат брата алчет крови —
Ты сочетал любовь в чужих;
Свободу людям — в братстве их
Ты проявил великим словом:
Ты миру мир благовестил;
И, отходя, благословил
Свободу мысли, дух любви!
Душа избранная, зачем
Ты мало так у нас гостила?
Тебе здесь тесно, трудно было!
Но ты любила здешний плен,
Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетных людей.
Но ангела не доставало

У вечного царя царей;
И ты на небе в вечной славе
У трона божия стоишь,
На мир наш, темный и лукавый,
С тоской невинною глядишь;
Благоговею пред тобою,
В безмолвном трепете дивлюсь;
Молюсь тоскующей душою,
Как перед ангелом молюсь!
Сниди, пошли мне исцеленье!
Внуши, навей на хладный ум
Хоть мало светлых, чистых дум;
Хоть на единое мгновенье
Темницу сердца озари
И мрак строптивых помышлений
И разгони и усмири!
Правдиво, тихими речами
Ты Расскажи мне все свое
Земное благо-житие
И научи владеть сердцами
Людей кичливых и своим,
Уже растленным, уже злым. . .
Скажи мне тайное ученье
Любить гордящихся людей
И речью кроткой и смиреньем
Смягчать народных палачей.
Да провещаю гимн пророчий,
И долу правду низведу,
И погасающие очи
Без страха к небу возведу.
И в этот час последней муки
Пошли мне истинных друзей
Сложить хладеющие руки
И бескорыстия елей
Пролить из дружеских очей.
Благословлю мои страданья,
Отрадno смерти улыбнусь
И к вечной жизни с упованием
К тебе на небо вознесусь.

Благословен твой малый путь,
Пришлец неславленный, чудесный!

В семье убогой, неизвестной
Он выросал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный. . . В сердце рану
Змея прогрызла. . . Детский сон
Исчез, как голубь боязливый;
Тоска, как вор, нетерпеливо
В разбитом сердце притаясь,
Губами жадными впиалась
И кровь невинную сосала. . .
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли. . . ум горел,
В крови гордыня клокотала. . .
Он трепетал. . . он цепенел. . .
Рука, сжимаясь, дрожала. . .
О, если б мог он шар земной
Схватить озлобленной рукой
Со всеми гадами земными,
Схватить, измять и бросить в ад! . .
Он был бы счастлив, был бы рад.
Он хохотал, как демон лютый,
И длилась страшная минута,
И мир пылал со всех сторон;
Рыдал, немел он в испугленьи,
Душа терзалась страшным сном;
Душа мертвела — а кругом
Земля, господнее творенье,
В зеленой ризе и цветах,
Весну встречая, ликовала.
Душа отрадно пробуждалась, —
И пробудилась. . . Он в слезах
Упал и землю лобызает,
Как перси матери родной! . .
Он снова чистый ангел рая,
И на земле он всем чужой.
Взглянул на небо: — О, как ясно,
Как упоительно-прекрасно!
О, как там вольно будет мне! . . —
И очи в чудном полусне
На свод небесный устремляет
И в беспредельной глубине

Душой невинной утопает.
По высоте святой, широкой,
Платочком белым, одинока,
Прозрачна тучка вдаль плывет.
— Ах, тучка, тучка, кто несет
Тебя так плавно, так высоко?
Ты что такое? И зачем
Так пышно, мило нарядилась?
Куда ты послана и кем? . . —
И тучка тихо растопилась
На небе светлом. Взор унылый
Он опустил на темный лес. . .
— А где край света, край небес,
Концы земли? . . — И вздох глубокий,
Недетский вздох, он испустил;
Как будто в сердце одиноком
Надежду он похоронил.

В ком веры нет — надежды нет!
Надежда — бог, а вера — свет.
— Не погасай, мое светило!
Туман душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой
И путь тернистый, путь унылый
Небесным светом юзаряй.
Пошли на ум твою святыню,
Святым наитием напой,
Да провещаю благостыню,
Что заповедана тобой! . .

Надежды он не схоронил,
Воспрянул дух, как голубь горный,
И мрак сердечный, мрак юдольный
Небесным светом озарил;
Пошел искать он жизни, доли,
Уже прошел родное поле.
Уже скрывалось село. . .
Чего-то жаль внезапно стало,
Слеза ресницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего-то жаль нам в прошлом нашем,
И что-то есть в земле родной. . .

Но он, бедняк, он всем не свой
И тут и там. Планета наша,
Прекрасный мир наш, рай земной,
Во всех концах ему чужой.
Припал он молча к персти милой
И, как родную, лобызал,
Рыдая, тихо и уныло
На путь молитву прочитал. . .
И твердой, вольною стопою
Пошел. . . и скрылся за горою.
За рубежом родной земли
Скитаясь нищим, сиротою,
Какие слезы не лились!
Какой ужасною ценою
Уму познания купил
И девство сердца сохранил!

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочесть все черные страницы,
Все незаконные дела. . .
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы —
Се человек! . . Без крова жить
(Сирот и солнышко не греет),
Людей изведать — и любить!
Незлобным сердцем сожалея
О недостойных их делах
И не кощунствуя впотьмах,
Как ц а р ь у м а. Убогим, нищим,
Из-за куска насущной пищи
Глупцу могучему годить,
И мыслить, чувствовать и жить! . .
Вот драма страшная, святая! . .
И он прошел ее, рыдая,
Ее он строго разыграл
Без слова; он не толковал
Своих вседневных приключений,
Как назидательный роман;
Не раскрывал сердечных ран,

И тьму различных сновидений
И байронический туман
Он не пускал: толпой ничтожной
Своих друзей не поносил;
Чинов и власти не казнил,
Как Н., глашатай осторожный,
И тот, кто мыслит без конца
О мыслях Канта, Галилея,
Космополита-мудреца,
И судит люди, не жалея
Родного брата и отца, —
Тот лжепророк! его сужденья —
Полу-идеи, полу-вздор! . .
Провидя жизни назначенье,
Великий божий приговор,
В самопытливом размышленьи
Он подымал слезящий взор
На красоты святой природы.
— Как все согласно! — он шептал
И край родной воспоминал;

У бога правды и свободы
Всему живущему молил,
И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал. . . — О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована, и я.
Великим словом божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
Пророка камнем побьют!
Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!

О боже, сильный и правдивый!
Тебе возможны чудеса,

Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
Воскреснуть мертвым повели!
Благослови всеильным словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли,
Земли поруганной, забытой,
Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли! —
Как тучи, мысли расходились,
И слезы капали, как дождь! . .

Блажен тот на свете, кто малую долю,
Кроху от трапезы волен уделить
Голодному брату и злобного волю
Хоть властью суровой возмог укротить! —
Блажен и свободен! . . Но тот, кто не оком,
А смотрит душою на козни людей
И может лишь плакать в тоске одинокой —
О боже правдивый, лиши ты очей! . .

Твои горы, твое море,
Все красы природы
Не искупят его горя,
Не дадут свободы.

И он, страдалец жизни краткой,
Все видел, чувствовал и жил,
Людей, изведавши, любил
И тосковал о них украдкой.
Его и люди полюбили,¹
И он их братьями звал;
Нашел друзей и тайной силой
К себе друзей причаровал.
Между друзьями молодыми
Порой задумчивый. . . порой
Как волхв, вещатель молодой,
Речами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлял;
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укреплял.
Он говорил, что обще благо

---

¹ Как цветок, процветший на их болоте.

Должно любовью купить
И с благородною отвагой
Стать за народ и зло казнить.
Он говорил, что праздник жизни,
Великий праздник, божий дар,
Должно пожертвовать отчизне,
Должно поставить под удар.
Он говорил о страсти нежной,
Он тихо, грустно говорил —
И умолкал! . . . В тоске мятежной
Из-за стола он выходил
И горько плакал. Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной,
Ни с кем страдалец не делил.
Друзья любили всей душой
Его, как кровного; но он
Непостижимою тоскою
Был постоянно удручен.
И между ними вольной речью
Он пламенел. Но меж гостей,
Когда при тысяче огней
Мелькали мраморные плечи,
О чем-то тяжело он вздыхал
И думой мрачною летал
В стране родной, в стране прекрасной,
Там, где никто его не ждал,
Никто об нем не вспоминал,
Ни о судьбе его неясной.
И думал он: «Зачем я тут?
И что мне делать между ними?
Они все пляшут и поют,
Они родня между родными,
Они все равны меж собой, —
А я! . . .» И тихо он выходит,
Идет задумавшись домой;
Никто из дому не выходит
Его встречать; никто не ждет,
Везде один. . . тоска, томленье! . . .
И светлый праздник воскресенья
Тоску старичную несет.
И вянет он, вянет, как в поле былина,
Тоскою томимый в чужой стороне;

И вянет он молча. . . какая кручина
Запала в сердечной его глубине?
— О, горе мне, горе! Зачем я покинул
Невинности счастье, родную страну?
Зачем я скитался, чего я достигнул?
Утехи познаний? . . . Клянущих их, клянущих!
Они-то мне, черви, мой ум источили,
С моим тихим счастьем они разлучили!
Кому я тоску и любовь расскажу?
Кому сердца раны в слезах покажу?
Здесь нету мне пары, я нищий меж ними,
Я бедный поденщик, работник простой;
Что дам я подруге моими мечтами?
Любовь. . . Ах, любви, любви одной!
С нею на три века, на вечность бы стало!
В своих бы объятьях ее растопил!
О, как бы я нежно, как нежно любил! —
И крупные слезы, как искры, низались,
И бледные щеки и слабую грудь
Росили и сохли. — О дайте вздохнуть,
Разбейте мне череп и грудь разорвите!
Там черви, там змеи, — на волю пустите!
О дайте мне тихо, навеки заснуть!

Страдал несчастный сирота
Вдали от родины счастливой
И ждал конца нетерпеливо.
Его любимая мечта —
Полезным быть родному краю, —
Как цвет, с ним вместе увядает!
Страдал он. Жизни пустота
Пред ним могилой раскрывалась:
Приязни братской было мало,
Не грела теплота друзей:
Небесных солнечных лучей
Душа парящая алкала.
Огня любви, что бог зажег
В стыдливом сердце голубином
Невинной женщины, где б мог
Полет превыспренный, орлиный
Остановить и соединить
Пожар любви, любви невинной;

Кого бы мог он приютить
В светлице сердца и рассудка,
Как беззащитную голубку,
От жизни горестей укрыть;
И к персям юным, изнывая,
Главой усталую прильнуть;
И, цепenea и рыдая,
На лоне жизни, лоне рая,
Хотя минуту отдохнуть.
В ее очах, в ее томленьи
И ум и душу утопить,
И сердце в сердце растопить,
И утонуть в самозабвеньи.

Но было некого любить,
Сочетаваться не с кем было;
А сердце плакало, и ныло,
И замирало в пустоте.
Его тоскующей мечте
В грядущем что-то открывалось,
И в беспредельной высоте
Святое небо улыбалось.
Как воску ярого свеча,
Он таял тихо, молчаливо,
И на задумчивых очах
Туман ложился. Взор стыдливый
На нем красавица порой
Покою, тайно волновалась;
И симпатической красой
Украдкой долго любовалась.
И, может, многие грустили
Сердца девичие о нем,
Но тайной волей, высшей силой
Путь одинокий до могилы
На камнях острых проведен.
Изнемогал он, грудь болела,
Темнели очи, за крестом
Граница вечности чернела
В пространстве мрачном и пустом.
Уже в постеле предмогильной
Лежит он тих, и — гаснет свет.
Друзей тоскующий совет

Тревожит дух его бессильный.
Поочередно ночевали
У друга верные друзья;
И всякий вечер собиралась
Его прекрасная семья.
В последний вечер собралися
Вокруг предсмертного одра
И просидели до утра.
Уже рассвет смыкал ресницы,
Друзей унылых сон клонил,
И он внезапно оживил
Их грустный сон огнем бывалым
Последних, пламенных речей.
И други друга утешали,
Что через семь иль восемь дней
Он будет петь между друзей.
— Не пропою вам песни новой
О славе родины моей!
Сложите вы псалом суровый
Про сонм народных палачей;
И вольным гимном помяните
Предтечу, друга своего.
И за грехи. . . грехи его
Усердно богу помолитесь. . .
И «Со святыми упокой»
Пропойте, други, надо мной!

Друзья вокруг его стояли,
Он отходил, они рыдали,
Как дети. . . Тихо он вздыхал,
Вздыхнул, вздохнул. . . Его не стало!
И мир пророка потерял,
И слава сына потеряла.

Печально други понесли
Наутро в церковь гроб дубовый,
Рыдая, предали земли
Остатки друга; и лавровый
Венок зеленый, молодой,
Слезами дружбы оросили
И на могиле положили

И «Со святыми упокой»
Запели тихо и уныло.

В трактире за круглым, за братским столом
Уж под вечер други сидели кругом;
Печально и тихо двенадцать сидело:
Их сердце одною тоскою болело.
Печальная тризна, печальны друзья! . .
Ах, тризну такую отправил и я.

Согласьем общим положили,
Чтоб каждый год был стол накрыт
В день смерти друга; чтоб забыт
Не мог быть друг их за могилой;
И всякий год они сходились
В день смерти друга поминать.

Уж многих стало не видать:
Приборы каждый год пустели,
Друзья все больше сиротели —
И вот один, уж сколько лет,
К пустым приборам на обед
Старик печальный приезжает;
Печаль и радость юных лет
Один, грустя, воспоминает.
Сидит он долго, мрачен, тих,
И поджидает: — Нет ли брата
Хоть одного еще в живых? —
И одинокий в путь обратный
Идет он молча. . . И теперь,
Где круглый стол стоит накрытый,
Тихонько отворилась дверь,
И брат, что временем забытый,
Вошел согбенный! . . Грустно он
Окинул стол потухшим взором
И молвил с дружеским укором:
— Лентяй! Видишь, как закон
Священный братский исполняют!
Вот и сегодня не пришли,
Как будто за море ушли! —
И слезы молча утирает,
Садясь за братский круглый стол.

— Хоть бы один тебе пришел! —
Старик сидит и поджидает. . .

Проходит час, прошел другой,
Уж старику пора домой.
Старик встает: — Да, изменили!
Послушай, выпей, брат, вино! —
Сказал слуге он. — Все равно
Я не могу. . . Прошло, что было!
Да поминай за упокой;
А мне пора уже — домой! —
И слезы снова покатались.
Слуга вино, дивясь, выпил.
— Дай шляпу мне. . . какая лень
Идти домой! . . — и тихо вышел.

И через год в урочный день
Двенадцать приборов на круглом столе,
Двенадцать бокалов высоких стоят.
И день уж проходит,
Никто не приходит, —
Навеки, навеки забыты они.

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлено почти полностью поэтическое наследие Т. Г. Шевченко. По сравнению с первым изданием «Библиотеки поэта» («Кобзарь в переводах русских поэтов», Л., 1939) данное собрание значительно расширено, в него дополнительно введены многие стихотворения Шевченко. В двух редакциях даны те произведения Шевченко, которые, по характерной для него манере, существенно перерабатывались им в разные годы (например, «Солдатов колодец» 1847 г. и 1857 г.). Без этих произведений мы не имели бы правильного представления о творческом пути поэта. Во втором разделе печатаются поэмы («Слепая» и «Тризна»), написанные на русском языке.

Тексты печатаются в хронологическом порядке, с учетом их размещения в первопечатных изданиях произведений Шевченко («Кобзарь», Спб., 1849, альманах «Ластівка» и др.). Даты приблизительно отмечены вопросительным знаком.

В основу переводов положены тексты наиболее авторитетного, академического издания сочинений поэта: Тарас Шевченко. Повне зібрання творів в десяти томах, т. I, Київ, 1951; т. II, Київ, 1953. Все примечания в тексте, кроме специально отмеченных как редакторские, принадлежат Шевченко.

Редактор

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Порченая (Причинна). Впервые — альманах «Ластівка», СПб., 1841, стр. 230—242. Альманах готовился (Е. П. Гребенкой) в продолжение нескольких лет, начиная с 1838 года. В 1838—1839 годах Гребенка предполагал сделать альманах периодическим (четыре раза в год) приложением к «Отечественным запискам»; в своих письмах этого времени он не раз упоминал о Шевченко как о замечательном поэте, — одно из самых ранних подтверждений популярности молодого поэта. В «Ластівке» были напечатаны четыре стихотворения Шевченко (не вошедшие в «Кобзарь» 1840 года) и отрывок из поэмы Шевченко «Гайдамаки» (см. ниже). Русский перевод Вс. Крестовского — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1860, стр. 33—47. «Порченая» — один из немногих дошедших до нас образцов самого раннего творчества Шевченко. Стихотворение написано, вероятно, в 1837 году, т. е. еще до освобождения поэта из крепостной неволи (см. «Автобиографию» Шевченко). *Не китайкою покрыты казацкие очи.* — По старинному казацкому обычаю, умерших казаков при погребении покрывали китайкою, красной шелковой материей.

«Ветер буйный, ветер буйный» («Вітре буйный»). Впервые — альманах «Ластівка», СПб., 1841, стр. 23—25. Русские переводы: Н. Берга — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 50—52; П. Ковалевского — «Библиотека для чтения», 1860, № 4, отд. 1, стр. 1—2.

На вечную память Котляревскому (На вічну пам'ять Котляревському). Впервые — альманах «Ластівка», СПб., 1841, стр. 306—312. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. Дата написания стихотворения определяется датой смерти И. П. Котляревского — 29 октября 1838 года. *Котляревский* Иван Петрович (1769—1838) — украинский поэт и драматург. В поэме «Энеида» («Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная»; первое издание — СПб., 1798), в пьесах «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей» («Москаль-чарівник») он

первый из украинских писателей обратился к художественному изображению народной жизни. Высокая оценка роли Котляревского в развитии украинской литературы не помешала Шевченко позднее характеризовать «Энеиду» как «хорошую» «смеховину», созданную по образцам русской дворянской литературы. Отдельные намеки стихотворения («Энеева ватага», «руины Трои» и др.) имеют в виду ту же «Энеиду».

«Течет вода в сине море» («Тече вода в сине море»). Впервые — альманах «Ластівка», СПб., 1841, стр. 312—313. Русские переводы: Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 48—49; И. Ваненко — «Развлеченье», 1861, № 8, стр. 85—86.

Думка («Тяжко, тяжко жить на свете») (Думка. «Тяжко-важко в світі жити»). Впервые — альманах «Молодик», кн. II, Харьков, 1843, стр. 91—92. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 53—54.

«Думы мои, думы мои» («Думи мої, думи мої»). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 5—11. Русские переводы: Н. Гербеля — «Сын отечества», 1857, № 17, стр. 391. («С малороссийского. Ох вы, думы, мои думы»); Л. Мея — «Общезанимательный вестник», 1858, № 3, стр. 150 («Отголоски думок. I»). Ср. И. Суриков — «Развлечение», 1868, № 40, стр. 226 («Думы. Подражание Шевченко»).

Перебендя (Перебендя). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 13—20, с посвящением Евгению Павловичу Гребенке (1812—1848), русско-украинскому поэту и беллетристу. Гребенка принимал участие в устройстве судьбы юноши Шевченко еще в бытность его крепостным, а также в первое время после освобождения. По мере роста революционной сознательности Шевченко все более отдалялся от Гребенки, проникнутого консервативно-патриархальными настроениями. Идейным расхождением обоих поэтов объясняется то, что в следующих изданиях «Кобзаря» посвящение Гребенке было снято. Русский перевод Н. В. Гербеля — в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 18—21. В стихотворении упоминается ряд украинских народных песен: бурлацкая песня «Ой, не шуми, луже» («Не шуми, дуброва»); о Чалом — историческая песня о Савве Чалом, одном из предводителей крестьянских восстаний на Украине XVIII века, убитом прежними своими товарищами за измену; о *недоле, вербе в поле* — бытовая песня о злой свекрови, которая своими чарами превращает невестку в иву или в тополь; *У гаю* («В роше»), *Грицю* — бытовые песни; о *Лазаре* — лирическая песня на евангельский сюжет о бедном Лазаре, которого не пожелал Лазарь богатый; *Как Сечь разорили* — историческая песня о разрушении Запорожской Сечи по приказанию Петра I (1709) и Екатерины II (1775); *горлиця, сербін, шинкарка* — танцевальные песни, *веснянка* — весенняя обрядовая песня. В своей совокупности это перечисление разнообразных народных песен довольно полно характеризует репертуар народного певца — кобзаря.

Катерина (Катерина). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 21—67. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Русское слово», 1860, № 9, отд. I, стр. 215—234. В своих показаниях на допросе в III отделении Шевченко назвал поэму первым (в действительности — одним из первых; см. выше, примечание к «Порченой») своим стихотворением; оно «возбудило энтузиазм в малороссиянах, и я стал продолжать писать стихи, не оставляя живописи». Посвящение Василию Андреевичу Жуковскому (1783—1852) вызвано было тем участием, какое он принял в деле освобождения Шевченко из крепостной неволи (22 апреля 1838 года); подробно об этом поэт рассказал в повести «Художник». К сюжету поэмы — рассказу о судьбе обольщенной офицером (помещиком, паном) и брошенной девушки, к центральному образу «покрытки» (девушки-матери, которую «покрывают», т. е. повязывают ей голову как замужней женщине) поэт впоследствии обращался много раз в различных вариациях. *Москаля* — солдаты, вообще военные. В данном случае имеется в виду офицер, как отметил в свое время еще Добролюбов: «В «Катерине» вы видите несчастье бедной девушки, которая полюбила москаля, офицера» (Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. II, М., 1935, стр. 567). *Запоет о Грице* — имеется в виду народная песня «Ой, не ходи, Грицю, та на вечорниці». *Ой, далекая дорога! Мне она известна.* — Со слов самого Шевченко известно, что весной 1831 года он, как крепостной «козачок», был отправлен вслед за своим помещиком Энгельгардтом по этапу в Петербург. См. Н. Белозерский. Т. Г. Шевченко по воспоминаниям разных лиц. 1831—1861 гг («Киевская старина», 1882, № 10, стр. 68—69). *Чумаки* — украинские крестьяне, возившие зерно на продажу в порты Черного (Одессу) и Балтийского (Гданск) морей и привозившие на Украину соль и рыбу с Черного моря (Перекоп). С чумаками связан богатый песенный фольклор. *Пугача* <...> *распевают* — народная песня «Ой, сів пугач на могилі». *Пугач* — сыч. *Бровары* — село неподалеку от Кисва, на противоположном берегу Днепра. Через Бровары проходила большая дорога на Москву. *Исуса* <...> *напеваєт* — имеется в виду одна из кобзарских «псалм».

Тополь (Тополя). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 69—82, с посвящением П. С. Петровской, матери близкого товарища поэта по Академии художеств. В следующих изданиях посвящение было поэтом снято. Русские переводы: П. Вейнберга — «Библиотека для чтения», 1860, № 3, стр. 1—8; Н. В. Гербеля — «Современник», 1860, № 3, отд. III, стр. 109—115; И. Сурикова — «Развлеченне», 1868, № 41, стр. 244 («Верба»).

Думка. («На что черные мне брови»). (Думка. «Нашо мені чорні брови»). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 83—87. Стихотворение очень быстро получило широкое распространение как народная песня. В 1856 году Н. В. Гербель напечатал русский перевод стихотворения — первый известный нам печатный русский перевод Шевченко: «Дума (С малороссийского)» — «Библиотека для чтения», № 11, отд. I, стр. VII—VIII. Имя поэта при этом названо не было, так как Шевченко находился еще в ссылке, с запрещением не только печататься, но и писать. На этот перевод Шевченко обра-

т.л. внимание еще в ссылке. 22 апреля 1857 года он писал А. Н. Маркевичу: «Не встретишься ли ты случайно с Гербелем, переводчиком «Слова о полку Игореве»? Он хотя и прозывается Гербель, а такой же серый хохол, как и мы с тобой, молодой мой друже. Так вот, если увидишь его, то поблагодари за перевод мало-российской Думы, напечатанный в Б<иблитеке> для чтения». (Перевод с украинского).

К Основьяненко (До Основ'яненка). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 89—96. Русский перевод М. Л. Михайлова — «Стихотворения Михайлова», Берлин, 1862, стр. 289—293. Перевод, вероятно, сделан в процессе подготовки статьи о Шевченко, 1860. Об этом стихотворении Михайлов писал в своей статье: «Особенно полно гайдамацкой грусти и силы послание к Основьяненке: могучие стихи этой пьесы сразу западают в память и уже не забываются. В звуках этих стихов есть что-то родное и стону ветра, рыскающего по казачьей стене, и ропоту днепровских порогов, и заунывному воплю чайки» («Русское слово», 1860, № 4, отд. II, стр. 32). *Основьяненко* — псевдоним Григория Федоровича Квитки (1778—1843), украинско-русского писателя, автора многих повестей, а также романов «Пан Халаявский» и «Похождения Столбикова», пользовавшихся успехом у современного читателя. В начале своего творческого пути Шевченко ценил Основьяненко как одного из выдающихся своих литературных предшественников: в 1840—1841 годах оба писателя переписывались. Впоследствии поэт точнее определил собственное отношение к творчеству Квитки: «вококийный Основьяненко, — писал он, — очень хорошо присматривался к народу, но не прислушивался к языку, потому, может быть, что не слышал его в колыбели от матери» (Перевод с украинского). «Гриця» *запеває* — возможно, имеется в виду украинская народная песня «Пішов Гриць, зажурився», авторство которой приписывалось Квитке.

Иван Подкова (Іван Підкова). Впервые — «Кобзарь» 1810 года, стр. 97—103. Русский перевод М. Л. Михайлова — «Русское слово», 1860, № 4, стр. 41—42, в исправленном виде перепечатано в кн. «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 57—60. В первых двух прижизненных изданиях «Кобзаря» стихотворение было напечатано с посвящением Василию Ивановичу Штернбергу (1818—1845), художнику, ученику Брюллова, ближайшему товарищу и другу Шевченко, его сожителю первых лет учения в Академии художеств. Теплые, дружеские воспоминания о нем Шевченко оставил в повестях «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали». Исторический *Иван Подкова* был одним из казацких предводителей XVI века. Он возглавил походы казаков против турецкого султана и его вассала, молдавского господаря. Приписываемое поэтом Подкове участие в походе запорожцев против Царьграда — Константинополя является анахронизмом (походы эти начались, в действительности, только во втором десятилетии XVII века), основанным на рассказе известного казачко-старшинского памфлета «История Русов». Поэта привлек образ Подковы как собирательный образ былой казацкой вольности, державшей в страхе даже таких сильных своих соседей, как султанская

Турция. *Лиман* — запорожцы называли так устья Днепра и Буга; название это сохранилось вплоть до настоящего времени.

Тарасова ночь (Тарасова ніч). Впервые — «Кобзарь» 1840 года, стр. 105—114. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 61—66. Поэма основана на рассказе «Истории Русов» о казацком гетмане Тарасе Федоровиче, презванном запорожцами Трясилом, который возглавил в 1630 году восстание украинского народа против польской шляхты. Последняя направила на Украину большое войско наемников во главе с Конецпольским, обещавшим «погасить пламя хлопской кровью». Действительно, войско Конецпольского зверски расправилось не только с казацкими отрядами, но также с мирным украинским населением; в частности, поголовно были вырезаны жители сел Лисявка и Дымер. Украинский народ поднял против захватчиков широкую партизанскую войну; многие партизанские отряды присоединялись к главному войску Тараса Федоровича. 22 мая 1630 года войско Конецпольского было разгромлено казаками. Как рассказывает «История Русов», «казаки, дождавшись польского праздника, Панским телом называемого, который они отправляют с пальбою и пиришествами, выслали в ту ночь полком знатную часть пехоты своей в одну ближайшую балку, и на рассвете ударили с двух сторон на стан польский, вломилась в него и, застав многих поляков полунагими, переколотили их, всех противившихся им истребили, а прочих перетопили в реке и разогнали, получив стан их со всеми запасами и артиллериею в свою добычу». По сообщению того же источника, это поражение шляхетского войска было названо народом «Тарасовою ночью», — отсюда и название шевченковской поэмы. Рассказ «Истории Русов» не во всем соответствует подлинным историческим событиям, но живо перекликается с народными песнями о событиях тех лет. В первом издании «Кобзаря» поэма была посвящена П. И. Мартосу, богатому украинскому помещику, крепостнику и реакционеру, который — должно быть, по советам Гребенки и других лиц — ссудил Шевченко средствами на издание книжки. В следующих изданиях посвящение было поэтом снято. *Отозвался Наливайко* — имеется в виду Северин Наливайко, один из казацких предводителей в нарочной войне с польской шляхтой (конец XVI века). Попав в плен, Наливайко был злодейски замучен (четвертован); согласно же народным преданиям, он был заживо сожжен в медном быке (котле). *Павлюга* (или Павлюк) — Павло Бут, предводитель казацкого противояшкетского восстания 1637 года. Восстание закончилось неудачей; сам Павлюк попал в плен и был казнен (1638). Упоминание в поэме Павлюка среди соратников Тараса Трясила является анахронизмом, также основанным на данных «Истории Русов». *Трубайло* — народное название реки Трубеж, одного из левых притоков Днепра. *Альта* — приток Трубежа.

Н. Маркевичу (Н. Маркевичу). Впервые — альманах «Молодик», кн. II, Харьков., 1843, стр. 108—109. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, СПб., 1906, стр. 173—174. Стихотворение обращено

к Николаю Андреевичу Маркевичу (1804—1860), поэту, историку, этнографу, и являлось приветствием ему ко дню имени, которые он, как явствует из неизданного его дневника (Институт русской литературы АН СССР), праздновал очень широко в кругу петербургских литераторов, художников, музыкантов. В середине 40-х годов Шевченко встречался с Маркевичем на Украине. К концу жизни Маркевич превратился в крепостника-реакционера. Вероятно, по этой причине Шевченко не включил данного стихотворения в «Кобзарь» 1860 года, хотя первоначально предполагал сделать это.

На память Штернбергу (На забудь Штернбергові). Впервые — «Киевская старина», 1902, № 2, стр. 73. Стихотворение написано поэтом на экземпляре «Кобзаря» 1840 года, подаренном В. И. Штернбергу перед его отъездом в Италию.

Гайдамаки (Гайдамаки). Впервые — отдельной книжкой «Гайдамаки. Поэма», СПб., 1841, цензурное разрешение — 29 ноября 1841 года. Отрывок поэмы (глава I) был также напечатан в альманахе «Ластівка», СПб., 1841, стр. 371—377; цензурное разрешение — 12 марта 1840 года. Русские переводы: Л. Мея — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 141—171; П. Гайдебурова — «Современник», 1861, № 5, отд. I, стр. 45—104. Текст поэмы в первом издании сопровождался примечаниями автора (мы даем их в самом тексте под строкой), а также следующим «Предисловием», точнее говоря — послесловием: «После слова предисловие, — можно бы и без него. Так вот, видите ли что: все, что я видел напечатанного (только видел, а прочитал очень немного), — везде есть предисловие, а у меня нет; если бы я не печатал своих «Гайдамаков», то не нужно было бы и предисловия. А уж если пускаю в люди, то нужно с чем-нибудь, чтобы не смеялись над оборванцами, чтобы не сказали: Вот каков! Разве деды и отцы глупее были, что не выпускали в люди даже букваря без предисловия. Так, истинно так, простите! Надобно предисловие. Но как же его составить? — чтобы, знаете, не было кривды, чтобы не было и правды, а так, как все предисловия составляются. Хоть убейте, не умею: нужно бы хвалить, — стыдно, а охуждать не хочется. Начнем же убо начало книги сице: весело поглядеть на слепого Кобзаря, когда он, слепой, сидит с мальчиком под плетнем, и любо послушать его, когда он запоет думу о том, что в старину творилось, как боролись ляхи с казаками, любо... А все же скажешь: славу богу, что миновало, в особенности как вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать нужно: пускай видят сыны и внуки, что стны их заблуждались, пускай снова братаются со своими врагами. Пускай рожью — пшеницею покрыто, словно золотом, останется навеки неразмежеванной от моря до моря славянская земля. О том, что делалось на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей; напечатанного и проверенного ничего не читал, потому что, кажется, и нет ничего. Галайда наполовину выдуман, а смерть вильшанского ктитора правдива, потому что есть еще люди, которые знали его. Гонта и Зализняк, атаманы этого кровавого дела, возможно, выведены у меня не такими, какими они были, — за это не поручусь. Дел

мой, — пускай здоров будет, — если начинает рассказывать о чем-нибудь таком, чего сам не видал, то скажет вначале: ежли старые люди врут, то и я с ними.

1841. Петербург».

Кроме того, на задней внутренней странице обложки было помещено шутовское обращение поэта к подписчикам книжки («субскрибентам»):

«Панове субскрибенты! «Видим, видим, что обманул, да еще хочет и отговориться!» Так подумаете вы вслух, когда прочтаете мои «Гайдамаки». Панове громада! Право, не вру; видите ли что: я собирався, и очень хотелось мне напечатать ваши казацкие имена в ряд, красиво; и уже нашлось их десятка два или три: слушаю, выходит разногласия; один говорит: «надо!», другой говорит: «не надо!», третий ничего не говорит. Я думал: ну, что тут делать? Взял, да и растратил по-хорошему те деньги, которые следовало заплатить за печатную страницу, и ну писать к вам это послание! Все бы это ничего, — чего не случается в жизни! Всяко бывает, словно на долгом живишь, да вот горе мне на безголовье! Существуют еще и такие панычи, что постыдились свою благородную фамилию (Кирпа-Гнучкошненко) и напечатать в мужицкой книжке! Истинная правда!» И послесловие и обращение к подписчикам не были включены поэтом в последующие прижизненные перепечатки «Гайдамаков» (1844, 1860). Некоторые исследователи и комментаторы склонны объяснять это обстоятельство «цензурными вмешательствами». Подобное объяснение, однако, не представляется сколько-нибудь убедительным. В цензурных материалах, сравнительно полно отразивших препятствия, возникшие перед поэтом при его попытке, после возвращения из ссылки, переиздания своих произведений, — нигде не упоминается о том, что органы цензурного ведомства или III отделения предъявляли Шевченко какие бы то ни было претензии по поводу указанных двух прозаических заметок. Да и вряд ли заметки эти могли бы привлечь специальное внимание цензора, раз уже получила разрешение сама поэма. В действительности обе заметки были отброшены самим поэтом, так как имели сугубо временный характер, в особенности вторая из них: обращение к подписчикам. Кроме того, готовящая поэму к новому изданию в 1858—1860 годы, Шевченко затеял ее переработку, сводившуюся главным образом к исправлению исторических неточностей, которые отмечались в послесловии и примечаниях. По неизвестным причинам эта переработка, весьма существенная, давшая ряд значительных вариантов, не была доведена до конца, и поэма вошла в «Кобзарь» 1860 года почти без всяких изменений по сравнению с первым изданием. Историческую основу поэмы составляет большое крестьянское восстание на Правобережной Украине в 1768 году, так называемая «Колывищина». Восстание было вызвано жестоким национальным и религиозным угнетением массы украинского крестьянства со стороны польской шляхты, стремившейся, для лучшего закабаления украинского народа, насильственно насаждать унию. Законы и постановления, ограничивавшие религиозный гнет, вызвали страшное волнение среди католического духовенства и польской шляхты, раздраженных значительным уменьшением своих доходов и власти. Наиболее

реакционные и фанатичные представители шляхетства, собравшись в феврале 1768 года в г. Баре («Барская конфедерация»), подняли феодальный мятеж против короля, требуя восстановления привилегий католической церкви и польской шляхты. Одновременно «конфедераты» провозгласили крестовый поход против православного украинского крестьянства, против православия («схизмы») вообще. Для борьбы с конфедератами в Польшу, по просьбе короля Станислава Понятовского, были введены русские войска; это обстоятельство было воспринято массой украинского населения шляхетской Польши как сигнал к восстанию против шляхтичей-помещиков. Стихийно, в различных местах, стали возникать повстанческие отряды; значительная их часть вскоре объединилась под руководством Максима Зализняка. Повстанцы захватили ряд городов и местечек Правобережья (Жаботин, Смелу, Черкасы, Корсунь, Богуслав, Лысянку, Умань и др.); повсюду их силы умножались присоединявшимися крестьянами и казаками. В частности, под Уманью на сторону повстанцев перешел целый отряд дворовых казаков князя Потоцкого под командованием сотника Ивана Гонты. Одновременно в различных местах Правобережья действовали также другие отряды повстанцев, которыми руководили Яков Швачка, Иван Бондаренко, Семен Неживой и др. Колинщина входит в число так называемых гайдамацких восстаний украинского народа против польско-шляхетского гнета, которые непрерывно, одно за другим, возникали на протяжении почти всего XVIII века (самое название «гайдамаки» возникло в двадцатых годах XVIII столетия), выделяясь значительностью и силой своего размаха. Этот размах колинщины очень быстро испугал царское правительство, которое поручило своим войскам борьбу с повстанцами — из опасения, что восстание против помещиков может перебраться на территорию России. «Гайдамаки» посвящены Василию Ивановичу Григоровичу (1786—1865), конференц-секретарю Академии художеств. Дата посвящения имеет в виду роль Григоровича в деле освобождения поэта от крепостной неволи. О роли этой Шевченко писал в автобиографии так: «В 1837 году И. М. Сошенко представил его <...> В. И. Григоровичу с целью свободить его от горестного состояния. В. И. Григорович просил о нем В. А. Жуковского...» Подробно об этом рассказывается в повести «Художник». *Тма, мня знаю, а оксю Не знаю доньке.* — Имеется в виду слоговое обучение грамоте по старым церковнославянским букварям. Оксия — название ударения в церковнославянской азбуке. *Есть у меня батько славный.* — Здесь и ниже поэт имеет в виду Григоровича. *Не Ян Собеский, Не Стенан Баторий.* — Положительная оценка деятельности польских королей Стефана Батория (1576—1587) и Яна Собеского (1674—1697) обусловлена бывшими в распоряжении Шевченко польскими историческими материалами, в частности упомянутой в первом же примечании к поэме книгой Бандтке. *Короли сбегают.* — Намек на польского короля Генриха Валуа (1572—1575), убежавшего во Францию из-за своих разногласий с шляхтой. «*Nie rozwalam!*» — Все решения в польском сейме должны были быть приняты единогласно. Достаточно было заявления одного из участников о своем несогласии, чтобы решение считалось отвергнутым. *Да усеся Понятовский На престол в Варшаве.* — Станислав-Август

Понятовский — последний король в Польше (1764—1795). *На клич Пулавского и Паца* — имена руководителей конфедератского движения. Пац в Барской конфедерации участия не принимал и присоединился к движению позже. *«Еще Польска не згикела»* — начальные слова польского гимна, сочиненного в конце XVIII века. *Завтра ночью нож свящёный в Чигирине достану*. — Согласно народному преданию, в Мотронинском монастыре гайдамаки осыятили свое оружие на борьбу с врагами. *Отец строгий, будь мать, когда расстанет Вас за книжкой этой, тут греха не оберешься*. — Имеются в виду суждения отдельных читателей о «непристойности» некоторых сцен в «Гайдамаках»; с суждениями этими Шевченко столкнулся еще до появления поэмы в свет. Ср. в письме к Г. С. Тарновскому, 26 марта 1842 года: «Я слышал, что у вас есть молодые девушки. Пожалуйста, не давайте им и не показывайте моих «Гайдамаков», потому что в них много такого, что самому даже стыдно. Пускай подождут немного, я пришлю им «Черницу Марьяву», к пасхе думаю напечатать. Это уже будет не возмутительное» (перевод с украинского). *И темень в хате наступила*. — Сам Шевченко, в примечании к этому эпизоду, отметил его анахронизмичность. Последняя, однако, не ограничивается иным, нежели в действительности, временем года: в основу эпизода положен случай, происшедший в 1766 году в Млечеве. Ктитор Данило Кушнир был замучен шляхтичами за то, что, выполняя волю односельчан, спрятал церковные ценности, которые должны были быть отобраны для униатской церкви. *Праздник в Чигирине*. — Весь этот эпизод, также целиком основанный на народных преданиях, не соответствует исторической действительности. Гайдамаки начали свой поход из Мотронинского монастыря; ср. также ниже примечание к стихотворению «Холодный яр». *В ночь под праздник Маковая, как ножи святили*. — «Праздник Маковая» (Маккавеев) — 1 августа ст. ст. Народная память перенесла на этот день события, происшедшие 18 мая 1763 года, в праздник троицы, храмовый праздник Мотронинского монастыря. *Летит орел, летит сизый*. — Песня Кобзаря получила широкую известность отчасти благодаря музыке Н. В. Лысенко, который ввел эту песню в оперу «Тарас Бульба». *Пиши Галайдою*. — Гайдамаки переняли старый запорожский обычай давать прозвища присоединявшимся к ним крестьянам. *Вот копейка — знак имею*. — Народные предания утверждали, что русские деньги — копейка — служили гайдамакам знаком, посредством которого они узнавали друг друга. *Ой, гоп-гопак*. — На слова этой песни написана музыка М. П. Мусоргским («Гопак»). *Загоняйте квочку в бочку, а цыпляток в вершу*. — Здесь и далее поэтом использованы шуточные народные песни непристойного содержания; точки обозначают строчки, неудобные в цензурном отношении. *«Зарейбай, мама, жар, жар»* — подлинная свадебная песня. *«Исайя, ликуй»* — церковное песнопение во время свадебного обряда. *Проходят дни, проходит лето*. — Эти и следующие строчки дают неверное представление о продолжительности восстания; в действительности оно продолжалось менее двух месяцев, — 9 июня ст. ст. гайдамаки взяли Умань, а 27 июня царскими войсками были схвачены Зализняк и Гонта. *Католичка вас на свет родила*. — Как видно из примечания Шевченко, он изложил весь этот эпизод согласно народным преданиям. У Гонты был только один сын; в других на-

родных преданиях рассказывалось о том, что сын этот предполагал выступить мстителем за отца. *Где Гонта когда-то с Максимом гулял.* — Родные места Шевченко находились в самом центре бывлой колливищины; в частности, упоминаются в поэме родные села поэта Кирилловка и Лысянка. *Дед еще гуляет, а батько в гробу.* — Дед поэта, Иван Андреевич Швец, родился в середине 50-х годов XVIII века и, таким образом, был живым свидетелем колливищины. Его рассказы и послужили поэту основным источником. Отец поэта, Григорий Иванович Шевченко, умер в 1825 году.

«Ветер вее, повеваает» («Вітер з гаєм розмовля»). Впервые — «Вестник Европы», 1909, № 5, стр. 195—196. Поэт предназначал это стихотворение для второго выпуска украинского альманаха «Сніп» («Сноп»), не увидевшего света; автограф стихотворения сохранился в архиве издателя альманаха, А. А. Корсуна. Русский перевод Г. Литвака — «Красное знамя», 1938, № 224, 6 октября.

Марьяна-черница (Мар'яна-черниця). Впервые — по черновым отрывкам, «Основа», 1861, кн. IX, стр. 1—12; по белой рукописи (незаконченной) — «Записки історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук», т. IV, 1924. Первые 14 строк посвящения были напечатаны в «Основе», 1861, кн. 3, стр. 4 как отдельное стихотворение, и в таком виде перепечатывались вплоть до 1924 года. Поэма предназначалась поэтом для альманаха «Сніп»; посылая рукопись А. А. Корсуну, Шевченко писал: «Так начинается моя «Черница», — а что дальше будет, я и сам не знаю. Кажется, и трубки не курю, а клочки бумаги, на которых была написана «Черница», затерялись, — нужно будет сочинять наново. А пока это случится, напечатайте хотя то, что есть» (перевод с украинского). Поэма осталась незаконченной. Русский перевод поэмы Н. А. Чмырева — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 1—14; вступление Ивана Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 8. Поэма посвящена подруге детских лет поэта, крепостной девушке Оксане Коваленко; о ней, об ее позднейшей судьбе, близко похожей на судьбу «покрыток», печальных героинь ряда шевченковских поэм и стихотворений, он рассказал впоследствии в стихотворениях «Мы вместе некогда росли», «Три года», «Не молилась мать за сына», NN («Тогда мне лет тринадцать было»). *Кому ты любила «Петруся» певать* — имеется в виду народная песня «Люблю, мамо, Петруся» (см. о ней также запись в Дневнике поэта, 19 июля 1857 года). *Вылитый сынок Катруси!* — т. е. Катерины, из одноименной поэмы Шевченко. Упоминание в главе II о *поэзжанах* (укр. «придані», т. е. участники свадебного обряда, доставлявшие ново-брачную в дом ее мужа) и шуточные песни, обычно распевавшиеся в конце обряда, когда молодых уведили спать в «комору». — одна из крайне редких, единичных у Шевченко бытовых неточностей: по смыслу поэмы речь идет не о свадьбе, но лишь о сватовстве богато старика к Марьяне. Сюжет незаконченной поэмы поддается прилизательной реконструкции. Намерение Петруся «найти свою долю» в боях с врагами родины позволяет думать, что поэт предполагал в дальнейшем рассказать о судьбе своего героя — его плене, ослеп-

лении, возвращении на родину не сотником, а оборванным кобзарем (тождественность кобзаря с Петрусем подтверждается рядом его намеков в сохранившемся тексте): эта часть замысла впоследствии была осуществлена в ином сюжетном варианте в поэме «Слепой» (см. ниже). Название поэмы, в свою очередь, подсказывает предположение о том, что Марьяна, отчаявшись дожидаться своего милого и не чувствуя в себе силы противиться навязываемому ей браку, губит свою жизнь в монастыре, монахиней.

Утопленница (Утопленица). Впервые — альманах «Молодик», кн. II, Харьков, 1843, стр. 114—121. Русский перевод Вс. Крестовского — «Кобзарь Т. Шевченко в переводах русских поэтов», СПб., 1860, стр. 31—38. Посылая балладу, вместе с еще несколькими стихотворениями, Г. Ф. Квитке (принимавшему участие в подготовке альманаха), поэт писал: «Простите, отец мой, что нашлось, то и посылаю, а Ганнусю сегодня наспех сочинил, да и сам не знаю, хорошо или нет. Посмотрите вы на нее хорошенько и скажите самую правду. Если увидите, что она очень бесстыдна (так, по крайней мере, мне кажется), то не отлавайте в печать. Пускай идет откуда взялась» (8 декабря 1841; перевод с украинского). Упоминание о «бесстыдности» баллады могло быть вызвано сценой купания матери с дочерью. Квитке, однако, стихотворение поправилась; см. его ответное письмо Шевченко 29 апреля 1842 года.

Гамалия (Гамалия). Впервые — отдельной книжечкой: «Гамалия, соч. Шевченки», Сиб., 1844 (цензурное разрешение — 7 марта 1843 года). Написана поэма была осенью 1842 года, во время неудачной попытки Шевченко уехать за границу. 18 ноября 1842 года он писал об этом одному из знакомых (Ф. Н. Королеву): «Позавчера возвратился в Петербург, — носил меня распреклятый пароход в Швецию и Данию. По дороге в Стокгольм я сочинил «Гамалию», небольшую поэму. Да так расхворался, что еле привезли меня в Ренель, там немножко оправился...» (перевод с украинского). Русский перевод Н. Берга — «Кобзарь Т. Шевченко в переводах русских поэтов», СПб., 1860, стр. 67—74. Поэма воспроизводит исторически верную картину одного из тех казацких набегов на Стамбул, о которых неоднократно упоминают казачьи летописи, народные предания, думы и исторические песни. Начало поэмы является для своего времени совершенно новаторским подражанием народному песнетворчеству. Существенно в этой связи отметить, что за несколько месяцев до написания «Гамалии» поэт ст. упомянутого выше Ф. Н. Королева получил «Запорожскую старину» И. И. Срезневского, сборник исторических украинских дум, песен и преданий. Под свежим впечатлением этого сборника Шевченко писал Королеву: «Хорошая книжка, спасибо вам со Срезневским. Я думаю нечто с нею сделать, если здоров буду, — там, видите ли, есть много такого, что только губы оближешь» (22 мая 1842 года; перевод с украинского). Поэма подверглась существенной доработке в феврале 1844 года, после знакомства поэта с О. М. Бодянским, ученым историком и фольклористом, отличным знатоком исторического прошлого Украины. К сожалению, никаких следов этой доработки не сохранилось; из письма Шевченко к Бодянскому 13 мая 1844 года

является, что в отсутствие Шевченко (во время его поездки на Украину) поэма была напечатана в первоначальном виде. *Гомалия*. — Поэт использовал часто встречающееся в казачьих летописях имя, однако стремился дать не иллюстрацию одного какого-либо похода, но обобщенную картину. *Лишь мелькают шлыкы*. — Шлык — цветной (чаще всего красного бархата) верх казачьей меховой шапки. *Скутари* — часть Стамбула, на азиатском берегу Босфора, с крепостной тюрьмой, в которой содержались пленные. *Великий Луг* — так называлась низменность по левому берегу Днепра, входившая в состав владений Запорожской Сечи. *Гамалия дубом управляет*. — Дубами назывались казачьи веселые лодки, делавшиеся из выдолбленного цельного ствола дерева. *Монах* — так Шевченко, вслед за народными преданиями, называет гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, не раз возглавлявшего казачьи походы в Турцию. Исторический Сагайдачный, однако, монахом не был. Он умер от ран, полученных в бою.

Сова (Сова). Впервые — в журнале «*Нова громада*», 1906, № 10, стр. 60—67. Однако современникам поэма была известна в рукописи. В частности, знала ее (возможно, от самого Шевченко) В. Н. Репнина; упомянув в письме к поэту 20 декабря 1844 года об одном из его почитателей, А. Лизогубе, она просила: «Обрадуйте его и всех любителей малороссийского языка вашей «Совой». Русский перевод В. Уманова-Каплуновского — «*Мир*», 1909, № 21—24, стр. 13—14. *Хлопцам-рекрутам колодки на ноги надели*. — Во времена Шевченко отданных в рекруты крестьян заковывали в цепи во избежание побегов. Это укрепляло в народных массах взгляд на солдатчину как на своеобразное наказание, в особенности для бедняков. Об этом писал впоследствии В. И. Ленин: «Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. <...> Крестьянина отдавали в солдаты как в долготлетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п.» (Соч., т. 4, стр. 389—390)

Девичьи ночи (Дівичі ночі). Впервые — в журнале «*Нова громада*», 1906, № 10, стр. 67—68. Русский перевод И. А. Белоусова — «*Кобзарь* в переводе И. А. Белоусова», М., 1911.

Сон (Сон) («У всякого своя доля»). Впервые — отдельной брошюрой «*Сон. Поема*», Львів, 1865. Русские переводы: М. Славинского — «*Кобзарь*», ред. М. Славинского (СПб., 1911), стр. 77—81 (в сильно урезанном виде); без цензурных сокращений — Ив. Белоусова — «*Запретный Кобзарь*», М., 1918, стр. 3—9; А. Колтоновского — «*Кобзарь, избранные стихотворения*», ГИХЛ, 1933, стр. 30—46. На протяжении многих лет, вплоть до революции 1905 года, поэма в царской России была настрою запрещена, однако имела широкое распространение в многочисленных списках. Подзаголовок поэмы — «*Комедия*» — предназначен не столько определить жанр произведения, сколько, по аналогии с «*Божественной комедией*» Данте, направить мысль читателя в сторону обобщенного истолкования данных в поэме картин и зарисовок. На эту цель указывает также эпиграф поэмы, который в переводе с церковнославянского обозначает: «Дух истины,

который мир не может принять, так как не видит и не знает его». *Это ты и есть богиня?* — Имеются в виду многочисленные восхваления поэтами «неземной» красоты и грации жены Николая I, императрицы Александры Федоровны. Ср., например, «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук» В. А. Жуковского; в последнем стихотворении читаем:

Так пролетела здесь, блистая
Востока пламенным венцом,
Богиня песней молодая
На паланкине золотом.

При всей своей сатирической заостренности, портрет императрицы, данный в «Сне», ближе соответствовал оригиналу, нежели восторженные восхваления, подобные только что приведенному. *Как дурак бумаге верил и лакейским перьям виршеплетов.* — О лакействе некоторых поэтов перед Николаем и его приближенными дает представление, например, книжка В. Н. Олина «Картина восьмилетия России с 1825—1834 г.» (СПб., 1833) — «похвальное слово нынешнему царствованию», в которой «автор называл Николая I богом» (см. Дневник А. В. Никитенко, т. I. СПб., 1905). *А за рекою высокая башня острая, ну, словно шило* — Петропавловская крепость в Петербурге. *Медный конь над камнем на дыбы взметнулся* — известный памятник Петру I на Сенатской площади, с надписью, которую цитирует Шевченко: «Первому — Вторая». *Этот — Первый, распинал он нашу Украину.* — Петр I щедро раздавал своим приближенным земли на Украине, требуя взамен отправления казаков на строительные работы, в частности на строительство Петербурга; ср. ниже: «Засыпал трясины благородными костями!» *А Вторая доконала вдову-сиротину.* — Екатерина II закрепила крестьянство на Украине (3 мая 1783 года), «одним росчерком пера превратив в крепостные четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь завоеванных западных и южных областях» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 537). В 1775 году она уничтожила также Запорожскую Сечь. *Полки выступали на линию с заступами.* — «Линией» в XVII—XVIII веках называлась укрепленная южная граница русского государства; Шевченко имеет в виду большие работы по копанью рвов и насыпке валов, производившиеся казачьими полками по приказу Петра. *Умер я, голодной смертью тобою замучен в кандалах* — подразумевается гетман Павло Полуботок, настойчиво добивавшийся у Петра I расширения гетманских прав, сильно ограниченных после измены Мазепы, и уничтожения специально организованной в Москве «Малороссийской коллегии». За свои домогательства Полуботок был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер (1724). После его смерти создалась легенда о нем как о замученном борце за украинский народ. Легенду эту использует в данном случае и Шевченко. *Вылез Медведь из берлоги.* — Эту выразительную характеристику Николая I Шевченко позднее позторит в Дневнике; рассказав о посещении Эрмитажа, он 31 марта 1858 года замечает, что «в этом великолепном храме искусств сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобобываемого дрессированного медведя».

«В воскресенье не гуляла» («У неділю не гуляла»). Впервые — альманах «Луна», ч. I, Киев, 1881, стр. 3—6. В стихотворении широко использованы мотивы чумацкого фольклора, например песни «Смерть чумака в дороге», «Смерть чумака и милая — кукушка» и др.

«Что же мне так тяжело?» («Чого мені тяжко»). Впервые — «Основа», 1861, кн. 3, стр. 4. Русские переводы: Н. А. Чмырева — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 162; Л. Н. Трефолева — «Будильник», 1878, № 21; С. Д. Дрожжина — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«За чаруй меня, волшебник» («Заворожи мені, волхве»). Впервые — «Основа», 1861, кн. I, стр. 6. Русский перевод И. Белоусова — «Искра», 1906, № 9, стр. 55. В автографе стихотворение не имеет ни заглавия, ни посвящения. В первой публикации оно называлось «Пустка» (т. е. нежилая, заброшенная хата) и было снабжено посвящением М. С. Щепкину. Последнее вызвано тем, что во время ссылки поэта Щепкин не раз читал это стихотворение многочисленным знакомым, не скрывая дружеских своих отношений с ссылкой. Об одном из таких чтений упоминает Шевченко в Дневнике: «В. Н. Погожев пишет из Владимира, что он на днях виделся в Москве с М. С. Щепкиным и что он ему читал наизусть какую-то мою «Пустку». Совершенно не помню этой вещи. А слышу об ней уже не в первый раз» (10 февраля 1858 года).

Гоголю (Гоголю). Впервые — в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», Лейпциг, 1859, стр. 22—23. Русские переводы: В. Уманова-Каплуновского — «Наблюдатель», 1900, № 7, стр. 105—106; С. Дрожжина — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900; без цензурных урезок — И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1919, стр. 129. Обращение Шевченко к творчеству Гоголя следует связывать с петербургскими гастролями Щепкина осенью 1844 года. Белинский в театральном обзоре, помещенном в ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1844 год, писал, что появление Щепкина на сцене Александринского театра — событие весьма важное и в области искусства и в сфере общественного понятия об искусстве» (Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под ред. С. А. Венгерова, т. IX, СПб., 1910, стр. 70). В этом своем обзоре, как равно и в предыдущем («Отечественные записки», 1844, № 10), Белинский особенно отмечал заслугу Щепкина в деле пропаганды драматургии Гоголя. «Публика Александринского театра, — писал он, — благодаря Щепкину, наконец взяла в толк, что «Женитьба» Гоголя — не грубый фарс, а исполненная истины и художественно воспроизведенная картина нравов петербургского общества средней руки» (там же, стр. 39). В стихотворении Шевченко рассыпаны намеки также на повествовательное творчество Гоголя («Тарас Бульба»), на свойственный Гоголю, по известной характеристике Белинского, «смех сквозь слезы».

«Не завидуй богатому» («Не завидуй багатому»). Впервые — «Основа», 1861, кн. III, стр. 2. Русский перевод Н. М. <изко> — «Дон», 1871, № 63, 26 августа.

«Не женись ты на богатой» («Не женися на багатій»). Впервые — «Основа», 1861, кн. III, стр. 2. Русский перевод Н. М. <изко> — «Дон», 1871, № 63, 26 августа. Оба стихотворения, написанные в один день, являются вариациями одной и той же мысли. Подобные вариации не раз встречаются в поэтическом наследии Шевченко: ср. «Молитвы», «Плач Ярославны» и др.

Еретик (Єретик). Впервые — «Основа», 1861, кн. I, стр. 2—4 (вступление «Послание славному П. И. Шафарику»); отрывки из поэмы — «Основа», 1861, кн. VIII, стр. 15—16; «Правда», 1873, № 16; «Кобзарь», 1876, т. II. Полностью — «Былое», 1906, № 6, стр. 1—5. Русские переводы: Н. М. <изко> — «Дон», 1871, № 61, 19 августа (отрывок — первые 36 строк); М. Славинского — «Кобзарь», под ред. М. Славинского, СПб., 1911, стр. 84—88 (с пропусками); Ив. Белоусова — «Кобзарь» в переводе И. А. Белоусова, М., 1919, стр. 130—140. Судьба рукописи «Еретика» весьма показательна. Переписанная поэтом набело в альбом «Три года» («Три літа») поэма, после ареста Шевченко, попала в III отделение и, хотя не привлекла к себе специального внимания жанлармских следователей, однако была «приобщена к делу». Возвращаясь из ссылки, Шевченко, в частности, очень интересовался судьбой «Еретика», надеясь, что случайный список поэмы мог сохраниться у кого-либо из знакомых, в свое время читавших ее. Он просил, например, П. Кулиша отыскать ее: «Хорошо было бы, если бы нашел, очень будет жалко, если пропадет», — писал он 5 декабря 1857 года (перевод с украинского). Не обнаружив у общих знакомых рукописи поэмы, Кулиш настойчиво уговаривал Шевченко написать поэму заново. «Там было бы тебе где разгуляться, — писал он, — а панство такая никчемность, что унижай его сколько угодно, — каждый спасибо скажет. Здесь же у тебя под боком и рыцарство, и вассалы, и славяне с немцами, и богатое еврейство — широкая выйдет поэма». Пытаясь увлечь Шевченко возобновлением работы над «Еретиком», Кулиш стремился отвлечь поэта от политической поэзии (только что были написаны «Неофиты», испугавшие Кулиша своей очевидной злободневностью и давшие повод к обмену резкими письмами с Шевченко) либо, по крайней мере, направить ее в более безопасное русло изображения давних исторических событий и отношений. Во всяком случае, Шевченко он не убедил. Проездом в Москве, в марте 1858 года, поэту удалось обнаружить список части поэмы, и это побудило его продолжать поиски второй половины, «потому что без нее я ничего не поделаю» (письмо к М. А. Максимовичу, 5 апреля 1858 года; перевод с украинского). Ф. Г. Лебединцев позднее вспоминал, что в бытность Шевченко в Киеве, летом 1859 года, «просил он меня поискать, не найдется ли где в Киеве списка его поэмы «Иван Гус» <второе название поэмы>». Однако все поиски оставались безрезультатными, вплоть до 1906 года, когда революция на короткое время сделала доступным для исследователей архив III отделения. Благородная деятельность вождя чешского народа Яна Гуса

(1369—1415) интересовала Шевченко как одно из исторических свидетельств извечной народной борьбы с поработителями и угнетателями, в данном случае — борьбы чешского народа с политическим угнетением германских императоров и религиозным гнетом католического духовенства, во главе с папою. Еще до Гуса появлялись отдельные реформаторы из среды самого духовенства, по преимуществу его «плебейской части». «Будучи выходцами из рядов бюргерства и плебейства, они стояли, несмотря на свою принадлежность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XVIII, стр. 121). Однако подвергая критике основы вероучения католической церкви, все эти реформаторы крайне сбивчиво и туманно представляли себе положительную свою программу. В отличие от них Ян Гус явился, по характеристике историка-марксиста Зденека Нееды, «первым революционером своего времени». В противовес буржуазным ученым, усматривавшим в деятельности Гуса одно только религиозное реформаторство, З. Нееды, на основании тщательного и глубокого анализа исторических фактов, убедительно показал, что борьба с императором и папою, возглавлявшаяся чешским деятелем, была не столько религиозной борьбой, сколько, прежде всего, борьбой социальной: в церкви видел Гус величайшего эксплуататора широких народных масс. См. исследование З. Нееды «Гус и наше время» (Hus a na a doba». Прага, 1946). Его выводы удивительным образом перекликаются с тем представлением о личности Гуса и о его деятельности, какое дано в поэме Шевченко. Установлено, что едва ли не единственным источником исторических познаний поэта в данном вопросе была работа С. Палаузова «Иоанн Гус и его последователи» (М., 1845) (первоначально в «Отечественных записках», 1845, № 10), да, кроме того, возможно, устные рассказы и справки О. М. Бодянского. Однако и Палаузов и Бодянский не поднимались в своем понимании Гуса выше обычных в то время представлений о нем, как об исключительно религиозном реформаторе, который выделялся среди своих предшественников и современников лишь большею искренностью, душевной цельностью, нравственной чистотой и убежденностью. Между тем для Шевченко Гус — прежде всего народный вождь, а его борьба с сильными мира сего — борьба за права народа, за осуществление его чаяний. Это гениальное прозрение украинского поэта обеспечило «Еретика» почетную известность в сегодняшней народной Чехословакии: полностью и в отрывках поэма Шевченко много раз переводилась на чешский язык, вошла почти во все школьные хрестоматии и книги для народного чтения. Поэма посвящена Павлу Иосифу Шафарику (1795—1861), выдающемуся чешскому ученому и одному из идеологов национального освобождения чешского народа. С его деятельностью Шевченко также познакомился, вероятно, со сл. в Бодянского, который лично хорошо знал Шафарика и переписывался с ним. Характеристика Шафарика в «Послании» несколько идеализирует его личность и деятельность; в действительности общественно-политические взгляды Шафарика были весьма умеренны. *Сосчитал ты до едина — сосчитал лишь трупы.* — Имеется в виду книга Шафарика «Славянские древности» («Slovanské Starožitnosti», 1837), русский перевод которой (неполный) О. Бодянского вышел в

1837—1838 годах. В этой книге упоминались также славянские племена, прекратившие историческое свое существование под воздействием германской экспансии. *Константинский муж великий, правый*, т. е. сам Гус. В 1414 году в г. Констанце был созван церковный собор, потребовавший от Гуса явки для оправдания от обвинений в ереси. Несмотря на то, что личная неприкосновенность Гуса была при этом гарантирована императором, — по прибытии в Констанцу он был заточен в темницу, а затем, по приговору собора, сожжен (6 июля 1415 года) как «нераскаившийся еретик». *Он кровью, как в шинке, торжует, твой светлый рай сдает внаем!* — Имеется в виду широкая продажа католической церковью индульгенций — грамот, объявлявших «прощение божие» за всевозможные грехи. *Распандутся три короны высокою тиары*. — Папская тиара (головной убор) состояла из трех корон, посаженных одна на другую, — символ распространения власти папы на три известные в то время страны света (Европа, Азия, Африка). *Вифлсемская каплица* — пражская часовня, в которой проповедовал Гус. *Во имя господина Христа* и далее. — Весь этот эпизод является пересказом следующего эпизода в упомянутой выше работе С. Палаузова: «Случилось, что Иероним <один из ближайших последователей Гуса>, дабы показать свою ревность партии Гуса и презрение к католикам, подготовил одну женщину подозрительного поведения повесить себе на шею письменное отпущение папы и в сопровождении бесчисленного множества народа стал водить ее по улицам Праги. Потом торжественно сжег его. Католики были смеяны. Несколько молодых людей всенародно стали на церковные кафедры, проповедуя обман этого отпущения» (С. Палаузов. Иоанн Гус и его последователи. М., 1845, стр. 6). *Зашептались антипапы*. — Во время острых распрей внутри католической церкви (XIV—XV вв.) неоднократно бывали случаи, когда князья церкви, недовольные деятельностью папы, объявляли его низложенным и избирали нового. Папы, не признанные позднейшей церковной историей, и называются антипапами. *Уж гогочут гуси* — т. е. народные массы, во главе с последователями и сторонниками Гуса. *И кесаря и Вячеслава* — имеются в виду немецкий император Сигизмунд (1410—1437) и чешский король Вячеслав (1376—1400). «Te deum!» — т. е. «Te deum laudamus!» («Тебя, бога, хвалим!», начало католической молитвы). *Старый Жижка* — Ян Жижка (1360—1424), военный руководитель народной войны (так называемые «гуситские войны») против немецко-католического владычества, вспыхнувшей в Чехии вскоре после убийства Яна Гуса.

Слепой (Сліпий). Впервые — «Основа», 1861, кн. IV, стр. 1—20; 1862, кн. VI. Поэма существует в двух редакциях: обычно теперь публикуемая (по автографу, отобранному у поэта при аресте и сохранившемуся в архиве III отделения) редакция 1845 года сделалась известной только в 1906 году и, начиная с 1925 года, признается основной. По возвращении из ссылки Шевченко восстановил утраченный текст поэмы и значительно ее переработал, предполагая включить в сборник своих произведений; при этом поэт старался по возможности обезопасить поэму от цензуры, исключив или смягчив ряд «неудобных» мест в ней. В таком виде, под заглавием «Невольник», поэма и была напечатана в «Основе». Русский перевод

Н. А. Чмырева — в кн. «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 105—122. *Братство* — так обычно называлась школа, основанная в 1615 году при Богоявленском монастыре Киевским братством — религиозно-просветительной организацией, поддерживавшейся казачеством и цеховым мещанством. На протяжении XVII—XVIII веков киевская школа Братства, вместе с киевской же академией, была основным рассадником грамотности и просвещения на Украине. *Межигорский спас* — монастырь неподалеку от Киева, считавшийся «запорожским»; см. ниже примечание к поэме «Чернеп». *Почаев* — местечко на Волыни, известное с давних пор Почаевской лаврой, существовавшей с XIII века и привлекавшей своими «святынями» массу богомольцев-паломников. *В воскресенье ранним-рано...* — Дума, которую поет кобзарь Степан, справедливо считается одним из самых блестящих и проникновенных подражаний народному песенному творчеству во всей украинской литературе; не случайно дума эта давно уже вошла в репертуар народных кобзарей и сохраняется в нем вплоть до настоящего времени. Сам Шевченко очень высоко ценил народные думы и считал их высшими достижениями народной поэзии. Выпуская в 1861 году свой «Южно-русский букварь», он включил в него «Думу про Олексія-поповича» и «Думу про Марусю Богуславку», как произведения особенно близкие народу. Ср. такие упоминания в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали». *За Тендер прогуляться* — т. е. выйти в открытое море. Тендер — некогда остров, ныне — коса на Черном море, в Днепровском лимане. *Новой Сечью стали*. — Часть запорожцев, после разрушения Запорожской Сечи (1775), переселилась на Дунай, где основала так называемую Задунайскую Сечь; в 1828 году казаки, во главе со своим кошевым атаманом Гладким, возвратились обратно в Россию. *Как царица по Киеву с Нечосом гуляла...* — Здесь и дальше имеется в виду поездка Екатерины II на Украину и в Крым (1787). *Нечоса* — прозвище, данное запорожцами Потемкину. *Кирилл* — К. Разумовский, последний «гетман малороссійский» (1750—1764). *Пудрой посыпались* — т. е. надели придворные напудренные парики. *Головатый* — войсковой (т. е. войска запорожского) старшина Антон Головатый; после ликвидации Сечи перевел на службу в русскую армию, в конце 80-х годов XVIII века ему было поручено создать из бывших запорожцев особое казачье войско на Кубани как надежный заслон от нападений «немирных черкесов». Среди фольклорных записей Шевченко, до сих пор еще не опубликованных полностью, находится запись песни о переселении казаков на Кубань; авторство этой песни приписывалось самому Головатому. *И тихонько напевают...* — далее перечисляются названия нескольких исторических украинских песен. *Про славу Максима* — Максим Зализняк, один из руководителей колинвщны (см. выше, примечания к «Гайдамакам»).

Работница (Наймичка). Впервые — «Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш», т. II, СПб., 1857, стр. 149—168. Так как Шевченко в это время еще находился в ссылке, то имя поэта в этой публикации не было названо. В «Предисловии издателя» Кулиш (оберегая, конечно, не только Шевченко, но всего более самого себя) сочинил целый рассказ о том, что, мол, «в затасканном и весь-

ма неправильно испеченном альбоме какой-то уединенной мечтательницы, а может быть и веселой подружки целого общества сельских красавиц, я нашел поэму, о которой до сих пор не слышал ни от кого ни слова. Имя автора в ней не означено, и я даже не знаю, кто бы мог быть ее автором» (стр. 147). Высказав затем ряд общих, неумеренно восторженных похвал печатаемой поэме, Кулиш — в целях все той же маскировки — продолжал: «И такое произведение скрывается, может быть, в единственном списке, в тетради какой-то хуторской барышни! и сам его автор, может быть, уже не существует; может быть, мы уже не услышим других его звуков, других его задушевных мотивов! Помещая в своем сборнике его поэму, я далек от посягательства на чужую собственность; напротив, думаю, что оказываю услугу как ему самому, так и его землякам, для которых писал он и которых сердца, созвучившиеся между собой волшебной силой его стиха, будут для него лучшей наградою» (стр. 148). При самом своем появлении поэма обратила на себя внимание критики. А. Н. Пыпин в «Современнике» заявил, что в «чисто литературном отделе «Записок» первое место, «без сомнения», принадлежит «Наймичке», «поэме неназванного автора», «Поэма действительно хороша, — продолжал критик, — теплота чувства, разлитая в стихотворении, легкость и разнообразие оригинального стиха напоминают, конечно, любителям малорусской поэзии другие прекрасные произведения, с которыми «Наймичка», по нашему мнению, может быть поставлена совершенно наряду» («Современник», 1857, № 5, отд. III). Последние слова этого отзыва, не привлекаявшего до сих пор к себе внимания исследователей, убедительно показывают, что анонимность поэмы не помешала редакции «Современника» разгадать имя действительного ее автора. Очень теплые отзывы о поэме Шевченко дали также Н. И. Костомаров («Отечественные записки», 1857, № 9, отд. «Критика») и Н. А. Ригельман («Русская беседа», 1857, № 4, отд. «Критика»). Подобно Пыпину оба критика пытались, каждый по-своему, подсказать читателям имя действительного автора поэмы. Костомаров выражал пожелание, чтобы «стих этого поэта без имени прозвучал для нас не в последний раз», а Ригельман, упомянув о высокомастерстве поэмы, недвусмысленно намекнул: «В этом отношении автор стоит далеко выше малороссийских поэтов-писателей прошлого времени (конечно, за исключением творений Кобзаря)». Русские переводы: Л. Мея — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 111—138; А. Плещеева — «Современник», 1860, № 4, отд. I, стр. 457—472.

Кавказ (Кавказ). Впервые — в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», Лейпциг, 1859, стр. 7—13. Русские переводы: И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911; М. Славинского — «Кобзарь», ред. М. Славинского, СПб., 1911, стр. 113—115. Поэма посвящена Якову Петровичу де Бальмену (1813—1845), офицеру по профессии и художнику по призванию. Последнее обстоятельство способствовало сближению с ним Шевченко — в 1843 году, во время странствований поэта по Украине, где де Бальмен проводил свой отпуск. Де Бальмену принадлежит ряд иллюстраций к произведениям Шевченко, до сих пор не изданных полностью. В 1845 году де Бальмен был убит во время так называемой

даргинской экспедиции. Поэма быстро распространилась в списках; один из них лег в основу первопечатного текста. Отдельные выражения поэмы сделались распространенными поговорками, особенно строки:

От молдаванина до фіна
На всіх языках все мовчить,
Бо благоденствуйе!

Эти строки использовал Чернышевский в заключительных абзацах статьи «Национальная бестактность» («Современник», 1861, № 7), вычеркнутых цензором и опубликованных лишь в 1932 году. «Нашим русским малороссам, — писал он, — даны все права и выгоды, каких только когда-либо желали они. Их обидеть не может теперь никакое племя. Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1950, стр. 793). *Царь свиной когда-то нас, с женой приятеля спознался, убил его, а как скончался, так в рай покат.* — Поэт имеет в виду рассказанную в Библии историю царя Давида, который отобрал у своего военачальника Урия жену, Вирсавию, а самого Урия послал на войну, где тот и был убит. Позднее Шевченко воспользовался этим же библейским сказанием для разоблачения самого существа царской власти, связанных с нею произвола, жестокости и насилия («Цари», отчасти «Саул»).

И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим (І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм). Впервые — в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки», Лейпциг, 1859, стр. 24—34. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, СПб., 1906, стр. 158—164. *Да куций немец осторожный.* — Ср. у Голя: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец» («Ночь перед рождеством»). *Ян Коллар* (1793—1852), *Павел Иосиф Шафарик* (см. выше, примечания к «Еретнику»), *Вацлав Ганка* (1791—1861) — деятели чешского национально-освободительного движения, идеологи культурно-политического сближения славянских народов между собою. *Бругы.* — Имя Марка Юния Брута, убитого Юлием Цезарем, несмотря на дружеские прежде отношения с ним, сделалось нарицательным для характеристики страстных и принципиальных сторонников республиканского строя. *Коклеса* — имеется в виду Публий Гораций Коклес, по преданию, один оборонявший Сублициев мост в Риме от нападения этрусков, несших гибель римской республике. *А на Сечи мудрый немец вырастил картошку* — намек на заселение украинских степей выходцами из стран Западной Европы, начавшееся со времен Екатерины II.

Холодный Яр (Холодный Яр). Впервые — в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки», Лейпциг, 1859, стр. 14—17. Русский перевод А. П. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 119—120. Стихотворение написано в связи с выходом клеветни-

ческой по отношению к украинскому народу книги А. А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII ст. (1738—1768)» (Одесса, 1845). Скальковский — реакционер, видный чиновник канцелярии новороссийского генерал-губернатора — писал о гайдамаках с яростной ненавистью, не находя достаточно бранных слов для того, чтобы их очернить; Шевченко совершенно точно цитирует некоторые из эпитетов, которыми Скальковский наделяет гайдамаков. *Холодный Яр* — лес неподалеку от Чигирина и Мотронинского монастыря («Монастыря Мотроны»); в нем собирались крестьяне — участники восстания 1768 года.

Давидовы псалмы (Давидові псалми). Впервые — «Кобзарь» 1860 года, стр. 223—244: три псалма (12, 53, 132) напечатал Кулиш в своей «Грамматке», СПб., 1857, стр. 41—43. Русские переводы: И. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911; А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911.

Маленькой Марьяне (Маленькій Мар'яні). Впервые — «Нова громада», 1906, № 10, стр. 68—69. Русский перевод И. Белоусова — «Искра», 1907, № 9. К кому обращено стихотворение — неизвестно.

«Проходят дни, проходят ночи» («Минають дні, минають ночі»). Впервые — «Основа», 1861, кн. III, стр. 1—2. Русский перевод А. Н. Плещеева — «Современник», 1858, № 10, отд. I (перевод сделан с рукописи).

Три года (Три літа). Впервые — «Нова громада», 1906, № 10, стр. 69—72. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. Название стихотворения Шевченко распространил на весь цикл произведений, написанных в 1843—1845 годах и составивших отдельную объемистую тетрадь, отобранную у поэта при аресте; настоящее стихотворение, заключая цикл, одновременно подводило итог настроениям, владевшим поэтом в продолжение переломных для него в идейном отношении «трех лет». Об этих настроениях можно судить также по письмам Шевченко того времени и по более поздним его показаниям на допросе в III отделении. Так, В. Н. Репниной поэт писал: «Я, как мастер, выученный не горем, а чем-то страшнее, рассказываю себя людям, но рассказать вам то чувство, которым я теперь живу, все мое горе — мастерство бессильно и ничтожно» (конец ноября 1843 года). А 21 апреля 1847 года, отвечая на «вопросные пункты» жандармских следователей, Шевченко писал, что, «возвратясь в Малороссию» (в 1843 году, после почти двенадцати лет отсутствия), он «увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, помещиками и экономам-шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства». *Высушило дымом слезы* — далее поэт вспоминает ряд своих ранних произведений: «Катерина», «Иван Подкова», «Гамалия», «Марьяна-чернища».

Завещание (Заповіт). Впервые — в книжке «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко», Лейпциг, 1859, стр. 18, под за-

главнем «Думка». В «Кобзарь» 1867 года получило — на основании рьяла списков, из которых часть была просмотрена поэтом, — название «Заповіт», утвержденное затем многолетней традицией. В автографах поэта стихотворение не имеет заглавия. Начиная с 1863 года («Воскресный досуг», 1863, № 12) не раз переводились первые 8 строк (Н. В. Гербель, Н. Д. Мизко, Н. А. Чмырев, И. А. Бунин, П. Грабовский и др.); полностью стихотворение переведено А. Колтоновским — «Кобзарь», СПб., 1911. Стихотворение много раз клалось на музыку (Н. В. Лысенко, К. Стеценко, Я. Степовый, В. Заремба и др.); особенной популярностью пользуется музыка Г. П. Гладкого для смешанного хора, написанная в конце 60-х годов.

Л и л е я (Лілея). Впервые — «Слово», Львов, 1862, № 16, Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 88—89. Эту поэму, вместе с написанными в августе 1846 года «Русалкой» и в марте 1847 года «Осиной» (впоследствии «Ведьмой»), Шевченко предполагал издать отдельной книжкой как второй выпуск «Кобзаря» (см. вступительную статью).

Русалка (Русалка). Впервые — «Вечорниці» (Львов), 1862, № 22. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

Ведьма (Відьма). Впервые — «Вечорниці», 1862, № 16, стр. 121—122; № 17, стр. 129—130; № 18, стр. 137—138. Русский перевод Н. Пушкарева — «Московское обозрение», 1878, № 14—19. Написанная первоначально перед самым арестом Шевченко, 7 марта 1847 года, поэма носила название «Осина» («Осинка»). Заглавие это разъяснялось в первых строках поэмы, впоследствии отброшенных автором, — в распространенном сравнении осины, проклятого, но фольклорным представлениям, дерева с судьбою отверженной людьми несчастной героини поэмы, «ведьмы». Осенью 1857 года, дожидаясь в Нижнем-Новгороде разрешения поселиться в Петербурге, Шевченко получил от приятелей рукописи многих своих произведений и исподволь занялся их правкой, «приведением в порядок». В частности, 4—6 марта 1858 года он усердно занимался переработкой «Осины», которая получила теперь название «Ведьма».

В каземате.

«Припомним, братия моя» («Згадайте, братія моя»). Впервые — «Основа», 1862, кн. III, стр. 1. Стихотворение написано уже в Орской крепости, повидимому во второй половине 1847 года. В 1858 году, готовя свои произведения для печати, Шевченко, нарушив хронологическую последовательность, открыл этим стихотворением «казематный» цикл, посвященный «моим союзникам», т. е. киевским знакомым и товарищам поэта, привлеченным вместе с ним по делу «Украинно-славянского» (по официальной терминологии) или «Кирилло-мефодиевского» (по традиционному обозначению) общества. *А его забудьте, други* — имеется в виду студент Киевского университета А. М. Петров, донесший киевским властям о существовании тайного общества и его участниках. *И мня в не-*

воле лютой порой вспоминайте. — Говоря о «неволе», поэт распространял на товарищей собственную тяжелую судьбу. В действительности почти все участники Кирилло-мещорднейского общества отделились более или менее коротким заключением, после которого были отправлены в различные губернские города и определены на службу. Только Н. И. Гулак, занимавший в обществе революционную позицию, отказавшийся отвечать на вопросы следственной комиссии III отделения и свидетельствовать против своих товарищей, был осужден к трехлетнему заключению в Шлиссельбургской крепости; затем он был выслан в отдаленные губернии.

I. «Ой, одна я, одна» («Ой, одна я, одна»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 3, стр. 151. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1869, стр. 286. Этим стихотворением открывается в рукописях Шевченко цикл, названный им «В каземате»; цикл объединяет тринадцать стихотворений, написанных поэтом во время заключения в III отделении, с 17 апреля до 30 мая 1847 года («Ой, одна я, одна», «За байраком байрак», «Мені однаково», «Не килай матері», «Чого ти ходиш на могилу?», «Ой, три шляхи», «Н. Костомарову», «Садок вишневий коло хати», «Не спалося, — а ніч, як море», «Рано вранці новобранці», «В неволі тяжко», «Чи ми ще зійдемося знову», «По-над полем іде»). Вписаны (в первую «захалавную» книжечку; см. ниже) все эти стихотворения были позже, уже в ссылке, а объединены в цикл при переписке набело в 1858 году. При этом Шевченко, по неизвестным причинам, не включил в цикл стихотворения «Не спалося».

II. «Лес, овраг, буерак» («За байраком байрак»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 385—386. Русский перевод Ив. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, СПб., 1906, стр. 192—193. Используя в стихотворении один из распространенных в украинской романтической поэзии образ — старого казака (гетмана, бандуриста), сравнивающего идеализированное прошлое Украины с ее настоящим («Козак та буря», «Гетьман», «Козача смерть» А. Метлинского, «Могила» Н. Костомарова и др.), — Шевченко совершенно переосмысляет его. Казак выходит из могилы отнюдь не для того, чтобы прославить героические дела прошлого, — его, изменника, не принимает земля, так как он, в свое время, по приказу гетмана, гнал, «как стадо», украинских крестьян в неволю к крымскому хану, безжалостно проливая братскую кровь. В данном случае имеется в виду гетман Петр Дорошенко (1665—1676), который действительно, по договору с крымским ханом, выдал ему в рабство многие тысячи украинских казаков и мирных крестьян.

III. «Мне безразлично, жить я буду» («Мені однаково»). Впервые — «Мста» (Львов), 1863, № 4, стр. 272—273. Русский перевод Н. Пушкирева — «Кобзарь в переводе русских писателей», М., 1900, стр. 117—118. Стихотворение отражает отдельные моменты допросов поэта в III отделении. Судя по официальным документам, Шевченко был вызван на допрос дважды: 21 апреля 1847 года для ответа на «вопросные пункты» и 15 мая — для очной ставки с Г. Андрусским. Обстановка обоих допросов, естественно, не нашла отражения в официальных документах, но о ней можно составить предста-

вление по записанному в дневнике «отвратительному сновидению»: поэту приснилось, «будто бы Дуббельт с своими помощниками <...> в своем уютном кабинете перед пылающим каминном меня тшкетно навращал на путь истинный, грозил пыткой и в заключение плюнул и назвал меня извергом рода человеческого» (15 сентября 1857 года).

IV. «— Останься с матерью! — сказали» («Не кидай матері»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 387—388. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 27, стр. 17—18.

V. «Зачем ты ходишь на могилу?» («Чого ти ходиш на могилу?»). Впервые — в альманахе «Хата», СПб., 1860, стр. 73—75, под заглавием «Калиня». Тот же заголовок в русском переводе М. А. Козырева — «Грамотей», 1871, № 12, стр. 33—34; ср. также И. Суриков — в кн. «Стихотворения И. Сурикова», СПб., 1871, стр. 98 («Песня»). Образ калины на могиле близкого человека в украинском песенном фольклоре неизменно связывается со слезами, с печалью близких (невесты или матери); см., например, П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, т. V, стр. 365, 402 и др.

VI. «Три широкие дороги» («Ой, три шляхи широкіі»). Впервые — «Основа», 1861, кн. I, стр. 5—6. Русский перевод И. Белоусова — «Звезда», 1886, № 7, стр. 163—164 («Три дороги»). В стихотворении широко использованы приемы и мотивы украинского песенного фольклора. Поэт создал варианты известного песенного сюжета. Ср., например, в народной песне о трех ласточках (трех кукушках), оплакивающих убитого казака:

Прилетіли к йому а три ласточки,
А три ласточки, три касаточки:
Що перва ластонька — рідна матінка,
А друга ластонька — рідна сестронька,
А третя ластонька — жона молода.
Де та мати стояла — річка біжала,
А де сестриця — стала криниця,
Де жона молода — там роси нема,
Там роси нема, трава поскхла.

(М. Лисенко, *Збірник українських пісень*, IV, 8)

VII. Н. Костомарову (Н. Костомареву). Впервые — «Мета» (Львов), 1863, № 4, стр. 273. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь». В переводе русских писателей, М., 1900. *Костомаров* Николай Иванович (1817—1885), историк, беллетрист и поэт, организатор и идеолог Кирилло-мефодиевского общества, в молодости — умеренный либерал. После 1861 года перешел в буржуазно-националистический лагерь. С Шевченко познакомился в Киеве, в начале 1846 года; один из первых читателей революционных произведений поэта, от которых был, по собственному признанию, «в совершенном восторге». «Особенно сильное впечатление, — вспоминал позднее Костомаров, — произвел на меня *Сон*. <...> Я читал и перечитывал ее <поэму> всю ночь и был в полном упоении» («Русская мысль», 1885, № 5). Однако идейной близости между Шевченко и Костомаровым не возникло. По возвращении Шевченко из ссылки

его отношения с Костомаровым сделались настолько сдержанными и сухими, что Костомаров, в позднейшем письме к М. И. Семевскому, считал необходимым специально это оговорить: «Вообще, тот слыхибя бы, кто бы стал думать, что я был особенно с ним близок и дружен. <...> Многое из случавшегося с ним оставалось для меня неизвестным, и я узнавал о том от других его друзей: со мной он гораздо менее был дружен и откровенен, чем со многими иными» («Русская старина», 1880, № 3). Под этими «иными» Костомаров разумел таких деятелей, как Чернышевский, Сераковский, Некрасов, Михайлов, братья Курочкины и др. В основе данного стихотворения лежит подлинный случай, когда поэт из окна своей камеры увидел во дворе мать Костомарова, пришедшую на свидание к сыну. Встреча эта настолько крепко запала в память Шевченко, что он вспомнил о ней еще раз десять лет спустя, навестив в Саратове по дороге из ссылки Т. П. Костомарову (см. запись в Дневнике 31 августа 1857 года).

VIII. «Вишневый садик возле хаты» («Садок вишневий коло хати»). Впервые — «Русская беседа», 1859, № 3, стр. 4—5. Одновременно было напечатано в «Народном чтении», 1859, № 3, стр. 152, вместе с русским переводом П. А. Мея, с вставками по рукописи. «Вишневый садик» — одно из любимейших стихотворений Шевченко; он охотно записывал его в дружеские альбомы, дарил знакомым автографы и т. д. В некоторых автографах стихотворение называлось «Вечер», «Весенний вечер», «Майский вечер». Популярности стихотворения много содействовали музыкальные его обработки (романсы Н. В. Лысенко, П. И. Чайковского и др.).

IX. «Рано встали, выступали» («Рано вранці вставали»). Впервые — в альманахе «Хата», СПб., 1860, стр. 76—77, под заглавием «Пустка» (дано Кулишом). Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 182—183 («Покинутая избушка»).

X. «В неволе тяжко» («В неволі тяжко»). Впервые — «Основа», 1861, кн. V, стр. 14. Русский перевод Ив. Белоусова — «Кобзарь». В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 198.

XI. Косарь (Косар). Впервые — «Основа», 1862, кн. XI, стр. 5—6. Русский перевод Н. А. Чмырева — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 157—158. В автографе стихотворение, в отличие от других стихотворений цикла, датировано 30 мая 1847 года. Это день, когда, после утверждения Николаем приговора и объявления его всем участникам Кирилло-Мефодиевского общества, Шевченко уезжал в далекую ссылку. Ср. в «Автобиографии» Н. И. Костомарова: «30 мая мы, заключенные, видели из окон, как вывели на двор Шевченко в солдатской шинели. Он улыбался, прощаясь с друзьями. Я заплакал, глядя на него, а он, не переставая улыбаться, снял шляпу, садясь в телегу, а лицо было такое же спокойное, твердое» («Русская мысль», 1885, № 5, стр. 219).

XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?» («Чи ми ще зійдемося знову?»). Впервые — «Основа», 1861, кн. X, стр. 2. Русский перевод И. А. Белоусова — «Маленький кобзарь из Т. Г. Шевченко. Переводы И. А. Белоусова», Киев, 1892, стр. 30—32. Стихотворение обращено к «сознаниям» поэта и написано под свежим впечатлением

прощания с ними, о котором рассказал в «Автобиографии» Костомаров (см. примечание к предыдущему стихотворению).

«Не спится мне, а ночь — как море» («Не спалося, — а ніч як море»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 400—402. Русский перевод Н. А. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 40, стр. 186—188 («В тюрьме»). *И меньше белой не дарила* — т. е. меньше ассигнации в 25 рублей.

«Думы мои, думы мои» («Думи мої, думи мої, ви мої єдині»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 323. Русский перевод Вл. Гиляровского — «Песни и думы кобзара Т. Г. Шевченко», М., 1903. Этим стихотворением начинается первая из «захалавных» (от укр. «халава», т. е. голенище сапога) записных книжек Шевченко, сшитых самим поэтом из сложенных в восемь листов писчей бумаги. В такие книжки поэт заносил в ссылке свои произведения, обходя строжайшее запрещение писать. Всего таких книжек собралось четыре (каждая из нескольких тетрадок); после возвращения поэта из ссылки они были переплетены вместе и составили так называемую «Малую» книжку (в отличие от «Большой» — альбома, в который Шевченко аккуратно переписал большинство произведений из «Малой» книжки, тщательно их выправив), — один из основных источников шевченковских текстов. Несмотря на крайне неблагоприятные внешние условия, побуждавшие Шевченко всячески таиться со своим поэтическим творчеством, «захалавные» книжки отражают уже не самый первый этап творческой работы: первоначально стихотворения набрасывались поэтом на отдельных лоскутках бумаги, либо в одном из двух художественных альбомов, отобранных у Шевченко при аресте и возвращенных ему впоследствии, а затем уже переписывались в записную книжку. По вероятной догадке некоторых комментаторов, данное стихотворение не было хронологически первым стихотворением, написанным в ссылке: Шевченко начал им всю книжку, расценивая его как своего рода эпитафию, «заспів» к своей «невольничьей музе». *С киргизами убогими*. — В общераспространенном словоупотреблении первой половины XIX века киргизами (или «киргиз-кайсаками») назывались все вообще кочевые племена, населявшие Закаспийские степи, Шевченко имеет в виду собственно казахов.

Княжна (Княжна). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 324—337. Вступление к поэме («Зоря моя печірна» и т. д.) было до того опубликовано как отдельное стихотворение («До зорі», т. е. «К звезде») в альманахе «Хата», СПб., 1860, стр. 85—86. Кроме текста, записанного в «Малой» книжке, сохранилась черновая рукопись поэмы, раскрывающая творческую работу Шевченко. Так, очень характерно первоначальное начало поэмы, соответствующее позднейшим строкам 33—43:

Село!.. И сердце замирает...
Там, как в раю, в зеленом гае
Сады вишневые цветут.
А как же люди там живут,

В таком весселом, тихом гае?
Там воля, рай... Да что сказать!
Луга, людей, коровье стадо,
Лес вековой да вишни сада —
Все, что мое, — там можно взять,
И жадным скупишкам продать
С душой и телом. — Правда, воля?
И бога мы еще гневим!

(Перевод Вс. Рождественского)

Русские переводы: Н. Пушкарева — «Новое время», 1874, № 19; Н. А. Чмырева — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 141—150. Позднее (в 1854 году) Шевченко отчасти использовал сюжет «Княжны» в повести «Княгиня». *Как Ченчи, за кинжал возьмишь* — имеется в виду Беатриче Ченчи, дочь римского дворянина (XVI век), по преданию, заколовшая кинжалом отца, который хотел ее обесчестить.

NN. («Солнце заходит, горы чернеют») (NN. «Сонце заходить, гори чорніють»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 403. Русские переводы: В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января; И. Я<кунина> — «Будильник», 1875, № 2, стр. 7; П. Грабовского — «Сибирская жизнь», 1901, № 111. Догадки некоторых комментаторов о том, что под инициалами NN скрывается посвящение стихотворения подруге детских лет Шевченко Оксане Коваленко, — лишены малейшего основания; самое содержание стихотворения не дает повода для каких-либо предположений этого рода.

NN. («Тогда мне лет тринадцать было») (NN. «Мені тринадцятий минуло»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года. Русский перевод И. Белоусова — «Южное обозрение», 1899, № 835, 14 июня («Мне снилось: снова я ребенок»). Несомненная автобиографичность стихотворения также давала повод для предположений, что безличные инициалы скрывают посвящение Оксане Коваленко. Необъяснимой и непонятной в таком случае оказывается самая зашифровка ее имени, без всяких для этого оснований.

«Не греет солнце на чужбине» («Не гріє сонце на чужині»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 257—258. Русский перевод Г. Е. Нечаева — «Кобзарь в переводе русских писателей», М., 1911, стр. 63—64.

Сон. («Горы мои высокне!») (Сон. «Гори мої високі!») Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 407—412. Русский перевод Пр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. Стихотворение навеяно воспоминаниями поэта о поездках по Украине «для художественных занятий» (1845), в частности о посещении окрестностей Переяслава с целью изучения археологических памятников. В бумагах Шевченко сохранились записи об этой поездке; отрывки из них приводятся ниже. *Выблый курган*. — «Между местечками Березанью и Яготинном, в 15 верстах от Переяслава, огромное древнее земляное укрепление, план которого никак понять нельзя по различным

направленным валов. Предание говорит, что какая-то княжна переяславская Домна защищалась здесь от неприятелей (известно, от каких) и была ими побеждена, и укрепление разрушено, почему и названо *Выбле*, то-есть выбылое, оставленное» (Из записей Шевченко). *Трахтемиров* — местечко неподалеку от Переяслава, на противоположном, гористом берегу Днепра. *Монастырище* — село поблизости от Трахтемирова, основанное, по преданию, на месте бывшего монастыря, считавшегося «казацким». И *Гетманщина все кругом*. — В XVII—XVIII веках Гетманщиной назывались украинские земли на Левобережьи (т. е. на левом берегу Днепра). *Собор Мазепы в лучах сияет*. — Имеется в виду Вознесенский собор в Переяславе, построенный Мазепой в 1701 году. В своих записях Шевченко пишет об этой церкви: «Великолепная снаружи и до невозможности искажена внутри возобновлениями. В ризнице хранится удивительное по работе Евангелие, приношение гетмана Мазепы, московской печати <...>, с надписью на оправе славянскими буквами». *Курган Богданов*. — По Золотоношской дороге в семи верстах от города <Переяслава> высокий курган, называемый Богданова могила. И тут же недалеко впадает в древнее русло Днепра бесконечный вал, неизвестно когда и для чего построенный» («Из записей Шевченко»). *К холмам Трех Братьев склонились ивы* — «Переяслав и окрестности его могли бы <быть> чрезвычайно интересны своими укреплениями и курганами, но о них сохранились только названия и почти никаких преданий в народе. По киевской дороге в пяти верстах от Переяслава над самой дорогой три высокие кургана, называемые *Трибратни могилы*» (Из записей Шевченко). *Трубайло с Альбой* — см. примечание к стихотворению «Тарасова ночь». *Чистый Рюсдалевский пейзаж* окрестностей Переяслава, припомнившийся поэту в данном стихотворении, описан им еще раз в повести «Близнецы» (1855—1856).

Иржавец (Иржавець). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 354—356. Русский перевод А. Колтоновского — «Кобзарь», М., 1911. В основе поэмы лежат, с одной стороны, народные легенды о чудесной иконе, хранившейся в селе Иржавец, недалеко от Прилук, которые поэт мог слышать при неоднократных своих посещениях окрестностей Прилук (об этой иконе Шевченко вспоминает также в повести «Музыкант»), с другой — исторические рассказы («История Русов» главным образом) об изменнике кошевом атамане К. Гордиенко, которому обманом удалось увлечь с собою, после Полтавской битвы, часть запорожцев в пределы Крыма, откуда затем большинство вскоре возвратилось обратно и вошло в состав русской армии. *Убегали с Мазепой*. — После сражения под Полтавою (27 июня 1709 года) уцелевшая часть шведской армии, вместе с немногочисленными казацкими отрядами, подавшимися на уговоры Мазепы, бежала за Днестр, к турецким владениям. *Фастовский полковник* — Семен Палий, один из популярных руководителей противояхетских восстаний украинских казаков и крестьян в 1702—1704 годах. По наущениям Мазепы был сослан царским правительством в Сибирь, откуда возвращен в начале 1709 года; см. также ниже, примечание к стихотворению «Чернец». *У Петра* — т. е. у царя Петра I *Прилукский полковник погарный* — Игнатий Галаган, сперва перешедший вслед за Мазепой к шведам, затем испросивший себе

прошение у Петра и принявший участие в разрушении Запорожской Сечи. *Как в Глухове зазвонили, как пушки палили* — имеется в виду избрание (после измены и бегства Мазепы) нового гетмана — Скоропадского. Глухов, начиная с 1708 года, в течение некоторого времени являлся гетманской резиденцией. *Как людей погнали строить город на трясине* — т. е. Петербург. *Как сыночки на Орели линию копали*. — Орель — один из левых притоков Днестра. В начале XVIII века вдоль реки была сооружена укрепленная пограничная линия для охраны южных границ страны от татарских набегов.

NN. («О думы мои! О слава злая!») (NN. «О, думи мої! О, славо злая!»). Впервые — «Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка» (Львов), 1901, кн. I, стр. 2—3. Лицо, к которому обращено стихотворение, не установлено. *И грека доброго* — очевидно, философа Сократа.

«Когда мы были казаками» («Ще як були ми козаками»). Впервые — «Dziennik literacki» (Львов), 1861, № 60. Русский перевод А. Плещеева — «Стихотворения Плещеева», М., 1861, стр. 52—53. Давняя и авторитетная традиция связывает это стихотворение с именем друга Шевченко по ссылке, польского революционера Бронислава Залесского (1820—1880). Необходимо, однако, иметь в виду, что Залесский был сослан на службу солдатом в Оренбургский корпус в начале 1848 года и познакомился с Шевченко лишь осенью 1849 года. Таким образом, если следовать традиции — вообще говоря, весьма вероятной, — придется признать, что Залесскому было посвящено уже ранее написанное стихотворение; при посвящении, очевидно, были дописаны — обращение к поляку, «и другу и брату», а также заключительные строки. Такое заключение подсказывает факт существования автографа стихотворения (подаренного поэтом в Астрахани, 20 августа 1857 года, случайному знакомому, С. Незабытовскому) без этих заключительных строк. *Еще до уми* — т. е. до 1596 года, когда на Брестском церковном соборе было провозглашено «объединение» православной и католической церкви и осуществлено фактическое подчинение православной церкви римскому папе. Уния немалого усилила закабаление, национальный и религиозный гнет народных масс польскими панями-шляхтичами и церковниками-незунтами.

Чернец (Чернець). Впервые — «Основа», 1861, кн. I, стр. 7—10. Русский перевод Гр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. В основе поэмы лежат народные предания о Семене Палне, объединенные с народными же рассказами о престарелом запорожце, уходящем в монастырь «спасаться». Сохранился один из таких рассказов, записанный непосредственно от Шевченко; приводим его здесь в переводе с украинского:

«Приедут бывало запорожцы из Сечи в Киев, человек десять-двадцать, да и начнут гулять. Закупят бочки с легтем, да и разольют по базару, закупят все горшки, да и поразбивают в черепки, закупят сколько есть возов с рыбой, да и разбросают по всему городу: «Ешьте, люди добрые!» А потом сядут на коней: шапки на них шелковые, красные, жупаны то синие, то красные, штаны такие, что

гривну дал бы, чтобы только поглядеть. Музыканты играют, а они, подбоченившись, едут мимо бурсы. Гетманы, да и только! Бурсаки бывало высыпят за ворота, глядят на них и плачут. А на следующий год — глядь: половина бурсы и объявится в Сечи!

А если кто из запорожцев доживет до глубокой старости, так просит выделить ему денег из кружки, и когда выделят, то придется на его долю тысяч пять. Вот набьет он пояс червонцами, заберет с собою приятелей душ тридцать или сорок, да и отправляется в Киев *прошаться с миром*. Гуляют они здесь недели две, такой пир закатят, что весь Киев сойдется смотреть на них: «Запорожец, запорожец с миром прощается!» И как идут бывало улицей, то весь народ за воротами. А они-то убраны, прямо точно мак на огороде! Коня под ними — орлы, так и играют, а золото и серебро так слепит глаза на солнце, что глядеть невозможно. Здесь и бандуры, здесь и гусли, здесь и песни, и танцы, и всяческие выкрутасы! Так-то запорожец с миром прощается!

А погулив таким образом недели две да поразив весь Киев, едут уже в Межигорский монастырь. Кое-кто едет, а некоторые вместе с тем, что прощается, танцуют до самого монастыря. Седой-седой, как голубь, в дорогих шелковых одеждах, идет вприсядку впереди запорожец, а за ним народа, народа! Словно на пасху около куличей, либо в крещение на льду. И за его счет всех поят, все танцуют, все веселятся, — даже земля гудит!

А как придут к самому монастырю, стучит запорожец в ворота.

А оттуда спрашивают:

— Кто так в?

— Запорожец.

— Зачем?

— Спасаться.

Откроются ворота, он войдет туда один, а товарищи с народом и музыкантами останутся за воротами. А он, как только вошел в монастырь, тотчас пояс долой и отдает на церковь, жупан кармазинный долой, и наденет шерстяную монастырскую одежду, и начинает спасаться» («Украинские народные предания. Собрал П. Кулиш. Книжка 1-я». М., 1847, стр. 42—43; фактически книжка эта, из-за ареста участников Кирилло-мефодиевского общества, увидела свет лишь в начале 90-х годов. Под рассказом помета: «Слышал от Т. Г. Шевченко»).

Вспоминание о сообщении рассказа Кулишу, вероятно, и побудило поэта первоначально посвятить ему поэму. Переписывая ее набело в 1858 году, Шевченко посвящение снял. Отождествление «спасающегося» запорожца с полковником Семеном Палнем сделано на основании народных преданий и песен; исторический Палий монахом не был. *Подол* — в XVII—XVIII веках приднепровская, торговая часть Киева. На Подоле помещалась также «бурса», т. е. упоминавшаяся выше (см. примечание к поэме «Слепой») Братская школа (позднее Киевская коллегия). *Межигорский спас* — мужской монастырь в Межигорье, в 18 километрах от Киева. *Пугул! Пугул!* — запорожское приветствие. *Вишгород* — село на полудороге между Киевом и Межигорьем. *Старый гетман* — Мазепа; дальнейшие строки пересказывают основные факты биографии Палия.

«Один другого вопрошаем» («Один у другого питаєм»). Впервые — «Народное чтение», 1859, № 6, стр. 133; там же, следом (стр. 134) — русский перевод, сделанный Н. С. Курочкиным («Мы все живем и все не знаем»).

«Сам удивляюсь. Кто ответит» («Самому чудно. А де ж дітись?»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 374. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», под ред. И. А. Белоусова, СПб., 1906, стр. 202. О настроениях, продиктовавших поэту это и предыдущее стихотворения, сам он говорит подробно также в одновременных письмах к знакомым и друзьям. Ср., например, письмо к В. Н. Репниной, 24 октября 1847 года: «Вы непременно рассмеялись бы, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовишными усами, и это буду я. Смешно, а слезы катятся. Что делать, так угодно богу. Видно, я мало терпел в моей жизни. И правда, что прежние мои страдания, в сравнении с настоящими, были детские слезы: горько, невыносимо горько!». «Пуškai и врагу моему лютому не довелось бы страдать так, как страдаю теперь я», — писал он А. И. Лизогубу, 11 декабря 1847 года (перевод с украинского). Ср. еще в письме к М. М. Лазаревскому, 20 декабря 1847 года: «Тяжело, милый брат мой, страдать и самому не зная, за что. Со мною произошло так. Сначала я смело глянул беде в глаза и думал, что это сила воли. Нет, то была слепая гордость, я не рассмотрел дна той бездны, в которую упал. А теперь, когда рассмотрел, то убогая душа моя рассыпалась точно пыль перед лицом ветра». И немного дальше: «Так мне теперь тяжело, так тяжело, что если бы не надежда хотя когда-нибудь увидеть свою бесталанную родину, то молил бы господи о смерти. <...> Иногда так мне тоска сердце сожмет, что (не стыдись, скажу) даже заплачу» (перевод с украинского).

«Ой, строчечку да к строчечке» («Ой стрічечка до стрічечки»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 35. Русский перевод М. Славинского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 156.

П л а т о к (Хустина). Впервые — «Народное чтение», 1859, № 3, стр. 156—158. Русский перевод Л. Мея — «Народное чтение», 1859, № 3, стр. 159—161 (с рукописи). Стихотворение является своеобразной вариацией на темы украинских народных песен — о разлуке казака со своей возлюбленной и о его гибели в походе, в бою за родину. *Пречистую поджидають* — т. е. церковного праздника «успения Богородицы» (15 августа ст. ст.), когда, по окончании успешного поста и летних полевых работ, на селе игрались свадьбы. *Славных компанейцев* — наемное гетманское конное войско. *Рушницугаковницу* — длинное крепостное ружье. *Колдун старый с Сечи* — колдунами назывались старые запорожцы; считалось при этом, что именно близость к нечистой силе помогла им сохранить жизнь в боях и походах. Отголосок этих верований отразился в образе Пацюка гоголевской «Нючи перед рождеством».

А. О. Козачковскому (А. О. Козачковському). Впервые — «Основа», 1862, кн. X, стр. 1—5. Русские переводы: Н. А. Чмы-

рева — «Будильник», 1874, № 13, стр. 9—10 (первые 26 строк); И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. Андрей Осипович Козичковский (1812—1889) — врач, проживавший в середине сороковых годов в Переяславе, где с ним и сдружился Шевченко; познакомились они еще в Петербурге, в 1841—1842 годы. Козачковскому принадлежат интересные воспоминания о Шевченко: «Из воспоминаний о Т. Г. Шевченко» — «Киевский телеграф», 1875, № 25. *Переписку Сквороду* — имеются в виду песни («псалмы»), сочиненные известным украинским странствующим философом Григорием Саввичем Сквородсю (1722—1794). Некоторые из этих песен (например, «Всякому городу нрав и права», «Ой ты, птичка желтого бока» и др.) пользовались широкой известностью в народе. *Три царие со дары* — колядка или рождественская полународная псалма, рассказывавшая о поклонении волхвов младенцу Иисусу. *Талами вийду я вдоль Урала*. — Талы — песчаные барханы, поросшие кустарником. Орская крепость, в которой было написано стихотворение, расположена на берегу реки Урал. *У Николая очутилась* — намек на арест и ссылку по приговору Николая I.

Солдатов колодец (Москалева крипция). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 156—165. Русский перевод А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911. На эту же тему и под тем же заглавием Шевченко написал еще одну поэму — в 1857 году, тотчас же после получения известия о предстоящем своем освобождении из ссылки. Обе поэмы посвящены Якову Герасимовичу Кухаренко (1798—1862), наказному атаману Черноморского казачьего войска, украинскому писателю, автору пьесы «Черноморский быт» («Черноморский побут», 1835). Кухаренко познакомился с Шевченко в 1842 году, в Петербурге; дружеские их отношения не прерывались и во время ссылки поэта. Несмотря на официальное свое положение и генеральский чин, Кухаренко неоднократно писал сыльному солдату, помогал ему материально и т. д. *Или хозяин тот московский?* — Имеется в виду, повидимому, «Журнал сельского хозяйства и овцеводства», издававшийся Московским обществом сельского хозяйства в 1841—1850 годы. *Ревю* («La revue» — обозрение, франц.), *Ла мод* («La mode» — мода, франц.) — названия многих французских журналов, в изобилии ввозившихся в Россию в 20—40-х годах. *От царицы пришел указ*. — События рассказа о Максиме относятся ко второй половине XVIII века, т. е. к царствованию Екатерины II; ср. ниже упоминание о том, что «карался господом поляк», — намек на разделы Польши, что «Пугач явился на Урале», — прямое указание на восстание Пугачева и т. д. *После большой зимы* — т. е. после зимы 1787 года, надолго запомнившейся в народе своей жестокостью и продолжительностью. *Вдовиченко в пикинерах*. — Пикинерами назывались пехотные или конные полки, вооруженные пиками; после уничтожения Сечи в пикинеры набирались украинские казаки. *На самого Маковея* — т. е. 1 августа ст. ст.

«Вот так я теперь строчу» («То так і я тепер пишу»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 406. Русский перевод А. Доброхотова — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе русских поэтов», М., 1905. Это стихотворение заканчивало первую «захалавную» кни-

жечку и было написано, вероятно, перед отправкою ее друзьям на сохранение — до лучших времен.

«А ну-ка вновь стихи писать!» («А нумо знову віршувать»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 413—414. Этим стихотворением начинается вторая захальная «книжечка». Стихотворение печатается обычно в позднейшей редакции 1858 года.

В арнак (Варнак). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 415—420. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 10, стр. 81—86. Поэма о «варнаке» (т. е. беглом каторжнике) написана в большой мере на основании народных памятей о славном украинском народном борце против помещиков и царских чиновников Устиме Кармелюке (1787—1835). Образ этого «славного рыцаря», по позднему выражению Шевченко, связан с многочисленными преданиями и песнями, которые поэт настойчиво собирал во время своих археологических экскурсий по Подолли (1846). В 1854 году Шевченко написал повесть «Варнак», близкую по сюжету одноименной поэме. *Елек* — приток Урала, между Оренбургом и Уральском. *Воды немало Из Иквы <в море> утекло*. — Иква — река на Волыни, приток Стыря. Слова, взятые в ломаные скобки, являются традиционной редакторской конъектурой: в автографе, вместо этих слов, стоят точки, — очевидно, поэт позабыл, куда впадает Иква, и предполагал позднее доработать строчку.

«Топор был за дверью у господ бога» («У бога за дверми лежала сокира»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 436—438. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 4, стр. 66 («Сингичагач»). Стихотворение написано вследствие неожиданных перемен в однообразной жизни ссыльного поэта. 5 мая 1848 года рядового Шевченко, по распоряжению корпусного командира Обручева, перевели из Орской крепости на службу в Раим. Более месяца, с 11 мая по 19 июня, длился изнурительный поход через безводные степи; во время похода Шевченко довелось стать свидетелем степного пожара, а затем — встретить «ауля-агач», «святое дерево» казахов. Эти впечатления позднее были подробно описаны поэтом в повести «Близнецы». Аналогичное описание оставил также Бронислав Залеский; один из офортов изданного им альбома («*La vie des steppes Kirghizes, descriptions, récits et contes*», Париж, 1865) изображает «Священное дерево киргизов»; пояснительный текст к офорту близко соответствует описанию Шевченко. Непосредственные живые впечатления связаны в стихотворении с какою-то казахской легендой, возможно услышанной во время того же похода. Точный текст этой народной легенды до сих пор неизвестен.

«Ой, гляну да погляжу я» («Ой, гляну я, подивлюся»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 422. Русский перевод В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января. О настроениях, продиктовавших это и следующее стихотворение, позволяют судить также одновременные письма поэта к немногим приятелям, имевшим мужество поддерживать сношения с политическим ссыльным. Одно из этих писем (к А. И. Лизогубу, 1 февраля 1848 года) начиналось

такими словами: *«Всякъ другъ речеть: содружихся ему и азъ; но есть именовъ тоцю другъ»*. — Так теперь и со мною стало, — бывало в собаку кинешь, а в друга попадешь, а как пришлось мне туго, — святой их знает, куда все девались! уж не поумирили ли, упаси боже? нет, здравствуют, да только отступились от бесталанного своего друга, прости им боже! Если бы они знали, что единственное ласковое слово теперь для меня паче всякой радости! . . . Да что поделаешь, недогадливы!» (перевод с украинского). Как вспоминал позднее Н. Белозерский, после Кирилло-мефодиевского дела «все в провинции находились под таким страхом и трепетом, что и помышлять не смели о переписке с Шевченко» («Киевская старина», 1882, № 10, стр. 70). Попытки отдельных лиц (Репниной, Лизогуба) поддерживать переписку с поэтом заканчивались строгим внушением III отделения. В таких обстоятельствах переписка поэта свелась к редким и случайным письмам, что вызывало неоднократные жалобы Шевченко в стихах и письмах.

«Не дай ты никому того же» («Та не дай, господи, нікому»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 423. Русский перевод В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января. См. примечание к предыдущему стихотворению.

Ц а р и (Царі). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 248—256. Русский перевод И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь в переводах, собрал И. А. Белоусов», М., 1918, стр. 39—45. Стихотворение состоит из четырех эпизодов-новелл, обрамленных прологом-заповедкой (обращение к Музе — «девятой сестре Аполлона») и заключением («Пусть палачи царей карают!»). Сюжеты эпизодов I—III заимствованы из библии, эпизод IV — из «Повести временных лет». Все эпизоды связаны между собою единством задания — разоблачением существа царской власти; заданье, как позволительно догадываться, подсказано дошедшими до далекого Кос-Арала отзвуками европейских революций 1848 года. Переписывая стихотворение в 1858 году в «Большую» книжку, Шевченко еще более усилил революционно-демократическое его звучание, заведомо не предназначая «Царей» для публикации в подцензурной печати. Эпизод с женой Гурия (в библии — Урия) заимствован поэтом из библии, Вторая книга царств, гл. II. Эпизод с «сунамитянкой» Ависагой — из Третьей книги царств, гл. I.

Последний эпизод, как указано выше, взят поэтом из «Повести временных лет», где под годом 6488 (т. е. 980) рассказано о Владимире: «И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». <...> И придоша отроци Володимерови, и повѣдоша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя полотьского. Володимер же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хочю Рогънѣдѣ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъщерь его поя женѣ». В другом месте летописи о Владимире еще сказано, что он «бѣ <...> побѣжень похотью женьскою». «И бѣ несуть блуда, приводя к собѣ мужьски жены

и дѣвиць растыляя» («Повесть временных лет», под ред. В. П. Адріановой-Перетц, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 54, 56, 57).

«Когда есть дом родной» («Добро, у кого є господа»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 439. Русский перевод П. Тулуба — «Вестник Европы», 1904, № 8, стр. 263 («Жизнь и радость тем, кому судьбою»). В июне 1848 года Шевченко был прикомандирован к экспедиции А. И. Бутакова, изучавшей Аральское море, в качестве художника. В продолжение полутора лет, вплоть до ноября 1849 года, поэт был фактически отрезан от мира, от друзей. Об этом Шевченко писал В. Н. Репниной 14 ноября 1849 года: «Обо мне никто не знал, где я прожил эти полтора года. Я ни с кем не переписывался, потому что не было возможности: почта, ежели и ходит через степь, то два раза в год. А мне всегда в это время не случалось бывать в укреплении». *Пришли в Дарью* — имеется в виду устье реки Сыр-Дарья, где, на острове Кос-Арал, была основана база экспедиции. *С Ватаги письма принесли* — из рыбацкого поселка неподалеку от лагеря экспедиции. *Мы с коллегою легли* — «коллегою» здесь назван геолог экспедиции, ссыльный поляк Томаш (Шевченко называл его в письмах Фомой) Вернер.

Дочь ктитора (Титарівна). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 565—572. Русский перевод Тулуба — в кн. «Кобзарь в переводе русских писателей», М., 1911. В основе поэмы лежат фольклорные мотивы, из которых основной — песня о девушке, утопившей ребенка, очень популярная в народном украинском песенном творчестве. К этой песне особенно близок был первоначальный замысел поэмы, от которого в альбоме поэта сохранился следующий отрывок:

Ветер, ветер, вей, могучий,
Небо застилая тучей,
Чтобы дождики полились,
Стежки-дорожки разлились.
Лучше пусть не ходят люди,
Сына моего не будят.
Чуть в воскресный день зоря занималася,
Деревня, чуть свет, сбежалася —
И старые и молодые,
И малые и большиє —
Воду лили из колядца,
Может, там сынок найдется.
Пани сына показали,
Мать в оковы заковали.
И судить-рядить не стали —
В гроб живую положили,
Вместе с сыном закопали.

(Перевод В. Бугаевского)

Начало этого отрывка взято из слов девушки в народной песне; близость его к фольклорному оригиналу очевидна из сопоставления с одной из записей народной песни:

Повій, вітре, з холодного яру,
Та нажени дошовую хмару.
Позаливай стежки та доріжки,
Щоб к колодезю люде не ходили,
Щоб к колодезю люде не ходили,
Мале дитя тай не розбудили. . .

(О. Гулак-Артемовский,
Народні українські пісні.
СПб., 1868, № 41).

Шевченко сюжет народной песни, во-первых, осложнил мотивировкой событий, — юноша соблазняет девушку из мести за то, что она пренебрегла его бедностью; он же (а не девушка, как в народной песне) топит ребенка. Во-вторых, упоминая о позднейшей судьбе соблазнителя, поэт воспользовался народными преданиями о нераскаянном грешнике, которого земля не принимает из-за совершенных им страшных злодеяний (ср. использование этого же народного мотива в «Страшной мести» Гоголя). *Ктитор* — церковный староста. *Когда по деревьям ходили Борцы*. — Имеется в виду старинный народный обычай (XVII—XVIII веков), по которому парубки, переодетые татарами, либо с наброшенными на плечи звериными шкурами, ходили в соседние села меряться силами, бороться. Попытка некоторых комментаторов увидеть в «борцах» гайдамаков противоречит взгляду самого поэта на это историческое явление. *В аренде* — т. е. в шинке, который обычно сдавался владельцем села в аренду.

«Ну что, казалось бы, слова» («Ну шо б, здавалося, слова»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 576—577. Русский перевод А. Колтсновского — «Вестник Европы», 1911, № 2, стр. 290 *Земляк из Островной*. — Кроме сделанного в тексте краткого примечания, Шевченко в повести «Близнець» оставил развернутое упоминание об этой станице, отразившее личные его впечатления.

«Как за подушным, правый боже» («Мов за подушне оступили»). Впервые — «Основа», 1862, кн. VIII, стр. 4. Русские переводы: Ф. Гаврилова — «Кобзарь в переводе русских писателей», М., 1911; А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911.

П. С. («Я вовсе не сержусь на злого») (П. С. «Не жаль на злого»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 463—464. Русский перевод Павла Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 11, стр. 116—117. Заглавие стихотворения расшифровывается обычно как инициалы полтавского помещика Петра Скоропадского, владельца села Григорьевки и 522 душ крепостных, потомка «дурня с булавою», гетмана И. И. Скоропадского (нач. XVIII века). Ряд бытовых подробностей для его характеристики сообщает в своих «Записках» М. И. Глинка («Литературное наследие», т. I, Л.—М., 1952, стр. 185—186).

Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе») (Г. З. «Немає гірше, як в неволі»). Впервые — альманах «Хата», СПб., 1860, стр. 80—83, под заглавием «На Країну»; заглавие дано редактором «Хаты»

П. Кулишом. Русский перевод А. Доброхотова — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», М., 1905. Инициалы Г. З. расшифровываются как имя и фамилия Аппы (Ганны) Ивановны Закревской, жены пирятинского помещика П. А. Закревского. С обими супругами Шевченко познакомился в 1843 году и тогда же написал их портреты. Воспоминания современников (А. Чужбинского и др.) намекают на влюбленность поэта в А. И. Закревскую. *Мать родная, старая, седая* — имеется в виду помещица Татьяна Густавовна Вольховская, гостеприимно принимавшая поэта, хотя, как замечает А. Чужбинский, не слишком ясно представлявшая себе, кто он такой и чем, собственно, занимается. На балу у Вольховской Шевченко познакомился с А. И. Закревской, — это объясняет упоминание о ней в данном стихотворении.

«Когда бы встретились мы снова» («Як би зустрілися ми знову»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 468. Русский перевод И. Белоусова — «Ежемесячные приложения к «Ниве», 1904, № 10, стр. 273. Можно думать, что и это стихотворение, по связи с предыдущим, навеяно воспоминаниями об А. И. Закревской.

<Марина> (<Марина>). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 513—523. Заглавие утверждено традицией; в автографе поэма заглавия не имеет. *Как Кирик пьяный* — имеются в виду местные народные рассказы о пьянице и распутнике Кирике.

Пророк (Пророк). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 470, без заглавия. Заглавие дано самим поэтом в позднейшем, исправленном по сравнению с предыдущими текстами автографе (1859). Русский перевод И. Белоусова — «Маленький кобзарь из Т. Г. Шевченко. Переводы И. А. Белоусова», Киев, 1892, стр. 50—52.

«На рожь песжату ю в ночи» («На ниву в жито уночі»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 582—583 под заглавием «Сичі». В автографе заглавие отсутствует. Русский перевод А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911.

Стихотворение является единственным опытом Шевченко в жанре политической басни. Исторические обстоятельства, вызвавшие басню, могут быть установлены лишь предположительно. Наиболее вероятным является предположение о том, что поводом для создания басни явились с запозданием дошедшие до поэта (возможно, через товарища по ссылке поляка Тсмаша Вернера) сообщения о крестьянском восстании в Галиции 1846 года. Восстание приняло широкие размеры, охватило до 12 000 крестьян; восставшими было уничтожено и сожжено много поместий, убито более двух тысяч помещиков и управителей. Слабая организованность восставших привела, однако, к быстрому подавлению восстания (между прочим, при активном содействии царского правительства, которое перехватывало крестьян, пытавшихся найти спасение от австрийских карательных отрядов в России). Возможно, этой неудачей восстания объясняется то, что Шевченко не переписал басню позднее в «Большую» книжку.

«Меж скалами, подобно вору» («Між скалами, неначе злодій»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 524—529. Поэма, видимо, не вполне удовлетворила автора: он не перенес ее в «Большую» книжку и даже не исправил текста. *Мутный Днестр <...> вынеси на волю!* — Через Днестр, в Бессарабию, так же как в причерноморские («новороссийские») степи, обычно бежали крепостные крестьяне с Правобережной Украины. Там, на «новых землях», они могли прикрепляться к помещикам по собственному желанию, пользуясь притом большею свободой.

«И сонные волны, и небо уныло» («І небо невміє і заспані хвилі»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VII, стр. 16. Русские переводы: Илько — «Газета Гатцука», 1881, № 3, стр. 50; А. Богданова — «Звезда», 1911, № 13, 12 марта. *Над никудышним этим морем* — т. е. Аральским морем.

«И вырос я в краю чужом» («І виріс я на чужині»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 530—531 с цензурным исключением последних строк. Русский перевод А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911. *В тяжкую годину* и сл. — Шевченко посетил родное село Кирилловку в сентябре 1843 года. *Славно, мама, Что ты так рано спать легла.* — Мать поэта Катерина умерла 20 августа 1823 года, на тридцать втором году жизни.

«Не для людей и не для славы» («Не для людей, тієї слави»). Впервые — «Основа», 1861, кн. I, стр. 1—2. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«На кургане возле рощи» («Коло гаю в чистім полі»). Впервые — «Основа», 1862, кн. IX, стр. 1—2. Русский перевод Пр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. Сюжет стихотворения заимствован поэтом из народных песен.

«Мне б сапожки, я бы тоже» («Якби мені черевики»). Впервые — «Народное чтение», 1859, № 5, стр. 168. Русский перевод М. Славинского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 185—186.

В 1859 году, в письме к М. В. Максимович, 25 марта, поэт написал «эту небольшую <...> песенку», очевидно подготавливая ее для печати. Стихотворение, как и ряд следующих за ним, является переделом народной песни.

«И богата я» («І багата я»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 1, стр. 145—146. Русский перевод А. Плещеева — «Народное чтение», 1860, № 3, стр. 146—147.

«Повстречалась я» («Полюбилася я»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 1, стр. 147. Там же, 1860, № 3, стр. 147—148 — русский перевод А. Н. Плещеева. Текст перевода получил большое распространение благодаря написанному на него романсу С. В. Рахманинова.

«Мать моя была богата» («Породила мене мати»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 2—3. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Муженька я дорогого» («Ой, я свого чоловіка»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 532—533. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911.

«Ой, наточу товарища» («Ой, виострю товарища»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 534. Русский перевод Ф. Гаврилова — «Кобзарь. В переводе русских писателей» М., 1900.

«По улице ветер веет» («По улиці вітер віє»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 3. Русский перевод И. Сурикова — «Развлечение», 1867, № 47, стр. 344.

«Присяду я на крылечке» («Ой, сяду я під хатою»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 3—4. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 293. В «Хрещика» играют. — «Хрещик» — девичья игра. Гоголь в «Книге всякой всячины» так рассказал о ней: «2 пары, взявшись за руки, и бегут одна против другой навкрест; кто кого поймает, тот и становится с тем» (Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. IX, М.—Л., 1952, стр. 511).

«Куковала кукушечка» («Закувала зозуленька»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 3. В «Большой» книжке записан более короткий вариант стихотворения:

Куковала кукушечка
В рощице все лето,
Тосковала девчоночка, —
А мужа все ей нету.
А девичьи молодые,
Веселые годы,
Как цветочек с того света,
Несут с собой воды.

(Перевод Вс. Рождественского)

Русские переводы: Ив. Бунина — «Журнал для всех», 1900, № 12, стр. 1423; П. Грабовского — «Сибирская жизнь», 1901, № 111.

Швачка (Швачка). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 489—490. Швачка Никита — один из гайдамацких руководителей («ватажков»), действовавший в районах Белой Церкви, Василькова, Фастова. Народные предания и песни прославляли его как героя и защитника прав крепостного крестьянства. В июле 1768 года его отряд был разгромлен и сам Швачка схвачен и сослан в Сибирь; однако и позже многие повстанцы в разных местах Украины принимали имя Швачки. С народными песнями о Швачке поэт был знаком, повидимому, с детства, считал их особенно «любимыми». Вслед за народными песнями Шевченко допускает в своем стихотворении несколько фактических ошибок. Так, вместо местечка под Киевом

Бышова, поэт говорит о Быхове, городе в Белоруссии, куда гайдамаки не доходили. Он упоминает о Левченко, также одном из гайдамацких «ватажков», действовавшем на Уманщине независимо от Швачки, между тем как имеется в виду один из товарищей Швачки Бондаренко. Характерно, что эти же ошибки содержатся в двух гайдамацких песнях о Бондаренко, записанных Шевченко в альбоме 1843 года, во время своих странствований по Украине. *Казацкого полковника* — т. е. Семена Палия, бывшего фастовским полковником. См. выше, примечание к поэме «Чернец». У *Переяги* — имеется в виду огромная скифская могила, в раскопках которой Шевченко принимал участие.

«Ой, не п'ються мед и пиво» («Ой, не п'ються пива, меди»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 535—536. Русский перевод В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 3, 10 января. Стихотворение является свободным перепевом на темы любимых Шевченко чумацких песен, в частности песен о смерти чумака в пути (ср., например, М. Лисенко, *Збірник українських пісень*, вып. IV, № 13 и др.).

«На улице невесело» («На улиці невесело»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 537. Русский перевод И. Сурикова — «Иллюстрированная газета», 1871, № 23, стр. 362.

«Как у той у Катерины» («У тієї Катерини»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 221—223. Русский перевод В. Изгоева <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 4. На слова стихотворения Н. В. Лысенко написал пользующийся большой известностью романс для баритона. Как указал Иван Франко, «Шевченко для написания небольшой своей поэмы, в которой он хотел охарактеризовать и глубину казацкого чувства, и казацкую удаль в достижении поставленной перед собою цели, и, наконец, казачью гордость, которая не терпит ни тени лжи, воспользовался народной украинской песней, одной из самых популярных песен украинского народа, известной исследователям песней о «Тройзелье» (Ив. Франко. *Студії над українськими народними піснями*. — *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, Львов, 1908, кн. III, стр. 18). При этом, однако, Шевченко изменил основной мотив песни. По этому поводу Франко в той же статье замечал, что «само перенесение мотива с тройзелья на освобождение казака из неволи делает честь живому поэтическому чувству Шевченко» (там же, стр. 25). *Козлов* — старое казачье название Евпатории в Крыму, искаженное татарское название города — «Гезлеф».

«Из-за роши солнце всходит» («Із-за гаю сонце сходить»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 472. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Ой, пошла я в овраг за водою» («Ой, пішла я у яр за водою»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 538. Русские переводы: М. Козырева — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900; С. Дрожжина — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 191.

«Не так недруги твои» («Не так ті вороги»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 539. Русские переводы: И. Р. <Одионов?> — «Пчелка», 1884, № 33, стр. 226 («Друзья»); П. А. Тулуб — «Вестник Европы», 1904, № 8, стр. 263—264.

«Ой, баю-баю, качаю сына» («Ой, люлі, люлі, моя дитина»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 5. Русский перевод Ив. Родионова — «Грамотей», 1875, № 5, стр. 46.

«От чего ты почернело» («Ой, чого ти почорніло»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VII, стр. I. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 26, стр. 420. *Вкруг мещечка Берестечка*. — Под Берестечком (на Волыни) в июне 1651 года произошла кровавая битва между казацким войском под командованием Богдана Хмельницкого и польско-шляхетской армией. Из-за неожиданной измены союзника Хмельницкого, крымского хана, казаки понесли большие потери, хотя вывели из-под удара основные свои силы.

«Туман плывет долинами» («Туман, туман долиною»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 4—5.

«То пасхальное воскресенье» («У неділеньку у святу»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 655. В стихотворении описывается казацкая «рада» (сход) для избрания нового гетмана. Материалом поэту послужил рассказ «Истории Русов» о выборе Павла Буга (Павлюка) вместо Василия Томиленко. Эти сравнительно малоизвестные имена заменены в стихотворении именами более популярных в народной поэзии Лободы (в действительности Григория, а не Ивана) и Наливайка (которого звали Северином, а не Павлом). Следует также заметить, что в действительности участие в раде принимала не вся масса казаков, но — «почтенные запорожцы», т. е. преимущественно казацкая старшина.

«В лес-дуброву я ходила» («У перетику ходила»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года. Русский перевод Я. Лизина <И. Якунина> — «Будильник», 1874, № 42, стр. 2.

«В воскресеньице да ранехонько» («У неділеньку та ранесенько»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 542. Русский перевод И. Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 11—12. Стихотворение является свободной вариацией на темы любимых поэтом чумацких народных песен. *Копали <...> притыками яму*. — Притыки — деревянные колышки, прикрепляющие ярмо волов к дышлу.

«То не тополь ветер буйный» («Не тополю високою»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 543. Русский перевод И. Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 19.

«Протоптала стежечку» («Утоптала стежечку»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 486. Русский перевод А. Пле-

щсева — «Москѡвскій вестник», 1859, № 4—5, стр. 46 (перевод сделан по рукописи). В начале января 1858 года Шевченко переслал эту песню, вместе с «В огороде возле брода» (см. ниже), Кулишу, прося передать их А. Н. Маркевичу, — «не положил ли бы он их на ноты» (перевод с украинского). Основанием для этой просьбы явилась «тетрадь первая» «Малороссийских народных песен, сложенных на ноты для пения и фортепиано Андреем Маркевичем», — приложение к «Запискам о Южной Руси», т. II. В ответном письме (20 января 1858 года) Кулиш замечал: «Песни твои очень хороши. Неужели обе сам сочинил? «Дуда» как будто мне знакома» (перевод с украинского). Шевченко тотчас же поспешил объяснить (26 января 1858 года):

«Заграй мені, дуднику,
На дуду;
Нехай своє лишенько
Забуду, —

только это не мое, а так вся песня моя» (перевод с украинского). Указанная в письме Шевченко песня, из которой заимствованы приведенные четыре стиха, — шутливая бытовая народная песня «Ой, ходила дівчина бережком», известная, между прочим, в обработке Н. В. Лысенко. Слова песни Шевченко использовал М. П. Мусоргский в «Сорочинской ярмарке» (песня Хиври), — видимо, по памяти.

«И широкую долину» («І широкую долину»). Впервые — «Народное чтение», 1860, № 1, стр. 143. Там же, стр. 144 — русский перевод А. Н. Плещеева. Кому адресовано стихотворение — неизвестно.

«В огороде возле брода» («Навгороді коло броду»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VII, стр. 3. Русские переводы: Н. В. Гербеля — «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1869, стр. 307; И. Сурикова — «Развлеченье», 1869, № 39; К. Горюнова — «Иллюстрированная газета», 1870, № 22, стр. 347. На слова этого стихотворения написана музыка П. И. Чайковским (для дуэта).

«Кабы мне монисто, родная» («Якби мені, мамо, намисто»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VII, стр. 2. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911.

«— Не хочу я обручаться» («Не хочу я женитися»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 224—225. Русский перевод Н. Гербеля — «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 184—185 («Казачья доля»); перевод сделан по рукописи (заголовок принадлежит переводчику).

Чума (Чума). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 544—545. Русские переводы: П. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 12—13, стр. 246—247; Л. Трефолева — «Будильник», 1878, № 17, стр. 238—239. Стихотворение написано под впечатлением страшной

холерной эпидемии 1848 года; черновой вариант первой строки был. «Холера с заступом ходила».

«И снова мне не привезла» («И знов мені не привезла»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 546—547. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«В неволе я один скучаю» («В неволі, в самоті немає»). Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, стр. 7. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«— Мой отец старый умер» («Ой, умер старий батько»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VII, стр. 2—3. Русский перевод Ив. Родионова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Из похода не вернулся» («Не вернувся із походу»). Впервые — «Народное чтение», 1859, № 1, стр. 144—145. Русские переводы: А. Плещеева — «Народное чтение», 1859, № 3, стр. 144; И. Сурикова — «Стихотворения Сурикова», СПб., 1875, стр. 84.

«Во граде Вильно достославном» («У Вільні, городі преславнім»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 79—82. Русский перевод А. Доброхотова — «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», М., 1905. Как известно, в 1829—1830 годы Шевченко, находясь в услужении у помещика Энгельгардта, прожил некоторое время в Вильно. На этом основании комментаторы высказывали предположение, что поэт сам мог слышать о трагическом эпизоде, впоследствии, в ссылке, припомнившемся ему и использованном в данном стихотворении. Подобному предположению, однако, противоречит хронология событий стихотворения, происшедших уже после отъезда Шевченко из Вильно, в 1832 году. Возможно, стихотворение использовало рассказ товарища поэта в Кос-Арале, Томаша Вернера. *Но трудно мне в поэму втиснуть это слово* — университет. Речь идет о Виленском университете, закрытом 1 мая 1832 года за то, что многие студенты и лица, близкие к университету, приняли участие в польском восстании 1830—1831 годов. В здании университета, на основе медицинского его факультета, была открыта Медико-хирургическая академия, о чем упоминается в дальнейших строках стихотворения. *Пред острой брамой* — городские ворота в Вильно с якобы «чудотворным» изображением богородицы. Прожоие обязанности были снимать шапки перед этим изображением. *Вилия* — река, на которой стоит Вильно. *Закрыт* — пригород Вильно.

«Не домой спеша» («Не додому вночі йдучи»). Впервые — альманах «Хата», СПб., 1860, стр. 77—78, под заглавием «На рїздві» («На рождество»); заголовок дан Кулишом. Русский перевод Н. В. Гербеля — «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 180. Стихотворение обращено к одному из ближайших друзей поэта первых лет ссылки, Федору Матвеевичу Лазаревскому (1820—1890). В письме к В. Н. Репниной, 7 марта 1850 года, Шевченко так писал о своем друге: «Это один из самых благородных людей! Он первый не устыдился моей серой шинели и первый

встретил меня по возвращении моем из Киргизской степи и спросил, есть ли у меня что пообедать. Можно предположить также, что данное стихотворение, заканчивавшее вторую «захалавную» книжечку, было написано перед ее отправкой к Лазаревскому на сохранение.

«Как днем осенним чумаки» («Неначе степом чумаки»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 444. Русский перевод Ив. Белоусова — «Кобзарь. В переводах русских писателей», СПб., 1906, стр. 254. Этим стихотворением начинается третья «захалавная» книжечка Шевченко.

<Сотник> (Сотник). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 492—508; в автографе заглавие отсутствует. Русский перевод Н. Пушкирева — «Новое время», 1874, № 12. *Оглав* — село неподалеку от Киева. *Борисполь* — село в 30 км от Киева, на левом берегу Днепра. *Он в бурсу сдал учиться в Киев* — т. е. в Киевскую академию; см. выше, примечание к стихотворению «Чернец». *Да еще и богословом* — т. е. Петро перешел на старший курс Академии. *Уже к «Достоиню» отзвонили* — молитвою «Достоиню» заканчивалась обедня, утреннее богослужение.

«За солнцем облачко плывет» («За сонцем хмаронька пливе»). Впервые — «Основа», 1861, кн. XI—XII, стр. 4—5. Русский перевод И. Родионова — «Грамотей», 1873, № 10, стр. 58.

«Не стану я печалиться» («Як маю я журитися»). Впервые — «Основа», 1861, кн. XI—XII, стр. 5. Русский перевод И. Родионова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. 3 января 1850 года Шевченко вписал это стихотворение в письмо к О. М. Бодянскому: «Чтобы не оставалось свободной бумаги <гуляющего паперу>, — вот тебе с десятка стихов моей работы». Следует думать, что как раз в это время поэт правил стихотворение, либо переписывал его с черновых набросков в «захалавную» книжечку.

«Зачем буду я жениться» («Нашо мені женитися?»). Впервые — альманах «Хата», СПб., 1860, стр. 79—80, под заглавием «Казацкая доля» («Козацька доля»); заглавие дано Кулишом. Русский перевод Вл. Гиляровского — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Ой, серые кричат гуси» («Ой, крикнули сірі гуси»). Впервые — «Основа», 1861, кн. III, стр. 3—4. Русский перевод Ивана Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 13—14.

«— Если бы тебе досталось» («Якби тобі довелось»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 453—456. Русский перевод Пр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«И тернистый и колючий» («Заросли шляхи тернами»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 509—510. Русский перевод И. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Зацвели в долине» («Зацвіли в долині»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 5—6; по цензурным соображениям — без последних восьми строк. Русский перевод П. А. Тулуба — «Вестник Европы», 1904, № 8, стр. 263.

«И в самых радостных краях» («У нашім раї на землі»). Впервые — «Основа», 1862, кн. VIII, стр. 1—3, под заглавием «Мати-покритка» (заглавие дано Кулишом). Русский перевод П. А. Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 4, стр. 118—121.

«В светлый праздник на соломе» («На великдень, на солومی»). Впервые — «Основа», 1862, кн. II, стр. 1. Русские переводы: К. Горюнова — «Иллюстрированная газета», 1870, № 22, стр. 347; И. Сурикова — «Стихотворения Сурикова», СПб., 1871, стр. 127.

«Бывало думаю, гуляю» («Було роблю шо, чи гуляю»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 511—512. Русский перевод И. Я<кунина> — «Будильник», 1875, № 2, стр. 67.

«Бывает, иногда старик» («Буває іноді старий»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 440. Русские переводы: «Развлечение», 1890, № 11, стр. 11 (анонимный); И. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Не самому ль мне написать» («Хіба самому написати»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 580—581. Русский перевод И. Белоусова — «Нижегородский сборник», СПб., 1905, стр. 72—73. *Уж десять лет свой круг свершили, как свой «Кобзарь» я людям дал.* — Первое издание «Кобзаря» появилось в мае 1840 года (цензурное разрешение 12 февраля 1840 года). *А иногда седой казак <...> Теперь в далекой стороне.* — Поэт вспоминает то место из доклада начальника III отделения графа Орлова Николаю I, в котором содержалась характеристика поэтического творчества Шевченко и устанавливалась его «вина». В своих стихах, писалось в докладе, Шевченко «то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольности казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома».

«Мы чванные, пустые люди» («Дурні та горді ми люди»). Впервые — «Україна», 1907, № 7—8, стр. 11—12. Русский перевод А. Колтоновского — «Кобзарь», СПб., 1911. Сохранилась лишь черновая (возможно, незаконченная) редакция стихотворения в одном из двух альбомов поэта, отобранных у него при аресте в 1850 году.

«И золотую и родную» («І золотої й дорогої»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 427. Русский перевод А. Доброхотова — «Кобзарь Т. Шевченко в переводе русских поэтов», М., 1905. «Малая» книжка свидетельствует о значительной творческой работе поэта над стихотворением при переписке его набело в 1858 году.

«Мы некогда росли вдвоем». («Ми вкупці колись росли»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 428—430. Русский пе-

ревод И. Белоусова — «Русское дело», 1888, № 40, стр. 12. В стихотворении поэт возвращается к воспоминаниям о подруге своих детских лет Оксане Коваленко; см. выше, примечание к поэме «Марьяна-черница». *Все выглядело как всегда* — Шевченко неоднократно с любовью вспоминал в произведениях пейзажи родного села; ср. начало повести «Княгиня».

«Готово! Парус распустили» («Готово! Парус розпустили»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 441. Русский перевод Ф. Тищенко — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. Как сообщал в официальном рапорте начальник описной экспедиции, лейтенант А. И. Бутаков, «кампания 1849 года окончилась 22 сентября. <...> В течение этих двух кампаний сделана съемка всех берегов Аральского моря, астрономическая установка его и промер глубины, достаточной для судоходства. <...> Описные работы в нынешнем году весьма замедлились частыми и продолжительными крепкими ветрами и нередко жестокими штормами, ставившими суда наши в крайне опасное положение. Вообще большая часть сделанного нами сделана с опасностью и с риском, выходящим иногда из пределов благоразумия. Для самого Шевченко полугодовое пребывание в составе Аральской экспедиции было связано с самыми тягостными воспоминаниями; встретившись несколько лет спустя, во Владимире, с Бутаковым, он с недоумением записывал в Дневнике своем: «Теперь он едет с женою в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи. У меня при одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет. А он, кажется, готов навсегда там поселиться. Понравилась сатана лучше ясна сокола» (10 марта 1858 года). *Баркас с байдарой заскользили* — так Шевченко называет суда, находившиеся в распоряжении экспедиции: шхуну «Константин» и судно поменьше — «Николай». В распоряжении экспедиции, кроме того, было еще третье судно, «Михаил», принадлежавшее местным рыбопромышленникам. *Прощай же, Кос-Арал убогий!* — Экспедиция покинула Кос-Арал 10 октября 1849 года.

«Мы осенью и впрямь похожи» («Ми восени таки похожі»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 431—432. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 244—245.

«Считаю в ссылке дни и ночи» («Лічу в неволі дні і ночі»). Впервые — «Основа», 1862, кн. III, стр. 2. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. Этим стихотворением начинается четвертая «захалавная» книжечка, заполнявшаяся уже в Оренбурге, вплоть до обыска у Шевченко и его ареста, 27 апреля 1850 года. В 1858 году поэт существенно переработал стихотворение при переписке его в «Большую» книжку.

«Запели мы и разошлись» («Ми заспівали, розійшлись»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года. Русский перевод Н. Пушкарева — «Московское обозрение», 1877, № 27, стр. 18. Возможно, что стихотворение отражает настроения дружеских вечеров, об одном из которых рассказал в своих воспоминаниях о Шевченко Ф. М. Ла-

заревский: «Шевченко прочел нам наизусть свою поэму «Кавказ», «Сон» и др., пропел несколько любимых своих песен: неизменную «Зироньку», «Тяжко-важно в світі жити»; но с особенным чувством была исполнена им песня:

Забілили сніги,
Заболіло тіло
Ще й головонька.
Ніхто не заплаче
По білому тілу
По бурлацькому... и проч.

Мы все пели. <...> Были минуты, когда слезы сами собой капались из глаз, а гость наш <Шевченко> просто рыдал...» Высказывалось также предположение, что стихотворение посвящено С. Сериковскому и его кружку.

«Не молилась мать за сына» («Не молилася за мене»). Впервые — альманах «Хата», СПб., 1860, стр. 83—84 под заглавием «Хатина» и с неверной пометой: «Над Каспием» (и то и другое сделано Кулишом). Кроме того, по цензурным соображениям исключены последние одиннадцать строк, от слов: «Ты, господи, панам богатым». Русский перевод Пр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

Петрусь (Петрусь). Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, стр. 1—5, под заглавием: «Из поэмы «Петрусь», с большими пропусками, частью цензурного свойства, частью объясняемыми редакционным вмешательством Кулиша. Полностью — в кн. «Т. Шевченко. Княжна. Варнак. Петрусь», Прага, 1876. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 16, стр. 408—414. Можно думать, что сюжет поэмы был использован Шевченко также в повести, которая в списке посмертных его прозаических произведений, оставшихся в рукописях, была обозначена так: «Повесть о безродном Петрусе», неизвестно какого времени, переписанная не Шевченко, а им только исправленная» («Основа», 1862, кн. III, стр. 143). Рукопись повести впоследствии была утрачена и до сих пор не найдена.

«Мне кажется — я сам не знаю» («Мені здається, я не знаю»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 560—561. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. С большой долей вероятности можно считать это послание навеянным чтением произведений М. Ю. Лермонтова, одного из любимых поэтов Шевченко. Вскоре по приезде в Орскую крепость поэт просил своих корреспондентов (А. И. Лизогуба, М. М. и Ф. М. Лазаревских, вероятно М. С. Щепкина) прислать ему «ради поэзии святой» хотя один том Лермонтова: «Большую-пребольшую радость пришлете с ним вашему благодарному и бесталанному земляку» (М. М. Лазаревскому. 20 декабря 1847 года; перевод с украинского). 27 апреля 1848 года Ф. М. Лазаревский известил поэта: «От Михайла Семеновича <Щепкина> получите Лермонтова и Гоголя «Выбранные места» (перевод с украинского). Очевидно, письмо и посылка с книгами прибыли уже после того, как Шевченко уехал

из Орской крепости в экспедицию, и были переданы через полтора года после возвращения в Оренбург. Следы чтения Лермонтова явно ощущаются в данном стихотворении («Дума», «Когда волнуется желтеющая нива», «На смерть поэта», «Пророк»). Вторую часть стихотворения можно рассматривать как послание к М. С. Щепкину.

«Когда б вы знали, господа» («Якби ви знали, панніч»). Впервые — в кн. «Т. Шевченко. Княжна. Варнак. Петрусь», Прага, 1876, стр. 58—62. Русский перевод П. Грабовского — «Сибирский листок», 1900, № 22, 19 марта (отрывок); ср. также «Сибирский листок», 1901, № 43, 3 июня. *Своих элегий не творили б.* — Возможно, что в данной строке Шевченко оговорился, что, вместо «элегий», следует читать: «идиллий». Подобное предположение подсказывают следующие строки, говорящие именно об идиллических изображениях крепостного села в художественной литературе.

«Бывает, в неволе мечтать начинаю» («Буває, в неволі іноді згадаю»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года; стихотворение здесь разорвано надвое: первая половина (до слов: «Но мне тот казак Рассказывал вот что») — на стр. 563—564, вторая — на стр. 433—435. Произошло это по вине переплетчика, ошибочно подобравшего самодельные тетрадки при переплете их в «Малую» книжку, а также по небрежности Костомарова, редактировавшего «Кобзарь» 1867 года. Полный и исправный текст стихотворения восстановлен только в 1907 году. Русский перевод А. Доброхотова — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», М., 1905. *Покуда третий Сигизмунд с проклятыми его ксендзами нас не поссорили* — имеется в виду Сигизмунд, король польский (1587—1632).

«И станом гибким и красую» («І станом гнучим і красою»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 425—426. Русский перевод Н. Пушкирева — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900. Лицо, к которому обращено стихотворение, неизвестно. Можно, однако, сопоставить стихотворение со следующим отрывком из воспоминаний Ф. М. Лазаревского. По возвращении в Оренбург поэт, благодаря доброму отношению А. И. Бутакова, поселился на частной квартире, под предлогом необходимости завершения обработки материалов, собранных Аральской экспедицией. Как рассказывает Ф. М. Лазаревский, «в это время он почти никогда не носил солдатской шинели. Летом он ходил в парусиновой паре, а зимой в черном сюртуке и драповом пальто», которые ему одолжил Лазаревский. «Вечера наши проходили незаметно. Пили чай, ужинали, пели песни. <...> Изредка устраивались вечера с дамами, причем неизменной подругой Тарасовой была татарка Забаржада, замечательной красоты». Возможно, этой «подруге Тарасовой» и адресовано данное стихотворение.

«Огни горят, оркестр играет» («Огні горять, музика грає»). Впервые — «Иллюстрация», 1861, № 177, стр. 27. Русский перевод Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 4, стр. 108 («Бал»); перевод сделан с рукописи. Получил большую известность романс Н. В. Лысенко на слова этого стихотворения.

«Неволя, или горе злое» («Чи то недоля та неволя»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 577—579. Русский перевод И. А. Белоусова — в кн. «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

«Какого дьявола я трачу» («На батька бісового я трачу»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 421. Русский перевод Е. Гославского — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 233—234. Трагическая безнадежность стихотворения, написанного, очевидно, весной 1850 года, объясняется тем, что поэту сделался известным ответ Дуббельта командиру Оренбургского корпуса о том, что граф Орлов считает невозможным просить у Николая разрешения Шевченко рисовать.

«Все снится мне: вот под горою» («І досі сниться: під горою»). Впервые — «Основа», 1861, кн. XI—XII, стр. 3—4. Русский перевод И. Сурикова — «Модный магазин», 1869, № 24, стр. 385. Этим стихотворением обрывается «захалавная» книжечка. Предупрежденный заблаговременно о сделанном на него доносе, поэт, с помощью Ф. М. Лазаревского, сжег все бумаги, письма, рисунки, которые могли его скомпрометировать и обратить внимание военного начальства и жандармов на лиц, поддерживавших сношения с политическим ссыльным. Одновременно он передал Лазаревскому и последнюю из «захалавных» книжечек на сохранение.

«О пять настало время злое!..» («Мій боже милий, зную лихо!..») Впервые — «Кобзарь», ч. I, Женева, 1876, стр. 279. Русский перевод (анонимный) — «Запретный кобзарь. В переводах собранных И. А. Белоусовым», М., 1922. Стихотворение не было вписано в «захалавную» книжечку, — это указывает на то, что написано оно было после ареста 1850 года. Опубликовавший его (по автографу, находившемуся в руках Ф. М. Вовка, одного из редакторов «Кобзаря» 1876 года) М. П. Драгоманов отметил, что «это произведение, несомненно, Шевченко, однако трудно определить время, когда оно было написано». Содержание же стихотворения намекает как будто на события 1853—1855 годов, точнее — на события, непосредственно предшествовавшие Крымской войне. Таким образом, это — единственное стихотворение, написанное в Новопетровском укреплении ссыльным поэтом-солдатом.

Солдатов колодец (Москалева криниця). Впервые — «Основа», 1861, кн. XI, стр. 1—13. Русский перевод Н. А. Чмырева — «Кобзарь в переводе Н. А. Чмырева», М., 1874, стр. 125—138. Поэма была первым произведением Шевченко на украинском языке после семилетнего перерыва, написанным вскоре по получении сообщений о предстоящем освобождении поэта из «тюрьмы незамкнутой». Поэт остался доволен «небывалым рассказом мшиного варнака». «Стихи оказались почти одной доброты с прежними моими стихами, — записал он в Дневнике 20 июня 1858 года. — Немного упруге и отрывистее. Но это ничего, даст бог, вырвуся на свободу, и они у меня потекут плавнее, свободнее, и проще, и веселее».

Неофиты (Неофіти). Впервые — «Основа», 1862, кн. IV, стр. 1—17. Русский перевод Н. М<изко> — «Дон», 1869, № 48, 8 мая; № 49, 11 мая. Поэма написана 4—8 декабря 1857 года, о чем

свидетельствует запись в дневнике Шевченко. Политический, остро злободневный в то время подтекст поэмы прекрасно понимали современники, и, например, идейный и политический антагонист Шевченко, Кулиш, всеми силами пытался отговорить поэта не только от печатания поэмы, но и от всяких попыток распространять ее в каком бы то ни было виде. «Твои «Неофиты», брат Тарас, — писал он 10 января 1858 года, — хорошая вещь, но не для печати. Не годится напоминать сыну <т. е. Александру П. — И. А.> об отце <Николае I. — И. А.>, ожидая от сына какого бы то ни было добра! <...> Не только печатать эту вещь рано, но позволь мне, брат мой, не посылать ее к Щепкину, потому что он с нею повсюду будет носить и пойдет о тебе такой слух, что и подавно не следует пускать тебя в столицу» (перевод с украинского). Только по настоятельному требованию Шевченко рукопись поэмы была передана Щепкину, которому «Неофиты» и посвящены — «на память 24 декабря 1857 г.», т. е. того дня, когда великий артист приехал в Нижний-Новгород.

Ю р о д и в ы й (Юродивий). Впервые — «Записки Наукового товариства імені Шевченка» (Львов), 1901, кн. 1, стр. 3—6. Рукопись стихотворения представляет собою незаконченный черновик, без даты; последняя, впрочем, совершенно точно устанавливается из самотекста; обращение к путеводной звезде поэта, которая, «из пуго освобождая» его, ведет «на свалку к Николаю» — указывает, что стихотворение написано по дороге из ссылки в Петербург, т. е. в промежутке между августом 1857 года и мартом 1858 года. Обращение же к Дневнику поэта позволяет не только уточнить дату, но и восстановить контуры того замысла Шевченко, началом и незаконченным отрывком которого является «Юродивый». 19 июля 1857 года Шевченко записал в Дневнике сон, подсказавший ему сюжет нового произведения. «Морфей, — писал он, — перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как иглами, высокими минаретами». «В тесной улице этого восточного города» поэт повстречал чиновника генерал-губернаторской канцелярии в Киеве, Писарева, страшного взяточника и негодяя. «У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев с своим всемогущим покровителем и с своей бездушной красавицей супругой. Где он? Что теперь с этим гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал, здесь уже <т. е. в Новопетровском укреплении. — И. А.>, что он из Киева переведен был в Вологду <в Петрозаводск. — И. А.> гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник. В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы в роде «Анджело» Пушкина, перенес место действия на Восток, и назвал ее: «Сатрап и Дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполнил этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать порусски». С этим замыслом Шевченко, несколько дней спустя, связал еще один аналогичный случай, происшедший уже в «Оренбургской сатрапии»: солдат-вестовой дал пощечину своему командиру, утаившему полученные солдатские деньги. Оба случая, очевидно, при-

влекли к себе внимание поэта, как живые свидетельства того, что даже жестокая, палочная николаевская муштра не в состоянии совершенно подавить в народных массах чувства собственного достоинства; обе пощечины, таким образом, выростали в его глазах в своеобразные обобщения, символы таящихся в народе возможностей революционного протеста, — тема, как известно, занимавшая Шевченко с первых лет его литературной деятельности. Отъезд из Новопетровской крепости, поездка по Волге, пребывание в Нижнем-Новгороде — все это значительно расширило круг наблюдений и впечатлений поэта; все это также способствовало изменению первоначального замысла «эпопеи». Только что закончив «Неофитов», 8 декабря 1857 года, Шевченко снова вспоминает в Дневнике о своем замысле: «Не знаю, когда я примусь за «Дервиша и Сатрапа», а поползновение большое чувствую к <писанию>». А в записи 13 декабря читаем: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша», и если бог поможет окончить с успехом, то посвящу его честным, щедрым и благородным землякам моим. Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпопеи. Это форма для меня совершенно новая. Не знаю, как я с нею слажу?» Сопоставление всех этих данных с текстом «Юродивого» неопровержимо доказывает, что отрывок этот, собственно, и является началом осуществления замысла «эпопеи», которая по неизвестным причинам осталась незаконченной. В «Юродивом» мотив пощечины, мыслившийся первоначально основой сюжета, сведен к нескольким строкам; зато на первый план выступила история политических протестов против самодержавия, начиная с декабристов. Незаконченность отрывка (вообще говоря, нетипичную для Шевченко) следует объяснить естественным желанием поэта еще более расширить круг своих наблюдений и сведений в этой области, еще более заострить политическое звучание задуманной эпопеи. *Во дни фельдфебеля-царя* — т. е. Николая; он же далее называется «Бывый фельдфебель ваш Сарданапал». Фельдфебелем Николая неоднократно называл Герцен. «В какой бы вид царь ни облекся, — писал он, — представляй он из себя папу восточного, фельдфебеля прусского, хана татарского, он все-таки не что иное, как представитель грубой силы и уже минующей исторической необходимости» («Народный сход в память февральской революции», 1855). *Капрал Гаврилович Безрукий* — киевский генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792—1870); в Бородинском сражении он лишился руки. «Капральство» Бибиикова подчеркивал также Герцен, характеризуя его как «Цицерона николаевской эпохи», в котором «каждое слово — палка, сосновая, сухая, сучковатая палка!» *Унтер пьяный Долгорукий* — харьковский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков. *Благосклонный пребывали* — обычная формула подписи на так называемых царских «рескриптах». Позволителем и в данном случае усматривать следы усердного чтения поэтом Герцена (во время поездки по Волге и в Нижнем-Новгороде), который в «Полярной звезде на 1856 год» (ее читал Шевченко) писал о Николае: «Я не верю, чтоб он когда-нибудь страстно любил какую-нибудь женщину, как Павел — Лопухину, как Александр — всех женщин, кроме своей жены: он «пребывал к ним благосклонен», — не больше». *С ефрейтором своим меньшим* — т. е. с упомянутым выше Писаревым.

Доля (Доля). Впервые — в альманахе «Хата», СПб., 1860, стр. 59. Русские переводы: Л. П. Блюммера — «Светоч», 1860, № 4, отд. III, стр. 77; Н. В. Гербеля — «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов», СПб., 1860, стр. 177; Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 5, стр. 103. Последний перевод, еще в рукописи, был сообщен поэту, с рядом поправок переводчика и с просьбой: «Доставь же мне еще что-нибудь из твоих заветных стихотворений» (недатированная записка; обычная датировка — 1859 год — ошибочна: записка написана в начале 1860 года).

Муза (Муза). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 24 (в публикации шевченковского Дневника); по тексту «Большой» книжки — «Кобзарь» 1867 года, стр. 619—620. Русский перевод Николая Курочкина — «Народное чтение», 1860, № 5, стр. 104; перевод сделан по рукописи.

Слава (Слава). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 25 (в публикации шевченковского Дневника); по тексту «Большой» книжки — «Кобзарь» 1867 года, стр. 621—622. Русский перевод И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь. В переводах, собранных И. А. Белоусовым», М., 1918. *С воров под Версалем* — т. е. с Наполеоном III, который объявил себя императором, использовав свое положение президента Французской республики (переворот 2 декабря 1851 года). *С Николаем в Крыму* — имеется в виду Крымская война 1854—1855 годов.

Сон («На барщине пшеницу жала») (Сон. «На панцині пшеницу жала»). Впервые — «Русская беседа», 1859, № 3, стр. 5. Русский перевод А. Н. Плещеева — «Московский вестник», 1859, № 4—5, стр. 46 («Жница»). Стихотворение было одним из любимых для самого поэта; он особенно охотно дарил его на память друзьям и знакомым (Н. А. Маркевич, М. В. Максимович, Ф. И. Черненко и др.).

«Я, чтоб не сглазить, не хвораю» («Я не нездужаю, нівроку»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, т. I, стр. 65. Русский перевод Гр. Владимирского — «Резец», 1934, № 6, стр. 13. Стихотворение является первым откликом вчерашнего ссыльного солдата на те сдвиги в общественной жизни страны, с которыми он столкнулся после своего возвращения в Петербург. В шевченковской литературе данное стихотворение неоднократно сопоставлялось с известным «Письмом из провинции», напечатанным, за подписью «Русский человек», в листе 64 «Колокола» за 1860 год; «Письмо» приписывалось до сравнительно недавнего времени Чернышевскому. Особенно убедительным казалось совпадение призывов «к топору» в стихотворении Шевченко и в «Письме из провинции», которое заканчивалось следующим призывом к немедленному восстанию: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! <...> Пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь». Однако, несмотря на совпадение призывов к топору, нетрудно видеть, что Шевченко и автор «Письма из провинции» (авторство Чернышевского в настоящее время опровергнуто убедительными аргументами Б. П. Козмина; см. его заметку «Был ли Н. Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену» — «Литературное наследство, кн. 25—26,

стр. 576—585) говорят о различных вещах: если «Русский человек» призывает к немедленному восстанию, то Шевченко зовет прежде всего к организации крестьянских масс для того, чтобы последующее восстание увенчалось успехом. Он в данном случае был более солидарен с Герценом, который, в своем ответе «Русскому человеку», замечал: «Мне кажется, что призыв к топору — последнее, а не первое. <...> Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план, силы и готовность лечь костями, не только схватившись за рукоятку, но схватив за лезвие, когда топор слишком расходится» («Колокол», 1860, л. 64, стр. 583). Об организации и плане, как первоочередной задаче, говорил также Чернышевский в прокламации «Барским крестьянам», призывая «единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой заpastись». «Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит, дело поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1950, стр. 523—524). Следует иметь в виду: и «Письмо из провинции» и прокламация «Барским крестьянам» появились в свет после того, как Шевченко написал стихотворение. Речь, стало быть, идет не о каких-либо текстуальных «влияниях» и «заимствованиях», но о настроениях, характеризующих определенную общественную группу — революционную демократию, к которой принадлежал и Шевченко.

Подражание 11 псалму (Подражание 11 псалму). Впервые — «Основа», 1861, кн. X, стр. 1. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 17, 5 марта; Н. Пушкарева — «Московское обозрение», 1877, № 14, стр. 321.

Марку Вовчку (Марку Вовчку). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 627. Русский перевод И. Белоусова — «Народное благо», 1903, № 47, стр. 15. *Марко Вовчок* — псевдоним Марии Александровны Маркович (1834—1907) — русско-украинская писательница-демократка. Ее произведения чрезвычайно высоко ценились революционно-демократической критикой, в частности Добролюбовым (статья «Черты для характеристики русского простонародья»), Чернышевским. Очень высоко расценивал их также Шевченко, считавший Марку Вовчку превосходным знатоком народного слова и быта, замечательным художником. Дата посвящения — 24 января 1859 года — определяет, очевидно, день знакомства поэта с М. А. Маркович. С ее произведениями (сборником «Народні оповідання», т. е. «Народные рассказы», СПб., 1857) он познакомился еще в Нижнем-Новгороде. 18 февраля 1858 года он записал в Дневнике под свежим впечатлением от прочитанной книги: «Какое возвышенно прекрасное создание эта женщина! <...> Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги».

Исайя. Глава 35 (Исаия. Глава 35). Впервые — «Основа», 1861, кн. XI—XII, стр. 2—3 под заголовком «Прочитавши главу 35 Исаии»; заглавие дано Кулишом. *Исайя* — мифический древнееврейский пророк, именем которого названа одна из книг Ветхого завета.

NN. («Как ты, лилеею такою ж») (NN. «Така, як ти, колись лілея»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 212. Лицо, к которому обращено стихотворение, неизвестно.

Федору Ивановичу Черненко (Федору Ивановичу Черненку). Впервые — в альманахе «Хата», СПб., 1860, стр. 90, под заглавием «Пісня» («Песня»), без посвящения. Русский перевод Н. Гербеля — «Модный магазин», 1863, № 22, стр. 259. Федор Иванович Черненко — инженер, знакомый Шевченко еще с 40-х годов. Поэт сблизился с ним после возвращения из ссылки, неоднократно посещал еженедельные собрания у него. Дата 22 сентября 1859 года отмечает посещение поэтом Черненко после возвращения из поездки на Украину (конец мая — 7 сентября 1859 года).

«Ой, мама, мама, как я страдаю!» («Ой, маю, маю я оченята!»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 632. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900.

Сестре (Сестрі). Впервые — «Основа», 1861, кн. VI, стр. 47—48. Русский перевод И. А. Белоусова — «Маленький кобзарь. Из Т. Г. Шевченко. Переводы И. А. Белоусова», Киев, 1892, стр. 34—37. Стихотворение обращено к сестре поэта, Ярине Григорьевне Бойко (род. 1816), наиболее близкой ему из всех сестер и братьев. После многих лет разлуки поэт свиделся с нею во время поездки на Украину, летом 1859 года; отголоском этой встречи недавнего ссыльного солдата с сестрой, крепостной крестьянкой, несчастливой в семейной жизни, и явилось стихотворение «Сестре». Следует заметить, что, возвратившись в Петербург с Украины, Шевченко принялся настойчиво хлопотать об освобождении из крепостной неволи своих сестер и братьев. В этом деле активно участвовали многие передовые русские литераторы, деятели Литературного фонда, в том числе Чернышевский и Тургенев.

«Я, глупый, размышлял порою» («Колись, дурною головою»). Впервые — «Основа», 1862, кн. I, стр. 6. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. Стихотворение это (как и предшествующее стихотворение «Сестре») написано во время кратковременного ареста поэта в Черкасах по обвинению в «богохульстве»; в действительности за этим обвинением скрывалось другое — в революционной пропаганде среди крестьян. На этот арест в стихотворении содержатся реальные намеки, особенно в последних строках, в упоминании «распинающих пилатов», т. е. жандармов, не оставивших поэта в покое, не выпустивших его из поля своего внимания.

«Во Иудее во дни оны» («Во Иудеї во дні они»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 637—638 (с большими цензурными пропусками; в частности, вовсе отброшен конец стихотворения, начиная со слов: «О, спаси же нас...»). Русский перевод Ф. Сологуба — «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л. 1934, стр. 277—278. Стихотворение тесно связано с поэмой «Мария» (см. ниже) и должно рассматриваться как подготовительный к ней этюд, впоследствии получивший самостоятельное бытие.

Мария (Марія). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 215—235. Русский перевод И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь». В переводах, собранных И. А. Белоусовым, М., 1918. Поэма в течение ряда десятилетий, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, вызывала неистовую ненависть реакционно-поповских кругов, негодовавших на поэта за «искажение» «евангельского повествования». Революционер-демократ Иван Франко считал, что поэму эту «следует отнести к лучшим, наиболее глубоко задуманным и гармонически завершенным поэмам Шевченко. Она занимает выдающееся, а в некотором отношении даже первостепенное место между такими перлами поэтического творчества Шевченко, как «Княжна», «Ведьма», «Петрусь», «Сотник» и «Неофиты» («Шевченкова «Марія» — «Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка», Львов, т. СХІХ—СХХ, 1917, стр. 348).

Подражание Эдуарду Сове (Подражаніє Едуарду Сові). Впервые — «Основа», 1862, кн. II, стр. 2, под заглавием «Подражаніє польському поетові Антонію Сові». Русские переводы: И. Кондратьева — «Волна», 1885, № 3 («На память. Из Антония Сова»); И. А. Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 31, («Из Антония Сова. С малорусского перевода Т. Шевченко»). Антоний *Сова* — псевдоним польского поэта Эдварда Желиговского (1816—1864). За участие в тайном польском обществе, за литературные свои выступления он был в 1851 году выслан в Петрозаводск, а затем в Оренбург и в Уфу. В Оренбурге, через общих друзей, познакомился заочно с Шевченко и даже затеял перевод его произведений на польский язык. В 1857 году был возвращен из ссылки и поселился в Петербурге, где и познакомился с украинским поэтом лично, на следующий же день после приезда последнего, 28 марта 1858 года. 13 мая 1858 года он записал в Дневник Шевченко стихотворение «Брату Тарасу Шевченко» («Do brata Tarasa Szewczenki»), являющееся переделкой одного из стихотворений вышедшей незадолго перед тем книги его стихов («Poezye Antoniego Sowu», СПб., 1857, стр. 165). Встречи обоих поэтов продолжались и позднее; во время одной из этих встреч польскому поэту и было подарено настоящее стихотворение. При этом Шевченко к литературному псевдониму Желиговского (Сова) присоединил подлинное его имя. В течение многих лет стихотворение считалось подражанием Антонию Сове. В действительности образцом для «Подражания» явилось стихотворение другого польского поэта, Яна Чечота, близкого товарища Мицкевича, проведшего более двадцати лет в оренбургской ссылке, где он и умер (1847). Приехав в Оренбург, Шевченко застал еще свежие воспоминания о нем. Эти воспоминания побудили Шевченко спустя одиннадцать лет, по возвращении в Петербург, познакомиться (или наново перечитать) со сборником стихотворений Чечота «Веснянки с Немана, Днепра и Днестра» («Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra», Вильно, 1845), в котором он нашел заинтересовавшую его песню (№ LXXIV).

Подражание Иезекиилю. Глава 19 (Подражаніє Іезекілю. Глава 19). Впервые — «Записки Наукового товариства ім.

Т. Шевченка», Львов, 1901, кн. I, стр. 1—2. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. *Иезекииль* — мифический библейский пророк.

«Девушка, мила, красива» («Дівча любе, чернобриве»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 640. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911.

«Ой ты, темная дуброва!» («Ой, діброво, темный гаю»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 640. В «Большую» книжку стихотворение, вместе с предыдущим, вписано посторонней рукой; оба стихотворения, написанные в один день, обозначены римскими цифрами: I, II. В тексте рукою Шевченко сделаны поправки. Русские переводы: Пр. Б. — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900; И. Мордвинова — «Зорька», 1909, № 4, стр. 29 («Лесной отец»). Стихотворение является переделкой стихотворения Я. Чечота «О дąbrowo, дąbroweczko» (см. цит. соч., № LXII), которое, в свою очередь, является переделкою западноукраинской народной песни «О, дуброво та дубровонько!»

Подражание сербскому (Подражаніє сербському). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 641. Текст сербской народной песни, подражанием которой является данное стихотворение, до сих пор не установлен. Не установлен также источник знакомства с нею Шевченко.

Молитва (Молитва). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 239—240. Русский перевод Николая Ашукина — «Запретный Кобзарь, в переводах, собрал И. А. Белоусов», М., 1918, стр. 70—72. Четыре «молитвы», написанные на протяжении недели, являются, собственно, вариациями на одну тему — о праве трудящегося народа на все земные блага, которые несправедно присвоены сильными мира во главе с «царями, всесветными шинкарями». Не приходится сомневаться, что «молитвы» эти сочинялись поэтом для задуманного им «Букваря», который должен был явиться первой книжкой для народа в целом ряду задуманных Шевченко. Об этом своем замысле поэт писал одному из киевских знакомых, М. К. Чалому: «Думаю вслед за Букварем напечатать арифметику — такого же размера и в ту же цену, что и Букварь. За арифметикой — этнографию и географию в 5 копеек; а историю, только нашу, может быть уложу в 10 копеек. Если бы бог помог сделать это малое дело, то большое само бы сделалось» (4 января 1861 года). Просветительство Шевченко теснейшим образом связывалось с революционной пропагандой, задуманная им серия книг для народа должна была не только знакомить крестьян с элементами грамотности и образования, но также способствовать упрочению в народе политического и социального сознания. Цензурные строгости не позволили выполнить намеченную программу в сколько-нибудь обстоятельном виде: вышедший в свет «Букварь» из произведений поэта содержал один только «псалом» (132).

«В былые дни, во время оно» («Колись то ще, во время оно»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 642. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906. *Нума Помпилий* — легендарный римский царь; с его именем связывались «справедливые» законы, упорядочение религиозных обрядов и т. д. Посвящая стихотворение Нуме Помпилию, Шевченко совершенно очевидно имел в виду Александра II, которого консервативно-либеральная общественность прославляла как «тишайшего, кроткого государя», пекущегося о благе подданных и сочиняющего для них благие законы (пресловутые «реформы»).

Плач Ярославны (Плач Ярославни). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 643—645. Переведенные Шевченко два отрывка из «Слова о полку Игореве» и ряд черновых набросков фиксируют осуществление давнего творческого замысла поэта. Еще в 1854 году (14 апреля) он писал А. О. Козачковскому: «Давно бродит у меня в голове мысль перевести на наш прекрасный украинский язык «Слово о полку Игореве». Да нет у меня перевода, а подлинника прочесть не сумею». И дальше, прося своего корреспондента добыть ему в какой-нибудь библиотеке и прислать на время экземпляр «Слова»: «Вонми гласу моления моего, друже мой единственный, пришли мне текст «Слова о полку Игореве», не то на твоей душе будет грех, если не будет оно, это «Слово», переведено на наш задушевный, прекрасный язык» (перевод с украинского). С аналогичной просьбой тогда же Шевченко обращался также к О. М. Болянскому (письмо 1 мая 1854 года). Задуманный перевод «Слова» не был осуществлен поэтом в ссылке; к этому замыслу он возвратился уже в Петербурге. Готовясь к переводу, Шевченко проделал громадную и упорную работу, борясь с существовавшими тенденциями заменить перевод знаменитого памятника приблизительным подражанием оригиналу. Сохранившиеся черновые наброски убедительно показывают стремление переводчика к наибольшей сжатости, точности и, вместе с тем, выразительности своего текста. В частности, переведя «Плач Ярославны» 4 июня 1860 года, поэт снова возвращается к нему 14 сентября и набрасывает новый вариант, оставшийся, однако, незаключенным.

«От рассвета до вечера» («З передсвіта до вечора»). Впервые — «Кобзарь» 1867 года, стр. 644—645.

Шевченко переводит здесь отрывок из «Слова о полку Игореве», известный под условным названием «Битва на реке Каяле». В бумагах поэта сохранился также черновой набросок еще одного эпизода «Слова», точнее — самого его начала:

Поле даже тут крикнуло,
Зарыдало, потряслось,
Тоску-печаль, неволю злую
На Русь святую принесло.

(Перевод Н. Ушакова)

«Умре муж велий в власяниці» («Умре муж велий в власяниці»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 241.

Стихотворение написано по поводу смерти митрополита петербургского Григория (Постникова, 1784—17 июня 1860), реакционность и мракобесие которого доходили до анекдота. В мае 1858 года он обратил внимание петербургского генерал-губернатора Игнатьева на картинку мод, разосланную при № 19 журнала «Сын отечества». Там была изображена женщина в платье, отделанном крестообразной вышивкой. Митрополит требовал воспретить портнихам «устройство означенных платьев и принять другие меры, чтобы платья эти не были в употреблении». Игнатьев ответил, что ничего сделать не может, но успокоил своего корреспондента тем, что крестообразные вышивки можно понимать как знаки умножения. Эта переписка попала в руки Герцена и была им опубликована в «Колоколе», 1858, лл. 23—24, с издевательской припиской, в которой, между прочим, говорилось: «Высокопреосвященный владыка, разоблача по картинке женщину, волосы плетущую и драгие ткани носящую, совлек с нее одежду соблазнительную, несмотря на то, что она лицемерно якобы отженяется знаменем креста от похоти греховной. Газетоборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнания гонителю, моли бога о нас» (А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. IX, Пгр., 1919, стр. 344). Сопоставление заметки Герцена со стихотворением Шевченко с полной убедительностью свидетельствует, что поэт воспользовался материалом «Колокола» как для характеристики Григория, так и в стилистическом оформлении стихотворения. Одновременно Шевченко разоблачает в своем стихотворении реакционные силы, поддерживавшие «почившего» митрополита: мракобеса В. И. Аскоченского, славянофила А. С. Хомякова, славянофильский журнал «Русская беседа». Аскоченский Виктор Ипатьевич (1813—1879) — реакционнейший журналист, издатель журнала «Домашняя беседа». Шевченко познакомился с Аскоченским в Киеве, в 1846 году, встречались они также в Петербурге, по возвращении поэта из ссылки. По признанию самого Аскоченского, Шевченко не скрывал своей к нему резкой антипатии, неизменно издеваясь над мракобесием его общественных убеждений. Хомяков А. С. (1804—1860) — воинствующий славянофил и православный мистик. «Русская беседа» — славянофильский журнал, выходивший в Москве в 1856—1860 годы. В марте 1858 года, во время проезда Шевченко из Нижнего-Новгорода в Петербург, руководители «Русской беседы» настойчиво старались привлечь его к активному участию в журнале, используя добрые его отношения к С. Т. Аксакову, М. А. Максимовичу. Однако Шевченко очень быстро разгадал реакционный характер журнала и от сотрудничества в нем отказался.

Гимн черниц (Гімн чернечий). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 211. Русские переводы: И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь, в переводах. Собрал И. А. Белоусов», М., 1918, стр. 72—73; Ф. Сологуба — «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л., 1934, стр. 288. Стихотворение, повидимому, связано с предыдущим и подсказано либо личными случайными впечатлениями Шевченко от похорон митрополита Григория, либо газетными сообщениями о похоронах.

«Над днепровскою водою» («Над Дніпровною сагою»). Впервые — «Основа», 1861, кн. X, стр. 2. Русский перевод М. Славинского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 243.

«Играли вместе, подростки» («Росли укупочці, зросли»). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 1. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900, стр. 45.

«Свете тихий! Свете ясный!» (Світе тихий! Світе ясный!). Впервые — в кн. Ол. Партицького «Провідні ідеї в письмах Тараса Шевченка» («Руководящие идеи в произведениях Тараса Шевченко»), Львов, 1872, стр. 29. В 1873 году напечатано в львовском журнале «Правда» № 16, как окончание отрывка из поэмы «Иван Гус» («Єретик»). Начиная с 1876 года, входит в издания произведений Шевченко как самостоятельное стихотворение. Русский перевод А. П. Колтоновского — «Кобзарь. Избранные стихотворения», ГИХЛ, 1933, стр. 162. *Печь топить святыми* — т. е. иконами.

Ликерни (Ликері). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 1—2. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь в переводе И. А. Белоусова», М., 1911. *Ликера* (Гликерия Полусмакова) — крепостная девушка, служанка знакомых Шевченко. Макаровых. К ней посватался поэт, вызвав этим сильное возмущение своих знакомых помещиков, всяческих «доброжелателей», которые приложили много усилий, чтобы расстроить сватовство и уже назначенную было свадьбу. Подзаголовок стихотворения «На память 5 августа 1860 г.» объясняется воспоминаниями Н. Кибальчич, в семье которой была поселена невеста поэта, когда ее хозяева выехали за границу. «Однажды он <Шевченко> написал матери, прося ее отпустить с ним Лукерью в город за покупками. Мать отказала... Тогда Шевченко приехал сам и лично стал просить мать об этом. Она и тут ему категорически отказала. Он рассердился и иронически спросил: «А якби ми повинчани були, то пустили б?» — «Конечно, — возразила мать, — какое бы я тогда имела право удерживать ее...» Страшно рассерженный Шевченко присел тут же к столу и сразу, сгоряча, экспромтом набросал известное стихотворение:

Моя ти любо, мій ти друже!
Не ймуть нам віри без хреста...

направленное против моей матери» («Киевская старина», 1890, № 2, стр. 178).

Н. Я. Макарову (Н. Я. Макарову). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 2. Русский перевод Н. А. Чмырева — «Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе Н. А. Чмырева». Николай Яковлевич *Макаров* (1828—1892) — состоятельный помещик, был близок к украинским литературным кругам 50—60-х годов, считал себя, в частности, «приятелем» Шевченко. Он принимал деятельное, хотя и закулисное участие в расстройстве свадьбы поэта с Ликерою, служившей у его брата. А. Я. Макарова. Дата 14 сентября, очевидно, отмечает день разрыва Шевченко с невестою.

«И Архимед и Галилей («І Архімед і Галілей»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 243. Русский перевод Ф. Сологуба — «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л., 1934.

Л. («Поставлю хату — не палаты»). (Л. «Поставлю хату і кімнату»). Впервые — «Основа», 1862, кн. V, стр. 3. Русский перевод М. Славинского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 244. Стихотворение написано под свежим впечатлением от разрыва с Ликерою, имя которой зашифровано и в заголовке.

«Нет, бога я не упрекаю» («Не нарікаю я на бога»). Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, стр. 3—4. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», М., 1900, стр. 44—45.

Саул (Саул). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 244—247. Русский перевод И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь, в переводах. Собрал И. А. Белоусов», М., 1918, стр. 73—76. Довольно близко пересказывая библейское повествование о первом израильском царе Сауле, Шевченко явно имеет в виду «неудобозабываемого Тормоза», Николая I. В этом поэт следует традициям революционно-демократической публицистики, в частности Герцену. Ср., например, упоминание о «нашем Сауле», который «совсем сошел с ума после 1848» — в «Былом и думах» (ч. VI, гл. IV; А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIV, Пгр., 1920, стр. 457—458).

«И молодость моя минула» («Минули літа молодії»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VIII, стр. 1—2. Русский перевод Н. Пушкирева — «Московское обозрение», 1877, № 14, стр. 322.

«Титаривна - Немиривна» («Титарівна-Немирівна»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VIII, стр. 2. *Титаривна* — дочь ктitora, церковного старосты.

«Хотя лежачего не бьют» («Хоча лежачого й не б'ють»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 256. Русский перевод П. А. Тулуба — «Запретный Кобзарь, в переводах. Собрал И. А. Белоусов», М., 1918, стр. 76. Некоторые комментаторы высказывали предположение, что в стихотворении этом имеется в виду Екатерина II, что написано оно было в мастерской скульптора М. О. Микешина, работавшего в это время над известным памятником Тысячелетия России в Новгороде. Однако самая дата стихотворения подсказывает иную его расшифровку: утром 20 октября 1860 года умерла «вдовствующая императрица» Александра Федоровна, вдова Николая I, мать Александра II.

«Нигде ни в чем отрады нету» («І тут, і всюди — скрізь погано»). Впервые — «Основа», 1861, кн. V, стр. 2, без последних трех строк. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Миз-

кс> — «Дон», 1870, № 17, 5 марта; И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 351.

«О люди, бедные, слепые!» («О люди! люди небораки!»). Впервые — «Основа», 1861, кн. V, стр. 2—3. Из цензурных соображений редакция журнала совершенно обкорнала стихотворение: выброшенными оказались строки 1—4, 19—20, а строка 23 была «отредактирована», — вместо: «Царям, царятам на землі» было напечатано: «Усім неправдам на землі». Русский перевод (без первых четырех строк) М. Славинского — «Кобзарь», СПб., 1911, стр. 245—246. Стихотворение написано по поводу похорон императрицы Александры Федоровны (см. выше, примечание к стихотворению «Хотя лежачего не бьют»). Она считалась почетающей приютов и воспитательных домов, отсюда — ироническая характеристика ее как «матери» «ненакормленных и голых сироток», которых в ненастье гонят «последний долг отдать» своей «покровительнице».

«Вот если мне бы все же хлеба» (Якби з ким сісти хліба з'їсти). Впервые — «Основа», 1861, кн. VI, стр. 4. Русский перевод Ф. Гаврилова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», изд. Общества любителей российской словесности. М., 1911.

«И день идет, и ночь идет» («І день іде, і ніч іде»). Впервые — «Основа», 1861, кн. V, стр. 3. Русские переводы: Анатолия Икарского <Н. Д. Мизко> — «Дон», 1870, № 17, 5 сентября; С. Ш<ашкова> — «Дело», 1876, № 4, отд. II, стр. 154; Илько — «Русское богатство», 1882, № 3, стр. 95 («Мотивы из Шевченко. I»). Это стихотворение упомянул Горький в своих капризных лекциях по истории русской литературы, заметив, что «Шевченко — все знал или, по крайней мере, все чувствовал: он, взглянув на жизнь народа оком поэта провидца, вскрикнул: «І день іде» и т. д.» (М. Горький. История русской литературы, М., 1939, стр. 188).

«Течет вода от явора» («Тече вода з-під явора»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VI, стр. 48. Русский перевод И. А. Белоусова — «Из Кобзаря Т. Г. Шевченко и Украинские мотивы», Киев, 1887, стр. 25—26.

«Однажды над Невой иду» («Якось-то йдучи уночі»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 259. Русский перевод П. А. Тулуба — «Вестник Европы», 1907, № 11, стр. 122. *То фонари горят возле апостольского храма* — т. е. у ворот Петропавловской крепости, неподалеку от собора в честь апостолов Петра и Павла.

«Сраженья были, распри — все бывало» («Бували воїни й військові свари»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 259—260. Русский перевод Ф. Сологуба — «Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба», Л., 1934, стр. 302. *Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи* — Шевченко перечисляет фамилии богатейших украинских помещиков-магнатов, огрэмные богатства которых были созданы жестоким угнетением народа на протяжении мно-

гих десятилетий. Род Кочубеев генеалогия выводила из Орды: поэтоу Шевченко называет их «Ногаями», имея в виду ногайских татар.

Н. Т. («Великомученица дева!») (Н. Т. «Великомученице кумо!»). Впервые — «Кобзарь» 1876 года, т. II, стр. 260—261. Русский перевод И. А. Белоусова — «Запретный Кобзарь», М., 1918. Стихотворение обращено к Н. В. Тарновской, сестре богатого черниговского помещика и буржуазного общественного деятеля В. В. Тарновского. В их имении Потоки поэт бывал еще до ссылки (впервые в 1845 году). По сообщению современника, Шевченко с Н. В. Тарновской «крестил ребенка у дьяка и всегда ее потом называл «дорогая кумася» («Киевская старина», 1897, № 2, документы, стр. 31—32). Знакомство возобновилось после возвращения поэта из ссылки в Петербург, где проживало зимами семейство Тарновских.

«Сошлись, слюбились, обвенчались» («Зійшлись, побрались, поєднались»). Впервые — «Основа», 1861, кн. VIII, стр. 1—2. Русский перевод П. А. Тулуба — «Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 89—90. Стихотворение это — последнее, переписанное на чисто поэтом в «Большую» книжку. На следующей странице он синим карандашом написал «1861», однако более ни одного стихотворения вписать не успел.

«Кума моя и я» («Кума моя і я»). Впервые — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», Львов, 1913, кн. III, стр. 176. Сохранился лишь черновой набросок стихотворения, карандашом на листке почтовой бумаги; стихотворение имеет, очевидно, незавершенный вид. Посвящено оно Н. В. Тарновской (см. выше, примечание к стихотворению «Н. Т.»). *Заглянем <...> в пирамиду* — т. е. в Петропавловский собор, где погребались российские императоры, начиная с Петра I, подобно тому как в пирамидах погребались египетские фараоны. *Рванул Бортнянского* — имеется в виду один из духовных концертов композитора Д. С. Бортнянского (1751—1826).

«Так не пора ли понемногу» («Чи не покинуть нам, небогу»). Впервые — «Основа», 1861, кн. V, стр. 3—5. Русский перевод И. А. Белоусова — «Кобзарь. В переводе русских писателей», СПб., 1906, стр. 354—356. В «Основе» стихотворение сопровождалось следующей припиской: «Это стихотворение (вероятно, «К Музе»), кажется, последнее поэтическое слово нашего вечнопамятного Тараса. На подлиннике под первой его половиной (после стиха: «Славою святою») стоит «14 февраля»; под второй половиной дата не обозначена». Автограф стихотворения в настоящее время утрачен.

ПОЭМЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слепая. Впервые — «Киевская старина», 1886, № 6, стр. 310—338. Первые сведения о поэме узнаем из письма поэта к Г. Ф. Квитке, 8 декабря 1841 года. Сообщая корреспонденту о своих литературных (драматургических в частности) планах, Шевченко писал: «Я еще

одну драму сочиняю — будет называться Слепая красавица. Не знаю, что из нее выйдет: боюсь, чтоб не сказали русские критики mauvais sujet, потому что она, видите ли, из украинского простого быта» (перевод с украинского). Над заинтересовавшим его замыслом Шевченко работал в продолжение нескольких месяцев и, в конце концов, вместо драмы, написал поэму «Слепая» на русском языке. 30 августа 1842 года он извещал Я. Г. Кухаренко о том, что закончил переписывать набело свою поэму, хотя остался ею не совсем удовлетворенным. При жизни поэта «Слепая» опубликована не была. После смерти Шевченко рукопись поэмы, вместе с рукописями ряда других его произведений, попала «на сохранение» к Н. И. Костомарову и пролежала под спудом еще 25 лет. Только после смерти Костомарова поэма увидела свет вместе с другими произведениями Шевченко, написанными на русском языке.

Т р и з н а. Впервые — «Маяк», 1844, т. XIV, отд. «Стихотворения», стр. 17—30 (под заглавием «Бесталанный»). Тогда же появилась отдельным изданием «Тризна», СПб., 1844 (цензурное разрешение 3 апреля 1844 года), с посвящением В. Н. Репниной, «на память 9-го ноября 1843 гсда». Поэма написана в октябре-ноябре 1843 года в именин Репниных. 9 ноября — дата первого ее чтения, о котором Репнина в одном современном документе рассказывала: «Шевченко начал; я была в таком расположении духа, что мне хотелось все находить дурным; но я снова была побеждена. О какой чудесный дар ему дан. Я не могла сдержать рыдания, Капнист молчал, Лиза тоже, Таня была почти растрогана, Глафира окаменела, у меня блестяли глаза, лицо горело. Капнист позвал к себе Шевченку, который остановился было предо мною, — и тут этот милый Капнист, который весь — сердце, начал расчленять и обсуждать поэму, хотел выказать себя холодным, рассудочным, положительным, но это ему не удалось. Шевченко отдал мне тетрадь, всю писанную его рукою, и сказал, что к этой рукописи принадлежит еще портрет автора, который он и вручит мне завтра» («Русские пропилен», т. 2, М., 1916, стр. 210). Появление поэмы в «Маяке» было вынужденной «взяткой» поэта одному из редакторов журнала, П. А. Корсакову, котсрый, как цензор, разрешил к печати и «Кобзарь», и «Гайдамаков», и «Гамалию», и «Чигиринский Кобзарь». Заслуживает внимания то, что в журнале Шевченко напечатал поэму с измененным заглавием и тотчас же поспешил выпустить ее отдельным изданием. Живое участие в распространении поэмы приняла В. Н. Репнина, а также О. М. Бодянский, сочувственно отозвавшийся о поэме.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Портрет Т. Г. Шевченко работы И. Н. Крамского, — *фрон-тиспис*.
2. Катерина — автоиллюстрация Т. Г. Шевченко к поэме «Катерина». *Между стр. 96 и 97.*
3. Пляска казаков — автоиллюстрация Т. Г. Шевченко к поэме «Гайдамаки». *Между стр. 176 и 177.*
4. Место, где была хата Т. Г. Шевченко. *Между стр. 192 и 193.*
5. Автограф стихотворения «Сон». *Стр. 227.*
6. Автограф стихотворения «Завещание». *Стр. 323.*
7. Обложка «Кобзаря» с автографом Т. Г. Шевченко. *Стр. 627.*

СОДЕРЖАНИЕ ¹

Т. Г. Шевченко. *Вступительная статья М. Полякова*

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Порченая. — <i>Перевод П. Антокольского</i>	61	754
«Ветер буйный, ветер буйный». — <i>Перевод Л. Длигача</i>	67	754
На вечную память Котляревскому. — <i>Перевод Н. Брауна</i>	69	754
«Течет вода в сине море». — <i>Перевод Н. Брауна</i>	73	755
Думка («Тяжко, тяжко жить на свете»). — <i>Перевод А. Твардовского</i>	74	755
«Думы мои, думы мои». — <i>Перевод А. Суркова</i>	76	755
Перебендя. — <i>Перевод П. Карабана</i>	80	755
Катерина. — <i>Перевод М. Исаковского</i>	83	756
Тополь. — <i>Перевод А. Твардовского</i>	102	756
Думка («На что черные мне брови»). — <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	109	756
К Основьяненко. — <i>Перевод Н. Брауна</i>	111	757
Иван Подкова. — <i>Перевод М. Михайлова</i>	114	757
Тарасова ночь. — <i>Перевод Б. Турганова</i>	117	758
Н. Маркевичу. — <i>Перевод Т. Волгиной</i>	122	758
На память Штернбергу. — <i>Перевод С. Олендера</i>	124	759
Гайдамаки. — <i>Перевод А. Твардовского</i>	125	759
«Ветер веет, поведает». — <i>Перевод Н. Асеева</i>	193	763
Марьяна-черница. — <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	194	763
Утопленница. — <i>Перевод М. Зенкевича</i>	205	764
Гамалия. — <i>Перевод Н. Асеева</i>	211	764
Сова. — <i>Перевод А. Твардовского</i>	217	765
Девичьи ночи. — <i>Перевод Н. Ушакова</i>	224	765
Сон («У всякого своя доля»). — <i>Перевод В. Державина</i>	226	765
«В воскресенье не гуляла». — <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	242	767

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

«Что же мне так тяжело?».— Перевод Е. Благиной . . .	245 767
«Зачаруй меня, волшебник». — Перевод П. Семькина . . .	246 767
Гоголю. — Перевод Л. Длигача . . .	247 767
«Не завидуй богатому». — Перевод Е. Нежинцева . . .	248 768
«Не женись ты на богатой». — Перевод В. Инбер . . .	249 768
Еретик. — Перевод П. Карабана . . .	250 768
Слепой. — Перевод Н. Асеева . . .	260 770
Работница. — Перевод Т. Волгиной . . .	279 771
Кавказ. — Перевод П. Антокольского . . .	294 772
И мертвым и живым, и нерожденным землякам моим. — Перевод В. Державина . . .	299 773
Холодный Яр. — Перевод А. Дейча . . .	306 773
Давидовы псалмы. — Перевод В. Россельса . . .	309 774
Маленькой Марьяне. — Перевод В. Звягинцевой . . .	317 774
«Проходят дни, проходят ночи». — Перевод Н. Ушакова . . .	318 774
Три гола. — Перевод П. Панченко . . .	320 774
Завещание. — Перевод Н. Тихонова . . .	324 774
Лиляя. — Перевод М. Комиссаровой . . .	325 775
Русалка. — Перевод В. Инбер . . .	328 775
Ведьма. — Перевод П. Антокольского . . .	330 775
В каземате	
«Припомним, братия моя». — Перевод А. Чачикова . . .	344 775
I. «Ой, одна я, одна». — Перевод А. Колтоновского . . .	345 776
II. «Лес, овраг, буерак». — Перевод Е. Благиной . . .	345 776
III. «Мне безразлично, жить я буду». — Перевод А. Суркова . . .	346 776
IV. «—Останься с матерью! — сказали. — Перевод В. Луговского . . .	347 777
V. «Зачем ты ходишь на могилу?» — Перевод М. Ко- миссаровой . . .	348 777
VI. «Три широкие дорсги». — Перевод М. Исаковского . . .	349 777
VII. Н. Костомарову. — Перевод Г. Владимирского . . .	350 777
VIII. «Вишневый садик возле хаты». — Перевод Н. Уша- кова . . .	351 778
IX. «Рано встали, выступали». — Перевод Н. Ушакова . . .	352 778
X. «В неволе тяжело». — Перевод Л. Вышеславского . . .	352 778
XI. Косарь. — Перевод А. Суркова . . .	353 778
XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?» — Перевод Н. Па- нова . . .	354 778
«Не спится мне, а ночь — как море». — Перевод Л. Длигача . . .	355 779
«Думы мои, думы мои». — Перевод А. Суркова . . .	358 779
Княжна. — Перевод В. Гиппиуса . . .	359 779
NN. («Солнце заходит, горы чернеют»). — Перевод Г. Вла- димирского . . .	371 780
NN. («Тогда мне лет тринадцать было»). — Перевод А. Твар- довского . . .	372 780
«Не греет солнце на чужбине». — Перевод А. Безыменского . . .	374 780
Сон («Горы мои высокие!»). — Перевод А. Суркова . . .	375 780
Иржавец. — Перевод В. Державина . . .	380 781
NN. («О думы мои! О слава злая!»). — Перевод А. Чачикова . . .	383 782
«Когда мы были казаками». — Перевод Н. Брауна . . .	384 782
Чернец. — Перевод Н. Асеева . . .	386 782

«Один другого вопрошаем». — Перевод В. Луговского . . .	390 784
«Сам удивляюсь. Кто ответит». — Перевод Н. Ушакова . . .	391 784
«Ой, строчечку да к строчечке». — Перевод М. Фромана . . .	392 784
Платок. — Перевод М. Комиссаровой	393 784
А. О. Козачковскому. — Перевод Л. Вышеславского	396 784
Солдат в колодец. — Перевод А. Суркова	401 785
«Вот так и я теперь строчу». — Перевод А. Пеньковского	411 785
«А ну-ка вновь стихи писать!». — Перевод Н. Брауна	412 786
Варнак. — Перевод Н. Брауна	414 786
«Топор был за дверь у господ бога». — Перевод Н. Ушакова	419 786
«Ой, гляня да погляжу я». — Перевод Н. Сидоренко	422 786
«Не дай ты никому того же». — Перевод Н. Сидоренко	423 787
Цари. — Перевод А. Гатова	424 787
«Когда есть дом родной». — Перевод Л. Длигача	431 788
Дочь ктитора. — Перевод С. Липкина	432 788
«Ну что, казалось бы, слова». — Перевод Н. Сидоренко	439 789
«Как за подушным, правый боже». — Перевод Н. Ушакова	441 789
П. С. («Я вовсе не сержусь на злого»). — Перевод П. Панченко	442 789
Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе»). — Перевод В. Звягинцевой	444 789
«Когда бы встретились мы снова». — Перевод Н. Брауна	446 790
<Марина>. — Перевод В. Бугаевского	447 790
Пророк. — Перевод Н. Брауна	456 790
«На рожь несжатую в нсчи». — Перевод А. Суркова	457 790
«Меж скалами, подобно вору». — Перевод В. Цвелева	458 791
«И сонные волны, и небо уныло». — Перевод Н. Брауна	463 791
«И вырос я в краю чужом». — Перевод М. Комиссаровой	464 791
«Не для людей и не для славы». — Перевод Н. Ушакова	466 791
«На кургане возле роши». — Перевод Н. Ушакова	468 791
«Мне б сапожки, я бы тоже». — Перевод Н. Ушакова	470 791
«И богата я». — Перевод А. Прокофьева	471 791
«Повстречалася я». — Перевод В. Инбер	472 791
«Мать моя была богата» — Перевод В. Инбер	473 792
«Муженька я дорогого». — Перевод Н. Ушакова	475 792
«Ой, наточу товарища». — Перевод Г. Петникова	476 792
«По улице ветер веет». — Перевод В. Звягинцевой	477 792
«Присяду я на крыльчке». — Перевод В. Инбер	478 792
«Куковала кукушечка». — Перевод М. Комиссаровой	479 792
Швачка. — Перевод Л. Длигача	480 792
«Ой, не пьются мед и пиво» — Перевод Н. Ушакова	482 793
«На улице невесело». — Перевод Л. Елисеева	483 793
«Как у той у Катерины». — Перевод М. Комиссаровой	484 793
«Из-за роши солнце всходит». — Перевод Н. Ушакова	486 793
«Ой, пшшла я в овраг за водою». — Перевод Н. Ушакова	487 793
«Не так недруги твои». — Перевод Н. Ушакова	488 794
«Ой, баю-баю, качаю сына». — Перевод В. Звягинцевой	489 794
«Отчего ты почернело». — Перевод Н. Брауна	490 794
«Туман плывет долинами». — Перевод В. Инбер	491 794
«То пасхальное воскресенье». — Перевод А. Тарковского	492 794
«В лес-дуброву я ходила». — Перевод Н. Ушакова	495 794

«В воскресенье да ранехонько». — Перевод М. Комиссаровой	497 794
«То не тополь ветер буйный». — Перевод Н. Сидоренко	498 794
«Протоптала стежечку». — Перевод Е. Благиной	499 794
«И широкую долину». — Перевод Н. Брауна	500 795
«В стореде возле брода». — Перевод А. Суркова	501 795
«Кабы мне монисто, родная». — Перевод П. Панченко	502 795
«— Не хочу я обручаться». — Перевод И. Сельвинского	503 795
Чума. — Перевод М. Комиссаровой	505 795
«И снова мне не привезла». — Перевод Н. Брауна	507 796
«В неволе я один скучаю». — Перевод Л. Озерова	509 796
«— Мой отец старый умер». — Перевод В. Звягинцевой	510 796
«Из похода не вернулся». — Перевод Н. Брауна	511 796
«Во граде Вильно достославном». — Перевод В. Бугаевского	512 796
«Не домой спеша». — Перевод С. Олендера	515 796
«Как днем осенним чумаки». — Перевод Н. Брауна	517 797
<Сотник>. — Перевод Б. Турганова	518 797
«За солнцем облачко плывет». — Перевод Н. Брауна	532 797
«Не стану я печалиться». — Перевод М. Замаховской	533 797
«Зачем буду я жениться». — Перевод Н. Брауна	534 797
«Ой, серые кричат гуси». — Перевод А. Суркова	536 797
«— Если бы тебе досталось». — Перевод Д. Бродского	538 797
«И тернистый и колючий». — Перевод С. Гордеева	542 797
«Зашвела в долине». — Перевод Е. Нежинцева	544 798
«И в самых радостных краях». — Перевод А. Твардовского	546 798
«В светлый праздник на соломе». — Перевод М. Комиссаровой	549 798
«Бывало думаю, гуляю». — Перевод В. Бугаевского	550 798
«Бывает, иногда старик». — Перевод Н. Ушакова	552 798
«Не самому ль мне написать». — Перевод М. Матусовского	553 798
«Мы чванные, пустые люди». — Перевод А. Ойслендера	555 798
«И золотую и родную». — Перевод М. Зенкевича	557 798
«Мы некогда росли вдвоем». — Перевод Н. Брауна	558 798
«Готово! Парус распустили». — Перевод Н. Ушакова	560 799
«Мы осенью и впрямь похожи». — Перевод Л. Шпирта	561 799
«Считаю в ссылке дни и ночи». — Перевод Н. Ушакова	563 799
«Запели мы и разошлись». — Перевод Н. Брауна	565 799
«Не молилась мать за сына». — Перевод В. Звягинцевой	566 800
Петрусь. — Перевод М. Зенкевича	568 800
«Мне кажется — я сам не знаю». — Перевод Е. Долматовского	575 800
«Когда б вы знали, господа». — Перевод А. Глобы	577 801
«Бывает, в неволе мечтать начинаю». Перевод Л. Пеньковского	580 801
«И станом гибким и красую». — Перевод В. Инбер	584 801
«Огни горят, оркестр играет». — Перевод Н. Ушакова	586 801
«Неволя, или горе злое». — Перевод А. Ойслендера	587 802
«Какого дьявола я трачу». — Перевод Н. Сидоренко	589 802
«Все снится мне: вот под горою». — Перевод Т. Волиной	590 802
«Опять настало время злое!». — Перевод С. Олендера	591 802
Солдатов колодец. — Перевод Ф. Сологуба	592 802
Неофиты. — Перевод А. Островского	603 802
Юродивый. — Перевод А. Суркова	619 803
Доля. — Перевод М. Комиссаровой	622 805

Муза. — Перевод М. Рильского	623 805
Слава. — Перевод М. Голодного	625 805
Сон («На барщине пшеницу жала»). — Перевод М. Комиссаровой	626 805
«Я, чтоб не слгзнить, не хвораю». — Перевод Н. Ушакова	628 805
Подражание 11 псалму. — Перевод М. Голодного	629 806
Марку Вовчку. — Перевод И. Белоусова	631 806
Исайя. Глава 35. — Перевод П. Антокольского	632 806
НН. («Как ты, лилеею такую ж»). — Перевод Ф. Сологуба	634 807
Федору Ивановичу Черненку. — Перевод Б. Турганова	635 807
«Ой, мама, мама, как я страдаю!» — Перевод Н. Ушакова	636 807
Сестре. — Перевод В. Саянова	637 807
«Я, глупый, размышлял порою». — Перевод А. Ойслендера	638 807
«Во Иудее во дни оны». — Перевод Г. Владимирского	639 807
Мария. — Перевод Б. Пастернака	641 808
Подражание Эдуарду Сове. Перевод М. Фромана	660 808
Подражание Иезекиилю. Глава 19. — Перевод А. Безыменского	661 808
«Девушка, мила, красива». — Перевод В. Звягинцевой	663 809
«Ой ты, темная дуброва!» — Перевод В. Звягинцевой	664 809
Подражание сербскому. — Перевод И. Сельвинского	665 809
Молитва. — Перевод П. Карабана	666 809
«В былые дни, во время оно». — Перевод А. Миниха	669 810
Плач Ярославны. — Перевод М. Комиссаровой	670 810
«От рассвета до вечера». — Перевод М. Комиссаровой	673 810
«Умре муж велий в власянице». — Перевод Н. Сидоренко	675 810
Гимн черниц. — Перевод С. Вышеславцевой	676 811
«Над днепровскою водою». — Перевод Л. Вышеславского	677 812
«Играли вместе подросли». — Перевод Т. Волгиной	678 812
«Свете тихий! Свете ясный!» — Перевод С. Вышеславцевой	679 812
Ликерни. — Перевод М. Фромана	680 812
Н. Я. Макарову. — Перевод М. Фромана	681 812
«И Архимед и Галилей». — Перевод В. Бугаевского	682 813
Л. («Поставлю хату — не палаты»). — Перевод В. Звягинцевой	683 813
«Нет, бога я не упрекаю». — Перевод Л. Озерова	684 813
Саул. — Перевод Г. Владимирского	686 813
«И молодость моя минула». — Перевод В. Луговского	690 813
«Титаривна-Немиривна». — Перевод В. Инбер	691 813
«Хотя лежачего не бьют». — Перевод А. Суркова	692 813
«Нигде ни в чем отрады нету». — Перевод Н. Ушакова	693 813
«О люди, бедные, слепые!» — Перевод С. Вышеславцевой	694 814
«Вот если мне бы все же хлеба». — Перевод В. Инбер	695 814
«И день идет, и ночь идет». — Перевод С. Гордеева	696 814
«Течет вода от явора». — Перевод М. Комиссаровой	697 814
«Однажды над Невой иду». — Перевод Н. Брауна	698 814
«Сраженья были, распри — все бывало». — Перевод Л. Вышеславского	699 814
Н. Т. («Великомученица дева!»). — Перевод А. Безыменского	700 815
«Сошлись, слюбились, обвенчались». — Перевод В. Инбер	702 815
«Кума моя и я». — Перевод С. Олендрара	703 815
«Так не пора ли понемногу». — Перевод К. Симонова	704 815

ПОЭМЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слепая	709 815
Тризна	737 816

ПРИМЕЧАНИЯ

От редактора	753
Примечания	754
Список иллюстраций	817

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев*

Т. ШЕВЧЕНКО — СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор М. Поляков

Художник И. Серов

*Техн. редактор В. Комм. Корректоры Л. Саксаганская
и Д. Лившиц*

*Сдано в набор 27/IX 1954 г. Подписано в печать 20/XII 1954 г.
М 59822. 84×108_{1/2}. Печ. л. 52 (42.64). Уч.-изд. л. 4⁰,44.
Тираж 25 000. Зак. № 1152. Цена 21 р. 45 к.*

*Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. № 28.*

*Типография № 3 Ленгорполиграфиздата
Красная ул., д. № 1/3*

